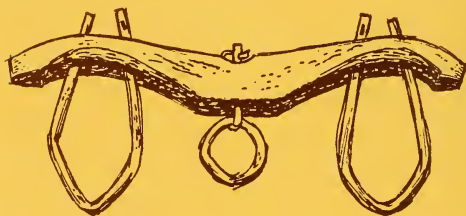

LINCOLN ROOM

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

presented by

973.7L63
H4M83FRU6

Digitized by the Internet Archive
in 2012 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign

ОНОРЭ МОРРОУ

ВОБОДНЫ НАВЕКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

ОНОРЭ МОРРОУ

СВОБОДНЫ НАВЕКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ИЗ ЖИЗНИ ЛИНКОЛЬНА

Перевод с английского Александра Браиловского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1955

HONORÉ WILLSIE MORROW
FOREVER FREE

Copyright, 1955, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Translated from the English by ALEXANDER BRAILOVSKY

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Американская писательница Онорэ Морроу больше всего известна своими историческими романами. Ее трилогия «Великий Капитан» была результатом десятилетнего труда над историческими материалами о Линкольне. Предлагаемый вниманию русского читателя роман «Свободны навеки» является первой частью этой трилогии. Роман этот вышел в 1927 году и сразу же привлек внимание читателей и критиков.

Онорэ Морроу родилась в Соединенных Штатах в небольшом городке Оттумва в западном штате Айова. По окончании Висконсинского университета Онорэ Морроу целиком посвятила себя литературной деятельности. Ее рассказы из жизни американского Запада открыли ей доступ в такие известные журналы, как "Collier's" и "Weekly".

С 1914 года в течение пяти лет Онорэ Морроу была редактором популярного женского журнала "Delineator", писала статьи и издала несколько романов.

Последние годы своей жизни писательница провела в Англии. В 1940 году, вернувшись в Америку, чтобы навестить сестру, она скончалась от инфлюэнцы в г. Нью-Хейвне шт. Коннектикут.

Г л а в а п е р в а я

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЛИНКОЛЬНОВ

В прекрасный мартовский полдень 1861 года, по окончании торжественного акта по поводу вступления Линкольна на пост президента, семья Линкольнов переезжала из гостиницы Вилларда в Белый Дом.

Толпа, глазевшая на переезд, была охвачена не только обычным любопытством, какое вызывает всякий шаг нового главы правительства. В толпе этой было не мало людей, которые в другое время сочли бы такое любопытство ниже своего достоинства. К числу таких людей принадлежала хозяйка дома на Девятой улице близ улицы Ф.

В этот день у нее обедали несколько друзей.

Это был привлекательный дом. Гости проходили через небольшую галерею, какие бывают в Джорджии, и через увешанный флагами зал в гостиную, — тоже небольшую, но прекрасно обставленную. В камине английского стиля тлели угли. Мраморную полку над камином украшала коллекция дрезденских фарфоровых кукол, — пастушков и пастушек, пасущих своих сказочных овец у больших мраморных часов под стеклянным колпаком. Чиппендальская мебель, серо-зеленый брюссельский ковер, расшитый розами, вышитые салфеточки, на спинках кресел, коврики также с ручной вышивкой, оконные драпри из зеленого бархата, — всё это создавало изящный фон для молодой хозяйки дома, стоявшей перед камином.

Это была очень высокая женщина лет двадцати восьми, — статная и красивая. Уши ее покрывали завитки каштановых волос, фиалковые сияющие глаза казались незабываемо глубокими. Одета она была в зеленое шелковое платье с огромным кринолином, с очень низким вырезом, обнаруживавшим ослепительную белизну плечей и груди. Разговаривая, она то раскрывала, то складывала маленький веер из сандалового дерева.

Уже отобедали, и трое присутствующих вернулись в гостиную. Разговор зашел о том, что привлекло толпу к гостинице Вилларда.

— Меня одолело любопытство, — сказала хозяйка, — и я затесалась в толпу, — надо сказать дурно пахнущую, — чтобы взглянуть на новую королеву и других августейших лиц...

— Ну, не так уж дурно пахнущую, как можно понять из ваших слов, дорогая, — с улыбкой сказал человек, стоявший у стола посреди комнаты, задумчиво вращая наполовину наполненную рюмочку с ликером.

Это был высокий человек — выше молодой хозяйки дома, худощавый и белокурый, с гладко выбритым лицом орлиного профиля.

— Я сам там был, и видел мистера Ресселя, корреспондента лондонского «Таймса», и Турлоу Вида, и миссис Имс, и миссис Гринхоу.

— Там было сколько угодно южанок, — воскликнула мисс Форд. — А миссис Гринхоу пришла должно быть в надежде, что королеву убьют на ее глазах.

Третий из присутствующих — он мог бы по возрасту сойти за отца двух прочих, — человек с седой бородой, одетый настолько безукоризненно, что это придавало еще больше достоинства его осанке, — поклонился хозяйке.

— Прошу прощенья, мисс Форд... Мои седины дают мне право просить вас присесть... Это позволит

и мне поддаться искушению усесться вот в этом кресле. Я страшно устал.

— О, я совершенно об этом забыла, мой дорогой судья, — воскликнула мисс Форд, усаживаясь на отоманку близ стола... Она облокотилась на полированную поверхность красного дерева. Свет лампы падал на ее белоснежную кожу. — Разумеется, вы должны были устать после такого долгого путешествия.

Судья уселся в мягком кресле.

— Усталость моя отчасти объясняется тем, что мне пришлось стоять в этой же самой вульгарной толпе, чтобы взглянуть на миссис Линкольн, — сказал он со вздохом. — Лицо ее хитрее, чем можно было бы подозревать, судя по тому, что я слышал. Женщина неглупая, хотя и дурно воспитанная.

— Обыкновенная сварливая бабенка, — задумчиво сказала мисс Форд. — Она совершенно подчинила себе Линкольна. Что за чудовищный человек!

— Это к нему подходит, — воскликнул Тэйлор, все еще стоявший с рюмкой ликера в руке. — Сьюард должен был бы поручить ему колоть дрова для камина в зале заседаний кабинета. Насколько я знаю, это главная его квалификация для права занимать такой пост.

— Думаю, что Сьюард на это и рассчитывает, — сказал судья. — Как я слышал, миссис Линкольн родом из Кентукки и сочувствует рабовладению. И еще, как я слышал, ей хочется играть роль в обществе, но она не имеет ни малейшего понятия о том, как следует вести себя там.

— Но тогда, если она совершенно подчинила себе Линкольна, то... — Мисс Форд помолчала. — Судья Кэмпбелл, — снова заговорила она внезапно, — чего вы от меня хотите? Что могу я сделать? Должно быть назревает что-то очень серьезное, иначе вы не уделяли бы мне столько времени, хотя вы и старый друг.

— Я прихожу к вам от друга, столь же давнишнего. — Судья наклонился вперед и пристально на нее посмотрел. — Я прихожу к вам от самого президента Конфедерации, — от Джефферсона Дэвиса! Он обращается к вам за помощью. И он верит, что вы ему в ней не откажете.

— Он — лучший друг моего отца, — воскликнула мисс Форд. — Мне было бы трудно отказать ему в чем бы то ни было.

— Том, закройте двери, — распорядился судья Кэмпбелл. — Вы увидите сейчас, как доверяет вам Конфедерация. Сядьте, пожалуйста, рядом с мисс Форд, Том. Ваша непоседливость меня отвлекает.

Судья помолчал. Потом он аккуратно скрестил кончики пальцев, пристально посмотрел на обоих, и, наконец, сказал:

— Временное правительство Конфедерации хотело бы избежать войны. Оно предпочло бы упрочить Конфедерацию путем переговоров с Конгрессом, если только это возможно. С этой целью президент Дэвис посылает в Вашингтон трех комиссаров. Им поручено выяснить настроения администрации Линкольна. Один из этих комиссаров — я. Мы работаем по возможности в полной тайне.

Внезапно заговорил Тэйлор.

— Сэр, переговоры ли вы с этими горячими головами в Ричмонде и Чарльстоне? Вряд ли! Иначе вы бы увидели, что у них уже все поставлено на военную ногу. Да что говорить, — губернатор Южной Каролины, Пикенс, настаивает, чтобы Борегар атаковал форт Сомтер теперь же!

Судья поднял руку.

— Знаю, знаю. Но это не самый лучший представитель Юга. Мы не хотим войны. Мы хотим отложиться мирно, без военной диктатуры. Сейчас, насколько я понимаю положение, новый государственный секретарь Вильям Сьюард — фактический глава правительства. Он тоже высказывается за мир. Но

мы не знаем, чего хочет Линкольн. Если верить слухам, что он в подчинении у Сьюарда и у своей собственной жены, нам придется иметь дело не с президентом, а с ними.

— Не вполне, — прервала мисс Форд. — Если Линкольн и вправду такой слабый человек, — то что помешает Чарльзу Сомнеру и аболиционистам подчинить его своей воле... или, что помешает комиссарам его использовать?

— Именно, — согласился Кэмпбелл. — Вы как раз попали в самую точку с вашей обычной пронизательностью, мисс Форд. Линкольн подчинится партии, представители которой подойдут к нему ближе других. Если умело на него воздействовать, он может сильно помочь делу формального признания Конфедерации.

Тэйлор улыбнулся.

— Но воздействовать на него надо как можно скорее, — пока не будет захвачен форт Сомтер.

— Что из того, если форт Сомтер и будет взят, сэр? — с некоторым раздражением спросил судья Кэмпбелл. — Север бездействовал, когда целых семь штатов примкнули к Конфедерации. А потеря одного какого-нибудь форта уже наверно не выведет его из самодовольного бездействия.

— Сегодня в своей речи, — сказал Тэйлор, — Линкольн заявил, что он намерен придерживаться того, что оставил ему Бьюкенен. Если он сказал это всерьез, то потеря форта Сомтер или Чарльстонской гавани может его не на шутку рассердить.

— Да знаете ли вы кого-нибудь, кто понимал бы этого неуклюжего долговязого простофилю? — вскричала мисс Форд. — Все знают, что инаугурационную речь написал ему Сьюард, а Сьюард — политический флюгер.

— Кажется, Линкольна не знает никто, — сказал судья Кэмпбелл. — Я хочу сказать, что его не знает никто из видных общественных деятелей. Но, —

если только я правильно понял хитрую физиономию миссис Линкольн, она-то хорошо знает своего супруга. И тут мы, мисс Форд, как раз подошли к тому, в чем вы можете нам помочь.

— Я? — спросила молодая женщина, и ее лицо зажглось любопытством. — Но почему именно я?.. И как?

— Первое имя, которое упомянул президент Дэвис, было ваше, — сказал Кэмпбелл. — Мы три часа перебирали разные имена, и он снова возвратился к вашему. Ваш светский опыт, ваш такт, ваш незаурядный ум, а главное то, что президенту известно, как вы и ваш батюшка преданы делу рабовладения, — вот качества, к которым президент снова и снова возвращался. Простите мне некоторое проявление дурного вкуса, но и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке хорошо известно, что ваш батюшка потерял за время нынешнего финансового кризиса крупные деньги.

Мисс Форд улыбнулась.

— У нас есть еще на что существовать. Но папа проводит все время на плантации, и этот дом мы заprem.

— Прекрасно, — вскричал судья. — Дорогая мисс Форд, позвольте упомянуть, что финансовое положение ваше таково, что вам придется искать денежной помощи. Найдите кого-нибудь, кто рекомендовал бы вас Линкольнам, и постарайтесь получить должность в качестве компаньонки миссис Линкольн, — или гувернантки двух ее мальчиков... А там вы дадите нам знать, как воздействовать на Линкольна...

Мисс Форд густо покраснела.

— Вы хотите, чтобы Форд из Вирджинии зарабатывала себе на жизнь?

— Хуже того, — сказал очень серьезно судья Кэмпбелл. — Я предлагаю вам зарабатывать себе на жизнь на службе у семьи, отвратительной для вас и в политическом, и в светском отношении, — для вас, как и для всякой другой леди с Юга. Но, мисс Форд,

от личности этого дикаря, этого дровосека, зависит будущее Конфедерации! Мы должны его знать. Если вы поможете нам его узнать, вы выполните задачу, по важности не уступающую какой бы то ни было другой, выполняемой во имя священных для нас учреждений.

— Стать шпионкой! — воскликнула вирджинка. — Мне — стать шпионкой!

— Леди... — Тэйлор, весь бледный, наклонился к мисс Форд. — Леди, не делайте этого, умоляю вас!..

— Что вы хотите сказать, сэр! — вскричал Кэмпбелл. — Вы изменяете нашему делу?..

— Нет, судья Кэмпбелл, — возразил Тэйлор. — Но мисс Форд и я — мы выросли на соседних плантациях. В моих глазах она олицетворяет всю прелесть, все великолепие благородной женственности. И для меня невыносима мысль...

— Сэр, — громовым голосом сказал Кэмпбелл, — если бы в настоящий момент позволительно было думать о вопросах личной чести, — разве я снизошел бы до того, чтобы предоставить мой высокий престиж в федеральных судах делу Конфедерации? Знайте, сэр, что преданность моя нашим учреждениям и правам такова, что...

— Одну минуту, судья, — прервала его мисс Форд. — Боюсь, что я несколько хладнокровна. Если я на это соглашусь, то только по единственной причине. Я убеждена, что учреждению рабовладения угрожает серьезная опасность. Я хочу владеть моими рабами и хочу сохранить всё, что рабовладение дает Югу. Если я соглашусь взять на себя эту ужасную работу, я сделаю это без всяких иллюзий насчет благородства... И я преклоняюсь перед вами и перед мистером Дэвисом, и перед всеми, кого я так хорошо знаю, если и вы будете так же искренни.

Тэйлор рассмеялся.

— Господин судья, она нас поймала.

— Вы хотите сказать, мисс Форд, — сказал судья, не обращая внимания на слова Тэйлора, — что вы возьметесь за это дело?

Вирджинка встала, и в своем пышном кринолине стала расхаживать взад и вперед по комнате. Наконец, она остановилась перед камином и несколько мгновений задумчиво смотрела на огонь.

— Одно из двух, — сказала она помолчав, — или вы проявляете большую мудрость, избрав такую заметную персону, как я, для такого дела, — или это с вашей стороны опасное безумие. Я надеюсь на первое, и потому соглашаюсь, — но только ровно на два месяца!

Кэмпбелл поднялся и торжественно пожал ей руку. Затем он обратился к молодому человеку:

— Мистер Тэйлор, мистер Дэвис просил меня, в случае если мисс Форд согласится на эту великую жертву, пригласить вас взять на себя обязанности посредника между ним и этой леди.

Бледное лицо Тэйлора побагровело. Но раньше, чем он мог что-нибудь сказать, мисс Форд положила руку ему на плечо.

— Подумайте, милый Том.

Он взглянул на нее и взгляд его смягчился.

— Вы хотите, леди, чтобы я на это согласился?

— Да, я хочу, я нуждаюсь в вашей помощи. Что значит два месяца, когда от этого зависит столь многое.

— Хорошо, я буду вам помогать, но на одном условии, — быстро сказал Тэйлор. — Если будет объявлена война, я хочу быть в армии.

— Вы получите в нее назначение, — судья Кэмпбелл протянул ему руку. — Признательная родина выразит когда-нибудь благодарность вам обоим. Ну а теперь займемся деталями.

Час спустя судья Кэмпбелл покидал маленький дом на Девятой улице, а мисс Форд и Тэйлор, проводив его до дверей, вернулись к камину в гостиной.

— Хотите ли вы взглянуть на бал по случаю вступления в должность президента, леди? — спросил Тэйлор.

Она взглянула на него полупрезрительно-полунасмешливо.

— Не принуждайте меня встречаться с этими дикими животными, пока этого не потребует дело, Том. Когда вы отправитесь в... как назвал это судья Кэмпбелл? — во временную столицу, в Монтгомери к его превосходительству президенту Конфедерации?

— Завтра или послезавтра... — Тэйлор улыбнулся — так хорошо мисс Форд передразнила судью Кэмпбелла. Затем он серьезно сказал:

— Я все-таки не могу избавиться от мысли, что это немного трагично. В конце концов, наши предки сделали столько же для учреждения федерального правительства, сколько и самые пылкие из этих северяян...

Мисс Форд подняла свою изящную голову.

— Говоря откровенно, по отношению к правительствам у меня нет ни малейшей сентиментальности. Всю мою жизнь я прожила слишком близко к Вашингтону. В деле правления нет ничего высокого или привлекательного. Там всё — интриги, обман, эгоистическое хищничество. И лучше всех преуспевают умы низкого типа. Мои политические заветы очень просты. Я верю в рабовладение, потому что на мой взгляд оно порождает белую цивилизацию самого высокого типа. Я хочу владеть моими рабами, потому что они делают для меня возможной красивую жизнь. И я буду беззаветно предана Джефферсону Дэвису и тем, кто за ним идет, потому что их борьба — борьба за рабовладение!

— Вы всегда смотрите на жизнь, не придавая значения оттенкам, — задумчиво сказал Тэйлор. — Я думаю, именно эта определенность делает вас такой привлекательной для меня с моими вечными сомнениями

насчет мотивов... Кстати, нравится ли вашему отцу мысль купить таверну в Фэрфаксе?

— С тем, чтобы деньги на это дали люди Дэвиса? Почему бы и нет, милый Том, — протяжно сказала мисс Форд. — А кто этот Мозби, который будет заведывать там информационным бюро?

— Я его не знаю, — ответил Том. — Знаю только, что у него, как мне говорили, репутация очень ловкого парня... Куда вы?

Мисс Форд встала и направилась к двери.

— Мы зайдем вместе к миссис Имс. У нее сегодня вечером, конечно, будут гости, и все будут передавать сплетни о Линкольнах. Я хочу послушать, что там будут говорить, и если там будет Чарльс Сомнер, навести его как бы случайно на кое-какие мысли...

Несколько мгновений спустя оба вирджинца уже были на пути в дом Имс, — один из светских центров Вашингтона.

Март месяц в Вашингтоне иногда так же приятен, как апрель в Чикаго. В окна спальни Линкольна, выходящие к югу на реку Потомак, врывался теплый ветерок. Он доносил не слишком неприятный запах болот, тянувшихся между Белым Домом и рекой.

Спальня, расположенная в югозападном углу резиденции президента, была хорошо обставлена. Большая кровать красного дерева, бюро, столы, кресла из розового дерева, толстый красный ковер, — несколько потрепанный, как и тяжелые красные занавеси и обивка мебели, не менее от этого приятные на вид и комфортабельные.

Рядом с бюро тускло горел газовый рожок. Линкольн в синем полинялом халате медленно подошел к креслу, стоявшему у одного из окон. Халат едва прикрывал его высокую фигуру — шесть футов четыре дюйма, — сутулые плечи и непропорционально длинные руки и ноги, ступни и ладони. Под халатом

чувствовалась впалая грудь и узкие плечи, но, несмотря на худобу, — он весил всего сто шестьдесят фунтов, — Линкольн не производил впечатления слабого человека. Он весь состоял из стальных мускулов и крепких сухожилий, и все обличало в нем человека поразительной силы и выносливости.

Он опустился на кресло, протянул ноги на край подоконника и прислонил голову к мягкой спинке кресла. В профиль голова его казалась необычайно длинной. Журналы «Понч», «Харпер» и «Еженедельник Лесли» любили острить насчет его оттопыренных ушей! Но если глядеть спереди, лоб и голова, покрытая густыми черными волосами, были великолепны, как и архитектура глазных впадин, твердая линия носа и подбородок, словно высеченный из гранита.

Те, кто знал его лучше других, как, например, секретарь его, Джон Хэй, настаивали, что Линкольн человек не некрасивый, но только простой, — на взгляд американца тонкое, но существенное различие. Те, кто знал его хуже, — как, например, корреспондент лондонского «Таймса», говорили о его нескладной долговязости, о его оттопыренных ушах, о его неуклюжей походке, о непомерно больших ступнях и ладонях, широком рте, тяжелой нижней губе. Но тот же корреспондент говорил и о поразительной красоте серых глаз, — глубоких, пронизательных и ласковых. И описание свое корреспондент заканчивал словами, что лицо Линкольна выражает глубокую мудрость, и что во всем облике Линкольна есть нечто, привлекающее к себе внимание, независимо от его физических особенностей.

Линкольн смотрел на реку, в которой отражались звезды, но он ее не видел. Он казался озабоченным, но не печальным. Этот день прошел лучше, чем он смел надеяться. Не то чтобы он разделял страхи своих сторонников, что ему угрожала опасность быть убитым во время «вступительной» церемонии. Его за-

бавляли и утомляли все эти предосторожности, принимаемые генералом Скоттом, — вооруженная охрана кареты, стрелки, размещенные на крышах Пенсильвания-авеню, солдаты с ружьями наготове у Капитолия.

— Да ведь ничто на свете не помешает человеку меня застрелить, — сказал он утром жене, — если он только твердо на это решится. К тому же, какой смысл оберегать меня весь день с ружьями, чтобы потом к вечеру послать на публичный бал?

Нет, не собственная безопасность его озабочивала. Его тревожило опасение, как бы на Юге не решились поставить его в затруднительное положение каким-нибудь таким безумным актом, который ускорил бы «непреодолимый конфликт» до того, как он, Линкольн, утвердится в Белом Доме. Север не готов к войне, и не будет готов, пока не найдет вождя. И в представлении Линкольна это и было его задачей, — сосредоточить все, и воинственные, и безучастные силы Севера — на одной цели: на сохранении Союза, нераздельности страны.

Из соседней комнаты донеслись звуки голосов. Это Мэри со своими сестрами кончала одеваться к балу. Наконец Мэри счастлива, подумал он. Слава Богу! Она заслуживает счастья... Послышался детский голос, — это Тэди о чем-то просил. Старший мальчик, Бобби, час тому назад уехал обратно в Гарвардский университет, радуясь тому, — как напомнил с усмешкой отец, — что на него в Кембридже будут смотреть свысока после того, как унизительно льстили в Спрингфильде и в Вашингтоне.

Внезапно дверь распахнулась, и по комнате распространился острый запах Флоридских духов. Вбежал восьмилетний Тэди, великолепный в своем костюмчике из пурпурного бархата, и сразу уселся отцу на колени.

— Папочка! Папочка! Можно и мне пойти на бал? Ведь Вилли идет... Я не капризничал, когда мама на-

девала на меня этот противный костюм... И меня надушили с ног до головы...

— Ты пахнешь, как парикмахерская Герберта в субботу вечером, — сказал Линкольн, целуя мальчика. Теди был самым маленьким членом семьи и казался моложе своих лет, потому что не мог произносить буквы «р».

— Кто сказал, что ты не пойдешь, после того как нарядился в этот костюмчик... Ты в нем похож на мороженое...

— Мама сказал, что я не пойду... Я сказал ей, что лучше я умру... Пойти на этот бал лучше, чем сорок раз пойти в цирк! Старый Эдуард, привратник, прямо так мне и сказал... Папочка, если меня не возьмут на бал, я умру!

Мальчик умоляюще посмотрел своими синими глазами в серые глаза отца. Все его маленькое тельце напряглось от возбуждения. Отец потрепал его по бархатному плечу, и повернул голову к раскрытой двери.

— Мэри! Мэри! Можешь зайти на минутку?

— Прости, Авраам, не могу, — ответил чистый голос. — У нас тут критический момент.

— В таком случае предупреди девушек, что к вам идут двое мужчин.

Линкольн поставил Теди на пол и поднялся с кресла. Послышался заглушенный визг и топот убегающих ног. Отец с сыном появились на пороге комнаты миссис Линкольн.

Мэри Линкольн стояла перед трюмо, вделанным в дверцу гардероба. Линкольн посмотрел на нее долгим взглядом, не замечая дергавшего его за руку сына. Мэри всегда была красива, но сейчас она казалась ему прекрасной. Она была немного ниже среднего роста, полновата, с ослепительно чистой кожей и копной каштановых волос, уложенных вокруг изящно очерченной головки. У нее был высокий лоб, большие голубые глаза, широко расставленные под пря-

мыми тонкими бровями. Линкольн говорил, что у нее самые приветливые глаза в мире. Прямой нос был несколько продолговат, губы слишком тонкие для красавицы, но выразительные и с печальной складкой.

В общем же лицо ее выражало ум и пронзительность.

Линкольн затаил дыхание, — от восхищения отчасти новым платьем, отчасти сияющим оживленным лицом Мэри. На ней было белое шелковое платье с огромным кринолином. Линкольн ненавидел кринолины, но кружева на юбке и корсаже были превосходные, и жемчужное ожерелье и браслеты сияли на ее белой коже, как росинки. Вплетая венок из жасминов и фиалок в волосы, она улыбнулась ему в зеркало, но затем нахмурилась.

— Ты бы уже должен был быть одет, Авраам.

— Да я и одет, жена, остался только сюртук... Почему не взять Тэди, раз идет Вилли?

— Он уже должен быть в кровати, — сказала Мэри. — Уже после десяти, и он страшно утомлен от возбуждения. Целый день он был как в истерике. У него не такой спокойный характер, как у Вилли, и в следующий раз у него будет желчный припадок.

Линкольн посмотрел на мальчика, нахмуренное лицо которого забавно напоминало лицо матери. Это был очень красивый ребенок, и глядя на его херувимское личико, Линкольн сказал:

— Это значит, что в духовном отношении Тэди твой наследник, а Вилли — мой.

— Нет, — возразила Мэри, поворачивая голову в разные стороны, чтобы видеть эффект венка. — Я совсем так не думаю. У Тэди твое мягкое сердце и мои нервы, и немного твоих мозгов. А у Вилли мое твердое сердце, твои нервы, а мозгов больше, чем у меня.

Ее голубые глаза сверкнули. В ответ Линкольн тихо засмеялся. Потом серьезно сказал:

— Прошу тебя, возьми с собой Тэди. Он будет так же спокойно себя вести, как и Вилли. Ты обещаешь это сынок?

— Да, мама, да! Да! Да! Да! — восклицал Тэди.

— Видишь? — сказала мать, взглянув укоризненно сначала на мужа, потом на сына. — Нет! Ты сейчас ляжешь спать, Тэд.

Со стоном, как от смертельной муки, Тэд бросился на пол. Линкольн подхватил его и поцеловал. Затем не допускающим возражений тоном сказал:

— Еще один визг, как этот, молодой человек, и я сам уложу тебя в кровать.

Тэд мгновенно замолчал. Отец подошел к Мэри, остановился и, не вынимая рук из карманов халата, улыбаясь на нее посмотрел. Затем он мягко сказал:

— Если я заставлю тебя поверить, какой красивой ты мне кажешься, — ты возьмешь с собой мальчика?

— Это нечестно, Авраам... Нет, нет, он не должен идти на бал.

— Я буду поручителем за его хорошее поведение. Пусть он пойдет, Мэри.

— Нет, нет, — повторяла Мэри с большей настойчивостью, чем показалось бы тому, кто не знал, как баловал Линкольн своих детей.

— Думаю, что ему лучше пойти на бал, Мэри, — сказал Линкольн попрежнему мягко.

Она посмотрела в его глубоко посаженные серые глаза. Под покровом нежности она почуяла гранитную твердость, и выражение лица ее стало беспомощным. Для обоих — и мужа, и жены, — это было так знакомо. Мэри при всей своей настойчивости была лишена дара терпения. Но она хорошо чувствовала, когда надо уступить.

— Будь по-твоему, Авраам, — сказала она печально и вернулась к своему туалету. — Тэди, поди умойся и разыщи Вилли.

С радостным криком мальчик выбежал из комнаты.

Линкольн одним легким движением очутился между женой и зеркалом. Он схватил ее пальцы в свои крупные теплые ладони.

— Что, опять тебя обидел?.. Но когда ему чего-нибудь хочется, каких-нибудь вещей, — это всецело его захватывает. Так бывало и со мной, когда я был маленький. Но того, чего мне хотелось, у меня не было. Поэтому я и вмешался. Ты не понимаешь, каким наказанием это было бы для него, Мэри!

— Не понимаю?.. — Мэри взглянула на него, и взгляд ее голубых глаз, как всегда, наполнил его жалостью. Он видел, когда только у него было время об этом подумать, что во многих второстепенных вещах он не считался с Мэри. Он погладил ее по щеке, но она от него отодвинулась.

— Ты приучаешь детей к тому, что они теряют аппетит к чему бы ни было, Авраам. Ты пресыщаешь их теперь. Позже, когда они потеряют вкус к жизни, они тебя же будут упрекать.

Линкольн кивнул головой.

— Умом я вполне согласен с тобой, дорогая, но сердцем — нет.

Его красивые белые зубы блеснули усмешкой.

— Если бы ты только научился говорить «нет», — со вздохом сказала Мэри.

— Страшная слабость, — простонал Линкольн со своим неотразимым огоньком в глазах. — Я часто думал, что было бы со мною, если бы я родился девушкой. При моей неспособности говорить «нет», единственно, что охраняло бы мою добродетель, это мое безобразие. Я уверен, что именно поэтому Всемогущий и создал меня мужчиной...

Мэри залилась беспомощным смехом и неожиданно поцеловала большую руку, лежавшую на ее плече. Затем она легко оттолкнула мужа.

— Эх ты, большой ребенок. Ну, иди, надень костюм, какой следует. И прошу тебя, не забудь захватить белые перчатки. Они в верхнем ящичке комода.

Громкий смех Линкольна перешел в комичный стон. Он нежно поцеловал Мэри и неторопливо вернулся в свою комнату. Там он прибавил огня в газовом рожке, сбросил халат и облачился в черный костюм, лежавший на кровати. Он был сшит на него первоклассным нью-йоркским портным, и он осматривал себя в зеркале с удовлетворением. Затем он принялся искать перчатки — не в том ящичке, — когда кто-то постучал в наружную дверь.

— Войдите, — громко крикнул Линкольн.

Вошел молодой человек. Он был среднего роста и казался моложе своих двадцати двух лет, несмотря на небольшие черные усики. Лицо его с мягкими чертами было такое же круглое и румяное, как и у Тэди. Черные сияющие глаза под густыми бровями, несколько загибающимися кверху, придавали ему иронический и в то же время очень привлекательный вид. На нем был безукоризненный выходной костюм. Это был помощник личного секретаря президента, Джорджа Николэя, Джон Хэй.

— В чем дело, Джон? Уж не пожар ли? — спросил Линкольн.

— В известном смысле — пожалуй, мистер Линкольн, — отвечал молодой человек. — Николэй думает, что вам следует немедленно передать это письмо. Это от заместителя военного министра.

— Разве оно важнее для Соединенных Штатов, чем мои белые перчатки? — спросил президент, продолжая рыться в ящиках конторки.

— Да, я думаю, — ответил возбужденно Хэй. — Майор Андерсон из форта Сомтер сообщает, что запасы продовольствия на исходе и что ему необходимы подкрепления, иначе в течение месяца форт придется эвакуировать. Заместитель военного министра

думает, что вы должны быть об этом осведомлены на случай, если сегодня что-нибудь произойдет.

Линкольн прекратил поиски перчаток.

— Дайте-ка письмо, Джон.

Он тщательно надел очки, прочел от начала до конца послание, аккуратно его сложил и положил в карман брюк.

— Как вам нравится мой новый костюм, Джон? Жена говорит, что это первый приличный костюм, который она заставила меня надеть.

— Он выглядит на вас очень хорошо, сэр... Но... — щеки молодого человека покраснели, — отдаете ли вы себе отчет в значении этого письма, господин президент? Если мы пошлем в форт Сомтер подкрепления, Юг воспользуется этим, как предлогом начать войну. А если мы не пошлем подкреплений, единственный наш подступ к Чарльстону пропал.

— Может быть, — мягко сказал Линкольн, — и я догадываюсь о значении этого письма, хотя газеты и говорят, что я — политикан из захолустного городка. Сколько помнится, Джон, еще в Спрингфильде много обсуждался вопрос о форте Сомтер.

— Прошу прощения, сэр, — воскликнул Хэй.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Линкольн. — Никто лучше меня не знает, что мне сильно недостает образования. Моя жена работает надо мною уже двадцать лет, — не правда ли, Мэри?..

Миссис Линкольн вошла в комнату. За ней по пятам следовали Тэд и Вилли.

Мэри, улыбнувшись, обратилась к Хэю.

— Вам очень к лицу этот костюм, Джон. Не удивительно, что вокруг вас увиваются девушки.

Молодой секретарь церемонно поклонился.

— Кто станет смотреть, на меня, когда я стою рядом с вами, мадам... Сегодня вы выглядите, как королева. Великолепное платье!

— Тридцать шагов вокруг юбки! — торжественно заявил Вилли. Это был стройный мальчик лет одиннадцати, сильно походивший на отца.

Трое взрослых рассмеялись, и Джон Хэй, поклонившись, вышел из комнаты.

— Мне нравится этот парнишка, — сказала Мэри Линкольн. — Он пока еще очень церемонен, — возбужден своим высоким назначением. Но очень неглуп. Когда он лучше тебя поймет, он будет тебе много полезнее, чем Николэй.

— Может быть, по светской части, — согласился Линкольн. — Но когда дело идет о внимании к практическим деталям, я только благодарю небо за Джорджа Николэя... Мэри, куда ты девала мои перчатки? И нужно ли мне их надевать?

— Обязательно нужно, — поспешно сказала Мэри. Она проплыла как корабль под всеми парусами по комнате, вынула перчатки из ящика, и, стоя между своими мальчиками, строго смотрела, как президент старался втиснуть свои большие руки в белую кожу перчаток.

Пока этот процесс продолжался, слышно было громкое тикание часов над камином. Тик-так, тик-так... Тем временем Линкольн размышлял. Продовольствие подходит к концу — по чьей небрежности?.. А может быть, и хуже, чем по небрежности?.. О чем же думает и что делает старый генерал Скотт? Отличный солдат, главнокомандующий армии, — но уже одряхлевший и слишком интересующийся политикой. Старику надо в отставку. Кого же назначить вместо него так, чтобы это было оправданием в глазах армии? Все эти месяцы после номинации Линкольн собирал сведения о федеральных военных ресурсах, и мысль о слабости Бьюкенена доводила его до кровавого пота... Кто может возглавлять армию, пока у него не будет достаточно знаний, чтобы самому ее возглавить?.. Тик-так, тик-так...

— Папочка, — жалобно протянул Тэди. — Нас уже давно дожидаются дрожки.

— Ты хочешь сказать — карета, — поправила мать.

— Это дрожки, в каких мы ехали на станцию в Спрингфильде, — настаивал Тэди.

— Если ты будешь торопить папу, он порвет перчатки, — сказал Вилли. Из сочувствия к усилиям отца он сам тяжело дышал.

— Ну, ребятки, почти готово, — воскликнул Линкольн. — Застегни-ка, Вилли, эту пуговку. Теперь обе руки будут весь вечер, как в тюрьме.

Вилли, улыбаясь, помог застегнуть пуговки, и Линкольн предложил жене руку. К большому удовольствию детей, Линкольн не мог протиснуться в двери, несмотря на все усилия, — все пространство занимал кринолин, и ему пришлось идти на приличном расстоянии вслед за Мэри. Так, со смехом, семья проследовала на торжественный бал.

По внешнему впечатлению бал этот не отличался от многих других политических балов, на которых Линкольну доводилось бывать. Бал этот был только их увеличенным изданием. Подобные балы он и сам давал в штате Иллинойс. Но Линкольн знал, что на этом балу толпа состояла из людей, приехавших со всех концов страны, — как естественно и должно было быть. Юг отсутствовал. Отсутствовал и светский Вашингтон, гордившийся своей принадлежностью к Южной аристократии. И президент, пожимая руку за рукой, ни на один момент не забывал, — пока оркестр морской пехоты гремел и заливался вальсами и польками, — что страна больна. Было похоже на то, как если бы в гостиной танцевали, когда в соседней комнате лежит умирающая мать.

Пожимая руку за рукой, президент внимательно вглядывался в лица. Он возвышался над толпой, и каждый раз, когда ему приходилось сказать что-нибудь человеку, который мог рассчитывать на особен-

ное приветствие, ему приходилось наклонять голову. Стоявший рядом Маршал Ламонт непрерывно называл подходивших с кратким комментарием. И слушая его, Линкольн все время чувал борьбу за жизнь в соседней комнате...

Царившее вокруг шумное веселье становилось для него час от часу отвратительней. Он уже придумывал предлог, под которым он может покинуть бал, как вдруг — был уже час ночи — детская ручонка ухватилась за большой палец его левой руки и, наклонившись, он увидел серьезный взгляд серых глаз.

— Папа, Тэди сильно заболел... Он там, за грядкой папоротников. Я попросил одного доброго человека, — он стоял там один в углу, — присмотреть за Тэди, пока я тебя позову.

— Вот, — воскликнул отец. — Ваша мать, как всегда, оказалась права. Поди разыщи своих теток или дядю Тэда. Я занят.

— Да ведь все они танцуют. И потом Тэди сказал, что он будет реветь, если к нему придешь не ты, а кто-нибудь другой. Если ты пройдешь через заднюю дверь, мало кто заметит, что ты уходишь.

Линкольн посмотрел вокруг. Его ментор Лэймон был занят разговором с высокой красивой женщиной с головой, убранный тремя большими страусовыми перьями.

— Веди меня, сынок, да поскорей, — сказал Линкольн.

Через минуту он уже наклонялся над Тэди, лежавшим на коленях у румяного безукоризненно одетого джентльмена. Президент приподнял мальчика одной рукой и прижал к груди.

— Ему теперь будет лучше, я думаю, господин президент, — сказал джентльмен.

— Это по моей вине, — воскликнул Линкольн. — Я всегда был и остаюсь патентованным глупцом. А вы, сэр, вошли в теплый уголок моего сердца, без необходимости постучаться.

— Надеюсь, что мне не придется отсюда уходить, господин президент, — сказал румяный джентльмен. В улыбке его было что-то серьезное. Говоря это он пристально смотрел на Линкольна. — И вам, и мне может быть понадобится крепкая взаимная симпатия, сэр. Я Вильям Рессель, из лондонского «Таймса».

— Я знаю лондонский «Таймс», — сказал Линкольн. — Подозреваю, что это одна из великих сил в мире. Да в сущности я и не знаю больших — за исключением, пожалуй, Миссисипи... Заходите повидаться со мной, мистер Рессель.

— Благодарю вас, господин президент. Я зайду, — сказал серьезно англичанин.

Между тем Тэди раскрыл глаза.

— Лучше возьми меня домой, пока я опять не заболел, — сказал он предостерегающим тоном.

Линкольн пожал Ресселю руку. Оба рассмеялись. Затем Линкольн поспешно вернулся тем же путем. Встретивший его Лэймон был в ярости.

— Слушайте, Линкольн, сейчас не время изображать сиделку, — как раз в этот момент. Хочу вам сказать...

— Сейчас не время и для доклада подкомиссии, — холодно прервал Линкольн. — Кликните наш экипаж, Хилл, и позовите мою жену. Я отвезу Тэда домой.

Лэймон проворчал что-то, но пошел выполнять приказание.

С необыкновенным самообладанием Мэри ничего не сказала по дороге о роли Тэда в прерванном вечере. Но после того, как оба мальчика были уже в кровати в комнате, отделенной коридором от комнаты родителей, Мэри вошла к Линкольну причесать волосы. Линкольн, снова облачившийся в синий халат, медленно расхаживал взад и вперед по комнате.

Мэри в своем длинном розовом фланелевом халате яростно ударяла щеткой по своим лоснящимся каштановым волосам.

— Авраам, я молчала целый час, но теперь я хочу тебе сказать, что это больше не должно повторяться! Ты должен мне обещать, что ты предоставишь мне контроль над детьми. Иначе они не только сделают нас несчастными, но и получат известность, как общественное бедствие... Это было достаточно скверно уже в Спрингфильде. Но там по крайней мере каждый знал нас и знал детей, и, надеюсь, до известной степени прощал... Но здесь их поведение создаст тебе больше врагов, чем ты воображаешь. Ты должен решиться говорить: «нет!» Бог мой, неужели ты будешь проявлять свою слабость и здесь, с этой хищной ордой искателей тепленьких мест? Я не могу понять, как человек с твоим поистине замечательным знанием людей может быть таким безвольным в отношениях с ними...

Линкольн следил за движениями щетки... Орда искателей тепленьких местечек... Всю неделю от них не было проходу в коридорах отеля Виллард... Они преследовали его, как кошмар... Завтра они нагрянут в Белый Дом... Но ему поможет Николэй. Несмотря на свою молодость, этот человек умеет говорить «Нет!» — и так, что даже искатели мест это почувствуют. Да, Николэй завтра примет на себя первый удар, пока сам он, Линкольн, постарается выведать все, что можно, от старого генерала Скотта...

— Авраам! — вскричала Мэри. — Ты меня слушаешь или нет? Перестань расхаживать взад и вперед по комнате, и отвечай мне!

Линкольн остановился перед ней.

— Дорогая Мэри. Что могу я тебе ответить? Я знаю свои недостатки не меньше, чем ты. Думаю, мне удастся как-нибудь отделаться от искателей тепленьких местечек. А что до мальчиков, Мэри, то даже если бы от этого зависела моя жизнь, я не могу отказать им в удовольствиях. Мы сотни раз это обсуждали... Ничего не поделаешь. Я знаю свои недостатки...

Никто лучше Мэри не видел, что «ничего не поделаешь». И дав выход своему раздражению, она вздохнула и, признав свое поражение, спокойно сказала:

— Да, у тебя нет иллюзий ни насчет самого себя, ни насчет кого бы то ни было другого. Ты — человек без иллюзий. И в этом твоя большая сила.

— И слабость, — закончил Линкольн.

Мэри утвердительно кивнула головой. И пока она продолжала причесывать волосы и заплетать их в длинные красивые косы, оба молчали. Кончив убирать волосы, она следом за мужем стала расхаживать взад и вперед по комнате. Затем она его остановила и глядя снизу вверх ему в лицо, сказала серьезно:

— Я не стану докучать тебе, Авраам... если только смогу... Ты знаешь, что я часто не умею попридержать язычок. Я также борюсь с этим, как ты со своим слишком добрым сердцем. Я оставлю тебя в покое, поскольку смогу, и буду только о тебе заботиться.

Линкольн посмотрел ей в глаза.

— Продолжай, Мэри, мне докучать. Я в этом нуждаюсь. Только ты умеешь это делать, и я знаю, что многим обязан тому, что ты мне докучаешь... Если бы у меня сохранились манеры, какие у меня были двадцать лет тому назад, когда ты выходила за меня замуж, мне пришлось бы отказаться от Белого Дома из-за одних насмешек. Единственно, о чем я тебя попрошу, — докучай мне и прислуге, и ограничи этим. Но оставь в покое помощников президента!

— Я постараюсь, Авраам. Да сохранит тебя и да поможет тебе Господь...

— Он, вероятно, это и сделает, если я выполню свои обязанности, — весело ответил Линкольн.

Когда Мэри ушла в свою комнату, он снова принялся расхаживать от камина к окну и обратно.

Г л а в а   в т о р а я

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

На следующее утро к восьми часам Линкольн спускался вниз к утреннему завтраку. Даже в этот ранний час ему было трудно избежать толпы, наводнявшей главную залу на первом этаже и парадную лестницу. Старый Даниель, помощник привратника, сдерживал толпу, не пропускал ее за веревку, протянутую поперек лестницы. Он вкрадчиво уговаривал стоявших впереди:

— Ради Бога, джентльмены, пользуйтесь плевательницами. Плюйте в них! Как раз по этому случаю они ярко начищены...

Линкольн улыбнулся... Он быстро прошел залу и притворил за собой дверь в столовую.

Некоторое время казалось, что и здесь нельзя укрыться, — трое джентльменов просунули головы сквозь северное окно и в унисон стали просить назначения на должность почтмейстера — в штате Айова, Вермонт и Огайо... Маршал Лэймон, завтракавший с Линкольном, без дальних слов их вытолкал и запер окна и двери комнаты.

Президент не сделал по этому поводу никаких замечаний. Он только утвердительно кивнул, когда Лэймон набросал план приема, назначенного на 8-е марта. Кончив под пристальным наблюдением Мэри свой завтрак — он не ел и не пил без того, чтобы она наполнила тарелку или стакан — Линкольн поднялся наверх в президентский кабинет.

Он медленно вошел в кабинет и окинул его взглядом с мыслью о том, что ему надо ознакомиться с деталями обстановки, — ведь здесь придется провести большую часть ближайших четырех лет. Он заметил облицованный мрамором камин с черной решёткой. В нем ярко горели дрова. Из выходивших на юг окон открывался вид на незаконченный еще памятник Ва-

шингтону, выступавший над кучами мусора, — на блестящую поверхность реки Потомак и на красные холмы Вирджинии за нею. Он заметил большой дубовый рабочий стол посреди комнаты, меньший стол близ одного из окон, — это будет его письменным столом, — старую софу на каждой стороне восточной двери, выходящей в кабинет секретарей, карты и потускневшие портреты на стенах. Всё это он успел окинуть быстрым взглядом, перед тем как Николэй, сопровождаемый молодым Хэем и Стоддардом, его приветствовали.

Вильям Стоддарт, друг Джона Хэя, был стройный обаятельный юноша. У него был еще более ученый вид, чем у Хэя. На него было возложено получение корреспонденции, адресованной президенту. В этот день Мэри писала своей сестре, что выбор Линкольна, павший на этих двух, доказывает его знание людей.

Линкольн дружески положил руку на плечо Стоддарда.

— У вас, Билли, не легкая обязанность — выкорчевывать пни, чтобы мы могли пахать. И дело это будет становиться все труднее, а не легче. Вы думаете, у вас хватит на это нервов?

Стоддарт покраснел от удовольствия и что-то пролепетал. Линкольн с дружеской улыбкой, открывавшей его ровные белые зубы, обратился к Николэю, как к старому приятелю, хотя Николэй был с Линкольном только с начала избирательной кампании, он уже был на положении старого друга. Родом он был из Гановера, и, — как говорил Торлоу Вид, имевший с ним в Спрингфильде столкновение, — несколько желчного темперамента, — что со стороны такого опытного политика, как Вид, было комплиментом. Джорджу Николэю предстояло делать все, на что способен человек твердого характера, чтобы лавировать между мягкостью Линкольна и хищным натиском политиканов. Ему предстояло все эти четыре утомитель-

ных года давать Линкольну всё, что мог дать ему большой знаток американской истории и политической жизни, бойкий писатель и мастер справляться с деталями.

Он выглядел старше своих двадцати восьми лет. Был среднего роста, с холодными пронизательными черными глазами, коротко подстриженными усами и бородкой, прикрывавшей твердые, несколько насмешливые губы.

— Ну, Николэй, — сказал Линкольн, — готовы мы салютовать?

— Готовы, сэр, — ответил с улыбкой Николэй. — Генерал Скотт дожидается вас в приемной.

— Прекрасно! — президент утвердительно кивнул головой. — Стоддарт, направьте народ, ожидающийся на лестницах, прямо в кабинет секретарей. Я хочу, чтобы вы, ребята, сделали, что можете, чтобы просеять их, пока они доберутся до меня. Выслушайте каждого добросовестно, — но отделайтесь от всех.

— Не направлять ли их к начальникам департаментов, куда они хотят получить назначения? — спросил Хэй.

— Не сразу, — сказал Линкольн. — Ведь начальники еще формально не назначены на должности. При этом я хочу и сам участвовать в решении. Партия — новая, и они рассчитывают, что добыча будет громадная. Мы должны сделать достаточно назначений, чтобы удовлетворить влиятельных людей. С другой стороны, наши задачи будут необычны и без того, чтобы усугублять их, нарушая обычный федеральный распорядок неопытными руками. Кстати, Джон, когда у вас будет свободная минута, купите мне экземпляр книги Халлека о военной стратегии. Положите книгу ко мне в спальню. Деньги даст вам миссис Линкольн.

Взглянув на Линкольна с любопытством, молодой Хэй ответил:

— Я куплю, мистер Линкольн.

Президент отпустил их кивком головы и, пройдя широкими шагами через комнату, открыл дверь в приемную комнату.

— Войдите, войдите, генерал.

Красивый старый джентльмен, гладко выбритый, с баками, в мундире из синего сукна, с золотыми эполетами, — приветствовал президента чопорным поклоном и последовал за ним в его кабинет. Старость и хромота явно затрудняли его движения. Оба уселись у камина.

— Генерал, — сказал Линкольн без обиняков, — майор Андерсон говорит, что ему в форте Сомтер нужен хлеб. Что вы намерены предпринять?

Старый генерал сидел выпрямившись.

— Это, господин президент, требует предварительного изучения.

— Хорошо. Я предполагаю, что вы посвятили этому, как вы говорите, изучению не мало месяцев. В таком случае, скажите мне про положение в Чарльстонском порту. Я готов учиться у вас, генерал.

Генерал Скотт откашлялся и приступил к детальному описанию фортификаций и обороны гавани. Он говорил по своей привычке высокопарными фразами, украшая доклад классическими анекдотами.

Линкольн сидел, охватив руками левое колено, и внимательно слушал. Когда старик, наконец, кончил, Линкольн, не меняя позы, сказал:

— Генерал, у нас в лесах рассказывают про человека, у которого сгорела хижина. Соседи сложились и помогли ему построить новую. Они были так щедры, что положение его изменилось намного к лучшему. Тогда он загордился и стал требовательней. Однажды сосед принес ему мешок овса. Но погорелец не принял подарка. «Нет, дружище, — сказал он соседу. — Я теперь не принимаю помощи овсом. Теперь я принимаю помощь только деньгами».

Генерал изумленно и несколько обиженно посмотрел на президента.

— Как мне понимать это, сэр? Полагаю, что сейчас не время для шуток...

— Разумеется, нет, — согласился Линкольн. — Но каждый из нас говорит привычным ему языком. Я не умею ссылаться на классиков и потому привожу иллюстрации более мне знакомые. Вот что я хочу сказать: мои соседи поставили меня в такое положение, что я уже могу требовать что-нибудь более ценное. Я хочу слышать факты военного значения в связи с кризисом в форту Сомтер, генерал, а не уклончивые слова, которые вы адресуете подчиненным вам людям.

Старый солдат с трудом и с видом оскорбленного достоинства поднялся. Но раньше, чем он начал говорить, Линкольн снова мягким движением усадил его в кресло и потрепал по плечу.

— Успокойтесь, успокойтесь, генерал. Не обижайтесь на меня. Я обещаю относиться терпеливо к вашим древнегреческим героям, а вы обещайте мне отнестись терпеливо к моим простым людям из Сангэмона. Я понимаю ваше положение. Я знаю, что Конгресс помешал всем вашим попыткам подготовить армию к войне, знаю, как вам докучали политиканы, и как ваши большие таланты...

— Что вы, что вы, — запыхтел генерал, внезапно улыбнувшись. — Не надо всего этого... Я солдат и люблю всякие схватки. Я вполне сочувствую вашему затруднительному положению. Приказывайте!

— Уверены ли вы, генерал, что вы понимаете всю трудность моего положения? — спросил Линкольн. — Ведь мы с вами должны смотреть на вещи одними глазами, — ведь нам придется справляться с этим вместе.

— Может быть, мой кругозор ограничен, сэр, — сказал Скотт.

Линкольн, не сводя глаз с ярко пылающего пламени, медленно проговорил:

— Эта власть вручена мне не в ее первоначальной полноте, — но уменьшенной, приниженой, угрожаемой. Я намерен ее восстановить, но сначала я исчерпаю все мирные средства. Я знаю, что промедление на руку мятежникам, но как я могу угрожать силой, пока я не буду в состоянии ее применить? Наша военная сила — почти нуль. Но и это еще не самое плохое. Север раздирают разногласия, если он не безучастен совершенно. Я уверен только в одном. Я не уступлю ничего, кроме того, что уже упустил Бьюкенен. Вы должны подумать о том, как немедленно укрепить Сомтер.

Ответ генерала не заставил себя ждать.

— Снабжение форта или его укрепление потребует целого флота, сэр, и транспортов, собрать которые потребует четырех месяцев, — 20,000 добровольцев и 5,000 регулярных войск, формирование которых потребует новых законодательных решений Конгресса. И после этого понадобится еще от шести до восьми месяцев, чтобы их завербовать, организовать и дисциплинировать. Мятежники в Чарльстоне располагают позицией огромной силы, сэр.

Президент быстро поднял голову, провел рукой по своим черным волосам, затем спросил:

— А как насчет форта Пикенс в Пенсаколе?

— Он еще в наших руках, но его следует безотлагательно укрепить.

— Приступите к этому немедленно, — сказал Линкольн, — и постарайтесь разработать лучший план для Сомтера. Тем временем я пошлю кого-нибудь в Чарльстон разузнать, насколько справедливы слухи, что там еще остается много сторонников Союза.

Затем, с внезапной усмешкой:

— Как вижу, я дал вам небольшую работенку по вязанию, генерал. Примерно, как бы надвязать пятку, а?..

Старый генерал, пристально глядя на президента, ответил, добросовестно пытаясь говорить разговорным языком:

— Многие солдаты хорошо умеют вязать, сэр, — и снова поднялся.

Линкольн кивнул головой, и обняв длинной рукой генерала за талию, — и сдвинув этим с места желтый пояс, — проводил генерала до дверей.

— Луи, — сказал он поджидавшему там курьеру, — проводите генерала до его экипажа. Потом справьтесь, как чувствует себя сегодня утром Тэд.

— Он чувствует себя хорошо, сэр, — ответил, ослабившись, Луи, мягко поддерживая руку генерала. — Он и Вилли только что подрались в коридоре, и матери стоило большого труда оттащить Тэда от брата.

Президент рассмеялся и вернулся к своему письменному столу. Там его ожидал Николэй со списком лиц, которых, по его мнению, Линкольну следовало бы принять.

Следующие несколько часов были для Линкольна кошмаром. Люди входили и выходили через короткие промежутки времени. У всех у них были требования самого неотложного, по их словам, характера и заслуживающие со стороны Линкольна величайшей признательности. Когда его терпение, казалось, уже совершенно истощилось, его выручил молодой Стоддарт, доложив, что в синей гостиной президента ожидают иностранные дипломаты. Около часа он провел в болтовне с дипломатами. Когда последний из них, французский посол мосье Мерсье, откланялся, в гостиную ворвалась Мэри.

— Я думала уже, что они никогда не уйдут, — простонала она. — Я просматривала список необходимых починок. Этот дом выглядит, как скверный отель накануне банкротства. Нелепо пытаться поддерживать его в такой простоте. Жена президента должна каждое утро совещаться с чернокожей кухар-

кой и заказывать блюда на весь день. Мне не жалко своего труда, но, думаю, мое время более ценно. Когда вся эта толпа разойдется из Восточной комнаты, я хочу, чтобы ты посмотрел на ковер. Не осталось ни ворсинки!

Президент смотрел на нее с тем же выражением удивления и нежности, с каким он смотрел на детей, и это не ускользнуло от внимания Мэри.

— Ты думаешь, я не понимаю всей важности твоей работы? Я понимаю. Но я считаю ковер в Восточной комнате заслуживающим внимания президента не меньше, чем назначение почтмейстера в Сопкрик.

— Мне приходится решать задачу... — начал было Линкольн.

— Вздор! — прервала Мэри. — У тебя нехватает решительности хладнокровно выставить их, — точно так же, как нехватает духу сказать мне, что я только отнимаю у тебя время.

Она выбежала и затворила за собой дверь Восточной комнаты.

Линкольн взъерошил волосы. Затем дернул шнурок колокольчика. Вошедшему служителю-негру он сказал:

— Как зовут вас, молодой человек?

— Джемс, господин президент.

— Хорошо, Джемс, — как бы мне пробраться обратно в мой кабинет так, чтобы мои избиратели не сорвали с меня сюртука и брюк.

Джемс широко осклабился и почесал затылок.

— Господин президент, вы можете пройти по запасной лестнице, а там вы у себя. Только это не поможет. Вам придется пройти по верхней площадке, а там их больше всего.

Линкольн ухмыльнулся.

— Отыщите Лэймона и пришлите его ко мне. Скажете ему, что я нуждаюсь в его помощи, и немедленно.

Линкольн подбросил полено в огонь и неподвижно устремил глаза в пламя. Мысли его были сосредото-

точены на форте Сомтер. В дверях показалась внушительная фигура Лэймона в синих клетчатых панталонах и коричневом длиннополом сюртуке.

— Лэймон, — сказал президент, — я хочу, чтобы вы выпроводили всех этих искателей местечек во двор, или вообще куда бы то ни было. Иначе я не чувствую, что я хозяин в своем собственном доме. Вы можете пустить слух, что я ничего не могу сделать, пока не приступит к работе кабинет, — в конце недели, — и что, даже когда кабинет приступит к работе, я смогу сделать очень мало.

— Это хорошая мысль, — согласился Лэймон. — Подождите здесь, пока я от них избавлюсь. Но как они взбесятся!

— Одну минутку, Лэймон. — Линкольн притянул его к себе и тихо сказал: — Мне пришло в голову, что ненависть и озлобление, какие царят на этой лестнице, и жадность, и бестолочь — типичны для всей страны. Какая неразбериха! Но я должен всё понять. Я хочу иметь факты. Я хочу знать прежде, чем начну действовать. Например, каково действительное настроение в Чарльстоне? Слушайте: я пошлю вас туда для ревизии почтовой конторы, — хотя вы лучше подходите для ревизии скачек... И я попрошу моего старого друга Хэрлбота отправиться с вами навестить свою сестру, — она живет в Чарльстоне. Вы, как мой представитель, привлечете к себе внимание, а Хэрлбот тем временем соберет факты. Выезжайте как можно скорее.

— Выехать до утреннего приема? — спросил Лэймон.

— Лэймон, можем ли мы заниматься пожиманием рук у парадных дверей, когда в погребе у нас пожар?

— Да, это так, — промолвил маршал. — Я сегодня же вечером разыщу Хэрлбота.

Линкольн утвердительно кивнул головой.

— Я не вполне уверен, в чем состоят обязанности маршала... Вам они ясны, Лэймон?.. Когда мне гово-

рят, что нам надо иметь маршала, мне кажется, что он мне так же нужен, как трость, которую жена велела мне иметь при себе во время торжеств.

— С час тому назад, — сказал Лэймон, — я пришел к заключению, что я нечто промежуточное между надсмотрщиком и шпионом. И я уже готовился забраться в какой-нибудь уголок и плакать... Но мысль о Чарльстоне меня успокаивает...

Президент улыбнулся.

— Хорошо, вы можете попытаться отработать часть своего жалования тем, что поможете мне вернуться в мой кабинет.

Он взял своего друга под руку, и они трудное путешествие на верхний этаж совершили вместе.

Сьюард прохворал день-другой после торжеств. Но вечером шестого марта он вошел в кабинет президента в сопровождении Вильяма Ресселя. Линкольн был рад повидать знаменитого военного корреспондента. Тот сразу ему понравился, но еще важнее было внушить Англии правильный взгляд на жгучую американскую проблему. Если только его знание людей его не обманывает, этот человек изучит положение коренным образом и будет сообщать только о том, что он действительно увидит.

—Ну, сэр, — сказал Линкольн, потрепав его по спине, — мне приятно вас видеть... Как приятно видеть, когда приносят первую стопку гречневых блинчиков. Приходилось вам их есть?

Рессель разгладил свои черные усы. Он казался смущенным, но голос его звучал уверенно.

— Нет, не приходилось, ваше превосходительство.

— Приходите ко мне позавтракать как-нибудь в ноябре, и моя жена просветит вас на этот счет. А тем временем подойдите поближе к камину и скажите мне, как поступит Англия, если нашу несчастную страну посетит война?

Говоря это, Линкольн пододвинул корреспонденту стул.

— Войны не будет... И я предсказываю, что отложившиеся штаты скоро начнут возвращаться обратно... по одному в месяц, — воскликнул Сьюард.

— Вы слышите это из его собственных уст, мистер Рессель. И всякий в Соединенных Штатах вам скажет, что Сьюард лучше знает положение, чем я, — сказал Линкольн.

Рессель вопросительно взглянул на Сьюарда. Тот не сделал попытки опровергать слова Линкольна. Сидя, Сьюард производил более внушительное впечатление, чем стоя, — его заметно сгорбленные плечи и небрежный костюм были при этом менее заметны. Обращала на себя внимание красиво выточенная голова, тонкое, гладко выбритое лицо, скрытые проницательные глаза, орлиный нос и насмешливые губы.

— Думаю, — сказал Рессель, — что сообщение, будто Джефферсон Дэвис выпустил сегодня утром призыв к набору 100,000 добровольцев в трехлетний срок, верно.

— Бог мой! — воскликнул изумленно Сьюард. — Я этого не слыхал. Это вы знаете из достоверного источника, Рессель?

— Думаю, что да, — ответил военный корреспондент.

Сьюард вскочил.

— Уэллс и Камерон должны это знать. Извините меня, Рессель... — сказал Сьюард и выбежал из комнаты.

Сидевшие у огня два человека посмотрели друг на друга, и Линкольн улыбнулся. Лицо Ресселя выражало растерянность.

— Мистер Уэллс — морской министр, а мистер Камерон — военный, не так ли?

— Да министры, — или, по-нашему, «секретари».

— Но они, разумеется, должны иметь об этом сообщения.

— Как раз, чтобы в этом убедиться, я сам час тому назад послал их об этом уведомить, — сухо ответил президент. — Сьюард найдет кого-нибудь из них дома или в министерстве.

Наступило молчание, во время которого англичанин погрузился в глубокую задумчивость, а Линкольн обдумывал вопросы, относящиеся к теории демократии, которые ему хотелось обсудить с корреспондентом. Но раньше чем первый вопрос сложился в уме президента, Рессель прервал молчание.

— Мистер Сьюард — очень влиятельное лицо в вашей стране, не правда ли?

— Влиятельнее его нет, — ответил президент. — Все ожидали, что республиканским кандидатом на эту должность будет он, и он заслуживает этого гораздо больше, чем я. В сущности я очень похож на фермера, который вышел на луг во время бури, чтобы загнать своих коров и раскрыл зонтик — и в него ударила молния... Я ведь не занимал почти никакой должности. А Сьюард — бывший губернатор одного из наших самых крупных штатов и виднейший руководитель нашей партии. Он был и сенатором, и он известный адвокат и пользуется у нас громадным влиянием, и по праву.

— Можно сослаться на ваши слова в печати, господин президент?

— Полагаю, что я не сказал ничего такого, чего нельзя было бы напечатать, — осторожно сказал Линкольн. — Но давайте лучше уговоримся теперь же, что вы никому не будете передавать моих слов. Впрочем, я хотел бы, чтобы вы дали английскому народу правильное представление о Сьюарде. Он обычно несколько топчется на месте в отправном пункте. Но когда он по-настоящему примется за дело, у него нет равного противника.

Рессель снова посмотрел на Линкольна задумчиво и пытливо.

— Может быть, господин президент, вас интересует мнение о Сьюарде, которое я послал в «Таймс»?

— Конечно, я охотно послушаю, — воскликнул Линкольн.

Рессель вынул записную книжку и начал читать: «Сьюард — тонкий, быстро действующий человек, любящий власть, склонный к риторике и изрекающий свои мнения с видом оракула, не свободный от многословия, проникнутый сознанием важности государственных тайн и сознанием достоинства, с каким надлежит вести иностранную политику страны, — как думают все американцы, — величайшей в мире».

Он спрятал свою записную книжку. Но раньше, чем Линкольн мог ему ответить, в комнату вбежала миссис Линкольн. С раскрасневшимся лицом и задыхаясь, она заговорила.

— Мистер Линкольн, уделите мне минутку вашего внимания.

Рессель встал и поклонился Мэри, которая между тем говорила:

— Простите меня, сэр, но я получила письмо, настолько оскорбительное, что я должна безотлагательно показать его мистеру Линкольну.

— Я удалюсь немедленно, мадам, — пробормотал англичанин.

— Нет, вы останетесь, сэр, — решил Линкольн. — Мне хочется еще кое о чем с вами поговорить. Мэри, позволь тебе представить, — мистер Рессель из лондонского «Таймса»... А теперь покажи мне это письмо.

Мэри протянула корреспонденту руку с улыбкой, которая, однако, не смягчала гнева, которым сверкали ее голубые глаза.

— Мистер Хэй сказал мне, что вы в Вашингтоне. Надеемся часто видеть вас в Белом Доме.

— Вы очень снисходительны, — начал было Рессель. Его прервал гневный возглас Линкольна.

— Вот, Рессель, посмотрите на эту грязь! Что может сделать человек на моем посту, когда его жене наносят такое оскорбление!

Англичанин прочел письмо, и его смуглое лицо побагровело. Кончив читать, он брезгливо бросил письмо на пол. Он и Линкольн посмотрели друг на друга.

— Не следует ли отдать его полиции? — спросил Рессель. — Как видите, оно без подписи.

— Правильно, — сказал Линкольн. — Я так и сделаю вечером.

— Но вот что я хотела бы знать, — вскричала Мэри. — Оставляя в стороне непристойность этого письма, — правдиво ли оно? Действительно ли, в Вашингтоне возникла клика, достаточно сильная, чтобы разрушить все усилия, которые я, как хозяйка Белого Дома, предприму?

— Боюсь, Мэри, что они попытаются это сделать, — печально сказал Линкольн. — Это — цена, которую тебе придется платить за то, что ты моя жена.

— Но есть ли у вас факты, мистер Линкольн? — спросила Мэри.

Президент обратился к корреспонденту.

— Вы еще не так давно приехали в Вашингтон. Что вы слышали?

Рессель посмотрел на Мэри, словно извиняясь.

— Женщины, сочувствующие сепаратистам, возбуждены, активны и страшно ядовиты. И не мало озлобления сосредоточено на миссис Линкольн.

Мэри упала в кресло.

— Возможно ли это? — Она переводила взгляд с мужа на англичанина. — Я уверена, мистер Рессель, что вы хорошо знаете столичное общество. Посоветуйте мне, что делать.

— Попросите президента, чтобы он поручил секретарю, который вскрывает его корреспонденцию, вскрывать и вашу. Вам не нужно читать такие письма, — быстро ответил Рессель. — Что касается дру-

гих, я посвятил бы все мои мысли и способности избирателям президента.

— Никогда! — воскликнула Мэри. — Я хочу сказать, что ваш совет относительно писем превосходен. Письма будет просматривать молодой Стоддарт. Но что до прочего, — как? Беспомощно уступить этим дрянным женщинам? Ради этих низких анонимов отказать от моих приемов и балов? Нелепая мысль! Я буду бороться с ними до последнего издыхания!

— Bravo! — воскликнул Рессель. — Приказывайте, и я сделаю для вас все возможное, мадам!

Мэри возбужденно засмеялась.

— И прикажу! Посмотрим! Я подымаю флаг, как и форт Сомтер. Мы...

Но дверь из семейной гостиной распахнулась и трое, оглянувшись, увидели Вилли, — он держался за дверную ручку.

— Мама, я хочу баночку арники.

— Что случилось, Вилли? Подойди сюда на свет, я хочу тебя лучше видеть, — воскликнула мать.

Вилли медленно подошел. Его черные волосы были растрепаны, нижняя губа кровоточила, воротник разорван, и панталоны вымазаны грязью. Он остановился около отца, который мягко притянул его к своим коленям и начал стирать с его лица капельки крови своим красным носовым платком. Огонь камина, дрожа, освещал их лица. Рессель смотрел на них, и его циничные глаза внезапно стали нежными.

— В чем дело, дорогой, — спросил Линкольн.

— Только что я подошел к киоску на Пенсильвания-авеню купить кукурузных зернышек... — Вилли говорил неторопливо, как и его отец. — Там одна дама тоже их покупала своему мальчику. Ему лет четырнадцать. И эта дама сказала другой даме, что там, в Белом Доме, живет горилла из Иллинойса, и что жена его — обезьяна, и устраивает сейчас собственный зверинец. Ударить даму нельзя. Так я отколотил мальчика. Я ненавижу Вашингтон!

— Как можно ребенку слушать такие вещи, — вскричала Мэри. — Как могут они... Что мы им сделали...

Мэри встала на колени перед Вилли и стала целовать его грязную ручонку.

— Не огорчайся, жена, — сказал Линкольн. — Вы с Вилли не можете воевать из-за меня. Вот и всё... Они только хотят задеть меня — через вас...

Вилли внезапно перестал плакать. Глаза его за-сверкали.

— Я всегда буду бороться с ними! До последнего дыхания!

— Послушай, старина, — вдруг сказал ему Рессель. — Если ты покажешь мне, как достать льду, я покажу тебе, как удалить опухоль с губ, как это делается во время бокса.

— Как, вы знаете настоящих боксеров? — спросил в возбуждении Вилли.

— Я видел всех самых лучших боксеров и знал их всех, — сказал Рессель, вставая со стула.

Вилли оставил отца и взял Ресселя за руку.

— Я люблю английских мужчин больше, чем американских дам, — сказал он. — Вы помогли мне вчера, когда Тэда вырвало. Пойдем, поищем Джемса. Я хочу, чтобы и Тэд видел кровь.

Он продолжал болтать своим неторопливым голо-сом, когда за ним и гостем закрылась дверь гостиной. Мэри и ее муж молча смотрели друг на друга, слиш-ком потрясенные, чтобы говорить.

Г л а в а т р е т ь я

ПЕРВЫЙ ПРИЕМ В БЕЛОМ ДОМЕ

Назначенный на восьмое марта первый прием был для Линкольна довольно забавен, — главным обра-зом благодаря Сьюарду.

Несколько раз в течение вечера президент с улыбкой вспоминал характеристику, которую дал государственному секретарю Рессель.

Пока президент и миссис Линкольн принимали нескончаемый поток посетителей в Голубой гостиной, Сьюард обосновался в Зеленой, откуда он виден был президенту. Там государственный секретарь принимал поздравления посетителей не столь многочисленных, но в известной степени более блестящих и безусловно более почтительных, чем те, которые представлялись Линкольну.

В промежутке между двумя рукопожатиями, Мэри коснулась рукой руки мужа.

На ней было красное шелковое платье с вышивкой, и в глазах мужа она была вполне на своем месте в этой изысканной гостиной с ее канделябрами, шкафами из резного дерева, позолотой и мебелью с шелковой обивкой.

— Устала, Мэри? — спросил президент.

Она отрицательно покачала головой.

— Заметил ты, как держится губернатор Сьюард?.. Как глупа наша публика!

— Я с каждой минутой становлюсь все более благодарен ему: он избавляет меня от части рукопожатий, — сказал президент, потирая усталую руку.

— Смотри, — кто это теперь с ним разговаривает, — спросила Мэри. — Какой красивый мужчина! Это тоже англичанин? Это не лорд Лайонс?

— Нет, это Чарльз Сомнер, сенатор из Массачусетса, — отвечал Линкольн. — У них с Сьюардом не раз бывали крупные столкновения. Сейчас Сомнер — председатель сенатской комиссии по иностранным делам.

Человек, такой же высокий, как Линкольн, наклонился над седой головой маленького Сьюарда. На минуту Мэри ясно его видела, но толпа сомкнулась, и одному Линкольну видно было теперь лицо сенатора из Массачусетса. Оно было довольно хорошо

ему знакомо. Как и много раз раньше, он подумал, что это — одно из самых привлекательных лиц, какие ему приходилось видеть. Широкий массивный лоб с зачесанными назад густыми каштановыми волосами с легкой проседью, — хотя Сомнеру было всего пятьдесят лет, — глубоко посаженные голубые глаза, красиво очерченные губы — все говорило о благородном характере этого человека.

Президент и сенатор встретились глазами над головами протекавшей мимо вереницы посетителей... Серые глаза на миг встретились с голубыми. Немного спустя Сомнер, ведя под руку даму, остановился у группы людей, окружавших президента. Толпа невольно расступилась, как если бы большой булыжник упал в поток, на миг изменив его направление...

— Рад видеть вас, сенатор, — сказал Линкольн.

— И я рад вас видеть, мистер Линкольн... Позвольте представить вам моего друга, мисс Форд.. Она — с красных холмов Вирджинии — и видная представительница светского общества старого Юга в Вашингтоне.

Линкольн отдал быстрый старомодный поклон, пожимая лениво протянутую руку высокой интересной молодой женщины в зеленом шелковом платье.

— Я не уверена, насколько тактична подобная рекомендация в глазах республиканской власти, — воскликнула мисс Форд своим замечательно чистым и выразительным голосом, слегка нараспев.

— Но моя жена сказала бы, что вы, как вирджинка, тем более желанный гость на республиканском приеме, — сказал президент, представляя Мэри сенатора и мисс Форд.

— Сегодня впервые за шесть лет я вхожу под своды Белого Дома, мадам, — сказал Сомнер. — Я считаю это одним из самых ценных моментов моей жизни.

Линкольн положил руку на плечо Сомнера.

— Мэри, посмотри внимательней на этого человека. Сьюард как-то мне сказал, что Сомнер — его идеал космополита. Но я не согласен с Сьюардом. Сомнер — мой идеал епископа, хотя мне ни разу в жизни не приходилось встречать епископа.

Мэри, которая в это время обменивалась приветствиями с мисс Форд, взглянула снизу вверх на сенатора. Сомнер сразу ей понравился. А Сомнер, хороший знаток женской натуры, почувствовал в жене президента ту живость ума и проницательность, которые, — сказал он сам себе, — вряд ли оценят окружающие ее теперь люди.

— В конце концов, — сказала Мэри, — я не вижу, почему один идеал обязательно несовместим с другим.

Сомнер улыбнулся.

— Когда вы узнаете меня ближе, я думаю, вы откроете, что я — ни то, ни другое.

— Подождите, сенатор, дайте мне возможность полюбоваться платьем миссис Линкольн, — запротестовала мисс Форд. — У вас самая монополярная манера говорить, какую только я наблюдала. Вероятно вы приобрели ее в гостиных Лондона. Уверяю вас, это не по-американски.

— Но что я должен делать? — спросил Сомнер. — Разве моя обязанность не охранять вас от толпы?

Мэри еще раз пытливо посмотрела на мисс Форд — на красивые завитки каштановых волос, блестящие фиалковые глаза, тонко очерченные рот и подбородок. Из сотен женских лиц, прошедших в этот вечер перед ее глазами, одно это возбудило в ней интерес. Она привлекла к себе мисс Форд подальше от вереницы посетителей. За мисс Форд, переводя глаза с одной дамы на другую, последовал Сомнер. Его голубые глаза светились любопытством.

— С вашей стороны было очень мило прийти, — начала Мэри.

— Нисколько! — протестующе возразила мисс Форд. Она протянула свой большой веер из страусовых перьев Сомнеру.

— Я наслышалась о вас, мадам, столько сплетен, что, откровенно говоря, мне захотелось самой посмотреть на вас.

Улыбнувшись, Мэри слегка покраснела.

— Ах, вы очень откровенны. Позвольте и мне быть откровенной и спросить вас, что вы доложите вашим друзьям?

— То, что вы одеваетесь с большим вкусом, — сказала мисс Форд, окидывая ее быстрым взглядом. — А что до прочего, я уверена, что они ошибаются.

Сенатор Сомнер с изумлением наблюдал этот обмен женскими любезностями.

— Но, дорогая мисс Форд...

— Не беспокойтесь, сенатор, — воскликнула Мэри — Мисс Форд дает мне шанс.. тогда как другие осудили меня, не видев и не слышав. И я ей благодарна.

— Вы проникательны, мадам, — протянула нараспев вирджинка. — Видите ли, я всегда была другом Белого Дома, и очень горжусь привилегиями, которыми я здесь пользовалась. Конечно, в виду политической необходимости те дни прошли. Сама я уезжаю на мою плантацию близ Фэрфакса. Я не рассчитываю жить в Вашингтоне, пока дела нашей семьи не поправятся. Но когда это время наступит, и вы еще здесь будете, мне хотелось бы иметь возможность забежать, как прежде, в Белый Дом на чашку чаю... Политика не должна мешать светским обычаям...

Голубые глаза Мэри становились ласковей с каждой медленно произносимой мисс Форд фразой.

— А когда вы уезжаете на плантацию, мисс Форд, — с любопытством спросила она.

— Как только я сдам здесь свой дом, мадам.

— Раньше, чем вы уедете, скажем завтра днем, — не оживите ли вы старой привычки, выкушав со мною чашку чаю?.. Вы так откровенны... Если вы придете, я хочу воспользоваться вашей откровенностью и задать вам кое-какие вопросы насчет стоящих передо мной светских проблем.

Вирджинка рассмеялась.

— Это будет интересно, не правда ли, сенатор?

— Никто не может помочь миссис Линкольн больше, чем вы, мисс Форд, если только вы откажетесь от своей враждебности, — ответил Сомнер серьезно.

— Враждебности?.. Но я не сторонница отделения, сенатор! — воскликнула мисс Форд. — Я — сторонница Юниона, стоящая за рабовладение.

— Мне все равно, кто вы, — заявила Мэри. — Приходите ко мне на чашку чаю.

Вирджинка с минуту поколебалась. Затем быстро протянула Мэри руку, воскликнув:

— Хорошо, благодарю вас. Не могу противиться вашему сердечному приглашению, мадам. Я приду... Сенатор, если вы проводите меня до моей кареты, я освобожу вас от этого веера.

И шумя широко развевающимися шелковыми юбками, она отдала поклон и удалилась.

Под вечер на следующий день мисс Форд явилась в Белый Дом. Ее сопровождала девушка-негритянка, несшая под мышкой двух беспокойных щенят. Мэри приняла гостью в гостиной семьи в верхнем этаже, — не считая спальни, это было единственное место в Доме, где можно было укрыться от искателей мест.

— Эти щенята — гончие, для ваших мальчиков, — протянула нараспев вирджинка. — Наша старая собака Салли оценилась в Вашингтоне, и я не могу тащить с собой шестерых щенят на плантацию. У нас и так их десятков шесть. Положи их на коврик перед камином, Джинни, и подожди меня в карете.

— И попроси привратника прислать сюда моих мальчиков сейчас же, пожалуйста, Джинни, — приба-

вила Мэри, внимательно разглядывая щенят на ковре.

— Разумеется, я знаю, что они будут бичом вашего дома, — продолжала мисс Форд, усаживаясь и небрежным грациозным движением расправляя свой кринолин. — Но единственное, что я знаю о мальчиках, это то, что они любят собак.

— Вы очень милы! — воскликнула Мэри, искренне тронутая. — А вот и они...

Двое мальчиков вбежали в гостиную.

— Вилли, Тэд, раньше, чем вы займетесь собаками, представьтесь мисс Форд и поблагодарите ее за подарок.

Со свойственной детям торопливой небрежностью мальчики пожали мисс Форд руку, и затем разом бросились на ковер.

— Этот, с черным пятном на глазу — мой! — кричал Тэди.

— Ну, нет, он — больше, значит он — мой, — свойственным ему неторопливым тоном заявил Вилли.

— Ты, грязный скунс, — начал было Тэди.

Мэри, не тратя лишних слов, подошла к коврику, положила каждому мальчику под мышку щенка, затем взяла обоих за ухо и повела к двери в коридор. «Вон отсюда, джентльмены!...» — И она плотно прикрыла за ними дверь.

— И часто они так? — протянула мисс Форд, когда Мэри, слегка задыхаясь, вернулась к своему креслу у окна.

— Это еще что! Эти — настоящие мальчики, и выговоры на них не действуют. Они будут препираться, пока не наткнутся на что-нибудь твердое.

— И это твердое — вы, — сказала вирджинка, с любопытством смотря на Мэри своими фиалковыми глазами.

— Да, пытаюсь быть твердой, — ответила Мэри. — Вам они, вероятно, показались грубыми и непривлекательными, потому что вы не знаете мальчиков. Но в действительности ребята их возраста —

очень милые, и с ними не всегда бываешь так строга, как нужно.

— Вы пошлете их в школу? — спросила мисс Форд.

— Не думаем. В школе их будут и баловать, и оскорблять. Мы найдем воспитателей.

— Оскорблять?.. — Мисс Форд стянула с пальцев свои длинные черные перчатки и расправила широкий кружевной воротник, падающий на ее покатые плечи.

Глаза Мэри засверкали, и она утвердительно кивнула головой.

— Я объясню вам, что я хотела сказать...

И она рассказала о полученном ею письме, и о драке, которую затеял Вилли.

— Как глупы люди! — воскликнула вирджинка, когда Мэри кончила свой рассказ. — Мне нравится ваш маленький Вилли. Он похож на вирджинца.

— Он отдаленно и есть вирджинец, и с отцовской и с моей стороны. — Мэри посмотрела в окно на холмы за рекою Потомак. — Сама я из Кентукки, и горжусь этим так же, как вы гордитесь тем, что вы — из Вирджинии.

— Как же вы могли выйти замуж за республиканца? — вскричала мисс Форд.

— Я вышла замуж не за республиканца, — твердо ответила Мэри. — Я вышла замуж... — Она, размышляя, помолчала, затем подняла голову. — Я вышла замуж за умственного и духовного гиганта, переселившегося в тело человека из дремучих лесов, должно быть, за грехи в каком-нибудь из прошлых существований...

Если у мисс Форд и было желание выразить чем-нибудь свое презрение, она скрыла это желание под видом сочувственного интереса.

— Я немного ему помогаю, — продолжала Мэри. — Но только немного. Он — единственный, отмеченный судьбою. Я создаю ему нормальную жизнь,

как мужу и отцу, без чего его жизнь была бы одно-стороння. Вот и всё.

Последовало минутное молчание, после которого мисс Форд мягко спросила:

— Вы намерены ввести президента в вашингтонское общество?

Мэри засмеялась.

— Посадить разросшийся дуб в садик с однолетними растениями? Я — единственный член семьи со светскими амбициями...

Мисс Форд положила еще сахару в свой чай и грациозно его помешивала, разглядывая в то же время потрепанный брюссельский ковер, на котором была изображена опрокинутая корзина с розами.

— Ах, — вздохнула она, наконец, — я понимаю, как интересно должно быть выйти замуж за такого гиганта, хотя девушке из Кентукки и тяжело выходить замуж за человека с таким пристрастием к неграм, как у мистера Линкольна.

Небольшая фигура Мэри, утопавшая в мягком сидении кресла, выпрямилась.

— Вы ошибаетесь, мисс Форд, в двух отношениях. Хотя я и из Кентукки, я не сторонница рабовладения. И мистер Линкольн вовсе не пристрастно относится к неграм, как таковым.

— Видите ли, — протянула вирджинка, — я по праву владею этой черной девкой — Джинни и еще десятками двумя негров. У моего отца около сотни негров, работающих в поле, да еще около дюжины дворовых. И у меня нет ни малейшего желания отказываться от своих прав в угоду ни этому правительству, ни какому бы то ни было другому.

— Но как мы можем отнять у вас это право? — нетерпеливо воскликнула Мэри. — Единственно, чего желает мистер Линкольн, это сохранить нераздельность республики. Он знает, что у него нет права уничтожить рабовладение.

Мисс Форд улыбнулась и на щеках ее показались ямочки.

— Вы так меня успокоили! Поскольку вы и президент не аболиционисты, — я в вашем распоряжении!

— Аболиционисты? Одна мысль об этом мне ненавистна, — вскричала Мэри. — Еще чашечку чаю, и скажите мне, что мне делать, чтобы справиться с ужасной интригой, которая плетется против меня в Вашингтоне.

Мисс Форд удивленно приподняла брови.

— Видите ли, я беру быка за рога, если вы позволите мне так выразиться.

— Способны ли вы смотреть фактам в глаза, мадам? — спросила мисс Форд.

Перед тем, как ответить, Мэри сжала губы.

— Я должна их вытерпеть, иначе моя жизнь в здешнем обществе будет полным фиаско. Но если я пойму окружающие меня условия, я буду в состоянии и бороться с ними.

— Думаю, вы будете в состоянии, — воскликнула вирджинка. — И если я могу помочь вам иным способом, чем тот, о котором я сейчас скажу, — приказывайте. Я страшно люблю борьбу!

После этого мисс Форд добрых полчаса разъясняла Мэри разветвления вашингтонского общества. Она говорила с сарказмом, очаровавшим ее слушательницу, которая понимала, что ей даются бесценные сведения относительно столичных дамских интриг.

Были уже сумерки, и мальчики принесли щенят с визитом к их прежней госпоже, когда мисс Форд покинула Белый Дом.

Глава четвертая

МИСС ФОРД

В этот вечер Линкольн пригласил к ужину всех трех своих секретарей с целью покончить с сотней вопросов, с которыми он не успел справиться в течение дня. Мэри не вмешивалась в разговор. Она следила за поведением детей за столом.

Только когда муж встал из-за стола, она на минуту его задержала.

— Авраам, мисс Форд поможет мне на моем первом приеме, — начала она...

— Да, да, милая Мэри, — Линкольн нагнулся, чтобы ее поцеловать. — А Стоддард поможет тебе разослать приглашения. Я иду на заседание кабинета.

И он вышел, оставив Мэри и молодого Стоддарда с изумленными улыбками на лицах.

Первое формальное совещание кабинета стоило Линкольну многих размышлений. Ему хотелось бы иметь дело с членами кабинета порознь, пока и он и они не освоятся лучше с делами. Но интриги сепаратистов вынудили его несколько поторопиться. Приходилось приучить упрямых помощников работать сообща немедленно, не дожидаясь, пока они приспособятся к новому положению.

Перед тем как заговорить, он окинул взглядом лица сидевших вокруг длинного стола. Ни одно из них не казалось ему дружественным. Он приступил к объяснению причин, побудивших его созвать их на экстренное совещание.

— Джетльмены, генерал Скотт сегодня мне сказал, что он хочет, чтобы мы эвакуировали форт Сомтер.

На минуту последовало изумленное молчание.

Первым заговорил Сьюард.

— В таком случае надо обязательно его эвакуировать! Скоро Южная Каролина вернется в Союз. В чем же дело?

Чэйс, — секретарь казначейства и самый красивый из членов кабинета, — наклонился к Линкольну и сказал таким тоном, как если бы он обращался к неразумному ребенку:

— Разве вы не видите, что сдача форта Сомтер убедит Юг окончательно, что все мы — жалкие трусы?

Бэйтс из штата Миссури ударил кулаком по столу.

— Никогда! Укрепить форт, хотя бы для этого понадобилось пятьдесят тысяч человек!

Лицо Линкольна было непроницаемо. Трое, высказавших свое мнение, были главными его соперниками по избранию на пост президента.

Монгомери Блэр — он был из штата Мэриленд, — вскочил, опрокинув стул, на котором сидел.

— Бог мой, господин президент, я бы не только укрепил форт, я послал бы пятьдесят тысяч человек в Южную Каролину привести их в себя, — как угрожал Эндрю Джэксон, когда изменнические штаты пытались аннулировать власть федерального правительства.

— Я хотел бы добавочной информации, — осторожно сказал Уэллс. Седобородый морской министр из Коннектикута принадлежал к демократам и не сочувствовал никому из присутствовавших.

Раньше, чем Линкольн мог ответить, Сьюард начал пространно объяснять общее положение. Мэриленд повидимому враждебен Союзу. Вирджиния, как и Теннесси, — колеблются. Однако он уверен, что своей осторожной тактикой он их сохранит за Союзом. Если форт Сомтер взять, применив силу, эти штаты конечно присоединятся к так называемой Конфедерации. Он, Сьюард, уверен, что спасет страну от настоящей войны, но для этого ему нужно время, время, время...

— Время, время... — усмехнулся Блэр. — Вы, Сьюард, выпячиваете на первый план свое министерство, — а тем временем в результате ваших интриг только усиливается измена!

— Не слишком ли сильно сказано, Блэр? — с видимым добродушием протестовал Сьюард.

— Вы слишком много разглаживаете, Сьюард, — оборвал его Уэллс. — Эта болтовня чего доброго доведет нас до войны...

Бэйтс и Смит перешептывались. Сьюард постучал по столу.

— Джентльмены, вы требуете информации. Как я могу вам ее дать, если вы не уделяете мне полного внимания?

Уэллс с гневом обратился к президенту. Линкольн сидел, небрежно перекинув ногу через ручку кресла...

— Сэр, разве председатель этого совещания — бывший губернатор Сьюард? Разве только он имеет право на вашу информацию? Разве это справедливо по отношению к нам, остальным?

— Сьюард видит многих людей, мистер Уэллс, — отвечал Линкольн. — Послушаем, что он о них доложит. Продолжайте, губернатор. Так что вы рассчитываете сделать, если у вас будет время?..

— Это должно быть неофициальным, — сказал Сьюард, — но сепаратисты прислали сюда троих комиссаров, и я нахожусь в постоянной связи с ними.

— Это недопустимо! — воскликнул министр внутренних дел Смит.

— Для чего присланы эти комиссары? — настойчиво спросил Блэр.

— Кто они такие? — спросил Чэйс.

— Они прибыли, чтобы вступить с правительством в переговоры о признании Конфедерации, — невозмутимо ответил Сьюард. — И я надеюсь выиграть время, дав согласие на переговоры.

— И вы позволяете это, господин президент? — изумленно воскликнул Уэллс.

— Я? — Линкольн улыбнулся. — Нет, я не признаю существования Конфедерации. Ну, друзья, теперь перед вами все факты, известные мне о форте Сомтер. Недели через две я рассчитываю знать больше. А тем временем я приму во внимание мнения всех вас. Прошу вас в любой момент сообщать мне все факты и идеи, которые могут вам прийти на ум.

— Господин президент, когда вы созовете следующее совещание кабинета? — спросил Уэллс.

Президент колебался. За него ответил Сьюард.

— Я дам вам знать, мистер Уэллс.

— Вы! — воскликнул морской министр. — Благодарю вас, но я не вижу причины, почему я не могу сноситься непосредственно с президентом.

— Заседания кабинета, — сказал спокойно Линкольн, не могут быть регулярными, пока не уляжется суматоха, вносимая искателями мест и пока мы не освоимся со своим положением. Разумеется, я буду совещаться и с каждым в отдельности, и со всеми вместе, по мере надобности.

— Но что делать с фортом Сомтер? — настаивал Блэр.

Сьюард снова попытался ответить, и снова Уэллс и Блэр, повысив голос, бурно запротестовали против его, как они выразились, вмешательства.

Линкольн с поглощающим интересом слушал и наблюдал. Вот кабинет из блестящих людей, какого он желал и какой получил. Но обнаруживалось также, что он собрал вокруг себя людей с сильными страстями, с глубоким себялюбием, с ребяческими антипатиями. Каждый из них реагировал на всё в соответствии со своим настроением, как Мэри в свои самые капризные моменты.

До сих пор Линкольн знал этих людей только как общественных деятелей, — как демократов и республиканцев, радикалов или консерваторов, сенаторов, су-

дей, губернаторов. Перед тем, как надеяться успешно руководить этой группой слишком выдающихся личностей, он должен знать их, как человеческие существа. Еще несколько таких общих совещаний, говорил он сам себе, и характер каждого обнаружится лучше, чем его обнаружили бы сколько угодно частных собеседований. Зависть — неумолимый обличитель всего слабого и мелкого в человеческих желаниях. Еще с юношеских лет Линкольн пристально и на практике начал изучать местных политиканов. И эти люди, думал он, мало чем отличаются от тех, с кем он близко и подолгу соприкасался.

Было уже поздно, когда заседание закончилось, и закончилось оно без какой-нибудь определенно формулированной политики по вопросу о форте в Чарльстонской гавани. Уже после того, как совещание кончилось, президент долго сидел у огня, перебирая в уме семерых людей, которых он пригласил помогать ему в надвигающемся кризисе. Дольше всего мысль его останавливалась на Сьюарде. Из всех членов кабинета Сьюард был наиболее необходимым для успеха задачи, которую Линкольн себе поставил. И в то же время он был самым опасным для благополучия страны. Ибо, как открыл Линкольн за несколько последних недель, Сьюард был не государственный деятель, а политикан, — глубокий эгоист и притом слишком суетливый. Под хорошим контролем и с энергией, сосредоточенной на одной большой цели, он мог бы быть полезнее, чем кто бы то ни было другой в Соединенных Штатах. Но свободный от контроля, он растратит свои большие таланты и ресурсы своего положения на тысячи ложных тревог и ничемных затей.

Часы на камине пробили одиннадцать, когда дверь раскрылась. Николэй должен был прийти с докладом о легальных способах, какими можно было бы собирать подоходный налог в отложившихся штатах. Линкольн, не поворачивая головы, протянул руку.

— Прекрасно, Николэй. Вы должно быть страшно устали. Идите отдыхать.

— Господин президент! — прозвучал женский голос.

Линкольн медленно поднялся. В дверях в зеленом бархатном костюме амазонки стояла мисс Форд. Внезапно она закрыла за собой двери.

— Как вы сюда попали, мадам? — воскликнул президент.

— Ничего не может быть проще, дорогой мистер Линкольн! — Она бросила на стол свой хлыст и усеялась перед огнем. — Ваш привратник спал, — как верно и прочие домочадцы. Я до позднего времени каталась верхом, — и по внезапному импульсу решила зайти. Я — человек импульса.

— Так, понимаю, — сказал Линкольн, глядя на ее глубоко-посаженные глаза и хорошо обрисованные губы. Никогда еще не видел он лица, выражающего такую искусную и холодную расчетливость. — Чем могу вам служить?

— Мистер Линкольн, — сказала она, наклоняясь к нему. — Я знаю, насколько это противоречит правилам... но... Миссис Линкольн произвела на меня страшно сильное впечатление, и я хочу помочь ей.

Линкольн подумал, что никогда еще он не видел такой красивой женщины. Для беззащитных мужчин она опаснее, чем вся милиция старого генерала Скотта.

— Почему вы думаете, что моя жена нуждается в помощи? — спросил он.

— По двум причинам. Во-первых, как вирджинка, которой приходится много вращаться в обществе, я знаю, какую войну начнут вести против нее вашингтонские дамы. Во-вторых, она сегодня мне показала, что она сама намерена вести против них наступательную войну. Она — в высшей степени способная женщина, и я думаю, что, если у нее будет в течение нескольких недель хорошая советница, она совершит чудеса. Но если она будет продолжать действовать с та-

ким же упрямством, как начала, ее ожидает позорная неудача.

Линкольн кивнул головой.

— И вы думаете, что можете давать ей нужные советы?

— Безусловно. Но лишь при вашей поддержке.

— Моей? Но, дорогая мисс Форд, я никогда не указываю миссис Линкольн, какие колкости говорить за чайным столом и тому подобное. Я не гожусь для этого. Дома, в провинции, она хорошо со всем справлялась. Я понимаю, конечно, что здесь придется разгрызть орешек потверже. Но я не вижу, в чем может выразиться моя поддержка.

Президент встал и оперся на камин. Он был утомлен, и при всем желании видеть Мэри счастливой, меньше всего мысли его могли занимать светские интриги.

— Сговоритесь, как пожелаете, с моей женой, — с легкой улыбкой сказал президент, — и мне этим не докучайте.

— Но, — сказала мисс Форд изумленно, — то, что я хочу предложить, связано с расходами.

— Ну и прекрасно. Кошелек нашей семьи в руках у жены, — сказал президент, подавляя зевоту.

Она поняла намек и поднялась.

— Но, господин президент, это касается и вас. Молодой Стоддард — плохой помощник миссис Линкольн. Я хочу, чтобы вы назначили меня секретаршей при Белом Доме и предоставили мне заведывать светскими отношениями вас обоих. Пусть отсутствие светского опыта не даст вам закрыть глаза на то, насколько важно устраивать приемы как принято и элегантно.

— Вы упомянули об этом миссис Линкольн? — спросил президент.

— Да, сегодня днем, и она сказала, чтобы я переговорила об этом с вами. Я думала об этом во время катанья, и так как я слышала, что единственно,

когда возможно застать вас одного, — это поздно вечером, то — вот, я здесь.

Она улыбнулась, как бы говоря, что отдается на его милость.

Линкольн вздохнул. Ему нравились женщины, но он знал, что он судить о них не умеет. Даже как адвокат, имея с ними дело, он проявлял безнадежную сентиментальность, и сознание этого невольно делало его осторожным.

— Все мои секретари рекомендованы мне людьми, которых я знаю и которым доверяю, — сказал президент. — Кто рекомендует вас в случае, если моя жена и я согласимся на ваше предложение?

— Боже мой, — сказала она с легкой гримасой, — как важно звучит это в ваших устах. Ну, например, сенатор Сомнер — мой друг, и потом...

— Сомнер? Этого достаточно, если только миссис Линкольн решит осуществить эту идею. Я переговорю с ней. А теперь я позову Стоддарда или Хэя, чтобы они проводили вас домой, если хотите, мисс Форд.

— Нет, нет, пожалуйста. На улице меня ждет с лошастью мой грум, старик дядя Бен.

— В таком случае я сам провожу вас до дверей... И Линкольн с комичным поклоном, над которым уже потешались в Вашингтоне, предложил ей руку.

Они медленно прошли по скудно освещенным залам в переднюю, где спокойно спал старый привратник-ирландец Эдуард, оставив дверь отпертой. Линкольн, улыбаясь, как шаловливый мальчуган, прошел мимо него на цыпочках и открыл дверь. Вирджинка проскользнула наружу навстречу мартовскому ветру.

Президент вернулся на второй этаж и спокойно через двери просунул голову в кабинет секретарей. Хэя не было видно. Николэй сидел за письменным столом, положив голову на руки. Он спал. Линкольн пересек комнату и положил руку на плечо молодого человека. Николэй, мигая глазами, вскочил и стал извиняться.

Президент обнял его за талию.

— Пойдемте со мною, Джордж. Я хочу вас кой о чем попросить.

Он провел Николэя из офиса в соседнюю полуосвещенную комнату, где спал Хэй. Линкольн подвел молодого секретаря к кровати.

— Сюда! — воскликнул он. — Достаточно ли этого намека, или прикажете мне вас раздеть, Джордж?

Николэй рассмеялся.

— Этого намека довольно, сэр. Но я еще не окончил доклада.

— Но вы выбились из сил. Я не могу потерять вас в самом начале. Смотрите на Джона! Ему, верно, не больше восемнадцати. Хороший парнишка. И какой крепыш!

Линкольн прикрыл стеганым одеялом плечи Хэя и на цыпочках вышел из комнаты.

В свой кабинет он не вернулся. С зажженной свечой, которую он взял со стола в коридоре, он вошел в одну из комнат, расположенных напротив комнаты его и Мэри. Вилли спал, прикрыв голову подушкой. Щенок, свернувшись клубочком, спал прислонясь к его спине. Линкольн снял с головы мальчика подушку, поцеловал его потный лобик и прошел к комнате Тэда. Одеяло валялось на полу, а ноги Тэда были на подушке, на которой лежал, скуля, щенок. Линкольн улыбнулся, ловко перевернул мальчика так, чтобы голова его очутилась на подушке рядом со щенком, и прикрыл одеялом. Потом, заслоня пламя свечи, посмотрел на ребенка.

«Красивый мальчик! Красивый парнишка! Чудесно, когда чувствуешь, что такое красивое существо плоть от твоей плоти», подумал он. Затем через коридор направился в комнату жены.

Она читала, при свете свечи, сидя на кровати. Увидев мужа, она ему улыбнулась.

— Рад, что ты не спишь, — воскликнул он, поставив свечу на столик и присаживаясь на кровати. — В конце концов и мне ведь надо прилечь отдохнуть.

— Ты переутомился, бедный, — прошептала Мэри. — Почитать тебе?

— Нет, Мэри... А я только что отпустил посетительницу — даму.

— Не может быть, — сказала Мэри, сверкнув глазами. — Они уже начали!

— Да, на то похоже.

И с широкой улыбкой, быстро перешедшей в сосредоточенное выражение лица, он сказал: «Это была мисс Форд. Я тебе расскажу...»

И он передал Мэри подробности разговора с мисс Форд.

Мэри внимательно слушала.

— Она идет дальше, чем я имела ввиду, — сказала она, когда Линкольн кончил. — Но раз ее рекомендует Сомнер, — что ты думаешь об этой идее?

— Я не могу поместить ее в список правительственных служащих, — отвечал президент. — Но если ты хочешь платить ей из моего жалования, ничего не имею против. Ты знаешь, чего хочешь. Завтра я переговорю с Сомнером.

Мэри кивнула головой.

— Ты передашь мне, что он тебе скажет... А где последние шутки Артемюса Ворда? Я почитаю тебе перед сном...

— Нет, побереги свои силы до более трудных времен. Я усну и так. Спокойной ночи, дорогая моя Мэри.

Он с минуту подержал ее в своих больших руках, затем уложил ее так же нежно, как он укладывал Тэда, и, поставив свечу рядом, улегся в кровать.

ПРОВИАНТ ДЛЯ АНДЕРСОНА

На другой день в кабинет Линкольна явился Чарльз Сомнер, чтобы посоветоваться с ним насчет назначения Чарльза Фрэнсиса Адамса на пост посла в Лондоне. Президент забыл расспросить его о мисс Форд, но сам Сомнер по окончании совещания, когда он уже положил свою большую белую руку на ручку двери, сказал:

— Мисс Форд надеется, что я порекомендую ее на должность четвертого секретаря при Белом Доме, господин президент.

— Ах, да... Я и позабыл про эту даму! — воскликнул Линкольн. — Что она из себя представляет, сенатор? Что скрывается за этой внезапной готовностью быть полезной?

— Я не вполне в этом уверен, говоря откровенно... В голосе Сомнера слышалось легкое негодование. — Я знаю ее уже много лет. Это — очаровательная и культурная дама... Конечно, соответственно тому, как у нас измеряется культурность... Отец ее порядком разорился, и, повидимому, финансы ее в плохом состоянии. Нужно было проявить не малое усилие воли, чтобы обратиться к вам с такой просьбой. Ведь она не только вирджинка, но вдобавок и владеет рабами.

— Что скажут, если моя жена наймет особу таких политических убеждений? — спросил Линкольн.

— Всем южанам это понравится. Скажу, что в политическом отношении это было бы очень ловким жестом.

Сомнер хитро улыбнулся.

— Если так, я предоставлю это Мэри — с облегчением сказал Линкольн. — А сам брошу об этом думать...

Он почти не заметил, как, неделю спустя, корзины мисс Форд были доставлены в комнату, соседнюю

с комнатой мальчиков. Он так нерегулярно появлялся в столовой, — единственном месте где он мог встретить гостей семьи, — что прошло не мало времени, пока вирджинка оказалась в поле его зрения.

Человек по природе небрежный и мало заботящийся о порядке, Линкольн с большим трудом привел в определенную систему свою работу, так, чтобы она не стала совершенно хаотичной.

Через несколько дней ему удалось направить массу искателей мест в различные министерства. Но это предоставляло еще большие возможности самозванным спасителям нации, толпившимся в Белом Доме и Капитолии и во всех питейных домах и гостиницах Вашингтона.

Словно в противовес чрезмерной активности этих крайне озабоченных особ, с каждым днем все более выяснялась чрезмерная же инертность со стороны тех, на работоспособность и инициативу которых Линкольн рассчитывал. Старый генерал Скотт затягивал выполнение приказов президента. Сьюард игнорировал его указания. Он дошел даже до того, что в письменном меморандуме намекнул, чтобы Линкольн вручил ему — государственному секретарю — бразды правления.

Все эти проявления пренебрежения к его способностям президент принимал с внешним спокойствием. Но на деле он был глубоко подавлен. Только его несравненное самообладание позволяло ему воздерживаться от какого-либо определенного шага, пока он не поймет лучше окружающих его людей. Его редко обманывало чувство пропорций. В высокомерном меморандуме Сьюарда его смущало не столько самое высокомерие, сколько то, что Сьюард проявил отсутствие здравого смысла, указывая, что наилучшим способом предупредить войну в самой Америке, для Америки было найти предлог для объявления войны — по порядку — Испании, Франции и Англии. Война с другим государством, объявлял государственный секретарь, объединит Север и Юг против общего врага!

В своем ответном меморандуме он без особенного труда сдержал дикие порывы Сьюарда, и, дописав, спокойно посмотрел из окна на свою семью в саду Белого Дома.

Было начало апреля. Мэри стояла в саду, разговаривая с садовником. Тэд и Вилли заставляли своих собак бегать наперегонку. Мисс Форд медленно разгуливала по дорожке, читая письмо. Пока президент глядел на эту приятную сцену, в саду появился рослый человек в одежде всадника. Он поклонился сначала Мэри, затем мисс Форд.

— Это Вильям Рессель, — пробормотал Линкольн и высунулся из окна. — Эй, Рессель, подымитесь-ка на минутку ко мне, — позвал он.

Англичанин поднял голову, поклонился и направился к дому. Через минуту он входил в кабинет.

— Вы не особенно часто встречаетесь с людьми, — поскольку это касается меня, Рессель, — воскликнул президент идя ему навстречу. Он снова почувствовал, что ему нравится и внушает уважение этот смуглый военный корреспондент. — Как я слышал, вы отправляетесь в поездку на Юг и вверх по Миссисипи?

— Да, господин президент. Мисс Форд дала мне письмо к своим друзьям в Алабаме.

— Полагаю, она знает там лучших людей, — сказал Линкольн. — А вам не требуется много времени, чтобы завести знакомства... Например с мисс Форд.

Рессель, высокий, как и сам Линкольн, вопросительно на него посмотрел. Затем взглянул в окно, прежде чем ответить.

— Ваше превосходительство, я встретился с ней не в Белом Доме, хотя, если не ошибаюсь, она — одна из секретарей. Я встретился с нею на обеде у миссис Гринхоу, — она давала обед трем комиссарам, присланным сюда, как я думаю, мистером Джефферсоном Дэвисом. Когда я узнал, что мисс Форд — интимный друг мистера Дэвиса, я попросил ее дать мне рекомендательное письмо к нему.

— Хотел бы я знать, что об этом скажет Чарльз Сомнер! — воскликнул президент. — А впрочем, почему ей его и не знать. Да и что из того, если она его знает. Нет, Рессель, она — не мой секретарь. Она устраивает танцевальные вечера для моей жены — в порядке светской войны... Я позвал вас сюда для того, чтобы спросить вас, — что бы вы сказали, если бы мы назначили нашим послом при дворе Св. Джемса Чарльза Фрэнсиса Адамса? Думаю, что вы с ним уже встречались...

— Да, господин президент, я имел удовольствие обедать в его обществе несколько раз.

— Отлично. Подойдите ближе сюда, к окну, и скажите, — какого посла, по вашему мнению, ожидает от нас Англия?.. А вот, Рессель, хотя вы и высокий, а все-таки я могу коснуться кончиком носа вашего темени...

Говоря так, Линкольн подвел англичанина к покойному креслу.

— Я побывал в самых диких местах земного шара, сэр, и если бы я был вашего роста, туземцы приняли бы меня за бога, — улыбнулся Рессель. — Если когда-нибудь вы утомитесь от простого президентского поста, я дам вам адрес моих диких друзей...

Линкольн засмеялся. Разговор начался при самых дружественных чувствах с обеих сторон. Он внезапно оборвался, когда час спустя, в кабинет с криком вбежал Тэд. Не останавливаясь, он пробежал в гостиную.

— Что с ним такое, не ушибся ли он — с беспокойством вскричал Линкольн.

Рессель поднялся с кресла.

— Пойти мне за ним или позвать гувернантку, господин президент?

— Ну, мы переговорили, — сказал Линкольн. Его сердце разрывалось на части всякий раз, когда Тэд плакал. — Я сам пойду к нему. Заходите повидаться перед тем, как вы отбудете на Юг...

И президент поспешил в гостиную.

Тэда там не было. Плач его доносился из спальни. Мальчик, кинувшись, лежал на кровати отца. Линкольн наклонился над ним.

— Уходи! Уходи, папочка, — стонал Тэди. — Я тебя ненавижу. Я ненавижу Вилли. А больше всех ненавижу мисс Форд.

— Иди сюда и Расскажи мне всё, — сказал отец, усаживаясь в свое любимое кресло у окна.

— Нет! нет! нет! — заливался Тэд.

Дверь из коридора распахнулась и появился Вилли. На нем был его лучшая курточка из темнозеленого бархата и такого же цвета суконные панталоны. Широкий белый воротник с развевающимся зеленым галстучком довершал праздничную пышность его костюма. Мальчик посмотрел на брата с презрением, словно жалуясь отцу.

— С Тэди надо что-нибудь сделать, — заявил он. — Он говорит, что никто, кроме него, не женится на мисс Форд, и что тогда он... Эй, перестань Тэд, не мешай мне сказать папочке...

Тэд внезапно приподнялся и присел на кровати. Лицо его было мокро от слез. На нем был бархатный костюм цвета красного вина, обшитый шелковым шнурком и кружевной воротничок.

Сильно заинтересованный, президент переводил глаза с одного на другого.

— Хорошо, Расскажи ты, как было, — всхлипывал Тэд.

— Разве я не всегда рассказываю?.. Хорошо, папа. Тэд может думать что хочет, насчет того, кто женится на мисс Форд. Я думаю, что если я на ней не женюсь, то на ней женится Джон Хэй. Но Тэд не должен сходить с ума, когда у мамы гости. Иначе скажут, что Линкольны не умеют воспитывать детей. Кажется об этом и так много говорят и без выходов Тэда.

— Хорошо, я только его спросил... — Тэд рукавом вытер глаз.

— Подождите минутку, ребятки. Вилли, сбегай, принеси мне иголку с черной ниткой из маминой корзиночки. От моего нового костюма вчера вечером оторвалась пуговка для подтяжек, и я забыл сказать маме. Покуда вы мне будете рассказывать, я ее пришью.

Вилли побежал выполнять поручение, а Тэд продолжал всхлипывать, — теперь уже тише, постоянно повторяя: «Я его спросил»...

Успокоить его во время одного из его припадков было невозможно. Линкольн вынул из гардероба свои лучшие брюки, надел очки, и, когда Вилли вернулся с иголкой, уселся и сказал:

— Ну, продолжай, Вилли, пока мне не помешали.

— Вот... — начал старший мальчик, расставив ноги и вытянув вперед голову, забавно подражая обычной позе отца, — что Линкольн и заметил, улыбаясь. — Вот, мама пила чай в Голубой гостиной, и там был мистер Мерсье, и мисс Форд, и еще две или три дамы, и миссис Уэллс, и другие, и несколько незначительных жен кабинета...

— Кто так сказал? — прервал его Линкольн.

— Я слышал, так сказала маме мисс Форд... И Джон Хэй вернулся откуда-то, куда он ходил с поручением, и попросил чашку чаю, и там был мистер Сомнер, и он разговаривал с мамой по-французски, и сказал, что она говорит превосходно, и она сказала, что в школе, где она пробыла четыре года, иначе говорить не позволяли, и я подумал, что если бы все знали, как много мама знает, им стало бы стыдно, и вот как раз тогда Тэд начал глупить.

— Лучше скажи, что ты сделал... Скажи, что ты сделал, — простонал Тэд.

— Хорошо. Джон Хэй стоял и говорил с мисс Форд, и у него в руке была чашка чаю, он ее держал, отставив мизинец, — вот так, — и поджав вежливо губы, — вот так...

Линкольн захохотал — он не мог не узнать Джона в его лучшей светской позе.

Вилли посмотрел на отца с негодованием. Президент сразу сделал серьезное лицо и энергично просунул иголку сквозь сукно. Вилли продолжал.

— Я не хочу, чтобы было смешно, я хочу только рассказать... Хорошо, мисс Форд посмотрела на Джона, — вот так... Вилли изобразил лэди, смотрящую с обожанием... Линкольн молчал, подавляя смех. — Ты ведь знаешь, папочка, мисс Форд прежде всего друг нас, мальчиков. Нам она подарила щенят. А Джону Хэю она не подарила ничего. И я его знаю, все барышни в Спрингфильде сходили по нем с ума, и я решил помешать... Я вышел в коридор, как будто кто-то делал мне оттуда знаки, и вернулся обратно и сказал Джону, что ты его зовешь. И он вышел. И куда я мог что-нибудь сделать, Тэд вскарабкался на колени к мисс Форд, и смял её кринолин, и я потянул его на пол, — вот так, — и он сразу спятил с ума и закричал, что я — поганый скунс, и что мисс Форд — его девушка. И при этом еще опрокинул чашку с чаем.

— Ты сам ее опрокинул, поганый скунс! — завопил Тэд.

— Неправда! И все возмутились, и мама выставила нас вон.

— И что случилось потом? — спросил Линкольн.

— Ты ведь сам слышал, как Тэд с ревом побежал сюда. Я немножко походил с мистером Мерсье, чтобы показать, что мне всё равно.

— И мисс Форд обварилась горячим чаем?

— Нет, чуть-чуть. Она прошла мимо меня и мистера Мерсье в коридоре, с мистером Сомнером, и она нам улыбнулась. Я умею делать поклон точь-в-точь, как мистер Мерсье...

Прижав воображаемую шляпу к сердцу, Вилли отвесил глубокий поклон.

— Мне больше нравится, как это делает мистер Сомнер, — вскричал Тэд, прыгивая с кровати. Он схватил со стола отцовский цилиндр, напялил его на голову, потом, широко размахивая вытянутой рукой,

подержал его перед собой и закрыл им свое раскрасневшееся личико.

— Шевалье — как его там зовут, итальянский посол, делает это так, — заявил Вилли, хватая цилиндр.

Линкольн наблюдал их улыбающимися глазами. За этими, одетыми в бархатные костюмчики мальчиками ему рисовался образ босоного мальчика в потрепанной рабочей одежде, лишенного самого необходимого... Образ этот быстро исчез — как всегда, кто-то постучался в дверь. Вошел Джон Хэй.

— Могу я просить минуту вашего внимания, сэр, — сказал он хлодно.

— Вероятно, хотите сообщить о вашем предстоящем браке? — с серьезным видом сказал Линкольн.

— Боже сохрани, — изумленно воскликнул Джон. — Что вы хотите этим сказать, сэр?

— Да ведь вы почти разбили сердце Тэда, встав между ним и мисс Форд, — отвечал Линкольн. — А это не шуточное дело, — прибавил он поспешно.

— Понимаю, — сказал Джон глядя на мальчиков. — Они оба признают ее обаятельность. Почему и мне не следовать их примеру?

— Я первый ее спросил, — закричал Тэд.

— Хорошо, — сказал Хэй, — пусть она будет твоей. Только при одном условии. Если я обещаю не обручиться с ней, могу я ей отвечать, когда она обращается ко мне? Она хорошо понимает политику южан.

— Это вы можете делать, — великодушно разрешил Вилли.

— А тебе какое дело? — спросил Тэд воинственно, и затем обратился к Джону. — Только говори с ней вежливо, Джон. Я полагаюсь на твое обещание.

— Ну вот, вопрос решен. А теперь, мальчики, убирайтесь в вашу комнату и вымойте руки перед ужином, — приказал отец. На этот раз они беспрекословно повиновались.

Взрослые улыбнулись друг другу, и затем Хэй сказал:

— Мистер Линкольн, как мы должны поступать по отношению к этим репортерам? Я имею в виду тех, кто сознательно распространяет ложь на наш счет. Неужели мы не должны делать опровержения?

— Нет. Только в том случае, если я вам об этом скажу, — отвечал президент. — Кажется случилось что-то особенное. Грили бранится, как всегда?

— Нет, дело не так просто.

— Чикагские газеты говорят, что вчера за ужином я был пьян? Они писали про это так много, что я сам начинаю этому верить.

Молодой секретарь покачал своей красивой черноволосой головой.

— Если ложь напечатана, с ней еще не так трудно справиться... Тут есть репортер из Нью-Йорка, — из таких, что со всеми за панибрата, — и он претендует на какую-то особенную близость к вам. Вы никогда с ним не встречались, и, поскольку это зависит от меня, и не встретитесь. Его специальное притязание на славу основано на том, будто бы вы рассказываете ему непристойные анекдоты.

— Что?! — воскликнул президент.

Джон Хэй покраснел, но продолжал.

— По стране распространены слухи, что у вас есть коллекция особенно непристойных острот, которые вы и пускаете в ход при всяком удобном случае. Этот репортер передает много таких острот, которые вы будто бы сказали ему на ухо. Сегодня до меня и до Николая дошла одна из них, — острота, которую вы будто бы сказали насчет одного из членов кабинета. Она настолько неприлична, что я не стану ее повторять. Но она может причинить вам большую неприятность, если дойдет до этого члена кабинета. Я прошу вашего позволения подойти к этому репортеру и спустить с него шкуру!

Линкольн сочувственно посмотрел на возбужденное лицо молодого человека.

— Джон, вы и Джордж знаете, что я не рассказываю непристойных анекдотов. Я знаю это. И скоро это признает и кабинет. Этого довольно.

— Я понимаю, что вы не можете меня на это уполномочить, — вспыхнул Джон, — но вы теперь знаете, в чем дело, и я должен вас предупредить, что если я хоть раз еще услышу, что это животное повторяет все эти грязные вещи, я его избью.

— Вы не можете его избить, Джон. Ваше положение не позволяет вам тратить время на то, чтобы чесаться от каждого укуса блохи, когда зданию угрожает ураган, — но ваша преданность трогает мое старое сердце... Джон, вы знаете Ресселя. Что вы о нем думаете?

— Он понимает военное дело лучше, чем кто бы то ни было в этой стране. Отношения его с американскими репортерами неважные, потому что лондонский «Таймс» требует фактов, а наши газеты скандалов. Он обидел нескольких почтенных политиканов, потому что не позволяет им выплевывать табачную жвачку на пол своей комнаты, — как они это делают в Белом Доме. Он замечательно беспристрастный и внимательный наблюдатель. Скажу вам, сэр, что я сам надеюсь когда-нибудь писать, и я хотел бы поучиться этому делу у него. Я захожу к нему так часто, как могу.

— Это хорошо. Поддерживайте с ним отношения... Ну а эта мисс Форд — чего ей надо?..

Джон слегка покраснел.

— Думаю, сэр, что ей не надо ничего, кроме светских развлечений.

— Так... А что это за книжка высовывается у вас из кармана, Джон?

— Это «Листья травы» Уолта Уитмена. Оливер Венделл Холмс говорит, что в этой книге есть самые разнообразные листья, — кроме фигового листочка. Но я не нахожу в ней ничего предосудительного. Хотите просмотреть ее?

— Да я знаю целые страницы наизусть, — сказал президент. Он поднялся и сбросил с себя сюртук и жилет. — У меня в кабинете в Спрингфильде был экземпляр этой книги. Этот Уитмен — не поэт, но он — пророк демократии. Он много мне помог, когда я сомневался, может ли правительство, недостаточно сильное, чтобы охранять свободу, быть достаточно сильным, чтобы устоять...

Он уселся на край кровати и снял ботинки, обнаружив серые шерстяные чулки, которые носил независимо от места или времени года. Медленно, устремив печальные свои глаза на Джона, он стащил свои табачного цвета брюки и надел другие — черные.

— В этом — вечная проблема Америки, — продолжал он. — Наши предки думали, что им удалось решить ее посредством Конституции. Уитмен думает, что с демократией тесно связано и дает ей вечную жизнь то, что он называет «нерасторжимой товарищеской любовью».

Он натянул подтяжки на плечи и попробовал, достаточно ли крепко пришил пуговку.

— Удовлетворяет ли вас, мистер Линкольн, ответ Уитмена? — спросил молодой секретарь.

— Удовлетворяет отчасти, — отвечал президент. Этот Уитмен — настоящий человек. Я хотел бы с ним познакомиться... Не можете ли вы, Джон, купить мне белые перчатки? Я не могу припомнить, куда я девал мою последнюю пару. Конечно, если у вас будет время. Идете ужинать?

— У меня достаточно времени, — сказал Джон. — Мы обедаем у Мерсье с Ресселем, лордом Лайонсом и еще кое с кем. Мерсье рассчитывает, что я предложу тост за Ресселя.

— Это хорошо! Я знаю, что тут без выпивки не обойдется...

— Эта часть представления не будет сухой...

Улыбаясь молодому секретарю, президент надевал свежий воротничек.

Джон помедлил, положив руку на дверную ручку.
— Зеленое сено, сэр, не может быть сухим.
Он усмехнулся и вышел.

Г л а в а ш е с т а я

МИЛОСЕРДИЕ

На вечер первого апреля был назначен первый официальный обед. Он был очень скучен. За ним последовало заседание, во время которого Линкольн пытался склонить членов кабинета согласиться на некоторые меры помощи форту Сомтер.

Пока шли долгие препирательства по поводу первых, внесенных президентом предложений, неподалеку в Вашингтоне происходила по тому же вопросу конференция совсем другого рода.

Окна дома мисс Форд были заколочены досками, и мебель покрыта чехлами. Но в камине горел огонь, и мисс Форд сидела около него, разговаривая с судьей Кэмпбеллом.

Как раз в момент, когда Линкольн сделал свое первое, выраженное в мягком тоне, заявление о неотложности вопроса о форте Сомтер, мисс Форд говорила судье:

— Покамест, господин судья, я почти не видала президента, но я имею свободный доступ к его бумагам. Я еще никогда в жизни не видала такого безалаберного человека. Он доверяет каждому. Сейчас он читает какую-то книгу о военной науке, Халлека или что-то в этом роде. Сегодня вечером он оставил ее в гостиной, — с этими двумя документами в качестве закладок. Вот они.

И она передала Кэмпбеллу меморандум Сьюарда и ответ Линкольна. Судья стал жадно их читать. Он отдал назад меморандум Сьюарда, заметив: «Этот человек — дешевый шовинист». Затем в течение несколь-

ких минут он изучал ответ Линкольна, и, положив бумагу на колено, сказал вирджинке:

— Тот, кто это написал, — составил государственный документ, непревзойденный по хитрости ни одним правителем. Если это написал Линкольн, партия сепаратистов действует, исходя из ошибочной теории.

— Да, это написал Линкольн, — сказала мисс Форд. — Я слышала, как Николэй сказал Джону Хэю: «Старик ловко ответил Сьюарду. И без каких бы то ни было советов с моей стороны»...

Кэмпбелл уставился в огонь. Затем он спросил:

— А как насчет миссис Линкольн?

— У меня такое впечатление, что она оказывает на мужа большое влияние. Но, откровенно говоря, я так редко вижу их вместе, и миссис Линкольн сейчас так занята составлением планов борьбы с вашингтонскими чудовищами — дамами, что я не могу привести определенного примера. Кстати, не выходит ли вопрос о форте Сомтер из под контроля Дэвиса? Может ли он сдерживать чарльстонскую толпу, так чтобы вы и другие комиссары могли действовать беспрепятственно? Мне кажется, вы недооцениваете значение, какое может иметь на поведение правительства взятие форта Сомтер.

— Горас Грили вчера в передовой сказал, что надо предоставить Югу свободно действовать, и что он во всяком случае отказывается жить в стране, единство которой поддерживается штыками, — отвечал Кэмпбелл.

— Но ведь Грили — враг клики Линкольна, — возразила мисс Форд. — Прочтите эти заметки на обороте меморандума Сьюарда, — это почерк Линкольна.

Судья быстро взглянул на обратную сторону меморандума. Там рукой президента было начертано несколько кратких заметок:

«Форт Сомтер: Лэймон и Хэрлбот докладывают, что в Чарльстоне союз не встречает сочувствия».

«План капитана Фокса насчет снабжения провиантом форта Сомтер проще, чем план Скотта. Генерал Скотт допускает, что предлагаемый Фоксом план атаки с моря имеет шансы на успех.

«Сепаратистам война нужна, чтобы разжечь на Юге общий энтузиазм в пользу отложения.

«Если мы отдадим Сомтер, этим в глазах мира мы признаем, что республика распалась, и что величайший опыт человечества по созданию демократии кончился провалом.

«Если мы двинемся на Сомтер, господствующая в Чарльстоне партия войны, воспользуется нашим первым движением, как предлогом для войны».

«В кабинете разногласие. Решение зависит от меня».

Судья Кэмпбелл вскочил и, потрясая бумагой перед умными глазами мисс Форд, воскликнул:

— Я их предупреждал! Я предупреждал и своих коллег, и президента Дэвиса, что Пикенс и его клика втянут нас в войну!

Мисс Форд спокойно глядела на его возбужденное лицо.

— Но почему вы считаете само собой разумеющимся, что Линкольн прикажет капитану Фоксу наступать?

— А разве вы так не думаете? — спросил Кэмпбелл.

— Нет, не думаю. Мы, вероятно, недооцениваем его ума, но в его сентиментальной мягкости сомневаться не приходится. Он не может сказать «нет» ни одному искателю местечка. Его слуги бессовестно злоупотребляют его мягкостью. Его дети — маленькие тираны. По отношению к членам кабинета он проявляет полное слабование. Сами видите, — к оскорбительным словам Сьюарда он относится, как будто это комплименты.

— Вы говорите, что в последние две недели вы с ним не встречались? Как же вы пользуетесь вашими возможностями! — вскричал с досадой судья.

Вирджинка выпрямилась.

— Сэр, сегодня вечером я доставила вам ценную информацию. Мне моя работа крайне не нравится. И я от нее впредь отказываюсь.

Кэмпбелл всплеснул руками.

— О, дорогая мисс Форд, разрешите мне роскошь успокоить мои взбудораженные нервы ворчанием! Это не должно повлиять на нашу дружбу. Простите меня великодушно! Простите? Не одна вы выполняете неприятную работу.

Тотчас же успокоившись, вирджинка встала и положила руку на плечо судьи.

— Простите и вы меня. Мой вспыльчивый характер не мог перемениться за две недели. Я сняла копии с этих бумаг, господин судья, и я вам их оставляю. А эти я должна немедленно положить на место. Можете ли вы передать поскорей эти копии президенту Дэвису? Том Тэйлор еще не вернулся из поездки в Монтгомери.

— Я позабочусь об этом, мисс Форд, — сказал судья, застегивая внутренний карман, куда он положил бумаги. — Ну а теперь скажите, как можем мы разузнать о Линкольне? Как нам убедиться, что решение его будет в наших интересах?

Мисс Форд задумчиво разглядывала ногти.

— Не можем ли мы доставить ему будто бы секретную информацию, что Дэвис, если только дать ему время, сумеет сдержать чарльстонцев?

— Да! Да! Но сможем ли мы получить гарантию от губернатора Пикенса и от Борегарда в Чарльстоне, что они предоставят Линкольну сделать первый шаг? — вскричал Кэмпбелл.

— Это уж ваше дело, неправда ли? — сначала успокоить Линкольна, а затем получить гарантию от Пикенса, — сказала вирджинка.

— Я повлияю на Линкольна, как и до сих пор, через Сьюарда. На этого повлиять не трудно, — рассуждал судья. — А потом я сам отправлюсь в Чарльстон. Тем временем, мисс Форд, вы завтра как-нибудь нагнетите Линкольну.

Мисс Форд покачала головой.

— Я не должна возбуждать подозрения, — если даже не с его стороны, то со стороны его секретарей. Они определенно настороже, эти молодые люди. А вы повидайте Сьюарда завтра утром.

— Да! Да! — повторял судья, накидывая мантию на плечи вирджинки. — Вы благополучно доберетесь до Белого Дома одна?

— О, да! — отвечала мисс Форд несколько сухо. Она поклонилась и с обычной грацией, шурша огромными юбками кринолина, вышла из комнаты.

В закрытой карете она доехала до главного входа в президентский дом, и оттуда по извивающейся дорожке до галереи. Она прибыла через несколько минут после того, как окончилось заседание кабинета. Старый слуга Даниель, уже ей преданный, — эта лэди — редкая птица, — говорил он, — спросил ее, приятно ли она провела вечер. Молодой Стоддарт встретил ее на лестнице, выпросил цветок из букета роз на ее волосах, и сказал ей, что все домочадцы, включая Хэя и Николэя, уже в кровати.

Она приколотила розу к петлице молодого человека, и тихими шагами пересекла верхний этаж. Дверь комнаты миссис Линкольн была закрыта. Дверь комнаты президента — приоткрыта. Она слышала, как он расхаживал взад и вперед по комнате. Затем до нее дошел голос миссис Линкольн.

— Ты не ложишься, Авраам? Хочешь я тебе прочитаю последнюю статейку «Петролеума Нэшби»?

— Нет, милая Мэри. Я сейчас лягу, и меня усыпит книга Халлека о военном искусстве и науке... Спокойной ночи...

После короткого молчания дверь в комнату мисс Линкольн скрипнула. Мисс Форд нерешительно заглянула в просвет двери. Президент стоял в ночной рубашке. Быстро повернувшись, мисс Форд поспешила в гостиную, и затем на свою половину.

Линкольн взял экземпляр Халлека, повернулся к кровати и с минуту поколебался. Затем мысли его вернулись к бесплодным препирательствам только что закончившегося заседания кабинета. Было тяжело думать о нерешительности, царившей среди этих людей, когда для спасения страны требовалась именно решительность. Он перелистал страницы книги, — там, насколько помнилось, он оставил свои заметки о форте Сомтер. Их в книге не было. Должно быть их взял кто-нибудь из мальчиков. Может быть, они оставили их на столе в гостиной.

Он натянул на плечи свой выцветший халат, всунул ноги в комнатные туфли, и прошел в пустую комнату, где в камине еще тлел огонь. При свете его он увидел свои бумаги. Они лежали на полу около большого стола посреди гостиной. Он покачал головой, упрекая себя в небрежности, и спокойно вернулся в спальную.

При свете свечи он просмотрел заметки, сделанные им на обороте меморандума Сьюарда, и затем стал расхаживать по комнате.

Теперь он был еще более уверен, что только на нем лежит решение, — после этого заседания с Чэйсом, Сьюардом, Уэллсом и прочими, сидевшими сегодня вокруг дубового стола. Что же, он придет к определенному решению перед тем, как заснуть.

Он расхаживал взад и вперед, взад и вперед... Он не чувствовал собственного тела, не замечал предметов, освещенных свечей и огнем камина, не видел звезд за окном... Всё это было вне его сознания. Он был один в мире мысли.

Часа в два ночи вошла Мэри. Около получаса она в молчании простояла около окна. Линкольн не видел ее и не слышал, пока она не взяла его под руку, и, бес-

покойно на него глядя, не приложила ладони к его щеке и не заставила к себе нагнуться.

— Это ты о форте Сомтер? Война — или распад? — сказала она тихим голосом.

— Да, — отвечал Линкольн. — Вот что принесло стране рабство! И как Север, так и Юг говорят мне: не касаться рабства.

— Север не станет драться за освобождение рабов, — быстро сказала Мэри.

— Пока — нет, — согласился президент. — Народ еще не понимает. — И он снова принялся расхаживать по комнате.

— Интересно, — сказала Мэри, расхаживая вместе с ним, — если бы дело шло о решении, касающемся одного из наших детей или одного из твоих клиентов или друзей, я знаю, что твое решение было бы в пользу мягкости и уступчивости. Но в этом вопросе, не затрагивающем твоих личных чувств, — я знаю, что твое решение будет принято с неумолимостью, — это оборотная сторона твоей мягкости и терпимости.

Линкольн посмотрел на нее. Ее понимание на момент показалось ему твердой скалой в пустоте, в которой блуждала его мысль. Он нежно ее поцеловал.

— Пойди ляг и отдохни, милая Мэри.

— Но я не могу спать, Авраам, — сказала она покорно.

— Ты отдыхай, а я справлюсь с этим — сам.

Не произнося ни слова, она его оставила, а он продолжал свой одинокий марш. Постепенно факты расположились в его уме с логической последовательностью. Это были не только факты временного и местного, но и мирового значения. Он видел Европу, проникнутую злорадством по поводу распада Союза, и ищущую предлога, чтобы вмешаться и ограбить обе стороны.

Если он даст форту Сомтер подкрепления, вспыхнет война, — пусть война за сохранение Союза. Да, конечно, это будет целью войны. Но в основе это бу-

дет война, причиненная рабством, и немисливо сохранить одновременно и Союз, и рабство. Немисливо, чтобы пролились потоки крови, чтобы победа была одержана, чтобы Юг был принужден вернуться в Союз, — с гадиной, еще присосавшейся к его груди.

Этого быть не должно!

Если война вспыхнет, она вспыхнет потому, что пришло время, когда человечество должно сделать еще один великий шаг в борьбе за свободу. Великая Хартия гарантировала свободу тем, кто был уже свободен. Не наступило ли время, когда война должна принести свободу поработенным?

Взад и вперед, взад и вперед, миля за милей расхаживал он по потертому ковру. Может ли он принять страшное решение, — смертоносное, несущее бедствия, — и может ли он оставаться при таком решении в течение нескольких месяцев или нескольких лет резни? Может ли он во имя свободы, сознательно превратить Америку в земной ад?

Один, в сознании своего предназначения, он расхаживал, погруженный в думы, не замечая времени.

К рассвету он остановился, дрожа в ознобе, смертельно бледный. Ничего не замечая, он обвел взглядом комнату. Потом с удивлением увидел, что наступило утро. Он подошел к столу, на котором лежали письменные принадлежности, составил телеграмму и позвонил. Прошло много времени, пока появился Даниель, мигая спросонья глазами. Линкольн передал ему телеграмму и попросил принести кофе. Затем он начал одеваться — ожидала повседневная работа.

Телеграмма содержала приказ капитану Фоксу выступить на поддержку форта Сомтер не позже шестого апреля.

Глава седьмая

ФОРТ СОМТЕР

Линкольн сидел за завтраком, когда в столовую Белого Дома ворвался Сьюард. Жилет его был расстегнут, галстук развевался.

— Господин президент, — задыхаясь проговорил он, — только что до меня дошли известия небывалой важности. Я прошу немедленно уделить мне время для частного совещания.

— Да, — сухо сказал Линкольн, — должно быть, известия и вправду небывалые, если вы решили со мной посоветоваться.

Сьюард покраснел, заговорил было, но, словно теперь только заметив миссис Линкольн, мисс Форд и двоих мальчиков, приветствовал всех их поклоном. Затем снова обратился к президенту:

— Боюсь, что я заслужил этот упрек, сэр. Вчера я получил ваш ответ на мой меморандум. Я провел целую ночь, размышляя об его содержании, и хочу сказать, что я склоняюсь перед мудрым суждением.

Линкольн пристально посмотрел на государственного секретаря. Никто не знал, как много для него значил тот факт, что Сьюард отказывается от своей мечты о руководстве и примиряется со своим подчиненным положением. Он поднялся из-за стола, взял маленького Сьюарда под руку, и повел его в парадную столовую.

— Это единственное место, которое мне сейчас приходит в голову, где мы можем поговорить наедине. В чем дело, Сьюард?

Сьюард с минуту поколебался. Он немного отступил от Линкольна, чтобы иметь возможность смотреть прямо в серые глаза президента. Внезапно лицо Сьюарда исказилось.

— Мистер Линкольн, что касается моего меморандума... я недооценил ваших качеств. Примите ли вы мое извинение?

Линкольн схватил за руку бывшего губернатора. Потом уронил ее и широким объятием охватил его небольшую хрупкую фигуру.

— Ну, теперь пусть себе идет дождь... Зонтик раскрыт...

Сьюард пытался засмеяться, но он был слишком для этого расстроган.

— Ваше решение было правильным, господин президент, — сказал он дрожащим голосом.

— Хорошо, — сказал Линкольн все еще держа Сьюарда в объятиях. — Надеюсь, что я также прав, как был прав Пат. Когда я еще был начинающим адвокатом, мне как-то пришлось идти пешком в суд, — на экипаж денег у меня не было. Мимо проезжал судья в закрытой карете я предложил меня подвезти. Я с большой радостью согласился. Но радость эта была недолгой. Кучер судьи правил так, что карета оказывалась то по одну сторону дороги, то по другую, — без всякой причины, — и каждую минуту мне казалось, что мы перевернемся, как черепаха. Судья преспокойно читал в это время газету, словно не замечая, что происходит... Я тоже молчал, пока мы не налетели на бревно и карета накренилась и я ушибся головой о ее верх. Тут и я запротестовал... Судья высунул голову в окно кареты и зарычал на кучера:

— Ты пьян сегодня, негодяй?

Пат — кучер — повернул голову к судье и сказал: «Это, ваша честь, первое правильное решение, которое вы вынесли за целый год!»

Линкольн захохотал во всё горло, за ним несколько истерически засмеялся и Сьюард. Но через минуту Линкольн внезапно спросил:

— Так в чем же состоит это небывалое известие, Сьюард?

Государственный секретарь мгновенно стал серьезен.

— Сегодня утром перед завтраком меня посетил судья Кэмпбелл из Алабамы. Я уже говорил вам о нем и о том, по какому делу он приехал в Вашингтон.

— То есть по какому предполагаемому делу, — заметил Линкольн. — Каждый федеральный судья, который под прикрытием своей должности затевает политические интриги, — трус.

— Во всяком случае, — сказал Сьюард, — он искренно желает предупредить войну. Джефферсон Дэвис соглашается перенести столицу Конфедерации в Чарльстон и назначить Пикенса государственным секретарем, если только тот предоставит Дэвису и его комиссарам еще два месяца с тем, чтобы мирно довершить выход из Союза. И он просит нас задержать Фокса, пока он, Кэмпбелл, не прибудет в Чарльстон и не сообщит о своем предложении Пикенсу.

— Как узнал он о капитане Фоксе? — испуганно спросил Линкольн.

— Он говорит, что об этом знают все, — ответил бывший губернатор.

— Но не всё ли равно. Вы, конечно, дадите соответственные заверения Кэмпбеллу, неправда ли, сэр?

— Сьюард, — сказал президент, — я хотел бы внушить вам, что частные интриги никогда не выведут Соединенных Штатов из трудного положения, до которого они доведены. Я не хочу иметь никакого касательства к Кэмпбеллу и его махинациям. Я не доверяю ни ему, ни вообще людям этого типа. Мой серьезнейший совет вам, — перестаньте встречаться с этими подозрительными господами.

Основатель новой — республиканской партии окинул Линкольна взглядом оскорбленного достоинства, сменившимся взглядом, полным удивления.

— Но что нам делать?

— Мы должны поддержать форт Сомтер, — отвечал Линкольн. — На рассвете я послал Фоксу телеграмму с приказом двинуться не позже 6-го апреля.

Сьюард оперся на широкий стол...

— Вы... вы сделали это, сэр?

— Да, сэр, я это сделал, — хмуро отвечал президент. — И да поможет мне и нашей стране Господь!

— Но вы еще можете отменить ваш приказ. Еще не поздно! — поспешно сказал государственный секретарь.

Линкольн с минуту стоял, задумавшись... Он еще раз перебирал в уме соображения, в которых протекла ночь... Все еще хмуро улыбаясь, он отрицательно покачал головой и повторил:

— Слишком поздно... Созовите к полудню членов кабинета, губернатор, и я представлю всем — и вам — свои объяснения.

Сьюард вышел из комнаты, поникнув головой. Линкольн направился в свой кабинет, но на лестнице его нагнала Мэри и заставила вернуться в столовую — кончить завтрак.

Ему еще самому не было вполне ясно, как убедить членов кабинета поддержать его решение. Он следовал единственному, может быть, способу, каким можно было добиться хотя бы вынужденного согласия с их стороны. Он сообщил о своем решении, около часа выслушивал протесты и порицания, а когда они истощились, снова повторил о своем непоколебимом решении, и покинул заседание.

К концу совещания в комнату, где оно происходило, вошел Тэд. К большой досаде членов кабинета, он начал клянчить у отца доллар, но Линкольн его не слышал, пока, бледный и усталый, не направился в гостиную. Там Линкольн дал Тэду доллар и удалился в спальню. Тэд побежал розыскивать брата. Наткнувшись в коридоре на мисс Форд, он спросил ее, где Вилли.

— Я скажу тебе, где Вилли, если ты скажешь мне, где твой папа, — отвечала мисс Форд. — Твоя мама просила меня кое-что ему передать.

— Вы лучше не докучайте сейчас папочке. — Тэд серьезно покачал головой. — Он сейчас вас не услышит, если вы даже будете кричать ему в уши. Он сейчас совсем глухой, — он всегда становится глухим, когда ему что-нибудь не нравится.

— Боже мой, — воскликнула мисс Форд. — Надеюсь это не касается тебя, или Вилли, или мамы, или меня!

— Нет. Я был с ним на заседании кабинета. Папочка велел кому-то отправиться с хлебом и мясом для Андерсона, а они ему сказали, что он не должен этого делать, а он сказал, что он уже это сделал, и вы теперь ему не докучайте.

— Я не буду ему докучать, — и мисс Форд к удовлетворению ребенка приняла испуганный вид. — Вилли в саду, — сказала она и пошла в свою комнату.

События, последовавшие за посылкой телеграммы капитану Фоксу, несколько успокоили Линкольна. Во время бессонной ночи, расхаживая по комнате, он рисовал себе все удары, все страсти и все бедствия, связанные с Гражданской войной. Он предвидел, что в течение нескольких дней он будет совершенно одинок в своем твердом решении. Он оказался хорошим пророком.

Чтобы принудить генерала Скотта к активным приготовлениям к предстоящей борьбе, ему пришлось прибегнуть к самым крайним мерам, какие только могли быть приняты без разрешения Конгресса. Казначейство было в полном банкротстве. Воинственного настроения на Севере не было. Коммерческие интересы были совершенно враждебны какому бы то ни было принудительному действию по отношению к отложившимся штатам: торговле хлопком нельзя ставить препятствий! На все эти обстоятельства неустан-

но указывали Чэйс и Сьюард в дни, последовавшие за телеграммой Фоксу.

Медлительный в выполнении некоторых своих обязанностей, генерал Скотт изумлял Линкольна большой активностью в выполнении других. Как только президент уведомил его о приказе, отданном Фоксу, Скотт организовал секретный отдел армии, немедленно приступивший к действиям. Первым плодом его работы была перехваченная телеграмма от Джефферсона Дэвиса судье Кэмпбеллу. В послании этом говорилось, что информация Кэмпбелла касательно приказа, отданного капитану Фоксу, получена и что Борегару приказано потребовать эвакуации форта Сомтер его комендантом, майором Андерсоном.

Линкольн прочел эту телеграмму вечером 8-го апреля, и повторил приказ Фоксу действовать с возможной быстротой. Но спасти форт было уже поздно. 12-го апреля, в половине пятого утра утренняя тишина была нарушена выстрелом мортиры из батареи сепаратистов в гавани Чарльстона. Снаряд взвился высоко в небе, еще усеянном звездам, описал широкую дугу и взорвался над фортом Сомтер.

Г л а в а   в о с ь м а я

«ВПЕРЕД — НА РИЧМОНД!»

Весть об эвакуации Андерсоном форта Сомтер дошла до Белого Дома в воскресенье 14-го апреля вечером. К тому времени Мэри, озабоченная слишком долгими часами, которые Линкольн отдавал работе, уела его в сад. Целый день перед этим в Белом Доме толпились посетители, словно на непрекращающемся приеме. Линкольну удалось пробраться в сад через кухню в подвальном этаже.

Когда в саду появился Джон Хэй, Мэри делала президенту выговор: «Ты переутомишься, Авраам.

Я говорила о тебе вчера с доктором Стоном. Он уверен, что у тебя есть предрасположение к чахотке. Он говорит, что я должна заставить тебя есть и ложиться спать в определенное время».

Линкольн засмеялся.

— Кажется, доктор Стон на этот раз говорит не по адресу. Мэри, да ведь вся моя жизнь в лесах готовила меня именно к напряженной работе. Чтобы расслабить вот эти мои мускулы, понадобится что-нибудь более серьезное, чем осада форта Сомтер. Вот, смотри!

Он просунул свои большие руки ей под мышки и подбросил ее в воздух, как подбросил бы Тэда. Мэри взвизгнула, пытаясь придержать развевающиеся юбки.

— Вот идет Джон Хэй... Скорее, Авраам... О, противный... Это тебе не кукурузные посиделки в Сэнгэ-моне...

Линкольн спокойно поставил ее наземь и обратился к секретарю.

— Новости из форта Сомтер, Джон?

— Да, сэр... — И Хэй протянул Линкольну меморандум от генерала Скотта.

Линкольн прочел, вопреки ожиданию, без особенного волнения. Он был вполне подготовлен к сдаче форта.

— Прежде всего надо выпустить призыв к оружию, который мы выработали сегодня утром, Джон. — сказал он. — Мы сразу этим займемся.

Мэри побледнела...

— Война!.. Бумага эта означает войну, Авраам?

Он утвердительно кивнул головой и направился к дому. Он прошел к себе снова через подвальный этаж.

Мэри осталась стоять у розового куста. Она слегка дрожала. Она еще стояла там, когда, минут пять спустя, на дорожке появилась в бледно-зеленом муаровом платье мисс Форд.

— Форт Сомтер пал, миссис Линкольн, — воскликнула она, быстро подойду к Мэри.

— Да... Мой бедный муж! — прошептала Мэри.

— Вы думаете, это война? — спросила вирджинка. Она сорвала тюльпан и всунула его в свои каштановые локоны.

— А что другое это может значить?.. Мистер Линкольн не мистер Бьюкенен, чтобы сидеть, как паралитик, пока Юг грабит государство, — воскликнула Мэри.

— Но он кажется таким мягким, — сказала мисс Форд.

— Такой он и есть, когда дело касается личных отношений, — возразила Мэри. — Но когда дело касается патриотизма, это — кремь. Вот чего не понимают многие.

— Но война!.. — протянула вирджинка, прикладывая другой тюльпан к материи своей юбки. — Разве он не понимает, что, если он принесет с собой войну, ровно через три месяца он уедет с вами обратно в Иллинойс, а в Белом Доме будет сидеть Джефферсон Дэвис?

Голубые глаза Мэри сверкнули.

— Не говорите пустяков, мисс Форд.

— Думаю, что через три месяца это не будет казаться пустяками, — если только вы не повлияете на президента и не убедите его воздержаться от объявления войны.

— Повлиять на президента, — Мэри улыбнулась. — Вы слишком мне льстите, дорогая. Я могу влиять на его манеры, я могу возбудить его честолюбие, я могу иногда заставить его переменить мнение о ком-нибудь. Но за двадцать лет мне еще ни разу не удавалось заставить его пересмотреть решение нравственного характера, раз принятое...

На минуту последовало молчание. Мэри смотрела на белый фасад Дома. Много лет потребовалось ей, чтобы стать хозяйкой этого прекрасного здания.

Но, повидимому, ей придется жить в нем только в атмосфере национальной трагедии... Она вздохнула, и вирджинка, как эхо, повторила вздох.

— Я думала, — сказала она с печальной улыбкой, — что все наши превосходные, тщательно выработанные планы, мадам, теперь ни к чему. Вам придется, если это война, — отказаться от формальных приемов. Это значит, что теперь я для вас бесполезна. Как вы видите, я в конце концов себялюбива...

— Вздор! — вскричала Мэри. — Теперь вы мне нужны больше, чем когда-либо. Если эти женщины-южанки и теперь относятся ко мне неприязненно, то как они будут относиться ко мне, если мистер Линкольн пошлет солдат, чтобы подавить сепаратистов! Разумеется, вы поможете мне объяснить им...

Она вдруг остановилась, бросила на мисс Форд пронизательный взгляд... потом продолжала:

— Я вспомнила, что ведь и вы — вирджинка, и что и у вас есть рабы, и что вам трудно соблюдать лояльность одновременно и по отношению ко мне, и по отношению к Вирджинии.

— Скажу вам хладнокровно, — сказала мисс Форд, понизив голос, — что единственно, чего я хочу, это сохранить своих рабов. Если никто их у меня не отнимет, — пусть себе эти взрослые мальчики играют в старый Союз или в новоиспеченную маленькую Конфедерацию, или в какую угодно другую идиотскую политическую игру...

— Это довольно циничный способ смотреть на вещи, — сказала Мэри. Тон ее выражал некоторое неодобрение. — Но, в конце концов, может ли честный человек иначе смотреть на рабовладение?

На минуту она задумалась. Ей нравилась мисс Форд. Она восхищалась ею. За короткие три недели она привыкла на нее рассчитывать. На прошлой неделе по крайней мере с дюжину членов замкнутого круга южан пришли к ней на чашку чая, — и Мэри знала, что, если бы на них не повлияла мисс Форд,

эти женщины никогда бы не согласились встретиться с женой республиканского президента.

— Не уходите, мисс Форд, — воскликнула она с внезапной очаровательной улыбкой. — Мне нужна ваша помощь — и ваша дружба.

Внезапно залившая лицо вирджинки и необычная для нее краска стыда сделала ее еще красивей.

— Благодарю вас, мадам, — сказала она. — Я постараюсь дать вам и то, и другое. Но... — она на минуту поколебалась, — если я останусь у вас, разрешите ли вы мне частые отлучки, — разумеется без жалованья. Наша бедная плантация требует большего внимания, чем может уделять мой старый отец...

— Разумеется, разумеется, дорогая, — согласилась Мэри.

Мисс Форд не вернулась в Дом вслед за своей хозяйкой. Она медленно разгуливала между деревьями и кустами, окаймлявшими южную лужайку. Здесь встретил ее Тэйлор, когда сумерки ранней весны уже спустились на кусты сирени.

— Я долго ждал вас, сударыня, — сказал он, прижимая ее пальцы к губам.

— Прошу прощенья, Том, но я только сейчас узнала, то, что мы хотели знать. Я остаюсь в Белом Доме. Президент издает призыв к сформированию милиции. Миссис Линкольн, да и никто — остановить его не может. Это — война, Том. Дай Бог, чтобы она скоро кончилась.

— Да и она будет короткой с такими военными глупцами, как Скотт, и захолустными ораторами, как Линкольн, против таких людей, как Борегар и Дэвис, — заявил Тэйлор, расправляя плечи. — Думаю, Дэвис даст мне назначение.

— Ну, не будьте слишком уверены, что Линкольн только захолустный оратор, — возразила мисс Форд. — Разве судья Кэмпбелл не говорил вам об ответе Линкольна на меморандум Сьюарда?

— Да, он мне его показал. Согласен, в юридическом отношении очень ловко, но юридическая ловкость вовсе еще не означает способности быть верховным главнокомандующим армии и флота. В Монгомери просто давятся от смеха, когда кто-нибудь упомянет о Линкольне в связи с этим постом.

— Я их не упрекаю, — мисс Форд улыбнулась. — А все-таки, он — не дурак, и миссис Линкольн сама говорит, что в вопросах нравственных принципов она влиять на него не может... Это дело мне придется взять на себя...

— На себя? Что у вас на уме, мадам? — и он пытался в сумерках разглядеть выражение ее лица.

— Если я смогла добиться доверия со стороны Чарльза Сомнера, Джефферсона Дэвиса, Вильяма Сьюарда, — почему бы устоять, против меня и Аврааму Линкольну?

Она передала ему зеленую шелковую накидку, которую он накиннул ей на плечи.

— А добившись его доверия, я доверюсь и ему, и скажу ему, каким людям поручить вести за него его нелепую маленькую войну.

Тэйлор с минуту помолчал.

— Вы не одобряете? — спросила вирджинка.

— Я перебираю в уме имена людей, которые гордятся быть вашими друзьями, — сказал Тэйлор. — Мне жалко Авраама! Но, мадам, это неприятное дело.

Она подняла голову.

— Я отложила свою совесть в сторону — в лепестки розы, — когда взялась за это дело. В сущности я не вижу, почему стрелять в своих сограждан, что вы намереваетесь делать, лучше, чем шпионить за ними и обманывать их, — что я намерена делать.

Тэйлор вздохнул.

— Может быть вы и правы. Но я всегда буду это ненавидеть — из-за вас... Когда вы хотите снова меня видеть?

— Через неделю, если только не случится что-нибудь чрезвычайное. В таком случае я пошлю к вам Джинни. Теперь я должна идти, Том.

— К чему так торопиться. Давайте пройдемся и поговорим о чем-нибудь более приятном, нежели политика.

И он умоляюще положил руку на ее плечо.

Она со смехом ее сбросила.

— Мне надо идти следить за своей добычей. При этом с реки поднимается этот страшный туман. Доктор Стон говорит, что из-за него в Вашингтоне держится тифозная лихорадка. Спокойной ночи, дорогой Том.

И она исчезла.

Как ни определены были ее планы войти в близкую дружбу с Линкольном, ни одного из них ей осуществить не удалось не только в тот вечер, но и еще через много дней и вечеров. Линкольн никогда не бывал один, пока буквально не падал в кровать от изнеможения. Его воззвание — на вербовать 75,000 человек в три месяца с целью отбить форт и другие пункты, захваченные у Союза, пробудили Север от охватившей его летаргии. В стране разгорался военный энтузиазм, и совладеть с ним и направлять его было так же трудно, как трудно было бороться с инерцией. В первые две-три недели после падения форта Сомтер Линкольну казалось, что он никогда не установит какого-нибудь порядка в этом хаосе. Дни протекали в какой-то лихорадке, он не имел минуты свободной от настойчивых посетителей, от требований, чтобы он применил свою власть президента и главнокомандующего на тысячу ладов.

В эти дни Николэй помогал ему больше, чем кто-либо другой. У этого секретаря была как раз та склонность к порядку, какой не доставало Линкольну. Мэри несколько раз обращала на это внимание мужа, пока, наконец, жарким майским утром, когда Линкольн, войдя в семь часов в свой кабинет, нашел его

уже переполненным всякого рода значительными особами, он спасся в кабинет Николэя.

— Джордж, — взмолился он. — Я тону. Можете вы бросить мне спасательный пояс?

Николэй поднял глаза от писем, которые ему только что передал Стоддард с кратким резюме их содержания.

— В чем дело, мистер Линкольн?

— Моя комната переполнена народом до того, что я не могу протолкнуться к своему письменному столу. Должен ли я видеть их всех?

— Вам не надо видеть никого из них. Но...

— Вижу, я поступал глупо, — прервал его Линкольн. — Избавьте меня от них, Джордж. Устройте как-нибудь, чтобы я мог почесать спину, не открывая для этого окна за недостатком места.

— Если вы позволите Хэю, Стоддарду и мне внести порядок в распределение вашего времени, сэр, — Николэй говорил серьезно и озабоченно, — вы лучше будете работать для страны.

— Сделайте это, сделайте это! — просил президент с чувством благодарности и облегчения, которые он всегда испытывал, когда Николэй приходил ему на помощь.

После этого дело пошло на лад, хотя ему все еще было бесконечно трудно отказаться вступить в разговор с кем бы то ни было, желающим с ним поговорить. Но ему с каждым часом становилось все яснее, что только хорошо ознакомившись с военной теорией, он может надеяться назначать на ответственные места годных людей. Он мог знакомиться с нею только в одиночестве, и сознание этого, наряду с настояниями Николэя, помогало ему отделяться от визитеров и оставаться наедине в своей комнате среди географических карт, докладов военного и морского министерств и книг о военном деле.

Однажды поздним майским вечером он сидел за работой перед большой картой Соединенных Штатов,

висевшей на стене. Он наметил на этой карте разноцветными булавками план войны, выработанный генералом Скоттом. Этому плану Линкольн дал название «Анаконда».

Основная теория генерала казалась ему правильной. В план Скотта входило окружить отложившиеся штаты цепью военных позиций вниз по Огайо и Миссисипи, блокадой всех портов на Атлантическом океане и Мексиканском заливе, и военной линией от Потомака до Огайо.

Это разумно, думал Линкольн, в чисто военном отношении. Но слабая сторона этого плана заключалась в том, что потребуется громадное количество времени для того, чтобы подготовить военное командование и армии, годные для выполнения такого плана. А как раз времени-то Север и не давал правительству. По ту сторону Потомака, на Арлингтонских Высотах, стояли лагерем тридцать тысяч «трехмесячников» под командой генерала Мак-Даула. А они при самом добром желании покамест были только, по выражению Вильяма Ресселя, — необученным и плохо вооруженным сбродом.

А газеты и политиканы Севера уже требовали от Линкольна, чтобы он послал под начальством генерала Мак-Даула эту толпу, которую они характеризовали, как «превосходную 100,000-ную армию, способную смести мятежников с лица земли», на взятие Ричмонда!

Горас Грили шумно требовал: «Вперед на Ричмонд!» И этот лозунг эхом повторял миллион менее значительных голосов.

Как раз об этом лозунге и думал Линкольн, когда, вскоре после полуночи, в комнату вошла со свечой в руке Мэри.

— Пора спать, дорогой, — сказала она. — Хочешь я тебе почитаю.

Но он ее не слышал.

— Отвечай же мне, Авраам! — настаивала она.

Но до слуха его доходил не голос Мэри, а голос Гораса Грили, назойливый, как овод: «Вперед на Ричмонд!..» Где, спрашивал, он себя снова и снова, — где найти человека, который способен бы был в несколько недель превратить эту толпу в армию? Как долго может он откладывать это сражение, к которому вынуждали его Грили и его политические единомышленники?

— Ты должен лечь спать, Авраам! — Мэри повысила голос. Способность ее мужа к концентрации была несомненно его крупным интеллектуальным преимуществом. Но для других по временам это было решительно досадным. Она плотнее укуталась в шаль и стояла, колеблясь. Потом еще громче сказала: «Ты должен лечь спать, Авраам!..» С этими словами она погасила газовый рожок. Комнату освещала только свеча в ее руке.

Линкольн встрепенулся, поднял голову.

— Это не годится, Мэри. Я теперь плохо вижу карту.

— Я и не хочу, чтобы ты ее видел, — отвечала она. — Ты должен лечь спать, иначе ты заболеешь.

Президент вздохнул. Если бы только Мэри могла понять, что сил у него достаточно, что их нужно отдать родине, — эти силы, накопленные за годы труда, в молодости... Он встал и, взяв у нее из рук свечу, снова зажег газ.

— Иди в кровать, дорогая Мэри. Сегодня ночью мне придется разгрызть твердый орешек.

Он снова сел и тщательно переместил зеленую булавку от Мобилия к Каиро.

Его лицо было искажено усталостью. И его усиливающаяся бледность снова сжала ей сердце.

— Я стараюсь уберечь тебя от скоротечной чахотки, — вскричала она истерически повышенным голосом, — а ты сидишь, как будто это у меня ребяческая мания, от которой надо избавиться. Иди спать. Говорю тебе, иди спать!

Последние слова она простонала, снова протянув руку к газовому рожку. Но она не успела выполнить свое намерение, — приоткрытая дверь в коридор распахнулась и в комнату вбежала мисс Форд.

— В чем дело! Позвать часового?

Мэри в ярости повернулась к ней:

— По какому праву вы врываетесь в эту комнату, мадам?

Вирджинка стянула складки пеньюара, облакавшего ее высокую фигуру.

— Прошу прощения, миссис Линкольн, — ответила она сухо. — Я читала у себя в комнате, и когда услышала, что вы застонали, подумала, что кто-нибудь докучает вам или президенту и что, может быть, надо позвать стражу, чтобы выбросить злоумышленника.

— Мисс Форд, вы мне напомнили, — голос Линкольна был почтителен, — что я весь день собирался поговорить с вами. Войдите, пожалуйста, и присядьте.

— Мистер Линкольн, — вскричала Мэри. — В своем ли вы уме! Теперь час ночи, и мисс Форд в ночном туалете.

— Так это ночной туалет, — усмехнулся Линкольн. — Она прикрыта больше, чем ты была за ужином, Мэри.

— Я могу одеться в минуту, сэр, — сказала мягко мисс Форд, — если только миссис Линкольн ничего не имеет против того, чтобы меня подождать.

— Подождите лучше до утра, мисс Форд, — сказала Мэри. Она говорила теперь не так резко, но все же настойчиво.

— Мэри, присядь там около моей кровати и займись на минуту своим вязанием... — Линкольн говорил явно повелительным тоном, и Мэри повиновалась. Он придвинул к мисс Форд мягкую отоманку.

— То, что я хочу сказать вам, не займет много времени. Из того, что мне сказал о вас, мисс Форд,

Чарльз Сомнер, я заключаю, что когда вся Вирджиния отложились, — вы за ней не последовали.

— Нет, господин президент, я — сторонница рабовладения, но я все-таки принадлежу к Союзу.

— В таком случае, насколько я понимаю, вы сочувствуете движению в западной части Вирджинии близ Вилинга, в пользу того, чтобы заняться своими делами, как отдельный штат?

— Безусловно сочувствую, — отвечала мисс Форд.

Линкольн внимательно ее наблюдал. У нее было чрезвычайно умное лицо, и все же он думал, что Сомнер, может быть, ошибся, говоря о ее благоразумии и высоко-развитом чувстве чести. И все же это было с его стороны лишь неясным чувством, нерассуждающей интуицией, какая часто у него бывала по отношению к мужчинам, но почти никогда по отношению к женщинам. Может быть, ему следовало бы обсудить это с Мэри, раньше чем заговаривать об этом с мисс Форд. Мэри хорошо знает людей. Но время не ждет!

— Я хочу, чтобы вы выполнили для меня поручение, для которого тактичная женщина подходит лучше, чем мужчина, — сказал он, — потому что она меньше обратит на себя внимания. Сомнер говорит, что у вас есть родные в Вилинге?

— Да, господин президент: женатый брат, — подтвердила мисс Форд. — Он — рабовладелец, но принадлежащий к Союзу, как и мой отец, и я сама.

— Хорошо. Теперь. У меня есть основания думать, что в районе Вилинга сепаратисты замышляют настоящую контрреволюцию. Они попытаются силой загнать западных вирджинцев в Конфедерацию. Я хочу, чтобы вы разузнали, насколько сильно это движение, и есть ли у него шансы на успех. Можете ли вы съездить к вашему брату и разузнать это для меня?

— С радостью, — воскликнула мисс Форд. — Я выеду завтра же утром.

— Я буду вам очень признателен, — президент поднялся. — Вы поговорите с Николэем. Он уговорится с вами насчет вознаграждения и достанет деньги. Я же дам вам письмо к генералу Мак-Клеллану. Это многообещающий офицер. Под его командованием «трехмесячники» из Огайо.

— Я знаю Джорджа Мак-Клеллана, мистер Линкольн, — воскликнула мисс Форд. — Еще кадетом военной академии Вест-Пойнт он гостил у нас на плантации.

— Сьюард не преувеличил, говоря о ваших обширных знакомствах, — улыбнулся президент.

— Вы обойдетесь без меня, неправда ли, миссис Линкольн, — спросила мисс Форд.

— Зачем спрашивать меня, — воскликнула Мэри с улыбкой, не вполне противоречившей горечи, которая чувствовалась в ее голосе и глазах.

Линкольн повернулся к Мэри, как бы прося извинения, и мисс Форд поспешно покинула комнату.

— Ты ведь ничего не имеешь, Мэри, против того, что я пользуюсь всяким орудием, какое подвертывается под руку? У меня не было времени...

Жена прервала его истерическим смехом. Напряженное состояние, в каком она находилась последние два месяца, довело ее до предела. Последняя соломинка, за которую хватается, по пословице, утопающий, исчезла...

— Ничего не имеешь против! Кто я такое, чтобы быть за или против!.. Марионетка, именуемая хозяйкой Белого Дома! Ты не снисходишь до того, чтобы поговорить со мной хоть раз в неделю! Ты не замечаешь моего присутствия, и теперь, даже не спросясь моего мнения, ты отнимаешь у меня единственную компаньонку, единственного человека, который...

Линкольн сделал движение по направлению к двери.

— Я отменю поручение, Мэри. Жаль, что ты так это приняла.

— Постой!.. — Мэри залилась слезами. — Ты хочешь, чтобы она подумала, что я ревную! Неужели ты настолько туп во всем, что имеет отношение ко мне и моим желаниям...

В течение пяти минут она бичевала его со всей силой своего истерического темперамента.

Линкольн молчал. Иногда истерический припадок ее кончался сам собой раскаянием, столь же беспричинным, как и ее истерические взрывы. Но сегодня было иначе. Он печально наблюдал ее, — понимая, что враждебность, окружающая ее в Вашингтоне, низкие слухи, о ней распускаемые и проникающие даже в газеты, действовали на нее глубже, чем он предполагал.

Он подошел к ней, обнял рукой ее плечи и нежно положил свою широкоую ладонь на ее губы. Она пыталась освободиться, но он не отпускал ее, пока она не успокоилась, — и с рыданием не выбежала в свою комнату.

Он медленно положил книгу Халлека на стол у своего изголовья и приготовился ко сну: зажег свечу на ночном столике, улегся в кровать и раскрыл Библию. Припадок Мэри его расстроил.

Линкольн медленно прочел несколько Псалмов, затем закрыл книгу и лежал так, устремив глаза на спинку кровати. Он думал не о войне, не о рабовладении и не о трениях внутри кабинета. Он думал о Мэри. Ни одно человеческое существо, ему знакомое, говорил он себе, не имеет лучших возможностей — и меньших шансов на счастье, чем его жена.

Всё ее великодушие, весь блестящий ум, вся распорядительность постоянно натываются на ее неспособность сдерживать свой язык.

Он глубоко вздохнул. Не успел он закрыть глаза, как дверь из комнаты Мэри открылась и его жена бросилась на колени у его кровати и припала лбом к его руке.

— О, Авраам, Авраам, прости меня — потому что сама себе я не прощу!

— Я не особенно хорошо к тебе отношусь, жена, — сказал он смиренно. — Мне нечего прощать. Ты только вредишь самой себе. Я вот лежу и думаю, — как, если только нынешний твой припадок повторится перед людьми, — как все мисс Форд в мире могут помочь тебе положить конец сплетням.

Мэри подняла заплаканное лицо. Она думала только о своих отношениях с мужем.

— Мне безразлично, что скажут, — начала она бурно.

Линкольн коснулся указательным пальцем ее губ.

— Ну вот, опять, — язык, которого ты не умеешь обуздать. Тебе многое не безразлично, и мне не безразлично, раз это касается тебя.

Мэри подавила рыдание.

— Да, мне не безразлично, — согласилась она. — Но это не имеет никакого значения по сравнению с тем, насколько мне не безразлично твое уважение. Я хочу твоей любви, Авраам, — и я постепенно ее убиваю.

— Перестань, — воскликнул Линкольн. — Ты говоришь так, как если бы я совершенно не знал людей, и чего от них ожидать, — даже от женщин.

На минуту его белые зубы блеснули, затем он добавил печально:

— Могу ли я как-нибудь тебе помочь лучше владеть собой.

— Ты помогаешь мне каждый день своей жизни примером своего терпения.

Мэри схватила его большую руку обеими своими руками и прижалась к ней щекой.

Этот жест так напоминал Тэди в его минуты раскаяния, она в своем розовом халате, дрожащая после пережитого ею припадка, так походила на ребенка, что глаза ее мужа наполнились слезами. Внезапным движением своего сильного тела он приподнял ее и заключил в горячие объятия.

— Бедная девочка, — прошептал он. — Бедная Мэри. Как вижу, они не могли бы избрать двух человек с большими слабостями, чем мои и твои, для такой задачи. Понадобится кое-кто покрупнее, чем мисс Форд и Сьюард, чтобы мы с нею справились. Может быть, Всемогущий никогда о нас не забывает.

— Я знаю, Он не забывает о тебе, — прошептала Мэри устало. — А я? Что я значу!..

Г л а в а д е в я т а я

НЕГР «МАССЫ ЛИНКОМА»

Размышляя на пути из Вашингтона в Вилинг о происшедшем, мисс Форд решила, что данное ей поручение — просто ниспосланный ей небом дар, — оно открывало ей возможность войти в доверие к президенту. Она считала себя только одной из тех, кому Линкольн поручал добывать этим путем сведения. Возможно, говорила она себе, что он ее испытывает, перед тем, как дать ей более серьезное поручение, и будет следить за ней во время ее пребывания в Вилинге. Если так, то ей следует действовать по отношению к нему вполне честно, и, пока поручение не будет выполнено, вести себя, как друг, оправдавший оказанное ему доверие. Она сделала самой себе гримасу, когда с чувством полного удовлетворения пришла к такому выводу.

«Либо я не рождена быть шпионкой, — говорила она себе, следя за живописно извивавшейся среди холмов дорогой, по которой катился экипаж с дядей Беном на козлах, — либо я начинаю проникаться смутным сочувствием к этому некрасивому дровосеку, занявшему совершенно не соответствующее ему место».

Таково было ее настроение и тогда, когда, неделю спустя, она вернулась в Вашингтон. Она уверенной

походкой прошла мимо запротестовавшего было Билли Стоддарда в кабинет президента.

Линкольн оживленно разговаривал с Вильямом Ресселем об откровенно-сочувственном отношении Англии к Конфедерации. Его так сильно интересовало объяснение, какое англичанин давал британским идеалам дипломатии, что в момент, когда высокая женщина в своем развевающемся платье появилась около его письменного стола, он не сразу мог понять, чего ей нужно. Но затем не без труда он вспомнил о беспокойстве, которое ему внушала Западная Вирджиния, и, вскочив на ноги, воскликнул:

— Ну что, принесли домой свиную грудинку?

— Надеюсь, что да, — отвечала она, здороваясь за руку сначала с президентом и затем с военным корреспондентом.

Рессель немедленно распрощался. Мисс Форд, упав в покинутое им кресло, развязала тесемки своего зеленого капора и улыбнулась Линкольну. Затем она представила ему краткий доклад об организации Союза, существующей в большинстве уездов между реками Аллегени и Огайо. Она сообщила ему, что вербовочные офицеры Конфедерации имеют в этих уездах мало успеха, тогда как вербовка Союза проводится с большим успехом.

— Если, — закончила она, — вы прикажете генералу Скотту, как этого просят у вас юнионисты Вилинга, послать вооруженные полки Огайской милиции в Вилинг, моральный эффект этого шага несомненно приведет к кристаллизации нового штата.

— Таково и мое впечатление, — заметил Линкольн. — Ваш доклад дает как раз те конкретные доказательства, которых мне недоставало. Я очень вам обязан, мисс Форд. А много ли вы слышали там о МакКлеллане?

— О нем говорят все, — отвечала мисс Форд. — Это замечательная личность. Пока еще он сделал мало, и все же его присутствие явственно ощущается.

Думаю, из него выйдет выдающийся военачальник, мистер Линкольн.

— Надеюсь, что так, — сказал он от всей души. Итак он не ошибся в своем суждении. В свете других докладов можно было видеть, что вирджинка добросовестно выполнила поручение и говорила с бóльшим количеством людей, чем трое других посланных им лиц, вместе взятых. Два обстоятельства его радовали, — во-первых, теперь было определено доказано, что значительная часть Вирджинии может быть сохранена для Союза, во-вторых, эта женщина, которую так полюбили Мэри и оба мальчика, показала себя лояльной, — достаточно лояльной и умной, думал он, чтобы несколько позже можно было послать ее в Кентукки, — склонить колеблющиеся штаты остаться в Союзе.

— Вы хорошо выполнили поручение. В следующий раз я дам вам поручение более серьезное и трудное... — И он одобрительно улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Я очень рада... И в чем оно будет состоять? — воскликнула мисс Форд, облокотившись на письменный стол президента и ответив улыбкой на его улыбку.

— Я не могу вам объяснить это в один прием. Вас нужно к нему подготовить постепенно. Подождите благоприятного случая, и когда он, по-вашему, наступит, остановите меня, посмотрите мне прямо в глаза и произнесите одно слово: «Кентукки». И тогда я скажу вам, все, что будет возможно.

Вирджинка, смеясь, поднялась.

— Это очень забавно. Я начинаю считать себя столь же важной, каким считает себя, думаю, государственный секретарь Сьюард со всеми его маленькими тайнами.

Линкольн пододвинул к себе стопку писем и начал их подписывать.

— Вы не решитесь сказать это в лицо Сьюарду, — сказал он, подмигнув.

— Решусь! — вскричала она, уходя.

Не будь Линкольн так поглощен почти круглые сутки поисками пути, каким можно бы было провести страну через военный хаос, государственное банкротство и внешние и внутренние нападки, которые сыпались на несчастный Союз, — он, может быть, удивился бы, как часто он находит минуты, чтобы обменяться несколькими словами с этой вирджинкой.

Думая о Кентукки, он отдавал себе отчет в том, что один из его многочисленных планов помощи Штату Голубых Трав подвигался успешно. Но помимо этого, мисс Форд не привлекала особенно его внимания до конца июня.

В один прекрасный полдень Линкольн, сопровождаемый Джоном Хэем и британским военным корреспондентом Вильямом Ресселем, спускался по лестнице северной галереи, чтобы сесть в экипаж. Он намерен был посетить лагерь Мак-Даула на другом берегу реки.

— Джон, вы сядете на переднее сиденье — спиной вперед, — вы моложе и послушнее, а я...

Внезапно президент остановился: в карете сидели Мэри и мисс Форд...

— Мы тоже хотим произвести инспекцию знаменитой армии на реке Потомак! — вскричала Мэри с улыбкой.

— Кому-нибудь придется остаться дома, — певучим голосом сказала мисс Форд.

— Полагаю, что дома останутся не представители мужского пола, — возразил Линкольн. — Вы, леди, — хорошее украшение. Но в такой экспедиции больше пользы принесут Рессель и Хэй.

— Я могу сесть рядом с кучером, — сказал Джон Хэй со своим обычным тактом. — Мистер Рессель для этого слишком велик — во всех отношениях...

Рессель улыбнулся. Линкольн сурово сжал губы. Он не хотел, чтобы их сопровождали женщины, но он опасался и взрыва со стороны Мэри. Он стоял, поставив ногу на подножку экипажа.

— Видите ли, — сказал он, обращаясь к мисс Форд. — Мне нужно взглянуть на затруднения Мак-Даула. И я не могу сделать этого, если буду сидеть спиной вперед или болтать с красивыми дамами. Если вы и моя жена настаиваете на том, чтобы тоже ехать, мне придется попросить вас уступить Ресселю и мне сиденье, которое вы заняли, и согласиться на неудобство — ехать спиной вперед.

— Мистер президент, — запротестовал Рессель. — Я могу поехать верхом.

— Нет, вы этого не сделаете. Я хочу с вами говорить и вас видеть, — сказал президент.

— Дорогой мистер Линкольн, — вскричала мисс Форд, грациозно пересаживаясь на переднее сиденье и расправляя шелковый балахон против пыли, прикрывавший ее криолин, — если только вы не пошлете нас обратно в наши комнаты, как следовало бы сделать, — мы с радостью усядемся где угодно, даже поедем стоя. Мы знали, что рискуем этим, не правда ли, миссис Линкольн?

Глаза Мэри заблистали, пока она старалась протиснуть свой балахон рядом с криолином вирджинки.

— Пусть еще скажет спасибо за то, что мы не взяли с собой мальчиков.

— И щенков! — добавил Джон Хэй.

Президент, улыбаясь, усаживался на заднее сиденье.

Карета быстро покатила по пыльной дороге к Долгому Мосту мимо поля, на котором были сложены камни для окончания памятника Вашингтону, мимо убогих лачуг, за которыми открывался вид на лесистые берега Вирджинии, к старому сооружению из

камня и кирпича, — отчасти мосту, отчасти насыпи через Потомак, который был здесь в милю шириной.

У въезда на мост сидел на пне часовой. Положив ружье на колени, он читал газету. Карета остановилась, и он поднял голову.

— Как вы думаете, куда вы едете, — спросил он, не поднимаясь с места.

— Успокойтесь, Джон, — сказал президент, увидя, что лицо молодого секретаря побагровело. — Я — мистер Линкольн, — сказал он, обращаясь к часовому. — Я еду к генералу Мак-Даулу.

— Да, я узнал вас, мистер Линкольн, по портрету, но я не знаю никого из тех, кто с вами едет.

— У меня пропуск от генерала Скотта, — и Рессель со всей серьезностью предъявил документ.

— У меня тоже, — сказал Джон, к которому вернулось его чувство юмора.

— А как насчет женщин? — спросил часовой. — Из-за них больше неприятностей, чем из-за мужчин.

— Это правда, — добродушно согласился Линкольн. — Но думаю, у этих дам имеется пропуск. Во всяком случае я нашел их в своем экипаже, и они отказались уйти. Поэтому я думаю, что у них есть всё необходимое для поездки.

— Мистер Линкольн! — воскликнула Мэри. Она высунулась из кареты и улыбнулась часовому. — Я — миссис Линкольн, а это мой друг, мисс Форд.

Рессель беспокойно заерзал. Президент улыбнулся.

— Вам приходится привыкать к нашему отсутствию церемоний, Рессель. Пройдет не мало времени, пока мы приучимся выпрямлять спину для ношения оружия.

— Ничего не поделаешь, мадам, — если у вас нет пропуска, вы не можете ехать дальше, — заявил часовой.

— Мистер Линкольн, уладьте это, — взмолилась Мэри. — Вы достаточно нас наказали.

Не переставая улыбаться, президент вынул две карточки, написал на них карандашом несколько слов, Мэри предъявила их часовому.

Часовые на другой стороне моста просто кивнули президенту и беспрепятственно пропустили экипаж. Он покатился через лагерь, разбросанные среди великолепных деревьев, вдоль берега до Арлингтонских высот. Лошади бежали бойкой рысью по дороге, ведущей к дому, раньше принадлежавшему конфедерату, генералу Ли. Дом этот был теперь конфискован и отведен под штаб Мак-Даула.

По прекрасному парку, окружающему поместье, экипаж подъехал к дому. Часовой провел прибывших через широкий коридор к большому портику, откуда открывался красивый вид на город и реку Потомак.

Группа офицеров поспешно покинула стол, на котором развернута была карта, и, во главе с Мак-Даулом, плотным бородатым человеком, пошла навстречу президенту с его спутниками. По предложению Линкольна двое офицеров повели дам осматривать дом и парк. Когда их развевающиеся кринолины исчезли в тени деревьев, президент обратился к Мак-Даулу.

— Ну, генерал, когда же произойдет сражение? Мак-Даул печально улыбнулся.

— А как решил на этот счет Горас Грили, сэр?

— Немедленно, генерал! Сию же минуту! Ваша отличная армия... кстати, не составляют ли существенную часть боевых сил эти несколько тысяч человек в штатском платье, которых мы видели по дороге — они упражнялись по-взводно?..

Улыбка Линкольна была еще печальней, чем улыбка генерала.

— Они и есть боевая сила, сэр, — отвечал Мак-Даул.

Последовала минута молчания, во время которой Линкольн глядел на противоположный берег сверкающего голубого Потوماка. Джон Хэй посмотрел на Ресселя, мнения которого по военным вопросам он

уважал еще больше, чем его литературные способности. Рессель, прислонившись к белой колонне и скрестив руки на своей широкой груди, смотрел на солдата, который в своем потрепанном и запачканном мундире, и еще более грязных шароварах, стоял на часах на террасе перед домом.

— Посмотрим, правильны ли мои сведения, — сказал, прервав молчание, Линкольн, — У вас около тридцати тысяч человек. У конфедератов приблизительно столько же. Большая часть ваших солдат — трехмесячники, срок службы которых скоро истекает. В тридцати милях к югу отсюда, близ Манассаса, — конфедераты выставили тяжелые батареи. Как расположены их ближайшие линии и как вы можете лучше всего к ним подойти?

— Я не знаю этого в точности, сэр, — отвечал Мак-Даул. — Мы не могли даже достать приличной карты Вирджинии. Я знаю определенно лишь направление главных дорог. Я не могу добыть географической информации. По моему фронту расположены главные силы неприятеля, а у меня нет кавалерийского офицера, способного произвести разведку по густым лесам.

— Но наши избиратели требуют сражения, — тихо сказал Линкольн.

Серые глаза Мак-Даула яростно сверкнули.

— Будь они прокляты, эти политиканы, — сказал он. — Они погубят всё, раньше чем мы приступим к делу.

Лицо Джона Хэя побагровело.

— Война и политика, кампании и управление государством — сиамские близнецы, — воскликнул он.

— Как видите, генерал, я имею некоторое значение даже для военных людей, — улыбнулся президент. — Не забывайте, однако, что силы неприятеля не в лучшем состоянии, чем ваши.

— Но такое сражение не даст ничего решающего, — возразил Мак-Даул. — С этим согласен и гене-

рал Скотт. Но к осени мы будем в состоянии дать решительное сражение.

— Знаю, знаю, — сказал Линкольн. Он два раза обошел вокруг стола, расстегнул жилет и подтянул подтяжки. Потом снова застегнул жилет и стоял так совершенно неподвижно, положив одну руку на широкое плечо Ресселя и глядя на Потомак, но ничего не замечая. «Придет время, — думал он, — когда я смогу любоваться этим красивым видом, свободный от угнетающего сознания ответственности».

— Могу ли я сделать для вас что-нибудь, генерал, — спросил он, наконец.

— Отложите это сражение до тех пор, пока мы будем иметь хоть транспорт для нашей амуниции, господин президент, — ответил с угрюмой усмешкой Мак-Даул.

К генералу приблизился и отдал честь часовой.

— В чем дело? — спросил Мак-Даул.

— Генерал, офицер от мятежников, под белым флагом, хочет передать письмо президенту.

Мак-Даул вопросительно посмотрел на Линкольна. Тот утвердительно кивнул головой.

— Пропустите его, — приказал генерал.

Слева, от группы деревьев отделилась высокая серая фигура с солдатами в синем с обеих сторон.

Пока они приближались к помещению штаба, Мэри и мисс Форд, каждая под руку с офицером, пересекали террасу с правой стороны. Обе группы сошлись перед портиком.

— О, — воскликнула мисс Форд, бросив руку своего спутника. — Да ведь это Том Тэйлор! Дорогой Том! — и она бросилась к офицеру Конфедерации и обеими руками ухватила его за руку. — Что случилось?.. Неужели вы взяты в плен!

— Как поживаете, леди Форд, — нараспев, по-южному протянул капитан Тэйлор. — Неужели вы якшаетесь с янки?

— О, с чудесными янки, — улыбнулась мисс Форд. Она обернулась, чтобы представить Мэри капитану, но увидела, что та отошла и стоит позади мужа. Словно в большом смущении вирджинка поспешила встать рядом с Мэри.

Капитан Тэйлор салютовал президенту.

— Имею честь, сэр, просить вас принять письмо от его превосходительства президента Конфедерации, Джефферсона Дэвиса.

Линкольн посмотрел сверху вниз в красивые, несколько дерзкие глаза капитана.

— Вы прибыли с этим письмом издалека, капитан Тэйлор? — спросил он.

— Я прибыл от президента Дэвиса, сэр, — поспешно отвечал Тэйлор.

— Это довольно далеко, — добродушно сказал Линкольн. — Жаль, что вам пришлось так много потрудиться даром.

Конфедерат покраснел.

— Как это понять, сэр?

— Как отказ принять это письмо!..

И с внезапной горечью Линкольн прибавил:

— Как могли вы, Тэйлор, оскорбить высокий, занимаемый мною пост, обратившись ко мне с просьбой принять послание от человека, претендующего на то, на что претендует Дэвис? Мало, что ли, оскорбил он этот флаг, чтобы прибавить еще эту дерзость!

Линкольн резко повернулся спиной к Тэйлору.

— Ну, нам пора домой, — сказал он спокойно. — Удовлетворили ли вы и моя жена свое любопытство, мисс Форд?

— Вполне, сэр, — отвечала вирджинка.

— Ну, а вы, Рессель? — обратился он к англичанину. — Не желаете ли вы задать генералу несколько вопросов, на которые он мог бы ответить?

Мак-Даул приподнял брови.

— Мне неизвестно ничего относительно чувства добросовестности мистера Ресселя, господин прези-

дент. Поэтому нет ничего личного в моем замечании. Если он таковым обладает, — среди репортеров в Соединенных Штатах он уникам!

Англичанин засмеялся.

— В конце концов, генерал, я думаю, ваши репортеры подчиняются закону спроса и предложения.

— Боюсь, что это так, — согласился Мак-Даул. — Чем могу быть вам полезен, сэр?

— Могу я просить позволения ознакомиться с методами подготовки ваших офицеров? Я очень интересуюсь вопросом о гражданской армии.

Перед тем, как ответить, Мак-Даул с минуту подумал. — Приезжайте к нам в штаб, мистер Рессель, когда найдете время, и я сделаю для вас, что смогу. — И, обратясь к президенту, продолжал:

— Могу я предложить, сэр, чтобы вы разрешили вашим дамам покататься, пока вы, джентльмены, будете сопровождать меня в инспекции лагеря?

— Но мы тоже хотим посмотреть лагерь, не правда ли, миссис Линкольн, — вскричала мисс Форд.

— Разумеется хотим, — согласилась Мэри, беря мужа под руку.

— Хорошо. Ведите нас, Мак-Даул.

Они последовали за генералом. Когда вошли в лагерь между деревьев в восточной части поместья, президент, шедший между Хэем и Ресселем, с улыбкой сказал мисс Форд:

— Я подозреваю, что вы хотите посмотреть на чернокожих, которых мы видели по дороге. Как это Ботлер назвал беглых негров в крепости Монроу? Ах да: «военная контрабанда». Будем надеяться, что это — не контрабанда, генерал?

— Я не задаю неуместных вопросов, господин президент, — отвечал Мак-Даул, замедлив шаг. — Они много помогают в лагере, уверяю вас. Видите, как они расчищают там землю от кустарника?

Они остановились, наблюдая нескольких негров, работавших с топорами позади линии палаток.

— Какая разница между пропагандой и краденой собственностью, — в негодовании спросила мисс Форд.

— Думаю, это зависит от того, где вы находитесь, — отвечал Линкольн. — Здесь, например, я настаиваю, что Закон о беглых рабах должен выполняться, и все рабы должны быть возвращаемы своим владельцам, — если владельцы этого потребуют. Вы согласны со мною в этом отношении, генерал, не правда ли?

— Безусловно, сэр! Сегодня утром здесь был один рабовладелец и получил обратно троих рабов. Его зовут Форд, — Сильвестер Форд. Не родня ли он вам, мадам? — улыбнулся он вирджинке.

Но она не улыбалась. Закинув в гнев свою красивую голову, она сказала:

— Это мой отец, сэр. Надеюсь, он не имел неприятностей от этих черных глупцов.

— Особенных неприятностей не имел. Это напоминало «Хижину дяди Тома». Негры плакали, надсмотрщики бранились, рабовладелец хмурил брови.

Линкольн в изумлении посмотрел на вирджинку. Выражение ее лица резко изменилось. Она казалась ему красивой, злой бабой.

Достаточно только коснуться их рабов, — подумал он, — чтобы обнаружился яд, скрытый в этих людях.

— Воображаю, какая это была комедия, — усмехнулась мисс Форд. — Подумаешь, какая тяжелая участь — покинуть этот неустроенный лагерь и вернуться к удобствам плантации моего отца... Бог мой! — внезапно вскричала она, изящной ручкой указывая на молодого негра, вышедшего из палатки с ружьем в руках, которое он начищал. — Да ведь это тоже один из наших негров! Зиб, ступай сюда!

Негр, молодой крепкий парень в полинялых холщевых шароварах и новой красной армейской блузе, продолжал начищать ружье. Он широко улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Вы не можете больше мне приказывать, маленькая мисс. Я — теперь негр Линкома*). Я теперь в лагере Линкома. Я теперь, как белый, не считая только цвета кожи.

Никто не смеялся.. К этому моменту вокруг собралась большая толпа. Проход между палатками был переполнен солдатами. Лучи июльского солнца пережегались с тенью от гигантских сикамор. Ветра не было. Пронзительные звуки цикад покрывали шум лагеря. Мисс Форд в ее желтом балахоне и маленькой желтой шляпке, кокетливо лежавшей на массе каштановых локонов, была необычайно женственна, несмотря на высокий рост.

— Поди сюда, Зиб! — повторила она.

Зиб положил свою большую ладонь на пень сикамора, как если бы нуждался в опоре.

— Нет, я больше не пойду на плантацию. О, нет, маленькая мисс. Сегодня они увели Нэпа, Корти и Мэтти. Но я — не работник на поле. Старая мисс научила меня читать и писать. Я состоял при ней. И теперь я требую своих прав. Теперь я — негр Линкома.

И глаза его блеснули в сторону президента.

Линкольн стоял в характерной для него позе, с руками за спиной, выдвинув вперед голову. В словах и в позе молодого негра, в крупной точеной черной руке его, опершейся на дерево, было нечто нестерпимо его трогавшее. Да, он мог логично и последовательно действовать в вопросе о беглых рабах, пока не увидел беглого раба собственными глазами. Негр Линкома! Это впервые услышанное им выражение глубоко его взволновало.

Мисс Форд внезапно повернулась к Линкольну.

— Не будете ли вы любезны применить вашу власть, сэр?

Генерал Мак-Даул поспешно перебил:

---

*) Негры произносили фамилию Линкольн как «Линком».

— Мадам, в данных условиях для вас ни необходимо, ни уместно апеллировать к верховному представителю исполнительной власти. Если вы желаете увезти этого негра с собой, я просто прикажу ему за вами следовать.

— Масса Линком! Масса Линком! — закричал Зиб. — Скажите им, чтобы они меня не брали. Я не пойду в рабство... Никогда! Масса Линком!

Красивый мягкий голос негра был непередаваемо убедителен.

Президент посмотрел на вирджинку. Глаза ее потемнели от неудержимой страсти, какою, по его наблюдениям, становились одержимы все рабовладельцы, всякий раз когда их власть над чернокожими не признавалась или подвергалась сомнению.

— Продайте этого чернокожего, мисс Форд, — жалким голосом попросил президент. — Я найду кого-нибудь, кто его выкупит и отпустит на волю.

— Авраам, Авраам, — шептала Мэри. Но никто ее не слушал.

— Он не для продажи, — отвечала вирджинка. — Генерал, не можете ли вы отдать необходимый приказ?

— Масса Линком, Масса Линком, — умолял Зиб.

Губы президента задрожали и он глубоко вздохнул. — Зиб, — сказал он, возвысив голос, — думаю, что тебе, малый, придется пойти обратно, пока мы не покончим с этим вопросом войной.

— Я ни за что не пойду обратно, — повторил Зиб. — Если я не могу быть негром Линкома, я поднимусь прямо к масса Исусу. — И с внезапной решимостью он охватил ртом отверстие ружейного ствола, который он чистил, босой ногой спустил курок, и верхняя часть его головы отлетела.

Рессель и Мак-Даул силой удержали Линкольна, бросившегося поднять то, что осталось от Зибана. В течение нескольких минут, после того как он вернулся к экипажу, к которому торопил Мак-Даул, президент не произносил ни слова. Затем он взглянул на мисс

Форд, сидевшую напротив, — все еще со злобным выражением в своих фиалковых глазах.

— Такова действительность! Покуда мы играем словами, истину выражает Зиб. Не вижу, как может простить нас Всемогущий.

— Только безмозглый янки мог дать негру в руки оружие при нынешнем положении вещей, — объявила вирджинка. Затем со странной нотой торжества в голосе, прибавила: — Лучше вы примите это, мистер президент, за предупреждение со стороны Всемогущего, что вы играете со всеми огнями ада, впутывая в вашу борьбу за сохранение Союза вопрос о рабовладении.

Линкольн с любопытством на нее посмотрел.

— И вы не испытываете сожаления в том, что вы толкнули человеческое существо на самоубийство?

— Я только жалею о потере тысячи долларов, стоимости негра, — ответила вирджинка.

— Но, дорогая мисс Форд, — запротестовала Мэри, — я тоже уроженка рабовладельческого штата. Вы не должны так говорить о рабах. Такой тон только разжигает ярость аболиционистов.

Выражение лица мисс Форд смягчилось, когда она увидела, как побледнело лицо маленькой, сидевшей рядом с нею женщины.

— Сознаюсь, я говорю несколько грубо для человека с хорошими манерами, — сказала она. — Но, мадам, вы должны согласиться, что я никогда не пыталась ввести вас в заблуждение насчет своего отношения к рабству. Но к чему портить такой приятный день из-за этого инцидента! Мистер Рессель, расскажите что-нибудь веселенькое.

Англичанин, бывший свидетелем трагедии и последовавшего за нею разговора, тотчас же ответил:

— В эту минуту мне в голову не приходит ничего веселенького. Я не понимаю, как партия сепаратистов может надеяться отложиться на том основании, что она должна иметь право владеть рабами, если это-

го желает, и в то же время устраняет вопрос о рабстве, ведя войну, чтобы утвердить свой выход из Союза.

— Разумеется, согласовать это невозможно, — сказал Линкольн.

Мисс Форд быстро на него взглянула. Но прежде, чем она могла ответить, Джон Хэй сделал попытку переменить тему разговора.

— Какое совпадение, мисс Форд, эта ваша встреча со старым другом на террасе Арлингтонского Дома. У многих ли южан столько друзей, сколько у вас!

Улыбнувшись, вирджинка отвечала.

— Мистер Хэй, для вас это только хороший предлог сказать один из ваших приятных комплиментов. Но на деле крупные рабовладельцы на юге обычно хорошо знакомы между собой, точно так же, как и крупная землевладельческая аристократия, — я сказала бы феодальная аристократия в Англии.

— В вашей самооценке нет ничего мелкого или американского, — сказал, улыбаясь, Хэй. — Не правда ли?

Мисс Форд повернулась к Ресселю.

— Сэр, во время вашей поездки вы имели исключительную возможность наблюдать все, что есть лучшего на Юге. Вы посещали наши лучшие дома, наши самые большие плантации. Скажите, разве я переоцениваю наше право на известное аристократическое сходство с британской аристократией?

Линкольн с любопытством взглянул на англичанина. Учтивость Ресселя оставалась непоколебимой.

— Их гостеприимство лишило меня способности и желания судить о них, мисс Форд. Как и большинство моих соотечественников, я был расположен в их пользу раньше, чем предпринял свою поездку.

— И сохранилось ли такое расположение и после поездки? — спросила вирджанка.

— Несмотря на это, — отвечал Рессель глухим голосом. — Я уехал в убеждении, что рабство в корне есть зло.

— Если рабство — не зло, то вообще зла не существует, — воскликнул Линкольн.

Мисс Форд развела руками.

— Но ведь мы больше не говорим о рабстве, — запротестовала она.

— Вы спросили мое мнение о вашей южной аристократии, — сказал Рессель, — об аристократии, построенной на труде рабов. Как же мы можем не упомянуть о рабстве, выражая о ней свое мнение?

— Вы сочувствуете северянам! — воскликнула мисс Форд.

— Я соблюдаю нейтральность, — отвечал Рессель, — и вполне искренне. Но я хочу высказать, что думаю по этому вопросу, хотя, может быть, это и будет сочтено недостатком вкуса. Эта война не кончится до тех пор, пока не встанет вопрос о рабстве, и пока война из-за него не приведет к решительному концу. Пока Север и Юг не признают открыто этого факта, Европе будет казаться, что они закрывают глаза на неизбежные последствия собственной политики.

— Правильно! — воскликнул Линкольн. — И самый большой трус — я!

Он откинулся на сиденье экипажа, поникнув головой. И в молчании его было что-то, заставившее и его спутников хранить молчание всю дорогу.

Г л а в а д е с я т а я

ФЛАГ ПОДНЯТ

Быть может, бедняга Зиб примирился бы с существованием, которое доставляло ему так мало радости, если бы только он знал, какое действие окажет его самоубийство на «Массу Линкома».

Неотложные заботы поглощали все время президента по возвращении из Арлингтона до полуночи. Когда, наконец, он получил возможность уединиться

в свою спокойную спальню, он упал в кресло у окна и погрузился в один из тех духовных поединков, которые были вехами его изумительного и глубоко человеческого роста во время войны.

Он начал с упреков самому себе в том, что не настаивал на попытке выкупить Зиба, каким бы слабым способом улучшить ужасное положение это ни было. Затем он в отвращении простонал, говоря самому себе, что эта попытка была типична для его мягкосердечия. Оказывает ли такое мягкосердечие какое-нибудь влияние на его позицию в вопросе о рабстве вообще? Он не в состоянии был ответить на этот вопрос, но через минуту должен был сказать самому себе, что его сентиментальность, его ужас перед чужими страданиями, оказывают влияние на ведение войны.

Северу, требующему сражений, можно было дать понять, насколько глупо это требование, только продемонстрировав перед его глазами неизбежную катастрофу, к которой ведет преждевременное действие. Это — метод Зиба. Мог ли он его применить? Мог ли он позволить Грили и его крикливым сторонникам приставать к Мак-Даулу и к нему самому с требованием послать войска на верное и кровавое поражение?

И с любой точки зрения не была ли бы неудача в данное время — наиболее желательна? Ранние победы не приведут к окончанию войны, как говорил Рессель, потому что они не разрешат вопроса о рабстве. Поражение за поражением, унижение за унижением, потеря за потерей, — пока сохранение Союза не покажется Северу слишком малым делом, — вот когда наступит момент сказать, что только отмена рабства может оправдать страшную бойню.

К рассвету он почувствовал, что кто-то берет его за руку. Он приподнялся, чтобы улыбнуться Мэри, затем снова опустил голову, не отнимая руки от ее теплых, крепких пальцев.

Рассвет сменился солнечным утром. У потолка жужжали мухи. Хлопали двери. Мальчишки повели сво-

их собак в сад. Из комнаты Мэри донеслись, потом умолкли голоса. Немного позже из коридора послышался певучий голос мисс Форд.

— Миссис Линкольн, могу я послать для всех завтраков?

— Пока не беспокойтесь, мисс Форд. Я скоро выйду.

Обычно только голос Мэри мог вывести Линкольна из его мрачной сосредоточенности. Но он расслышал и донесшийся из-за двери голос зирджинки.

— Совершенно таким же тоном она сказала «Поди сюда, Зиб!» — воскликнул он. — Мэри, что ты думаешь об этой женщине?

— У нее много рабов. Все ее богатство — в рабах.

— Она начинала мне нравиться и восхищать меня, — пробормотал он.

— Вчера она поступила очень некрасиво, и все-таки она мне нравится, — подтвердила Мэри. — И не могу сказать, что твое нелепое предложение выкупить этого негра показалось мне особенно замечательным. Как представитель верховной исполнительной власти ты представлял далеко не блестящее зрелище.

— Мне кажется, что наименее блестящим был тот момент, когда я позволил двум женщинам примкнуть к нашей компании. — Линкольн со вздохом выпрямился. — Ее встреча с капитаном Тэйлором была немножко некстати... И все-таки я не вижу...

— О, она — не шпионка, — прервала Мэри. — Пусть ее особенности, как владелицы рабов, не развивают в тебе шпиономании, Авраам.

— Что же, тем лучше, — вздохнул Линкольн. Он слишком устал, чтобы спорить. — Однако почему-то сегодня утром я чувствую себя не особенно бодро.

— Что в этом странного, — подхватила Мэри. — Вчера ты почти не ужинал. Ты почти ничего не ел с самого полудня. А прошлой ночью и не спал. У меня, Авраам, дьявольский характер, но у тебя привычки слабоумного. — Она стала осторожно развязывать ему

галстук и растегивать воротник. — Перемени белье, дорогой, перед завтраком.

Линкольн схватил ее руку, поцеловал ее, и поднялся. — Мне нужно немедленно послать письмо в военное министерство.

И он широкими шагами вышел из комнаты, не застегнув воротничка и волоча за собой галстук.

Два часа спустя Мак-Даул получил приказ передвинуть свои плохо обученные и плохо экипированные войска к узловому пункту Манассас.

Может быть, ничто не было так характерно для Вашингтона в эти летние дни, как пыль. Она тучами носилась по Пенсильвания-авеню. Излюбленный путь проходящих войск, — утопал в пыли. Красные, белые и голубые фасады лавок и гостиниц она перекрашивала в однообразный серый цвет. Она покрывала листву молодых деревьев, боровшихся за существование на тротуарах, и волнами тумана окутывала сады Белого Дома, в которых любила по утрам работать Мэри. Даже из фонтана перед южным портиком, несмотря на все усилия садовника, грязная вода била в грязный бассейн.

Третий день после поездки на Арлингтонские Высоты приходился на субботу. Предстоял еженедельный концерт оркестра Морской пехоты у Белого Дома. Мэри рассчитывала в этот день выехать с семьей в коттедж у Солдатского дома, который был летней резиденцией Бьюкенена. Но неожиданно выяснилось, что к концу концерта должна была состояться церемония поднятия флага, на которой должны были присутствовать она и президент. Мэри, утомленная беспокойно проведенной ночью, была бы вдвойне утомлена вечерней церемонией. Поэтому она решила отложить поездку за город до следующей недели.

Мисс Форд выпросила себе место на платформе, построенной для церемонии у южной галереи. По ее словам, пыль была слишком густа для патриотизма. Она собиралась после обеда выспаться, чтобы выгля-

деть свежее. Поэтому когда Вилли перед вечером нашел ее в обществе высокого голубоглазого человека в тени айлантов, наблюдательный мальчуган упрекнул ее за обман.

— В моей комнате слишком жарко, — улыбаясь объяснила она.

— Я думал, что вы терпеть не можете пыли, — сказал Вилли, отрывая губы от бутылки с шипучей водой. А вы как раз там, где пыль будет самая густая и больше всего народу!

Мальчик недовольно посмотрел на густую толпу, расхаживавшую по лужайкам.

— Солдаты и кринолины, кринолины и солдаты, — проворчал он. — Повсюду толпа. Верно им хочется быть поближе к папе, когда он будет поднимать флаг.

— Вилли, — сказала мисс Форд, схватив его грязноватую руку, — ты выглядишь очень хорошо в своем коричневом костюмчике.

— Он ведь не коричневый, а белый. — И Вилли улыбнулся.

В ответ улыбнулась и мисс Форд.

— Это мой старый друг. Я хочу, чтобы ты показал ему Пенсаколу и Сомтера. Он подарил мне мать этих щенят.

— Хорошо! Только я попрошу Тэда помочь мне!

Когда мальчик убежал, вирджинка обратилась к человеку, который все время внимательно смотрел на мальчика.

— Том, в его годы отец его, вероятно, выглядел совершенно так же. Только был крупнее и еще неуклюжее, — сказала она.

— Его отец никогда не был таким ловким, как этот парнишка, леди Форд, — отвечал Тейлор.

— Согласна, он не был таким ловким. В Вилли это от матери. Но Линкольн должно быть был много умнее. В этом-то и состоит ошибка Джефферсона Дэвиса и его сторонников. В этом состояла и моя ошибка, когда я дала согласие на этот план действий.

Человек смахнул пыль со своих полотняных брюк шляпой с широкими полями и на минуту прислушался к звукам военного оркестра.

— Приглашение к танцу, — сказал он. — Хотел бы я, чтобы эта музыка была у нас на плантации и чтобы под звуки ее танцевали только вы и я... Что, есть еще какие-нибудь доказательства его ума, леди?

— Да, Том, есть. Во-первых, после растерянности на первых порах, он стал и хозяином, и надсмотрщиком плантации... Теперь Сьюард повинуется его приказаниям, как овечка. Камерон ворчит, но про себя, и выполняет, что приказано. Чэйс груб, неприятен, но уже оставил свою манеру говорить свысока.

Она помолчала, и ей повидимому вспомнилось что-то смешное.

— Гостиная этой семьи только продолжение кабинета, и Линкольн обращает такое же внимание на детей, на миссис Линкольн, или на меня, как на мебель. Иногда новых посетителей это смущает, но «регулярным» это так же безразлично, как и ему. Два или три дня тому назад в сумерки я сидела, пока миссис Линкольн и дети одевались, собираясь в театр. Линкольн вошел и, не замечая меня, бросился на стул, растегнул жилет, протянул ноги на камин и застонал так, как будто он невыразимо устал. Через секунду дверь в его кабинет распахнулась и в комнату бочком и вприпрыжку вошел большой лысый господин. Он оглядел комнату и не сразу заметил Линкольна, и затем вскричал: «Слушайте, мистер Линкольн, мы должны покончить с этим так, чтобы я мог вернуться в Нью-Йорк... Но мне нужно больше света!» Он зажег газовый рожок, наклонился к президенту и нагнулся над ним, словно собираясь его укусить. Президент ослабил, показывая свои белые зубы. Они всегда меня поражают при его бледном лице. — «Грили, — сказал он, — почему, когда вы нервничаете, вы не читаете Артемуса Уорда?» — Грили — это был он — пришел в ярость. — «Да есть ли у вас чувство приличия!» — завизжал

он. — «Я никогда не задавался этим вопросом», — сказал Линкольн. И надо было видеть, как заблестели его серые глаза. — «Но я по крайней мере никогда не вторгался в вашу частную комнату, чтобы сказать вам, как мало вы знаете». — Грили выпятил нижнюю губу, как ребенок, получивший удар по рукам. Но президент повидимому этого не заметил, и продолжал: «Не приходило ли вам, Грили, когда-нибудь в голову, почему двое таких бедняков, как вы и я, достигли такого влиятельного положения? Оба мы родились приблизительно в одинаковых условиях, оба — в бедной семье, оба жадно стремились к образованию, оба кое-как выбились из нищеты. И на нас всегда останется печать тяжелой борьбы. У нас плохие манеры, мы не умеем ценить многих вещей, доступных лучше нас образованным людям. И вот все-таки мы делаем попытки вести за собой миллионы людей, имеющих лучшую, чем мы, подготовку. Похоже на то, что мы с вами, Грили, одного поля ягоды. А теперь ступайте домой, в свою «Трибуну», и постарайтесь не надоедать мне... А я попытаюсь тем временем опередить людей — настолько, чтобы они не затоптали меня до смерти!» — И знаете, Том, Грили стоял тут, все время пытаясь говорить, — и не решался. Он сопел, пыхтел, и, наконец, повернулся и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

Том ухмыльнулся. Затем он задумчиво сказал:

— У него, может быть, есть здравый смысл, леди, но не то, что я привык считать умом. Но что произошло дальше? Видел ли вас старик? Вы, кажется, становитесь немного сентиментальной по отношению к этому дровосеку, моя дорогая.

Мисс Форд сделала презрительную гримасу и передала своему собеседнику зонтик, чтобы тот его раскрыл. Лучи заходящего солнца пробивались между деревьев.

— Затем появилась миссис Линкольн, и с нею делегация духовенства. Они толпятся в Белом Доме кру-

глые сутки. Вам, может быть, небезынтересно будет узнать, что это были аболиционисты и что они требовали от президента, чтобы он теперь же опубликовал декрет об освобождении рабов.

— Хо! — воскликнул Том. — Это информация из первоисточника! Что же они сказали?

— После того, как они кончили объяснять ему, что Всемогущий повелевает ему покончить с рабством, Линкольн спросил их, не показалось ли им странным, что, хотя ответственность возложена на него, Бог дал им специальную информацию, а ему самому не сказал ни слова... И затем он просто вышел, — так иногда он прерывает пререкания.

Она осторожно вытерла лицо платком.

— Том, если вас здесь увидят, будут неприятности.

— Самое надежное место — это укрыться в толпе. Благодаря вам, никто не станет нам докучать, кроме мальчиков Линкольна, — отвечал Том.

— Вилли придет, когда вас уже здесь не будет. Только альпийский ледник движется медленнее, чем Вилли, когда ему дают какое-нибудь поручение... Но у меня есть более непосредственные данные о его отношении к рабству и к войне... — И она рассказала ему про арлингтонский эпизод.

— Запомните мои слова, Том, Линкольн притянет к войне вопрос о рабстве и произойдет это довольно скоро. Юг должен поторопиться, хотя бы для того, чтобы выиграть войну до этого времени.

— Ну а Сомнер на него влияет? — спросил Тэйлор.

— Поскольку Сомнер на него влияет в чем-нибудь существенном, он влияет на него больше, чем какой-либо другой член кабинета, — отвечала вирджинка.

— Проклятый дурак, — проворчал Тэйлор.

— В том-то и дело, что он, оказывается, не дурак, — воскликнула мисс Форд.

С минуту оба задумчиво помолчали. Солнце превратило пыльный туман в золото. Пьяный солдат важно предложил Тэйлору кусок жевательного табаку. Конфедерат отмахнулся от него, как от мухи. Закончив «Листья Осени», оркестр заиграл «Поверь мне, твое обаянье».

— Помните, что я говорила вам о еще одной встрече с Мак-Клелланом, во время моей поездки в Вилинг?

Капитан Тэйлор утвердительно кивнул головой.

— Я не могу о нем забыть. Он, как всегда, был очень интересен. Я могу служить только бледным примером того, как он способен влиять и на сильный, и на слабый пол. Он искренне верит, что вопроса о рабстве не следует касаться. Мне хотелось бы, чтобы он был военным министром вместо Камерона.

— Почему не государственным секретарем вместо Сьюарда? — возразил с улыбкой Тэйлор. — Или президентом вместо Линкольна?

Мисс Форд быстро на него взглянула.

— Смейтесь, если хотите, но Мак-Клеллан в Белом Доме был бы прямо Божьим даром для Юга. Он бы одновременно сохранил и целостность Союза, и рабовладение. — И, подумав, она продолжала: — Если только Юг быстро не одержит победы, диктатура — не невозможное решение. Грили в своем недовольстве Линкольном уже ее предлагает, а у Грили большое влияние и масса сторонников. Слушайте, Том. Может быть, это будет и не Мак-Клеллан, но дело Джефферсона Дэвиса искать в войсках Севера подходящего военного человека, который мог бы стать диктатором.

— Всё это представляется мало реальным и отдаленным, — сказал с некоторой досадой Тэйлор. — Но, может быть, нам не следует пренебрегать никакими возможностями. Я, разумеется, передам ваши соображения Дэвису. Не могу однако сказать, что люблю так, как вы, все эти интриги и контринтриги.

— Все женщины их любят, — сказала вирджинка. — Разве вам не понравился практический эффект того, что я вас обняла вчера в Арлингтоне?

— Вы имеете в виду пропуск? Да, его надо ценить на вес золота. Он пригодится мне на все время войны. Но как вы его раздобыли?

— Линкольн подписал его для меня вчера в карете, чтобы меня пропустил часовой. Я страшно волновалась, как бы он не вписал моего имени, и прямо взвизгнула от радости, когда он написал: «Пропустить предьявителя». Я знала, что шпионить в городе становится с каждым днем все труднее, и мне пришлось маневрировать целую неделю, пока я, наконец, не выработала плана. Разумеется, я не знала, что судьба позволит мне встретиться с вами в Арлингтоне. Когда вы возвращаетесь к Дэвису?

— Этот ваш доклад — мое последнее задание. Джефф мало надеялся на то, что Линкольн будет настолько наивен, чтобы принять письмо. Но он делает все попытки, чтобы заставить его признать существование Конфедерации. Все ли благополучно в Фэрфаксе?

— Думаю, дело подвигается. Там делом заведует капитан Мосби под командой Дж. Сьюарда. Сьюард уведомил меня, что если я хочу, он назначит меня своей помощницей... Посмотрим... А, наконец-то поднимают флаг! Уходите теперь, Том... Толпа скоро начнет расходиться...

Том с минуту помедлил, пока высоко над толпой медленно, движимый невидимой рукой Линкольна, поднимался вверх по древку огромный флаг. Когда ленивые складки его начали расправляться под пыльным ветром, Тэйлор, не сводя глаз с флага, медленно поднялся.

— Вам жалко? — спросила мисс Форд.

— Всегда, — отвечал он. — Но я столь же твердо верю, что право на нашей стороне... Прощайте, дорогая леди...

— Берегите себя, Том!

Она провожала его глазами, пока он не скрылся за кустами близ Пенсильвания-авеню.

Ее одиночество скоро было прервано. Едва Тэйлор дошел до Пенсильвания-авеню, как появились Вилли и Тэд. Каждый тащил за собой щенка. Оба мальчика были грязны и растрепаны. Щенки возбужденно лаяли. За мальчиками следовал Джон Хэй.

— Где этот человек? — спросил Вилли.

— Ему надо было идти. Я уже думала, что ты не придешь до самого Рождества. Жаль, потому что он любит щенят. — Мисс Форд, смеясь, смотрела на покрасневшее от стыда лицо мальчика.

— Он со мной уговорился и должен был сдерживать обещание, — сказал Вилли своим спокойным уверенным тоном, всегда делавшим его слова внушительными. — А я привел Джона Хэя, потому что он всегда хочет знать людей, которые знают вас.

Джон Хэй драматически вздохнул и порылся в карманах своих полотняных брюк.

— Как видно, надо дать взятку... Вот!.. — и он вынул горсть медных монет. — Кукурузные зернышки приятно пахли у разносчика, когда я проходил мимо. Разделите поровну и захватите с собой эти неприступные крепости, — сказал он, указывая на щенят — Сомтера и Пенсаколу.

Когда они остались одни, Джон поднял свои беспокойные черные глаза на вирджинку.

— Не капитан ли Тэйлор был с вами? Я как будто заметил его между деревьями, когда шел сюда.

— Бог мой, конечно, нет! — воскликнула мисс Форд. — Надеюсь, сейчас он за сто или тысячу миль отсюда. Вы, кажется, тоже заражены шпиономанией, мистер Хэй?..

— Нет, не заражен, — отвечал Джон. — Во всяком случае не это считают моей болезнью. Это интересная болезнь, но я никогда — во всяком случае серьезно — не был ею болен, пока не встретил вас.

— В самом деле? Хорошо, — сказала она с вызывающей усмешкой, глядя ему прямо в глаза. — Будем надеяться, что болезнь ваша не примет слишком серьезных размеров. Может быть, она пройдет сама собой.

Джон встретил ее взгляд.

— Она пройдет сама собой, если осложнится шпиноманией.

— Спасибо вам. Какая отвратительная мысль! Возьмите, мистер Хэй, меня под руку, я пойду к миссис Линкольн. Сейчас, кажется, можно пройти сквозь толпу без того, чтобы с тебя сорвали одежду.

Они молча пошли к дому. Джон оставил мисс Форд у ее дверей, и прошел с довольно печальным видом в кабинет секретарей. Джордж Николэй поднял на него глаза, оторвавшись от работы.

— У вас измученное лицо, Джонни. Скажите откровенно, в чем дело?

— Только что мисс Форд разговаривала в саду с капитаном Тэйлором, — тем, что был вчера в Арлингтоне. И она солгала мне, будто его там не было...

— А что другое могла она сделать, раз вы были настолько глупы, что задали ей такой вопрос?.. — Николэй положил перо и раскурил потухшую было сигару.

— Если бы только она не была так дьявольски красива, — проворчал Хэй. — Не следует ли мне предупредить президента?

— Он не нуждается в предупреждении. Но вы должны сказать об этом миссис Линкольн, — сказал Николэй.

— Хорошо, я сделаю это при первой возможности, — Джон снял сюртук и уселся за письменный стол. — Если бы только она не была так дьявольски красива! — повторил он.

Николэй рассмеялся.

Глава одиннадцатая

МАК-КЛЕЛЛАН

На другой день вся семья переехала в Дом солдата, расположенный на расстоянии около четырех миль к северу от Белого Дома. Здесь, в небольшом кирпичном домике, так напоминающем простой дом Линкольных в Спрингфильде, высоко над заросшими деревьями холмами, муж ее, как надеялась Мэри, хоть немного отдохнет и от влажного, городского зноя, и от посетителей.

И, действительно, ночи, проведенные Линкольном в Доме солдата, были прохладнее, чем в Белом Доме. Но таких ночей было немного. Его помощники чувствовали себя растерянно, если поблизости не было главного представителя исполнительной власти. Да и сам он хотел иметь возможность приходить в военное министерство в любой час ночи, — особенно теперь, когда армия на Потомаке начала наступать. Линкольну казалось, что великолепные деревья, превращающие парк вокруг кирпичного домика в райский сад, были непреступной преградой между ним и его обязанностями, и бедной Мэри приходилось большую часть времени проводить в поездках в город в тщетных попытках увести оттуда мужа.

Когда 19-го июля курьер, весь в пыли, доставил в Дом солдата первые известия о поражении Мак-Даула у Буль-Рена, Мэри и мисс Форд немедленно выехали в Белый Дом. Их невозможно было уговорить вернуться в Дом солдата в течение последовавших за этим лихорадочных дней, когда Север, казалось, обезумел от изумления и огорчения и готов был распять Линкольна и Мак-Даула. Вилли и Тэд в сопровождении приставленного к ним солдата разъезжали на своих пони между этими двумя Домами. Суматоха и возбуждение забавляли их не меньше, чем щенки Сомтер

и Пенсакола, гонявшиеся за каждой курицей и кошкой, встречавшимися по дороге.

Линкольн едва заметил, что семья вернулась, и что Мэри проявляет чрезвычайный такт и нежность. Однажды, когда она послала, не дожидаясь, что он спросит, ужин в его кабинет, он сказал ей, что она так же приятна ему, как человеку, работающему во время урагана, приятны теплые носки и рубаха. Но это было единственное, что она слышала от него за несколько дней.

Он терпеливо выносил нападки, последовавшие за поражением при Буль-Рене. Даже глупость этих нападков, исходившая от правительственных кругов, не вызывала его на возражения. Генерал Скотт, как и следовало ожидать, глубоко огорченный, и все же державшийся с видом человека, всё предвидевшего, был чрезвычайно раздражен критикой со стороны Эдвина Стэнтона, видного члена кабинета Бьюкенена.

Старый генерал сказал Линкольну, сидевшему за своим письменным столом в военном министерстве:

— Стэнтон — способный человек, сэр, и не плохо разбирается в военных вопросах, и я привык полагаться на него, пока вы не пришли к власти. Но он не только глуп, сэр, но прямо смешон, когда он обвиняет вас, господин президент, и меня в том, что мы назначаем в армию только республиканцев.

— Тише, генерал, — отвечал Линкольн, потрепав старого солдата по плечу, — вы должны были быть к этому готовы. То, что Стэнтон говорит о вас, ничто по сравнению с тем, что он говорит обо мне. Он говорит, что я — идиот. Ответственность за «непоправимое несчастие и национальное бедствие» под Буль-Реном он возлагает всецело на меня. И делая так, поступает довольно правильно. Но во всех этих криках я обращаю внимание только на один пункт. Я вижу, как это говорит и он, что Мак-Даула надо заметить. Жаль, потому что Мак-Даул — превосходный солдат, как говорят мне компетентные люди, — вы

и Вильям Рессель. Но публика потеряла в него веру. Они хотели бы сместить и меня. Но, — Линкольн улыбнулся, — со мной не так легко покончить.

— Я серьезно возражаю против смещения генерала Мак-Даула, — вскричал Скотт, положив старую дрожащую руку на эфес шпаги.

— Я понимаю. Это тяжело. Но приходится это сделать, генерал. Что вы скажете насчет того, чтобы вызвать сюда Мак-Клеллана? Его победы в Западной Вирджинии сделали его очень популярным и, поскольку я могу судить, этот молодой человек проявляет все признаки первоклассного военачальника.

Линкольн говорил по возможности осторожно, зная крайнюю щепетильность Скотта. Но решив еще в ночь после Буль-Рена поставить Мак-Клеллана во главе армии на Потомаке, он не без труда мог в достаточно почтительной форме склонить старика к желательному решению.

— Подумайте об этом, генерал, — сказал он, — и дайте мне знать в течение недели о вашем заключении. От разных людей, на которых можно положиться, я получаю сообщения, что все они, одинаково мужчины и женщины, подпадают под обаяние Мак-Клеллана. А мы оба знаем, что обаятельность — теперь редкая птица и в Вашингтоне, и повсюду.

Он пожал генералу руку и вернулся в свой кабинет.

Стэнтон, при всех своих блестящих дарованиях и при всей своей враждебности, все же не был в состоянии так помешать планам Линкольна, как Грили. Этот выдающийся журналист был, несомненно, в состоянии паники, когда он не только в своей «Трибуне», но и в своих страстных письмах к президенту, убеждал: «Вас не считают великим человеком, а безнадежно разбитым человеком. Вы сейчас переживаете страшное испытание. Бог возложил на Вас тягчайшую ответственность. Не бойтесь пойти ей навстречу! Если Союз непоправимо распался, следует

немедленно распустить войска. Самое лучшее для нашей страны и для человечества, чтобы мы заключили мир с мятежниками немедленно и на их условиях, — не уклоняйтесь и от этого».

— Грили должен был бы поддержать меня лучше, чем таким способом, — таково было единственное замечание, которое Линкольн счел нужным сделать по поводу этого необыкновенного призыва, возвращая Николэю письмо Грили для архива. Затем он обратился к составлению нового меморандума по поводу того, что он обозначил наверху страницы словами: «По поводу всего движения Анаконды».

Через несколько дней после сражения при Буль-Рене мисс Форд взяла у Мэри пропуск, который Линкольн выдал своей жене в день посещения Арлингтона. Свой собственный пропуск она, по словам ее, потеряла, а собирается съездить в Фэрфакс посмотреть, осталось ли что-нибудь от плантации, и установить, если можно, где находится ее отец. Мэри, проникнутая глубоким сочувствием, посоветовала ей обратиться к президенту с просьбой дать ей охрану для проезда сквозь хаотические линии Союза, охватывавшие Фэрфакс и его окрестности.

— Возвратиться в сопровождении солдат янки? Да меня там линчуют, — объявила мисс Форд. — Нет, дорогая миссис Линкольн, Джинни и я благополучно съездим одни и вернемся завтра к вечеру.

Разговор происходил в спальне Мэри, где работала Лиззи Кекли, чернокожая портниха. Эта негр-тянка была энергичная, умная женщина. Она сама выкупила себя из рабства. В фешенебельных кругах Вашингтона на ее работу был большой спрос. Когда мисс Форд вышла из комнаты, Лиззи отколола рукав, который она примеряла на грациозной руке Мэри.

— У тебя как-то ничего не выходит с этим рукавом, Лиззи. Хорошо ли ты себя чувствуешь?

— Да, мадам, но я больше слушала мисс Форд, чем думала о своей работе. Мадам, простите меня

за то, что я скажу, но по-моему вы не должны были давать ей этого пропуска. Джинни мне сказала, что мисс Форд все время пишет письма Джефферсону Дэвису и что они пересылаются ему из трактира в Фэр-факсе.

Мэри вырвалась из искусных коричневых рук портнихи.

— Ты хочешь сказать, что она шпионка? Как тебе не стыдно!

— Мадам! — Лиззи гордо выпрямилась. Это была хорошо сложенная женщина средних лет, и держалась она с достоинством, нередко свойственным неграм лучшего типа. — Мадам, мне не более стыдно, чем вам было бы стыдно доложить о шпионке. Поэтому-то я и работаю сегодня здесь, а не для других леди, которые и больше мне платят, и не так нетерпеливы. Я хочу помочь мистеру Линкольну.

— Лиззи! — вскричала Мэри, с тем детским раскаянием в голосе, который внушал к ней любовь со стороны тех, кто хорошо ее знал. — Да, стыдно должно быть мне! Но я так люблю мисс Форд, и она так хорошо относится ко мне и к детям! Я уверена, что ты ошибаешься!

Портниха отложила рукав в сторону и подняла волнистую грудку шерстяной материи для юбок.

— Нет, я не ошибаюсь, мадам. — Она разгладила шерсть на доске для выкройки, лежавшей на кровати, подняла ножницы, с минуту поколебалась, посмотрев сначала на один край материи, потом на другой, и, наконец, широким жестом разрежала ее со словами:

— Джинни говорит, что вчера вечером мисс Форд написала письмо, в котором она говорит Джефферсону Дэвису, что слышала, будто мистер Линкольн сказал мистеру Сьюарду, что он хочет вызвать в Вашингтон генерала Мак-Клеллана, чтобы с ним познакомиться, и что она сама постарается поговорить с Мак-Клелланом и разузнать, что он за человек.

— Да разве Джинни умеет читать? — упрямо спросила Мэри.

— Она так же образована, как и я, а обо мне вы можете судить по моему хорошему английскому языку. Она — умная негритянка, и она готова помочь мистеру Линкольну освободить всех негров. Идет слух, что если только он сможет, этот великий день наступит!

Мэри стояла в своей нижней рубашке и юбке, бросая взгляд то на портниху, то на новые кружевные салфеточки для подушек, связанные для нее мисс Форд. Она не сомневалась, что Лиззи Кекли говорит правду, и первым ее побуждением было бежать к мужу с этой информацией. Но она боялась, что он только пожмет плечами. Что для него, окруженного интригами даже внутри кабинета, нелояльностью внутри партии, ненавистью и обманом со стороны тех, на которых ему приходилось полагаться, чтобы вести войну, — что для него могла значить какая-то непроверенная информация о шпионке? И какой смысл был идти к нему или к кому бы то ни было другому, пока она не проверит утверждения Лиззи?

— Мне кажется, — сказала она вдруг, стиснув зубы, — что по-твоему я должна была бы теперь же выпроводить мисс Форд. Но ничего подобного я не сделаю!

Чернокожая женщина выпрямилась и, положив ножницы на материал, посмотрела на Мэри своими умными глазами.

— А почему бы и нет, мадам?

— Потому, Лиззи, что для меня открывается первая возможность сделать что-нибудь для войны и для страны. Газеты постоянно намекают, будто я даю информацию сепаратистам. Думаю, что даже некоторые члены кабинета Линкольна считают, что мои симпатии на стороне Юга. И если я поймаю мисс Форд с поличным, это докажет обратное. Понимаешь?..

Она возбужденно взглянула на чернокожую.

— Я так одинока, Лиззи. Теперь, когда мистер Линкольн достиг Белого Дома. То, чем я была раньше занята, кончено...

— Война всё перевернула, — согласилась Лиззи.

— Называй это, как хочешь.

Хозяйка Белого Дома на минуту печально задумалась, затем энергично сказала:

— Я обнаружу, в чем ее игра и перехитрю ее. А нужна она мне для сношений с обществом. Она же, должно быть, думает, что я ей нужна, чтобы добиться от меня информации. Хорошо, пусть собаки перегрызутся, как сказал бы мистер Линкольн. Ты увидишь, что я так же умею хитрить, как и мисс Форд!

— Вы не глупее ее и лучше образованы. И, надеюсь, — что вы также на это смотрите. — Внезапная улыбка озарила обычно трагические глаза чернокожей. — И мы с Джинни вам поможем.

— Ты ни с кем об этом не разговаривала, Лиззи?

— Нет, мадам, — разумеется, нет.

— Так вот, не говори об этом ни с кем, пока я тебе не скажу...

Так вот почему Мэри вдруг почувствовала себя задетой и одинокой.

— Я только что поняла и другую сторону дела, Лиззи. Я думала, что она меня любит, а мне так нужна подруга.

— Она должна вас любить, — уверенно сказала Лиззи. — Всякий, кто вас знает, не может не любить вас. Но ни мисс Форд, ни какая бы то ни было другая завзятая южанка не откажется от своих рабов без борьбы. Они будут драться зубами и когтями...

Мисс Форд вернулась на другой день как раз к чаю. Вирджинка сама наладила ежедневное чаепитие в гостиной. Сюда между четырьмя и шестью часами приходили многие члены выбившейся из сил правительственной семьи, а также конгрессмены или всякие другие посетители, которых молодые секретари,

помогавшие миссис Линкольн и мисс Форд, находили заслуживающими внимания.

В начале лета послеобеденный час стал существенной частью ежедневной программы. Линкольну это нравилось. Он радовался возможности быть неформальным гостеприимным хозяином. Он приходил, если позволяло настроение и время, снова уходил и опять возвращался. Иногда он приводил с собою какую-нибудь женщину, всю в слезах из-за сына или мужа на войне, и передавал ее жене, чтобы та напоила ее чаем и поговорила с нею со своей обычной ласковостью. Частенько он тащил за собой сконфуженного солдата. Однажды гостем был индеец из племени Лисы в своем живописном наряде. В другой раз веселый седовласый неграмотный бродяга, утверждавший, что он знал президента еще ребенком. Несколько раз президента сопровождал посол Франции, отлично воспитанный мосье Мерсье или несколько высокомерный лорд Лайонс.

Вечером после возвращения мисс Форд разразилась страшная гроза, и народу в Белом Доме было меньше обычного. Поэтому к чаю пришло больше, чем обычно, помощников президента.

Сьюард и Чарльз Сомнер стояли у окна, горячо споря по поводу последней, крайне резкой ноты Сьюарда по адресу Великобритании. Сомнер лично и интимно знал людей, которые правили Англией, и, как он часто говорил Линкольну, невежественная бестактность Сьюарда приводила его в отчаяние.

«Папа» Уэллс сидел перед камином, наполненным цветами, и, поглаживая свою белую бороду, слушал мнение Джона Хэя о сражении под Буль-Реном.

Мистер Чэйс сидел на диване со своей красивой дочерью Кэти по одну руку, и Вильямом Ресселем по другую, и тоном законодателя высказывал мнение о качествах Джона Фремонта, которого Линкольн назначил недавно начальником Западного военного округа со штаб-квартирой в Сент-Луисе. Его громо-

гласные фразы не вполне заглушали шедший в гостиной разговор, пока до всех не донеслись сказанные им Ресселю слова:

— Мой дорогой сэръ, мне сказали, что вчера солдат Союза, прочитав ваше имя на пропуске, в вас выстрелил?

Разговор в гостиной оборвался. Все ждали, что ответит Рессель. Англичанин холодно сказал:

— Да, как видно, говорить правду считается в этой стране преступлением.

— Что же вы сделали, мистер Рессель? — вскричала Мэри, сидевшая за чайным столом. — Я слышала, что о вас люди говорят еще худшие вещи, нежели обо мне. Не могу понять, из какого словаря они заимствуют свои выражения!

— Думаю, я делал то, что является обычным для военных корреспондентов, мадам. Я съездил в Вирджинию с мыслью быть как можно ближе к сражению у Манассас, которое, по слухам, там происходило. Я был еще на расстоянии нескольких миль от театра главных военных действий под Буль-Реном, когда меня остановили бегущие солдаты и офицеры Союза. Они буквально забили все дороги. Я описал в своей газете, лондонском «Таймсе», то, что я увидел, — ни больше, ни меньше. На прошлой неделе мою корреспонденцию перепечатал нью-йоркский «Таймс». Другие газеты немедленно последовали его примеру и заклеили меня, как лжеца, злонамеренно оклеветавшего ваши доблестные войска и усумнившегося в их храбрости. Теперь, кажется, против меня восстановлена вся страна. Меня окрестили «Буль-ренский Рессель», и у меня не осталось друзей, за исключением...

Он остановился и поднялся на ноги вместе со всеми другими: в комнату входил Линкольн с каким-то офицером.

Пришедший был человек лет тридцати пяти, ниже среднего роста, но крепко сложенный, широкопле-

чий, с толстой шеей и слегка кривыми ногами. Голова его, покрытая густыми каштановыми волосами, крепко сидела на плечах. Черты лица были правильны, и резко очерченная челюсть под рыжеватыми усами выражала крайнюю решительность. Лоб изрезали морщины. Красивые глубокие синие глаза были несколько печальны. В общем же он производил очень обаятельное впечатление.

— Миссис Линкольн, — сказал президент, — это — новый главнокомандующий потомакской армии, генерал Мак-Клеллан. Вы, кажется, говорили, мисс Форд, что вы с ним знакомы. А это — сенатор Сомнер, и это — Англия во образе Ресселя. Да, Рессель, вы лучше не повторяйте вашего мнения о наших доблестных войсках Мак-Клеллану, — иначе он откажет вам в привилегиях военного корреспондента.

Мак-Клеллан взглянул на широкое лицо англичанина.

— Если вы тот Рессель, о котором я слышал, вы должны кое-что понимать в солдатах, — вежливо сказал генерал.

Рессель поклонился.

— В последний раз я видел вас в Крыму, сэр.

— Да, когда вы одолжили мне единственную личную лошадь, на которой мне пришлось ездить за весь месяц. — Мак-Клеллан повернулся к Линкольну. — Это было в 1855 году, когда военным министром был Джефферсон Дэвис. Он послал нас троих для наблюдения за военными действиями в Крыму... Так, значит, вы не очень высокого мнения о моей новой армии? Что же, я с вами согласен. Приезжайте ко мне в штаб и я покажу вам, как я рассчитываю превратить ее в настоящую военную машину.

— Сегодня, — сказал Линкольн, усаживаясь в кресло рядом с мисс Форд, — здесь у меня был один офицер, и он сказал мне, что я совершенно неправ, и что Буль-Рен вовсе не был для Севера поражен-

ем. Поскольку я мог заключить из его доклада, наши люди побили мятежников и затем бежали.

Это встречено было общим смехом и прерванные было разговоры возобновились. Мак-Клееллан, усаживаясь на стул близ мисс Форд, улыбнулся ей.

— Я припоминаю, как вы мне сказали, что для Фордов из Вирджинии вы находитесь в странном обществе! — воскликнул он. — Но что вы делаете, леди, я в точности забыл.

— Зарабатываю себе на хлеб в качестве светской помощницы миссис Линкольн и заодно пытаюсь повлиять на президента, чтобы он не обращался слишком сурово с нами, бедными рабовладельцами, — отвечала вирджинка, улыбаясь Линкольну.

Президент, принимая чашку чаю из рук Мэри, ответил такой же улыбкой.

— Она влияет в той или иной степени на нас всех. Джон Хэй посвящает ей стихи, — не правда ли, Джон?

Молодой Хэй покраснел, но ничем больше не проявил своего смущения.

— Между мной и Ресселем происходит сильное соревнование, сэр. И у него все преимущества — за исключением поэтического гения.

— Так, значит, вы считаете себя гением! — воскликнула Мэри.

— Безусловно, — подтвердил Хэй. — Но если мисс Форд попрежнему будет проявлять холодность, я попрошу назначить меня генерал-майором.

Все засмеялись и Мак-Клееллан добавил:

— Переходите ко мне на обучение, Хэй. Я сделаю вас полковым поэтом. Министрель в военном мундире побьет Ресселя по всем статьям.

— Вижу, мне приходится изменить свою стратегию, — заявил Рессель, бросая загадочный взгляд на мисс Форд.

— Я достаточно пленена вашей нынешней тактикой, — сказала вирджинка своим певучим голосом. — Должно быть, крымские леди, если таковые

там имеются, дали вам большой опыт, мистер Рессель.

Джон Хэй простонал и все снова засмеялись. Рессель обратился к Мак-Клееллану.

— Я буду рад воспользоваться вашим приглашением, генерал. Когда вы бываете не слишком заняты?

— Никогда, — улыбнулся Мак-Клееллан. — Поэтому приезжайте, когда хотите. Работа нам предстоит громадная, но мысль о ней меня радует. Как будто мало военных деталей, президент вдобавок внушает мне мысль о политическом значении моей работы. Я очутился здесь в новом для меня и странном положении. Президент, кабинет и генерал Скотт — сваливают на меня все. Словно по какому-то колдовству я становлюсь в нашей стране властью.

Мисс Форд, наклонившаяся к нему через чайный стол и впивавшая каждое его слово, слегка вздохнула. Мэри обменялась взглядом с Вильямом Ресселем. Чарльз Сомнер, прервавший свой разговор с Сьюардом, чтобы прислушаться к разговору за круглым чайным столом, внезапно встал.

— Этот поспешный выбор, безусловно, большая ошибка, — сказал он, понизив голос, государственно-му секретарю.

— Линкольн редко ошибается в людях, — так же тихо ответил Сьюард.

Сомнер пожал плечами и распрощался.

Мак-Клееллан после короткого обмена воспоминаниями с мисс Форд о Фэрфаксе, тоже поднялся. Линкольн взял его под руку.

— Вы не должны переутомляться... От вас зависит слишком многое. Раньше, чем вы уйдете, я хочу, чтобы вы посмотрели мою карту.

Он провел Мак-Клееллана в свою спальню, и они остановились перед картой военных действий, на которой булавками были намечены и идеальный план «Анаконды», и фактическое положение.

Синие глаза Мак-Клеллана обежали карту с большим пониманием, но поверхностно.

— План Скотта содержит одну существенную слабую сторону, — сказал он. — Пока неприятель имеет такое численное превосходство, эти «кольца змеи» мало эффективны. Нам нужны люди, — больше людей, — и нужна подготовка, — больше подготовки. Тогда я рассчитываю выполнить этот план *en grand* и разбить мятежников за одну кампанию.

Линкольн растерянно схватил книгу Халлека, снова положил ее на место и затем комично процитировал:

— Если бы это было сделано — когда сделано, тогда было бы хорошо, если бы это было сделано быстро.

— Афоризмы не приведут армию в действие, — несколько презрительно, как показалось Линкольну, сказал Мак-Клеллан. — А теперь вы должны извинить меня, сэр. Сегодня вечером мне придется заняться важным делом.

— Разумеется, — мягко согласился президент. — Спокойной ночи, дорогой. Да поможет вам Господь в вашем великом деле.

Линкольн почувствовал большое облегчение, когда во главе деморализованной Потомакской армии встал Мак-Клеллан. После чая, устроенного по настоянию Мэри, он согласился провести ночь в Доме солдата. Он позвал с собой Вильяма Ресселя, и карета, где уже сидели Мэри и мисс Форд, была битком набита.

Загородная дорога в сумерки была прекрасна. Некоторое время царило молчание. Каждый из четверых наслаждался им по-своему. Это был отдых после городской суеты. Только тогда, когда широкие ветви дубов заслонили звезды, Мэри задумчиво сказала:

— Хотела бы я знать, что думает миссис Мак-Клеллан о своем муже...

Рессель засмеялся.

— Дорогая миссис Линкольн, что за ужасная мысль...

— Нисколько! — возразила Мэри. — Уверю вас, что мое настоящее мнение о моем муже очень приятная вещь для созерцания.

Она сидела рядом с Линкольном, и при ее решительных словах он уронил свою большую руку на ее колено.

— Нам не приходится вас за это хвалить, — воскликнула мисс Форд. — Не правда ли, Рессель?

— Разумеется, нет, — отвечал англичанин. — Я претендую на способность выразить основательное суждение в пользу приятного мнения. И я даже могу пойти в этом направлении дальше, чем вы, мадам, — так как у меня больше опыта с людьми.

— Слушайте, слушайте! — улыбнулся президент. — Какой приятный для меня вечер!

— Хорошо, мистер Рессель, ну а что вы, с вашим опытом, — что вы думаете о генерале Мак-Клеллане?

— Человек с самыми привлекательными для общества качествами, — отвечал корреспондент.

— О, не будьте задорным, — потребовала Мэри. — Никто не будет вас цитировать.

— И в самом деле, скажите ваше мнение, Вильям, — сказал Линкольн, внезапно подумав, что мнение Ресселя интересует его больше, чем мнение кого бы то ни было другого.

— Вильям! Боже, как фамильярно! — заметила Мэри.

— Пожалуйста, — запротестовал Рессель. — Для меня это большой комплимент, если только это означает то, что, как я надеюсь, оно означает.

— Это означает то, что я на вас смотрю, как на одного из немногих бескорыстных друзей, какие у меня есть, — если вы в самом деле хотите знать правду без обиняков! — Линкольн снял руку с узкого ко-

лена Мэри и хлопнул по сильному колену англичанина. — Ну, так каково ваше мнение?

— Его назначение будет популярным. У него есть качества, способствующие личной популярности. Но всё, что оправдывает его назначение на столь высокий пост, — это несколько стычек с бандами конфедератов в Западной Вирджинии. Вы делаете на него ставку, как говорят у вас в Америке.

— Да, — ответил президент, думая о долгих часах, проведенных им за просмотром всего имеющегося материала.

— А как насчет Фремонта, сэр? — спросил Ресель. — Он по крайней мере в отношении популярности более живописная фигура после его экспедиции на Запад. В Англии имя его сводит с ума.

— Насчет Фремонта я расскажу вам один факт, — отвечал Линкольн. — Блэр и другие члены моего кабинета, и генерал Скотт, — все уверены, что Фремонт, при поддержке сторонников сенатора Бентона в Сент-Луисе, способен сделать чудеса в неразберихе на Западе. Я дам ему назначение первого июля. Он провел три недели в Нью-Йорке, возясь с какими-то личными делами, и Блэр, и другие сторонники его назначения только вчера заставили его отбыть в Сент-Луис. И это в то время, когда каждый час там так же важен для Севера, как целое столетие в обычные времена. Бедный Блэр прямо ежился, придумывая объяснения, когда я спрашивал его и утром, и вечером: «Ну, что, Фремонт уже выехал?» — И Линкольн засмеялся.

— А каково ваше мнение о генерале Мак-Клееллане, мисс Форд? — спросила Мэри.

— Очень приятный человек. И, думаю, хороший администратор. Мой кузен знает его по работе на Иллинойской центральной железной дороге.

Мэри поморщилась.

— Ну, а теперь я скажу, что я о нем думаю...

— Не надо, Мэри! — запротестовал президент. — У тебя ужасный дар — пророчить правду о людях.

Мэри не обратила внимания на эти слова.

— Джордж Мак-Клееллан уже чересчур возгордился, чтобы правильно смотреть на вещи. И он — трус. Я сужу по его губам, — они всегда дрожат...

— Он не трус! Я знаю его еще со времени, когда он учился в военной академии Вест-Пойнт, — возразила мисс Форд.

Мэри снова что-то презрительно проворчала.

Карета повернула к подъезду дома. Мальчики со своими щенками шумно выскочили навстречу посетителям. В тот вечер никто больше не говорил о генерале Мак-Клееллане.

Г л а в а   д в е н а д ц а т а я

ЛИЗЗИ КЕКЛИ

Выкраивая красную мериносовую накидку для хозяйки Белого Дома, Лиззи Кекли рассказала кое-что о поездке мисс Форд в Фэрфакс через день-два по возвращении вирджинки в Вашингтон.

— Джинни говорит, — докладывала она, вынув полдюжины булавок изо рта, — что на плантации Фордов мисс Форд встретилась со старым другом. Зовут его капитан Тэйлор. Джинни подслушала под окном их разговор. Она говорит, что они радовались тому, какой оборот приняло дело под Буль-Реном. Но больше говорили они о том, как относится президент к вмешательству в рабовладение. Они слышали, будто генерал Фремонт сказал в Нью-Йорке Горасу Грили, что когда он отправится в Сент-Луис, он объявит всех рабов в Миссури свободными, и они обсуждали, как поступит президент, если это случится. Мисс Форд говорила, что Фремонт будет убит, если решится на такое безумие.

Мэри побледнела.

— Лиззи, никогда не говори в моем присутствии об убийстве. Я ведь живу в страхе убийства. Президенту постоянно им угрожают.

— Прошу прощения, мадам. Я больше не буду. Как кажется, мисс Форд ездила туда не столько для того, чтобы передать новости, сколько для того, чтобы самой узнать их. Она хотела узнать, как скоро то, что случилось под Буль-Реном, побудит вождей сепаратистов к окончанию войны. Она всё повторяла, что если война скоро не кончится, мистер Сомнер свяжет ее с вопросом о рабстве.

— Лиззи, — спросила Мэри, — почему Джинни так восстановлена против своей госпожи?

— Вы помните день, когда на глазах у вас всех застрелился Зиб? Ну так он был муж Джинни.

— Вот что! — Мэри задумчиво покачала головой. — Да, рабство — большое зло!

Мэри все же казалось, что не было достаточных оснований подозревать вирджинку. Конечно, эта ловкая особа прекрасно себя держала в эти лихорадочные августовские дни. Ввиду прекращения светской жизни после поражения Мак-Даула, она посвящала много времени мальчикам, гуляла с ними, играла в крокет, читала Тэду и Вилли Питера Парли и «Песнь последнего министраля» Вальтер Скотта. Дети ее любили.

Линкольн не забыл про решение послать мисс Форд в Кентукки. Но усилия побудить военное командование к большой активности отодвигали эту мысль на задний план. Даже настойчивость вирджинки не в состоянии была пробиться сквозь сосредоточенность, с какой президент изучал ход войны, — пока случай не позволил ей встретиться с ним одним лунным вечером, когда он возвращался из военного министерства.

Она остановила его под деревьями близ северного портика. — Кентукки! — напомнила она со смехом.

— Ах, да... Вы правы, Кентукки... — отвечал он. — Если меня преследуют неудачи на военной ниве, нужно проявить больше усилий на ниве политической, не правда ли?

— Да, господин президент. В августе сдались форты Союза, — Хаттерас и Кларк, — напомнила мисс Форд.

! — Это только блошинные укусы, вы это понимаете, мисс Форд, — возразил Линкольн, направляясь к двери под руку с вирджинкой. — Так вы все еще хотите помочь мне в Кентукки?

— Что могло бы изменить мое намерение? — спросила она, лукаво заглядывая ему в глаза.

Линкольн улыбнулся, но довольно равнодушно. Она красива и привлекательна, говорил он самому себе. Но всякий раз, когда она останавливала на себе его внимание, за плечами ее перед его глазами вставало изуродованное выстрелом лицо бедного Зиба. Все же она может оказать немалую помощь в Кентукки.

— Зайдите на минутку ко мне в кабинет, — сказал он. — Я могу дать вам инструкции теперь же, а выехать вы можете завтра или послезавтра.

Стояла страшная жара. Кабинет президента был полон москитами и крупной молью, носившимися вокруг газовых рожков. Расправив на софе складки своего белого муслинового платья, мисс Форд заработала веером. Линкольн расстегнул свою белую полотняную куртку и жилет, провел рукой по влажным черным волосам и медленно опустился на кресло перед письменным столом.

— Кентукки меня беспокоит, — вздохнул он. — Как видно, часть моего старого усталого сердца никогда не покинет моего родного штата. Меня всегда будет мучить, если он торжественно не встанет на сторону Союза. Я послал туда пару хороших кентуккианцев. Майора Андерсона, который вербует для меня...

— Его имя после осады форта Сомтера производит, конечно, магическое действие, — прервала мисс Форд.

Линкольн утвердительно кивнул.

— Другой эмиссар — лейтенант флота Вильям Нельсон. Вы видели его здесь с Джоном Хэем. У него хорошие манеры, что в Кентукки ценят. Я дал ему отпуск и послал его в Кентукки без всяких инструкций. Кроме того, там мой дорогой друг — Джеймс Спид из Луивилля. Он...

Внезапно Линкольн замолчал. Что-то в глубоких ясных фиалковых глядевших на него глазах отвлекло на момент его мысли от сферы влияния, которую он налаживал в Кентукки. В первый раз за время своего знакомства с мисс Форд ему почувствовалось, что он ей нравится, что ее прежний презрительный тон и покровительственная манера сменились уважением и почти, — он мог бы поклясться — привязанностью! Если так, ему не приходится говорить слишком осторожно, ограничиваясь общеизвестными фактами, как он это до сих пор делал. Если она теперь его уважает и любит, лояльность ее не подлежит сомнению, — если только никогда не забывать, что она — рабовладелец.

— Что с вами, сэр, — спросила вирджинка своим тихим неторопливым тоном.

— Мне пришло в голову, что ваше отношение ко мне изменилось... Что вы уже не смотрите на меня, как на ваньку-встаньку, которым играют Сьюард и Сомнер, как вы смотрели раньше, — и в таком случае я кое-что вам расскажу о тамошнем положении.

— Почему вы думаете, что я так на вас смотрела? — негодуяще воскликнула вирджинка.

— Успокойтесь, мисс Форд, — Линкольн улыбнулся. — Я могу видеть сквозь каменную ограду не лучше всякого другого. Я хотел бы обладать манерами Мак-Клеллана или молодого Нельсона, и я знаю, как вы, дамы, на меня смотрите.

— Если бы вы знали, как я к вам отношусь, вам было бы стыдно за ваши слова, — возразила мисс Форд.

— Хорошо! Я признателен вам, мисс Форд, — Линкольн почувствовал, что она раскрывает ему сторону своей натуры, самую отдаленную от ее приверженности делу рабовладения. — Если так, я хочу поговорить с вами о Фремонте. В Кентукки не спускают глаз с этого генерала. Если он не перестанет играть с освобождением рабов, Кентукки потеряет голову и встанет на сторону сепаратистов. Если он зайдет в этом направлении слишком далеко, мне придется опровергнуть все его заявления.

Вирджинка улыбнулась.

— Прекрасно, теперь в вас говорит здравый смысл!

— Теперь я пытаюсь успокоить твою тревогу за рабовладение, — подумал президент, но вслух сказал: — Разумеется, Фремонт может быть прислушивается к моим предостережениям, — в случае, если меня поддержит миссис Фремонт. Она — дочь старого Бентона. Ей следовало бы быть женщиной. Она очень красива и она — босс Фремонта. Вы, кажется, говорили, что встречались с ней?

— На этот раз, сэр, я вас разочарую насчет моих обширных знакомств. — Она отрицательно покачала головой. — Но у нас с ней много общих знакомых. Я знаю, что она слыхала обо мне.

— Хорошо. Вы отправитесь в Сент-Луис и заставьте миссис Фремонт образумить своего мужа насчет того, какие последствия эмансипация негров вызовет в Кентукки, уже не говоря о Миссури.

— Мне нравится это поручение. Как и прежде, я могу выполнить его с чистой совестью, — воскликнула мисс Форд.

— Такие поручения я и стремлюсь давать людям, — сказал Линкольн, вставая с усталым вздохом.

Мисс Форд медленно поплыла к двери и, помедлив у входа, сказала с убеждающей искренностью.

— Надеюсь, не произойдет ничего такого, что помешало бы мне выполнить такую конструктивную работу.

Дверь за нею тихо закрылась и Линкольн лег спать.

Следуя своему решению — не говорить о своих личных делах с женщинами, мисс Форд просто попросила у миссис Линкольн разрешения пробыть недели две в отлучке по деловым соображениям, и уехала раньше, чем президенту пришло в голову, что следует посоветоваться с Мэри. В тот же вечер Мэри за ужином со вздохом сказала:

— Бедной мисс Форд опять пришлось уехать. Мне так ее недостает.

Линкольн с находчивостью давно женатого человека сделал сочувственное лицо, покачал головой и спросил Мэри, хорошо ли она справляется с садом.

Дремлющие в уме Мэри сомнения пробудила Лиззи Кекли письмом от Джинни из Сент-Луиса. Не то чтобы ее сообщение говорило о касательстве мисс Форд к чему-нибудь нелояльному, но в письме Джинни говорилось, что горничная миссис Фремонт слышала, как хозяйка ее говорила о мисс Форд, как об неофициальном эмиссаре Линкольна.

Как всегда несдержанная, Мэри вспыхнула. Она разорвала письмо надвое и с клочками его в руках бросилась разыскивать мужа. Джона Хэя, сидевшего за письменным столом в старомодном кабинете секретарей, обеспокоили полные ярости глаза Мэри.

— Президент сейчас на совещании с мистером Сьюардом и мистером Камероном, — сказал он. — Они очень встревожены. Только что пришло известие, что генерал Фремонт выпустил прокламацию об освобождении всех рабов, принадлежащих сепаратистам в штате Миссури. Похоже на то, что мы потеряем окра-

инные штаты. Они перейдут на сторону мятежников, несмотря на все попытки президента их ублажить...

— Да, — и знаете ли вы, что сейчас там в качестве одного из ублажителей, посланных мистером Линкольном — мисс Форд, и что он доверяет этой шпионке! Вот к чему приводит его недоверие ко мне!

— Так значит вы тоже это думаете, — воскликнул Хэй.

— Тоже! — вскричала Мэри. — Что вы этим хотите сказать, Джон Хэй. Не пытайтесь меня успокоить!

— Я хочу успокоить вас только настолько, чтобы вы позволили мне довериться вам насчет мисс Форд, дорогая мадам, — возразил молодой человек. — Но если вы запугаете меня на смерть, то, что я хочу вам доверить, будет, разумеется, потеряно и для вас, и для мира навсегда.

Мэри невольно улыбнулась.

— Я рада, что хоть кто-нибудь меня боится, — воскликнула она.

— Боится! Мои бедные колени бьются одно о другое, как кости трещотки на ярмарке... Когда вы вбежали, я думал, что мне собираются отрубить голову. Но сейчас я думаю, что мне угрожает не больше сорока лет заключения в Тоузере...

Он медленно подвел ее к пустующему креслу Николэя, продолжая болтать. — Как вам идет это розовое платье! Вы надели его в первый раз? Что это, поплин?..

— Глупый, ведь это сиреневого цвета... Ах, Джон, я сожалею, что проявила такую раздражительность, но... этот человек!

— Что сделал на этот раз бедный старый шеф? — спросил Хэй с сочувственной улыбкой. — Как вам нравится кличка, которую я для него придумал: «Тайкун». Сейчас мы ведем переписку с японским тайкуном по поводу договора о портах. И я, и Николэй думаем,

что этот титул хорошо подходит нашему дорогому главнокомандующему.

— Вы должны присматривать за ним лучше, Джон... Иначе он не долго пробудет тайкуном... Теперь слушайте... Я должна вам об этом сказать, иначе я лопну.

И она рассказала ему вкратце о Лиззи Кекли и сообщении Джинни насчет мисс Форд. Она хорошо рассказывала, и Джон Хэй во время ее рассказа несколько раз улыбнулся. Когда она кончила, он сказал ей о нескольких, повидимому, незначительных эпизодах, вызвавших в нем опасение по поводу красивой вирджинки.

— И к тому же мои подозрения разделяет, кажется, Вильям Рессель, — закончил он.

— А я думала, что вы оба в нее более или менее влюблены, — воскликнула Мэри.

Хэй сделал гримасу.

— Мы, значит, в приятном положении, — она очень подходит к тому, чтобы посвящать ей стихи.

— Ах, это... — Мэри пожала своими полными плечами, которые изящно прикрывала сиреневая ткань. — Так кто скажет об этом мистеру Линкольну, вы, Джон, или я? Теперь, когда я несколько успокоилась, мне бы не хотелось этого делать самой. Он так доверяет своим друзьям.

Джон вздохнул.

— Разумеется, я ему об этом скажу. Но он захочет расспросить об этом вас и Лиззи.

— Я думаю, — сказала она, вторя его вздоху, и вышла из кабинета.

Ей удалось переговорить с президентом как раз перед тем, как он отправился осматривать укрепления, которые возводил вокруг города Мак-Клеллан. Он внимательно ее выслушал и встревоженно покачал головой.

— Она внушает мне опасения еще со времени случая с Зибом. Я дал ей это поручение в Сент-Луис с

тем, что, если она в самом деле недобросовестна, она споткнется и, что называется, обнаружит нижнюю юбку...

— Как же ты думаешь поступить, — с любопытством спросила Мэри.

— Подождать, пока не станет ясно, как выглядит ее нижняя юбка...

Он нагнулся и поцеловал ее встревоженное лицо.

— Вскоре начнутся разговоры... Сегодня я послал Фремонту письмо. Я отменил его прокламацию об освобождении рабов.

— Ах, Авраам, даже после двадцати лет замужества, я вижу, что ты умнее меня... Я думала, мне придется охранять тебя от нее... Держись по возможности в тени днем.

— Хорошо, мадам, — послушно ответил президент.

И действительно, — отмена Линкольном акта Фремонта вызвала много разговоров. Все аболиционисты в Конгрессе немедленно заговорили. Чарльз Сомнер не в состоянии был сдержать негодования. Об акте Линкольна он услышал в Нью-Йорке и, вернувшись в Вашингтон, уселся в карету и немедленно помчался в Белый Дом. То обстоятельство, что до полуночи оставалось всего полчаса, его не останавливало.

Линкольн был уже в спальне в ночной сорочке и туфлях. Ночь была душная. Он читал очерк «Петролеума Нэсби» — о войне. Он заливался смехом, когда в двери бесцеремонно ворвался Сомнер.

— Мистер Линкольн! Как могли вы это сделать! — простонал Сомнер, драматически бросая на стол свой цилиндр и газеты с сообщением о письме Линкольна.

— Нет, вот послушайте, Чарльз! Как остроумно он пишет!

Пока Сомнер, стелая, расхаживал по комнате, президент прочел вслух отрывок, который так ему понравился. Затем он снял очки и положил их на брошюру.

— Если бы, Чарльз, я хотя бы раз в день не смеялся, я перерезал бы себе горло. Ну, что вы хотите мне сказать?

Сомнер вскинул свои большие руки вверх и ответил голосом, потрясшим канделябры:

— Какая тщета — обладать властью Бога и не применять ее по-божественному! Никчемный маскарад сражений, потоки крови и денег — и ничего не делается. Это ваш величайший момент, и вы бросаете его обратно в лицо человеку, который вам его предоставил!

— Вы имеете в виду Джона Фремонта? У меня пропасть неприятностей с этим парнем.

Линкольн перекинул длинную голую ногу через ручку кресла и покачал головой. Ему было неприятно, что Сомнер явился к нему к концу дня, когда он устал. Но раз уж он здесь, лучше всего было прийти к ясному взаимному пониманию с великим аболиционистом.

— Прокламация Фремонта, — сказал он, — просто диктатура. Она предполагает, что генерал может делать всё, что ему вздумается, как в политическом, так и в военном отношении. Прокламация Фремонта не является актом военной необходимости, она основана на его собственных политических желаниях. Если бы я не отменил этого акта, это означало бы, что я сдал прерогативы правительства, позволив генералу устанавливать основные правила, касающиеся собственности.

— Закорючки! — вскричал сенатор. — Юридические закорючки, дающие изо дня в день все большую моральную поддержку мятежу.

— Чарльз, придайте немного здравого смысла янки к вашему ораторству. Законодательная палата Кентукки и пальцем бы не пошевелила в нашу пользу, пока я не отменил прокламацию Фремонта. Потерять Кентукки — значит потерять Миссури и Мэриленд, и тогда задача будет нам не по силам. Это было бы

все равно, что согласиться на отделение немедленно, и вдобавок сдать нашу столицу. Но отмена декрета Фремонта спасает Кентукки для Союза и увеличивает нашу армию на сорок тысяч человек.

— Мне не нравится несоразмерное влияние, какое окраинные штаты оказывают на нашу администрацию.

Слова Сомнера прервались: кто-то внезапно раскрыв двери, ведущие в коридор.

В комнату вошла красивая женщина в черном шелковом платье. Темные волосы ее вились над ушами. Серая вуаль была накинута на небольшую шляпу. За ней следовала мисс Форд в зеленом шелковом дорожном плаще и широкой зеленой шляпе с развевающимся пером. Сомнер с ужасом бросил взгляд на ночную сорочку Линкольна. С поразительной быстротой он кинул халат с кровати на колени президента, пока мисс Форд торопливо говорила:

— Мистер Линкольн. Позвольте представить вам миссис Джон Фремонт, которая...

— ...которая, — подхватила миссис Фремонт, — прибыла из Сент-Луиса, без сна и без отдыха, чтобы потребовать от вас объяснений по поводу вашего грубого поступка с ее мужем. Как вы осмелились...

— Одну минутку, мадам, — возразил Линкольн, — человек в ночной рубашке находится в невыгодном положении для объяснений этого рода, как с большим тактом намекнул мне мой друг Сомнер. Но если публика настаивает на том, чтобы моя спальня служила приемной, — я буду последним человеком в Соединенных Штатах, который станет против этого протестовать.

Медленно надевая халат, он продолжал:

— Миссис Фремонт, позвольте представить вам сенатора Сомнера.

Миссис Фремонт поклонилась. Но успокоить ее гнев или отвлечь внимание было невозможно, и Линкольн, давно привыкший к проявлениям женской истерии, со вздохом уступил.

— Вы осмелились послать Монтгомери Блэра в Сент-Луис, чтобы он шпионил за Джоном Фремонтом? Блэра!.. Человека, который недостойн чистить моему мужу сапоги. Правда ли это, сэр?

— Когда началась война, Блэры только и говорили о Фремонт, — отвечал Линкольн. — Это по их настойчивой рекомендации и по их настояниям он был произведен в генералы и послан в Сент-Луис.

— Я не верю этому! Я не верю тому, что они не были всегда его врагами.

— Минутку, миссис Фремонт. — Мисс Форд положила свою крепкую руку на ее плечо. — Вы забылись, ворвавшись в полночь в эту комнату. Вы еще больше забываетесь, обвиняя мистера Линкольна во лжи. Он не только президент Соединенных Штатов, но вообще не такой человек, с которым можно было бы говорить подобным тоном!

— Эйб Линкольн? — вскричала миссис Фремонт. — Человек из лесов Сэнгемона? Да это и есть подходящий для него язык!

— Я этого не потерплю, — воскликнула вирджинка, выпрямляясь во весь рост. В мигающем свете свечи она была поразительно красива. — Когда вы попросили меня представить вас президенту, я не давала вам согласия на то, что вы будете его оскорблять!

— Не беспокойтесь, мисс Форд, — сказал Линкольн. — Меня трудно оскорбить. Дайте ей отвести душу. Иногда это их излечивает.

Миссис Фремонт нервно извлекла из маленького шелкового ридикюля письмо. Потрясая им перед лицом Линкольна, она требовала, чтобы президент в обмен на него дал письма, полученные им от Франка или Монтгомери Блэра насчет ее мужа.

Комната была слабо освещена. Линкольн читал при свете единственной свечи, отблески которой дрожали на его впалых щеках, нежных губах, глубоких серых глазах, с каждым днем становившихся все печальнее. Сомнер переводил глаза с этого прекрасно-

го и некрасивого лица, на которое сам он еще недавно смотрел с гневом, на дергающееся раздраженное лицо жены Джона Фремонта. Даже в тусклом свете свечи можно было видеть, как он покраснел. Его собственный эгоизм растаял, как он не раз таял в присутствии Линкольна.

— Что бы президент ни сделал, было во всяком случае сделано честно, и я первый... — безуспешно пытался он покрыть голос миссис Фремонт.

Дверь из комнаты Мэри раскрылась, и она появилась в своем пунцовом пеньюаре со свечой в руке. Она поставила свечу на ночной столик и остановилась около Сомнера, слушая.

Миссис Фремонт говорила без остановки минут пять. Она излагала историю действий своего мужа, бранила его обвинителей, требовала отмены приказа, извинений и новых назначений. Никто ее не прерывал, пока, с глазами полными слез от усталости и негодования, она не объявила:

— Вы просто ему завидуете! Вы знаете, что если бы Джон Фремонт захотел, он занимал бы ваше место в Белом Доме.

Мэри сделала шаг по направлению к ней.

— Мадам! — начала она.

Линкольн коснулся плеча жены.

— Мэри, молчи, — сказал он, взглянув на нее своим «гранитным», как она называла это, взглядом. Она повиновалась. Но мисс Форд не поняла этого взгляда, — или по крайней мере сочла его не относящимся к себе.

Она схватила миссис Фремонт за запястья обеих рук и сильно их потрясла. Она сама была охвачена яростью.

— Не думаете ли вы, миссис Фремонт, сказать, что ваш слабый колеблющийся муж может надеяться когда-либо получить в свои руки бразды правления? Разве вы не знаете, что для этого нужен человек вдвое умнее генерала Фремонта и вдесятеро более

искусный в военном деле? И разве вы не понимаете теперь, что Линкольн — превосходный политический деятель и что он никогда не оттолкнет южных юнионистов, освободив рабов?

Миссис Фремонт с такой яростью повернулась к вирджинке, что полы ее кринолина смахнули экземпляр «Петролеума Нэсби» со стола. Президент успел подхватить свои очки и памфлет, отряхнул с него пыль и положил обратно на стол.

— Если бы вы, мадам, были в этом так уверены, — взвизгнула она, — зачем бы вам надо было пытаться хитрыми уловками побуждать моего мужа выпустить прокламацию об освобождении?

— Ваши инсинуации — ложь, мадам Фремонт, — в гневе вскричала вирджинка.

— Вы не можете обвинять меня во лжи! Я имею опыт в политике и я хорошо понимаю политические интриги, — даже и более ловкие, чем ваши, мисс Форд. Но каковы бы ни были ваши мотивы, ваши интриги не удадутся. Главою этого правительства не будет ни один человек, который не согласится вскоре освободить рабов, если только победа будет за силами Союза.

— Этим главою никогда не будет ваш муж, несмотря на машину, которую вы подготавливаете в Миссури, — протянула по-южному мисс Форд.

— Им не будет и генерал Мак-Клеллан, несмотря на ваше расположение к нему, мадам, — отпарировала миссис Фремонт. — Никто не сможет быть настоящим вождем этого Союза, если боится освободить рабов.

— Ни один человек не может попытаться освободить в этой стране рабов и рассчитывать на то, что его не убьют!

Наступила минута тяжелого молчания, прерванная Сомнером.

— Мисс Форд, и вы смеете так клеветать на ваших соотечественников? И вы смеете...

Вирджинка бросила на него высокомерный и несколько презрительный взгляд.

— Ваш фанатизм так же нелеп, Чарльз, как и фанатизм Гораса Грили. Единственная разница в том, что вы произносите громовые речи открыто, и каждый имеет возможность напасть на вас с тылу, тогда как Грили выкрикивает свои ругательства — и затем прячется под кровать. Но оба вы одинаково ошибаетесь насчет настроения страны в вопросе об освобождении рабов. Разве я не права, мистер Линкольн?

Но Джесси Фремонт не так-то легко было отвлечь от ее задачи. Вынужденная на минуту замолчать внезапным вмешательством мисс Форд, она с новой силой возобновила атаку на президента. Он смотрел на нее терпеливо и устало, пока она не бросила ему в лицо письмо своего мужа. Он подхватил его и сунул в карман халата. Затем он так внезапно погрозил пальцем прямо перед глазами миссис Фремонт, что у нее прервалось дыхание. И так же внезапно заявил:

— Мадам, вы обвиняли меня так яростно и в стольких вещах, что мне пришлось применить весь свой неловкий такт, каким я располагаю, чтобы уклониться от ссоры с вами. Я отвечу на письмо генерала по почте. Будьте любезны не пытаться продолжить или повторить эту беседу. А затем — спокойной ночи всем. Я ложусь спать.

Он схватил свечу, кивнул головой Мэри. Она подняла свою свечу, отдала глубокий поклон и покинула комнату. Чарльз Сомнер взял миссис Фремонт за одну руку, а мисс Форд за другую и принудили протестующую и почти плачущую женщину выйти. Линкольн прислушался к ее затихающему голосу в коридоре, затем задул свечу и улегся в кровать.

Г л а в а   т р и н а д ц а т а я

ФРЕМОНТ

На следующее утро первую по пробуждении мыслью Линкольна было: если придется вести неприятный разговор с мисс Форд, то лучше, чтобы он произошел как можно скорее. Повидимому, так же думала и вирджинка, — потому что она встретила его в саду, куда он вышел подышать воздухом перед завтраком. На ней было зеленое дорожное платье и в руках она держала небольшой, наполненными бумагами ридикюль.

Линкольн стоял, заложив руки за спину, и когда они приближалась, он думал о ее непоколебимой выдержке.

— Доброе утро, мистер президент. Прошлой ночью вам пришлось пережить ужасную сцену. Я изо всех сил старалась убедить ее отложить все до утра. Но всё, что я могла сделать, это пойти за ней и избавить вас от еще худшего.

— Я не могу осуждать миссис Фремонт за то, что она борется за своего генерала, — отвечал Линкольн. — Это от вас я нуждался в защите...

— От меня? — она приподняла брови.

— Мисс Форд, для чего вы пытались двурушничать в Сент-Луисе? — Линкольн положил свою большую руку ей на плечо и заглянул прямо в ее красивые глаза. — Так значит рабы для вас означают больше, чем честь?

Она мучительно покраснела, но выдержала его взгляд. — Я не двурушничала в Сент-Луисе! Я предоставила вам возможность сделать ясной вашу позицию в вопросе о рабовладении и этим путем сохранить Кентукки. Разве это тотчас же не склонило законодательное собрание в пользу Союза?

Линкольн посмотрел на нее с некоторым восхищением. Ведь если она оказала влияние на Фремон-

та, так и вышло. Но каковы были ее мотивы? Он снял свою руку с ее плеча и, опустив голову, размышлял. Вирджинка наблюдала его с печальной и в то же время самоуверенной улыбкой.

Теперь его подозрения на ее счет были серьезны. Но ему казалось, что немедленно ее уволить было бы неблагоприятным. Она имеет почтенных друзей. Она сама — незаурядная личность. Он решил в точности выяснить, с какою целью проникла она в Белый Дом. Он был убежден, что это не случай обыкновенного шпионства, с которым могла бы успешно справиться Национальная Сыскная Полиция.

— Может быть, это и помогло делу, — нехотя согласился он. — Не представите ли вы мне отчет о вашей работе там?

— Я его уже для вас написала, — сказала она. — Так как мне нужно немедленно съездить на нашу плантацию. Мой отец болен. Я рассчитываю быть обратно дня через два.

— Прекрасно, — отвечал президент. — Я обсужу все с вами, когда вы вернетесь.

Он пожал ей руку с явным чувством облегчения. Джинни и миссис Кекли могут следить за вирджинкой вне Белого Дома не хуже, чем Бэкер.

За завтраком он прочел ее доклад и передал его Мэри. Это был замечательно проницательный диагноз всего сложного положения в Миссури, где вели между собой борьбу не только Север и Юг, но и консервативные и радикальные северяне, как именовались сторонники и противники рабовладения. В течение многих месяцев Линкольну приходилось лично вмешиваться, пытаясь установить хоть какую-нибудь гармонию, чтобы спасти этот штат от беззакония и преступления.

Мисс Форд лишь поверхностно коснулась этих фактов, как, разумеется, давно известных президенту. Но доклад ее содержал и подробности, о которых президент еще не слышал — о личных жесто-

ченных столкновениях между Фремонтом и влиятельнейшей семьей Блэров, которые были лояльны по отношению к правительству и сильно желали, чтобы их излюбленный штат Миссури оставался на стороне Союза. Ответственность за дразги мисс Форд всецело возлагала на Фремонта. Если только это было верно, это была очень важная информация. Но для президента в его попытках разобраться в скрытых мотивах мисс Форд еще важнее были мнения, которыми заканчивался ее доклад.

Она считала, что генерала Мак-Клееллана следовало послать на месяц в Миссури с целью справиться с хаосом и в гражданских, и в военных делах, царившем в штате.

— Я хотел бы знать, — сказал Линкольн, передавая документ мисс Форд Джону Хэю, — насколько глубоко ее дружественное отношение к Джорджу Мак-Клееллану.

Доклад мисс Форд заинтересовал молодого Хэя.

— Я слышал, что она вернулась, мистер президент, очень даже слышал! — сказал он с улыбкой, кивая головой в сторону приемной комнаты. — Там, сэр, группа репортеров храпит, закусив удила. Генерал Мак-Клееллан выпустил еще одно из своих безумных и нелепых сообщений, и репортеры хотят знать ваше мнение. В числе их тот господин, которому в прошлом году я запретил сюда приходить, — тот, который приписал вам грязную шутку по поводу одного из членов кабинета. Я сказал ему, что вы его не примете, но он показал мне рекомендательное письмо к вам за подписью мисс Форд.

Лицо Линкольна залилось краской. Шутка, о которой говорил Хэй, причинила ему большие неприятности с секретарем Чэйсом, который отказывался верить, что она исходит не от Линкольна.

— Меня так же бесит, когда мне приписывают грязные анекдоты, как если бы меня просто назвали

поставщиком живого товара, — с гневом сказал президент.

Молодой Хэй приблизился к своему шефу.

— Видите ли, сэр, уже становится легендарной ваша репутация, как человека с поразительной выдержкой, неспособного к потере самообладания и даже неспособного к справедливому негодованию. Личность, подобная этому Гордону, хочет использовать эту репутацию, иначе он не посмел бы и подойти к вам. Но я видел несколько раз, как вы приходили в гнев, и это оказывает на иного здоровое влияние.

— Приведите его сюда, Джон, — сказал Линкольн. — Они могут обвинять меня в пьянстве, в недобросовестности по отношению к моей партии, они могут обзывать меня обезьяной, деревенщиной, глупцом, — и я смолчу. Но когда говорят, что я говорю мерзости, — конечно мы не в состоянии помешать распространению яда, но я хочу сказать одному из распространителей, что я об этом думаю. Впустите этого Гордона Неприличного...

Джон поспешно вышел из комнаты и тотчас же вернулся в сопровождении млажавого красивого человека в безупречном костюме из серого полотна.

— Господин президент, — сказал Хэй, — это репортер, о котором я говорил вам прошлой весной.

Гордон фамильярно кивнул президенту головой.

— Скажите, Линкольн, что вы думаете насчет слухов, будто Мак-Клееллан сказал: «Я охотно принял бы на себя диктатуру, чтобы умереть, когда страна будет спасена»?

— Имеются ли у вас, мистер Гордон, удостоверительные документы, дающие вам право на мое доверие? — спросил Линкольн.

— О, не думайте, что вы меня поставите в затруднение. Я представляю нью-йоркскую газету «Ворлд», а вот письмо от друга — вашего и миссис Линкольн. — Молодой человек протянул президен-

ту записку. Линкольн надел очки и медленно ее прочел.

«Дорогой мистер Линкольн! Не все мои друзья — южане. Некоторые из них из Нью-Йорка и Бостона. Мистер Гордон и мой отец были в некотором роде компаньонами. Брат мистера Гордона продолжает дело своего отца. Предъявитель сего, мистер Итэн Гордон, блестящий газетный репортер с большим кругом читателей. Позволяю себе указать, что дружественное понимание с его стороны представит большую политическую ценность для правительства.

Остаюсь, дорогой мистер Линкольн, с почтительнейшим приветом, самым незначительным из ваших секретарей

Аннабель Форд».

Линкольн передал письмо Хэю.

— Присоедините это к ее докладу, Джон.

Затем он обратился к Гордону.

— Кстати, насчет этой грязной шутки по адресу секретаря Чэйса, которую вы распространяли, приписав ее мне. Мне это не нравится, мистер Гордон. Это не может служить заклинанием: «Сезам, откройся», которое даст вам право на мое доверие.

Гордон расхохотался.

— Но согласитесь, Линкольн, это было остроумно. Вы должны бы радоваться, когда люди верят, что это вы придумали. Я вас никогда не выдам, если это вам не нравится.

Большие руки Линкольна задрожали.

— Откройте дверь, Джон, — приказал он. С поразительной быстротой его длинная рука схватила Гордона за воротник и повернула репортера лицом к двери. Затем Линкольн приподнял свою длинную ногу, обутую в громадную козую туфлю, — и, секунду спустя, Гордон вылетел прямо в середину группы удивленных репортеров, толпившихся вокруг письменного стола Билли Стоддарда.

— Ну, вот, — облегченно вздохнул Линкольн, — ему это особенного вреда не причинит, а мне принесет много добра. Впустите теперь других, Джон.

После того, как он закончил приятную десятиминутную беседу с репортерами, вошел один из адъютантов Мак-Клеллана, бывший свидетелем быстрого удаления Гордона из кабинета Линкольна.

— Мистер президент, этот Гордон в состоянии причинить вам большой вред, если только захочет. Он — популярный военный корреспондент.

— Вы хорошо его знаете? — спросил Линкольн.

— Я никогда не встречался с ним, сэр, хотя, полагаю, нам доведется с ним встретиться. Он — большой друг генерала Мак-Клеллана и имеет свободный доступ на военные совещания.

— Печально слышать, — заметил Линкольн. — А вам, капитан, чем я могу служить?

— Генерал Мак-Клеллан просил вас передать, сэр, что наступательное движение войск, которое вы приказали начать с понедельника, невозможно. Неприятель в Манассасе располагает 130,000 штыков, тогда как у нас меньше 85,000. Генерал очень желает, чтобы вы прислали ему по крайней мере еще 50,000 человек.

— Согласно вчерашнему рапорту генерала Скотта, — быстро отвечал Линкольн, — на другом берегу Потوماка имеется 155,000 наших войск. Каждая транспортная линия к Вашингтону запружена солдатами, и за ними движутся другие. Мак-Клеллан полагает, что у него приоритет на лучшие войска и на лучших офицеров в стране. Я дал ему таких. Он просил меня не откомандировывать ни войск, ни офицеров из-под его командования, какая бы экстренная надобность в них ни возникла в другом месте, и какое-бы давление на меня ни оказывали. Я согласился и на это требование. Неделю тому назад он сказал мне, что он готов разбить Борегарда. А сейчас он требует новых войск.

— И он говорит, что должен их иметь, сэр, — убежденно сказал офицер. — Он знает свое дело.

— Доверие, которое он внушает народу, заставило меня поставить на карту все ресурсы нашей страны, — возразил Линкольн, проводя рукой по волосам.

«Дай ему Бог, — подумал президент, — силу учиться своему делу, а мне дай Бог терпения тем временем поддерживать его»... Вслух же президент сказал:

— Хорошо, он получит солдат с такой скоростью, какую мне удастся внушить генералу Скотту.

Капитан отдал честь и четко сделал поворот кругом на каблуках. Оставшись на минуту один, Линкольн ударил кулаком по столу.

«Чорт побери, кто-нибудь должен, наконец, наступать. Если ни один из наших генералов на это неспособен, мне придется учиться этому делу самому»...

— Хелло, губернатор, сказал он Сьюарду, вошедшему с кипой бумаг в руках.

— Я кажется застал вас, мистер Линкольн, в момент, когда вы разговаривали с самим собой. — Он улыбнулся и устало упал в кресло. — Как я слышал, это верный признак одряхления.

— Да, кажется, вы застали меня на этом, губернатор. Я бранил наших военных. Похоже на то, что нам с вами придется самим вскинуть ружье на плечо.

— Это будет хорошая пара старых стервятников, Линкольн. Но говоря об одряхлении, — в этом, кажется, беда наших вооруженных сил и на востоке, и на западе... Старый Скотт слабеет. Почему не отделаться от него и не заместить его Мак-Клелланом? Бог мой, ведь это молодой Наполеон! Скотт ему завидует, и не без основания.

— Думаю, что у Джорджа и так достаточно работы с его армией на Потомаке, губернатор. Подождем результатов там, раньше чем дать ему еще больше влияния.

— Чепуха! Он уже вполне вырос.

— Губернатор, что он собственно сделал, не считая тренировки рекрутов? Почему он не наступает? Уж не хочет ли он, чтобы наступать помешали осенние дожди и чтобы кампания этого года закончилась, не начавшись?

Линкольн встал, потом уселся на письменный стол и схватил Сьюарда за плечи.

— Сьюард, сегодня утром меня давили тяжелые предчувствия. Я поддерживаю и буду поддерживать Мак-Клееллана до крайних пределов. Разве я не прав?

— Вы вполне правы, Линкольн. Вы, как всегда, сделали выбор благоразумно и, как всегда, проявляете большое терпение. Назначьте Мак-Клееллана главнокомандующим, найдите ему такого военного министра, которому он мог бы доверять, — и мы выиграем войну!

Линкольн заколебался, — он научился колебаться в ответ на импульсивные советы Сьюарда.

— Скотт, — сказал он медленно, — уже просил меня принять его просьбу об отставке. Мак-Клееллан его оскорбляет, боюсь, что без нужды. Подумаю... Да, да, я об этом подумаю.

Оба неподвижно глядели друг на друга. Потом Стоддарт принес Сьюарду письмо, и тот вышел. Прошло еще несколько минут, пока президент вернулся к своему письменному столу. Но и тогда он в течение нескольких минут перебирал в уме, что ему известно о Мак-Клееллане.

Г л а в а ч е т ы р н а д ц а т а я

ПОРАЖЕНИЕ ПОД БОЛЗ-БЛОФФОМ

В этот вечер Линкольн долго сидел на краю кровати Мэри, обсуждая, как поступить с мисс Форд. Его обрадовало, когда Мэри согласилась с его мнением, что время направить по следам вирджинки сыск-

ную полицию еще не наступило. Мэри была уверена, что, если дать им время, она при помощи Лиззи и Джинни сможет проследить мотивы мисс Форд до их источника. И на этом порешили.

Когда три дня спустя вирджинка вернулась с плантации и с явным удовлетворением занялась своими несложными обязанностями в Белом Доме, Мэри не трудно было дружески с нею обращаться. Мисс Форд ей нравилась и, как она сама себе несколько печально сознавалась, вирджинка умела играть на ее слабости, — желании быть светской дамой.

Притом, хотя доклад Джинни и был неясным, он в то же время и не внушал беспокойства. Ее госпожа на плантации встречалась с капитаном Тэйлором. Мисс Форд болтала с ним довольно долго о политическом положении в Кентукки, но говорили они по большей части о Мак-Клеллане и о возможности убедить Линкольна совершить поездку в Сент-Луис, «где, — говорила мисс Форд, — он, сам того не сознавая, посеет семена для будущей великой жатвы».

Мэри обсудила рассказ Джинни с Джоном Хэем, и они согласились, что следует подождать ближайшего шага вирджинки раньше, чем снова беспокоить президента. В чем будет заключаться этот ближайший шаг, на этот счет они не высказывали догадок до наступления осени. И шаг этот был ею сделан, но с такой откровенностью, что это сбивало их с толку.

В октябре мисс Форд убедила хозяйку Белого Дома возобновить еженедельные полуофициальные «чашки чаю» в Голубой комнате. Как она довольно откровенно сказала Мэри, в ее планы входило «свести за общей трапезой льва и ягненка».

— Если до влиятельных центров Юга, — говорила она, — дойдет слух, что миссис Линкольн не имеет предубеждений против рабовладения, — о чем будет свидетельствовать тот факт, что она приглашает некоторых дам — из числа самых непримиримых сторонниц рабовладения — на чашку чаю — это бу-

дет лучше способствовать рассеянию ужасных сплетен на ваш счет в Вашингтоне, чем что бы то ни было, что мне может прийти в голову.

Мэри, которая все еще остро страдала от насмешек и оскорблений светского Вашингтона, была рада согласиться с вирджинкой, и еженедельные «чашки чаю» снова стали процветать. Они посещались тщательно подобранной, но разношерстной публикой. Дамы, демонстративно показывающиеся со своими рабынями — негротянками-горничными, смешивались в одной и той же гостиной с дамами из Бостона, которые улыбались негротянкам и презрительно глядели на их хозяек. Дамы из Нью-Йорка принимали позу широкого космополитизма по отношению к тем и другим, но игнорировали некоторых дам из родного города Линкольна. А те в свою очередь не допускали, чтобы кто-нибудь, особенно дамы из Нью-Йорка, смотрели на них свысока.

Мэри находила эти чашки чаю чрезвычайно забавными и интересными. В сущности все, за исключением Лиззи Кекли, относились к ним терпимо. А она, резко раскритиковав превосходную материю, за которой миссис Линкольн ездила в Нью-Йорк, не стесняясь осуждала «чашки чаю».

— Вы даете этим рабовладельцам как раз то, что им нужно, миссис Линкольн, — сказала она однажды в октябре перед вечером, помогая своей госпоже одеваться перед «чашкой чаю».

— А что им нужно, — спросила Мэри, испытывая эффект — сначала черного кружевного шарфа на платье из красного бархата, а потом ярко красной индийской шали.

— Им нужно повлиять на генерала Мак-Клееллана без того, чтобы он или кто-нибудь другой из северян об этом догадывались. Он появляется на «чашке чаю» раза два-три в месяц со своими самыми красивыми офицерами. И мисс Форд или любая дама из Вирджинии, Южной Каролины или Алабамы могут

ему льстить таким способом, какой им указан, и внушать ему такие мысли насчет себя самого и мистера Линкольна, какие они хотят ему внушить. Мадам, немного понаблюдайте и вы увидите, что самые трудные объяснения с Мак-Клеелланом президент имеет всегда на другой день после чашки чаю.

— Я не знаю, как это установить, — Мэри нетерпеливо пожала плечом, покрытым индийской шалью, на выборе которой она, наконец, остановилась. — Если то, что вы говорите, верно, я не вижу — что мешает им достигнуть Мак-Клееллана, если я и перестану приглашать их на чашку чая. Они просто делают это другим путем. И затем, Лиззи, вы не имеете понятия о том, насколько эти префы помогают лично мне. Ведь уже целую неделю я не получала ни одного анонимного письма, — как говорит Стоддарт, — с вашингтонским или южным почтовым штемпелем. И теперь довольно редко случается, что хорошо одетые женщины выкрикивают на улице ругательства по моему адресу.

Если страстность, с которой это говорилось, и подействовала на Лиззи, она этого не показала. Она поднялась с колен, — она примеряла Мэри сандалии, — и ее черные глаза одобрительно осмотрели Мэри.

— Как только вы в тот вечер сказали мне о том, что говорили мисс Форд и миссис Фремонт, я почувствовала, что генерала Мак-Клееллана надо охранять от этих... этих... — Внезапно ее черное лицо залилось краской, — от этих южных ведьм! Он, говорят, отличный солдат, и вы, миссис Линкольн, должны помочь его оберегать.

— О, Лиззи, вы слишком во все вмешиваетесь, — воскликнула Мэри, выходя из комнаты.

Тем не менее в тот вечер ее мучила совесть, когда она наблюдала молодого генерала, окруженного группой все тех же бойких женщин. Первое впечатление ее от Мак-Клееллана оставалось неизменным. Она

не верила в бескорыстность его мотивов. Она опасалась его честолюбия. Она была убеждена, что он боится воевать. Но муж ее ему доверял, и он был кумиром для страны. Она не имеет права, — говорила она самой себе, — ради собственных светских стремлений допускать, чтобы он подвергался нежелательным влияниям. Обеспокоенная такими мыслями, она с раздражением отнеслась к Тэду, когда он появился в гостиной в мундирчике офицера 71-го пенсильванского полка, — мундирчик этот подарил мальчику бывший сенатор из Орегона, Бэкер, служивший сейчас в армии на Потомаке.

— Убирайся, Тэди, — вскричала она. — Ты не получишь и ложки чаю.

Нервность ее передалась Тэду.

— Ты должна дать офицеру всё, чего он требует, — запищал он, топая ногой. — Полковник Бэкер велит тебя арестовать. Он сказал мне, что когда я в этом мундире, никто не может мною командовать.

— Полковник Бэкер — наш близкий друг, — с улыбкой объяснила Мэри дамам. — Но он не должен вбивать в эту головку нелепые идеи. Убирайся, Тэди!

Тэд схватил вазу с мороженым, опрокинул ее на красную индийскую шаль Мэри и поднял истерический крик. Мать вскочила, чтобы его увести. Ребенок приводил ее в ярость, но она совладала с собой и потащила Тэда в святилище своей комнаты. Там она основательно его отшлепала, уложила в кровать и только тогда почувствовала себя лучше.

На крики его появился Линкольн с пером в руке.

— Да, я его отшлепала, — вскричала Мэри в ответ на его вопрошающий взгляд. — И, пожалуйста, не иди его утешать. Это дерзкий непослушный ребенок, и это ты его таким делаешь. Вот, посмотри, что он сделал с моей шалью.

Она показала ему шаль и кратко сообщила о грехах Тэда.

— Что, Мак-Клееллан еще там? — внезапно спросил президент, когда она кончила.

— Да, и как всегда окружен букетом южных красавиц, — отвечала Мэри.

— И он уведомил меня, что слишком занят, чтобы прийти на заседание кабинета, — недовольно сказал Линкольн. — Забавно!

— Ничуть не забавно, — прервала Мэри. — Это вполне соответствует его высокомерной манере в обращении с тобой. Он тоже совершенно избалован. Не понимаю, как ты это терпишь!

— Мэри, я готов быть стремянным Мак-Клееллана, если только он выиграет мне эту войну. Ничто другое не имеет значения.

И он строго и в то же время нежно на нее взглянул.

Мэри уронила свою шаль на пол и обвила его руками.

— О, Авраам, Авраам, как ты меня пристыдил. Я такая ничтожная. Но люби меня, дорогой, люби, несмотря на это. Люби меня хотя бы за мою большую любовь к тебе!

Линкольн подхватил ее, как он подхватил бы Тэди, и, прижимая ее к сердцу, заглянул ей в глаза.

— Ты знаешь, что я тебя люблю, — сказал он нежно.

— Но не так, как я тебя люблю... Не с таким чувством, какое у меня к тебе. — Она спрятала лицо у него на груди.

Выражение острой боли искривило мышцы лица президента, но он не сказал ничего. Он спрашивал себя, способен ли он еще чувствовать по отношению к какому бы то ни было человеческому существу то, что Мэри чувствовала по отношению к нему, и не вытеснило ли тяжелое бремя ответственности навсегда из его жизни все интимные, личные отношения. Когда-нибудь, думал он, он попытается объяснить это Мэри. Но сейчас он должен вернуться к исправлению

сьюардовской ноты Франции о блокаде хлопка. Сьюард слишком нетерпеливо ставит ультиматумы, но зато как он знает международное право!

Он мягко поставил Мэри на ноги и хотел было поспешно удалиться, но она просунула палец в петлицу его жилета.

— Авраам, позволь мне спуститься вниз и послать к тебе Мак-Клеллана. Мне хочется воспользоваться случаем это сделать. Не один он может делать другого мальчиком на побегушках... Мак-Клеллану следует задать такую же трепку, какую я только что задала бедному маленькому Тэди.

Линкольн улыбнулся и покачал головой.

— Нет, спасибо. Я повидаю его вечером, позже. Теперь пусти меня, дорогая Мэри.

— Еще одно, Авраам. Ты ни минуты не побудешь со мною. Все эти мои чашки чаю, — все, кто на них бывает, кажутся мне эмиссарами Джаффа Дэвиса, — все эти дамы, которые стараются подольститься к Мак-Клеллану и внушить ему, что он — и юнионист, и в то же время сторонник рабовладения. Если хочешь, я прекращу все эти приемы.

— Но ведь тебе они доставляют удовольствие, эти пикировки за чашкой чаю, не правда ли, Мэри?

— Да, доставляют. Но если ты скажешь, чтобы я отказалась от этих приемов, я безропотно откажусь.

— Мне кажется, самое лучшее предоставить Мак-Клеллану полную свободу действовать, как он хочет, Мэри. После этого, я думаю, проявятся его настоящие способности. Рессель говорит, что нет более подходящего человека для того, чтобы привести армию в порядок.

Мэри продолжала держаться за его петлицу.

— Авраам, мне безразлично, что говорит Рессель или кто бы то ни было другой. Мак-Клеллан — мелкий человек. Ты сумеешь привлечь к себе других членов своего кабинета, возможно за исключением одного только Чэйса, — как ты привлек к себе Сьюар-

да. Но ты никогда не привлечешь к себе Мак-Клееллана. Тебе придется его скрутить. И ты никогда не выиграешь эту войну, пока все люди, стоящие у власти, гражданской и военной, не признают в тебе своего лидера. Как говорится в оде Горация, «Ты должен иметь сердце трижды окованное бронзой»... Сделай свое сердце более твердым, дорогой Авраам.

Он внимательно ее слушал. Мэри в лучшие свои моменты обладала несомненной проницательностью. Она отпустила его петлицу. Он кивнул головой и повернулся, чтобы уйти. Мэри вернулась в Голубую гостиную.

Прекрасные дни октября подходили к концу. Близились ноябрьские дожди. Вашингтон был битком набит военными. Случайному наблюдателю показалось бы, что политическое значение этого широко раскинувшегося, наполовину недостроенного города совершенно ими вытеснено. Так казалось, впрочем, и самому Линкольну, когда он безуспешно пытался заставить Мак-Клееллана действовать против мятежников.

Проходили дни за днями, — чудные ясные дни осени на реке Потомак с шумом гусиных стай, летевших по ночам на юг высоко под холодными звездами. Но только к 31 октября, когда первые ноябрьские дожди размягчили глинистые дороги Мэриленда и Вирджинии, Мак-Клееллан уведомил президента, что он намерен предпринять сильную рекогносцировку вверх по Потوماку по направлению к Лисбергу.

«Это было немного, но лучше, чем ничего, — думал Линкольн, терпеливо ожидая результатов. — Может быть — может быть мятежники примут бой с Мак-Клеелланом»... Но, несмотря на надежды президента, рекогносцировка так бы и осталась рекогносцировкой, если бы генерал Стоун, переправляясь через реку, не ввязался в бой. Последовала легкая стычка, в которой 49 солдат Союза были убиты, а 200 ранены или пропали без вести. Приблизительно таковы же были и потери мятежников. Бой кончился вничью.

До Линкольна уведомление о стычке дошло, когда он был в военном министерстве. Он надеялся, что она развернется в сражение решающего масштаба. Но Мак-Клеллан отдал приказ о прекращении рекогносцировки, и, к горькому разочарованию президента, на фронте возобновилось все то же бездействие.

На другое утро после сражения Николэй принес стопу газет.

— В военном отношении, — заметил он президенту, — под Боллз-Блоффом была только стычка, но в политическом отношении это гекатомба!

Линкольн приучал себя не особенно доверять газетным новостям.

— Разве я этого не понимаю, — сказал он.

Николэй утвердительно кивнул головой.

— Грили требует, чтобы это бесполезное расточение крови и денег прекратилось. Похоже на то, что многие убитые солдаты 49-го были хорошо известны в обществе Массачусетса и Нью-Йорка. Там приходят в бешенство от того, что они называют бесполезной жертвой — от гибели сенатора Бэкера. Кажется, это второй Буль-Рен.

— Бэкер был одним из моих лучших друзей, — сказал Линкольн. — Но я не думаю, чтобы его кровь была хоть немного более драгоценна, чем кровь одного из этих бедных солдат, которые никогда и близко не подходили к Сенату, будь то в Массачусетсе или в Нью-Йорке,

Николэй согласился.

— Разумеется. Но нельзя наживать на этом факте политический капитал. И наши лучшие фамилии настаивают, что этого не случилось бы, если бы вы и генерал Скотт не докучали Мак-Клеллану упреками, что он не в состоянии сделать решающего движения.

— Так! — Линкольн провел рукой по волосам. — Что же, меня не беспокоит, если они так смотрят на дело. Думаю, что это так же естественно освободит старого джентльмена от его должности, как осенний

поток унесет старый бревенчатый плот, застрявший на песчанной отмели. Посмотрим!..

Николэй прищурился, и затем с улыбкой унес свою кипу газет к себе в кабинет.

Полковнику Бэкеру в Вашингтоне были устроены военные похороны. Вилли и Тэд, опечаленные потерей своего друга, настаивали, чтобы им позволили маршировать вместе с солдатами в военной форме, вместо того, чтобы ехать в карете с отцом. Так они и сделали, несмотря на протесты матери, опасавшейся, что это приведет к неприятностям. Как всегда она оказалась права.

Вечером, приблизительно через час после того как президент возвратился с похорон, в дверях гостиной появился Вильям Рессель, ведя за руку обоих мальчиков. Мисс Форд и Мэри сидели за столом и вышивали, ожидая, когда позовут обедать. Линкольн, шедший в свою комнату, вдруг остановился и воскликнул:

— Что, опять неприятности?..

В глазах у Ресселя был гнев, но на губах улыбка. Как всегда, он был хорошо одет, но военные мундирчики детей превратились в грязные лохмотья. Тэд плакал, но на лице Вилли не было следа слез. Он смотрел на отца.

— Папочка, сегодня мне было стыдно за Америку. Да, было!

— А что она сделала? — серьезно спросил отец.

— Вышло так, как говорила мама. Мы не могли маршировать в ногу с солдатами. Поэтому мы забежали вперед, чтобы найти место, с которого мы могли бы хорошо видеть парад. Перед окнами мистера Ресселя в толпе на тротуаре стоял и сам мистер Рессель. Мы протолкались и стали рядом с ним. И когда мимо проезжал лафет с пушкой и карета, в которой лежал дядя Бэкер, мистер Рессель снял шляпу и велел и нам снять шляпы. А никто другой этого не сделал. А потом, когда проезжала твоя карета, мистер Рес-

сель опять снял шляпу, и нам велел, и кроме нас никто этого не сделал.

— Мы не хотели... Только для тебя, папочка, — прервал Тэд, вытирая нос окровавленным рукавом.

— Молчи, Тэд!.. Я тоже так сделал. И большой высокий человек рядом с мистером Ресселем сказал: «Что вы в самом деле о себе воображаете!»

— Это потому, — дополнил Тэд, — что мистер Рессель громко сказал, что мы должны оказать мертвому уважение, как джентльмены. И главе Соединенных Штатов тоже.

Вилли оскалил зубы.

— Если, Тэд, ты не помолчишь, я тебя ударю. И мистер Рессель сказал тому человеку: «Я думаю у меня манеры лучше ваших». И кто-то в толпе сказал: «Этот проклятый британец в своей корреспонденции в свою газету о Буль-Рене называл наших солдат трусами!» И кто-то другой закричал: «Этот Рессель бросал в наших солдат гнилыми яйцами... Вымазать его дегтем и облепить перьями!» И один его ударил. И все мы стали драться. И мы трое, я, Тэд и мистер Рессель, побили всю шайку. Потом мы пошли к нему домой и почистились, но мы не могли совсем почиститься, потому что хотели, чтобы все видели наши почетные раны.

— Благословенные дети, — прошептала Мэри, а вслух сказала: — Но за что тебе, Вилли, стыдно, — за американские дурные манеры или за то, что британец и двое мальчиков побили американцев?

— За то, что мы их побили, — быстро ответил Вилли, — Посмотри, мама, на царапину на моей руке... И я сказал мистеру Ресселю...

— Кровь из носу залила мне весь воротник, — сказал Тэд.

— И я сказал мистеру Ресселю, что ты, мама, не рассердишься, если он нас приведет домой, — сказал Вилли. — Ну, Тэд, пойдем почистимся.

— Я думаю, что кто рассердился по-настоящему, так это Рессель, — сказал Линкольн, внимательно глядя на корреспондента.

— Это был унижительный опыт! — Рессель покачал головой. — Я убежден, что весь этот крик, поднятый против меня, сделает меня бесполезным для моей газеты в этой стране. Мак-Клееллан не решается дать мне корреспондентские привилегии. И всё это потому, что я сообщил то, что сами Мак-Клееллан и Мак-Даул признали то поражение, которое ваши войска потерпели под Буль-Реном. На улицах вслед мне шикают. Каждый день меня угрожают убить.

— Я не понимаю этого, — воскликнула мисс Форд.

— Это очень просто, — Линкольн уселся у стола и развернул скомканный листок бумаги, который он вынул из кармана. — Сначала наши собственные репортеры тоже говорили правду. Но она так взбесила публику, что все газеты пошли на попятный. А вскоре всеобщая гордость армией на Потомаке была раздута регулярными дозами лести. А тут появилось письмо Ресселя в лондонском «Таймсе», снова привлечшее внимание к нашему позору. Ничего другого не оставалось, как начать на все лады обзывать Ресселя лжецом.

— Наши газеты ужасны! — воскликнула Мэри.

— Мистер Мерсье, — сказал Рессель, — как-то сказал мне, будто он ожидал, что я навсегда останусь в Вашингтоне, потому что все нью-йоркские газеты сообщили, что я немедленно выезжаю в Лондон.

— Не думаю, чтобы люди так действительно относились ко всему, что они называют ошибками в ваших писаниях. — Мэри задумчиво посмотрела на англичанина. — Все дело в тоне, каким вы говорите. Вы пишете как бы свысока. А со стороны старой Англии нам требуются проявления ободряющего сочувствия, а вовсе не высокомерные насмешки.

Рессель густо покраснел и, помолчав, сказал:

— Может быть, я этого и заслуживаю, миссис Линкольн. Но очень трудно писать хвалебно об условиях, которые представляются непростительно плохими. А насчет сочувствия... Федеральное правительство не дожидается его от Великобритании, пока оно не объявит, что война идет за отмену рабства.

— Почему вы так говорите, мистер Рессель, — спросила мисс Форд, — раз вы прекрасно знаете, что Юг и Англия по существу симпатизируют друг другу — и всегда симпатизировали.

Линкольн кашлянул. У него не было желания снова слушать обсуждения вопроса о рабстве. Со времени отмены прокламации Фремонта президенту нравились аболиционисты.

— Говоря о симпатии, — начал он поспешно, — сегодня я получил большое удовольствие. Как кажется, Джон Хэй — не единственный поэтический гений в Белом Доме. Сегодня Вилли сунул мне в карман вот эту вещь.

Президент надел очки и продекламировал с очаровательными интонациями первую поэму Вилли:

СТИХИ НА СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА БЭКЕРА

Он был великий патриот,
Жила отвага в нем,
И пал он, доблестный солдат,
К противнику лицом.

И голос Бэкера теперь
Для войск не прозвучит,
Но память светлую о нем
Отчизна сохранит.

В душе хранил он мысль одну:
В бою не уступить,
Чтоб разобщенную страну
Опять объединить.

Остались дети без отца,
Осталась мать вдовой,
Но позаботиться о них
Отчизны долг святой!

Слезы катились по щекам президента, когда он кончил читать. Он, однако, улыбнулся в ответ на аплодисменты и на взволнованную просьбу Мэри, чтобы он показал ей листок. Он передал ей поэму Вилли со словами:

— Да, в голове у этого мальчика не только проказы...

В эту минуту позвали к ужину. Линкольн взял у Мэри листок с поэмой и задержался, чтобы прочесть стихи Вилли Луису, который, слушая, вытирал глаза и сморкался.

— Не знаю, сэр, — сказал он хрипло, — что вызывает у меня слезы, смерть полковника Бэкера или стихи Вилли.

— Так же и у меня, — согласился Линкольн. — Хотел бы я, чтобы стихи эти мог слышать сам Бэкер, не правда ли, Луис?

— Да, правда, — согласился курьер.

Г л а в а   п я т н а д ц а т а я

БОРЬБА ЗА ПЕРВЕНСТВО

К приятному удивлению Николэя через несколько дней после похорон Бэкера генерал Скотт явился к президенту и подал в отставку.

— Сэр, я устал, — сказал старый солдат. — Я стар, и мне постоянно причиняет страдание старая рана. Мистер президент, не меньшее страдание причиняет мне дух неповиновения, проявляемый генералом МакКлелланом. Я могу сказать, что он просто подавляет меня своим высокомерием.

Это растрогало Линкольна.

— Когда я подумаю, генерал, о ваших летах, о ваших недугах, о вашей вполне заслуженной славе, совесть мучит меня за возложенные на вас в последнее время тяжелые обязанности. Но, дорогой мой гене-

рал, к кому мне обратиться? У нас в Соединенных Штатах нет ни одного человека, военным суждениям которого я бы так доверял. Я могу принять вашу отставку только при одном условии, — если вы разрешите мне обращаться в любое время к вам за советом!

Опечаленное лицо Скотта прояснилось.

— Разумеется! Вы делаете мне честь, господин президент. Поверьте, что только с великим сожалением я ухожу в это ответственное время со службы человеку, стоящему во главе исполнительной власти и относившемуся ко мне с такой исключительной добротой и уважением.

Линкольн улыбнулся. Ему вдруг захотелось потянуть старого генерала за чуб.

— Раньше чем вы уйдете, сэр, я хочу сказать вам, что я послал генералу Фремонту уведомление о его отставке. Я все еще продолжаю хорошо думать о его побуждениях. Но я думаю, что он — жертва злонамеренных интриганов, и думаю также, что он абсолютно лишен военных способностей. Радикалы, вероятно, опять поднимут шум из-за его отставки, но она необходима.

— Ваше решение благоразумно, сэр. Жаль, что вам постоянно приходится идти на такие перемены. Но это цена, которую мы платим за то, что не держим постоянной армии. Я очень неохотно говорю это, сэр, и не сказал бы этого, если бы еще оставался на службе, — но я убежден, что Камерон, — хотя назначение его политически и благоразумно, — не годится для поста военного министра.

Линкольн утвердительно и довольно твердо кивнул головой. Камерон был приятный человек, и президенту он нравился. Но публика подозревала его в том, что на него влияют денежные интересы. Верно было и то, что ему не хватало административных способностей, необходимых для такого исключительного момента.

— Я подумываю о том, чтобы назначить на его место Эдвина Стэнтона, — сказал он, наблюдая за выражением лица Скотта.

Генерал заморгал глазами и кашлянул.

— Способный и раздражительный человек, сэр, и один из ваших самых крикливых врагов.

— Что же, мало кто мне не враг, генерал. Но его честность соответствует его уму. И публика ему доверяет. Люди сейчас встревожены и имеют на это право. Подумайте, и я скоро приду к вам о нем поговорить.

Президент взял старика за руку.

— Я постараюсь, чтобы вы были уведомляемы о том, что здесь происходит. Жалею, что не могу освободить вас вполне, но мы еще нуждаемся в этой умной голове. Итак, хотя официально я говорю вам «прощайте», — неофициально я прошу вас дать мне ваш адрес в Нью-Джерси.

Польщенный, генерал Скотт улыбнулся.

— Вы его получите, господин президент, как только миссис Скотт и я устроимся.

И Линкольн с удовлетворением, смешанным с нежной симпатией, заметил, что походка старого солдата, когда он выходил из кабинета, была бодрее, чем когда он входил.

На Линкольна оказывалось прямо-таки невероятное давление, чтобы он назначил Мак-Клеллана на пост генерала Скотта. Мак-Клеллан был пылкий демократ. И все же Грили, будучи сам республиканцем, не давал Линкольну покою, выступая за Мак-Клеллана, а северные демократы, с Раймондом из нью-йоркского «Таймса» в качестве их представителя, травили президента в передовых статьях, и буквально тысячи телеграмм требовали назначения Мак-Клеллана на пост главнокомандующего.

Линкольна побудило пойти навстречу этому требованию главным образом стремление объединить колеблющийся Север в энергичном решении вести вой-

ну. Вздых удовлетворения и одобрения прошел по стране, когда президент возвестил о назначении Мак-Клееллана, — вздох настолько глубокий и полный, что даже гнев аболиционистов по поводу отставки Фремонта, сообщение о которой Линкольн ловко разрешил одновременно сделать, не мог серьезно повредить общей популярности президента.

В начале ноября Лиззи Кекли донесла Мэри, что мисс Форд, которая конец недели по видимости провела с друзьями в Балтиморе, в действительности участвовала в каком-то празднестве в таверне в Фэрфаксе. По словам Джинни, хозяином празднества был блестящий офицер-мятежник капитан Мосби. Смысл празднества был для Джинни неясен. Как она думала, поводом к нему было сражение при Боллз-Блоффе. В то же время она слыхала, как ее хозяйка предложила тост за генерала Мак-Клееллана, как надежду и Севера, и Юга.

В один ноябрьский вечер Мэри пыталась обсудить смысл этого тоста с Линкольном, когда они были одни за ужином. Но в этот день он был поглощен первыми вестями о запутанной проблеме отношений с Англией — результатом инцидента с пароходом «Трент», — и Линкольн попросил Мэри не мешать ему. Мэри сказала, что никогда больше не станет упоминать имени Мак-Клееллана, но затем обрадовалась, — когда поняла, какие затруднения лежат перед ним, — что Линкольн даже не заметил ее колкого замечания.

Он его, действительно, не заметил. Но несмотря на это, постоянные приставания Мэри на тему о ее неприязни к Мак-Клееллану не ускользнули от его внимания. Снова и снова, после ее язвительных замечаний по адресу генерала, его охватывало странное чувство беспомощности и страх, — интриги, связанные с разными сторонами вопроса о рабовладении были слишком сложными, чтобы ум его мог их охватить. Небрежное и презрительное отношение к нему

со стороны Мак-Клееллана, его открытое презрение к членам кабинета, особенно острое по отношению к Камерону, не давало Линкольну покоя.

Мак-Клееллан игнорировал план «Анаконда», поддерживаемый Скоттом, кабинетом и самим президентом. Мак-Клееллан насмеялся над планом вторжения армий в Теннесси и Кентукки и штаты, расположенные по Миссисипи, — план, который выработал Линкольн и который впоследствии оказался образцом военного и политического искусства. Из хаоса, царящего на Среднем Западе, постепенно выдвигались люди выдающихся способностей: Шерман, Томас, Хантер, Халлек. Линкольну хотелось бы, чтобы таланты их были немедленно применены к делу. Но этого не было.

Снова и снова в первые дни ноября президент настаивал перед Мак-Клеелланом на своих планах. Генерал их игнорировал и не предпринимал ничего. Казалось, восточные и западные армии охватила, словно кошмар, черная летаргия. Наконец, Линкольн не мог больше выносить молчания Мак-Клееллана. Однажды вечером к середине ноября он захватил с собой Джона Хэя, перешел с ним через дорогу в дом Сьюарда, захватил с собой и государственного секретаря и все направились к дому Мак-Клееллана на улице «Эйч».

— Разумеется, — говорил Сьюард, комически попыхивая сигарой, — разумеется я готов быть поклядистым парнем, — но почему люди, столь занятые, как вы и я, — не говоря уже о нашем юном поэте, — должны пресмыкаться перед Мак-Клеелланом? Мне нужно сегодня же вечером вручить лорду Лайонсу ответ по поводу инцидента с «Трентом». Вы разорвали мой ответ в клочки и, чтобы привести в порядок то, что от него осталось, нам, мистер президент, нужно время.

Линкольн рассмеялся и положил руку на плечо Сьюарда.

— Губернатор, мы идем к Мак-Клееллану, потому что Мак-Клееллан слишком горд, чтобы удостоить сво-

им посещением такие две старые клячи, как вы и я.

— Мак-Клеллан — блестящий солдат, и я его люблю, — возразил Сьюард, — но боюсь, что он слишком заносится...

— Если он столь же способный военный, как и малоспособный политик, он, надеюсь, закончит войну раньше, чем разрушит страну.

Сьюард разинул рот...

— Что вы хотите этим сказать, Линкольн?

— То, что сказал, — отвечал президент.

Наступило молчание. Три человека задумчиво шагали по обсаженной деревьями улице, — столь скудно освещенной, что им приходилось продвигаться вперед с осторожностью. Джон Хэй, который сильно переживал презрительное отношение Мак-Клеллана к Линкольну, прервал молчание и переменял тему разговора.

— Мистер Линкольн, могу я спросить, как вам удалось отделаться сегодня от сенатской комиссии? Они требовали от вас час времени, — но они выскочили через двадцать минут...

— Вы имеете в виду сенатора Тромулла и его шайку? Они просили немногого! По их словам, они слышали, что я собираюсь сменить военного министра, и что, так как весь кабинет потерял доверие страны, момент им представляется удобным для смещения всех семи членов кабинета. Я не мог придумать лучшего ответа, как рассказать им одну историю. Я рассказал, и они ушли...

— Что это за история? — спросил Сьюард.

Линкольн ухмыльнулся.

— У нас в Сэнгэмоне был один фермер. Его очень беспокоили сунсы. Жена его требовала, чтобы он от них избавился. И вот в одну лунную ночь он зарядил свой старый дробовик и засел у дома. Ожидавшая в доме жена услышала выстрел. Спустя несколько минут фермер вошел.

— Ну что, удалось? — спросила она.

— Я спрятался за грудой дров, — сказал фермер, — и нацелился на курятник. Появился не один скунс, а целых семь. Я прицелился, выстрелил и убил одного. Но тут поднялась такая страшная вонь, что я предпочел оставить прочих семь скунсов в покое.

Все трое еще смеялись, когда они дошли до дома Мак-Клеллана. Слуга сказал им, что генерал на свадьбе. Линкольн предложил обождать, и все вошли в гостиную. Мак-Клеллан вернулся через час, и из передней донесся голос слуги, докладывавшего генералу о присутствии Линкольна. Мак-Клеллан прошел мимо гостиной и поднялся вверх по лестнице... Прошло еще четверть часа... Тогда президент послал слугу напомнить генералу Мак-Клеллану о своем присутствии. Слуга тотчас же вернулся, очень смущенный.

— Генерал лег спать, сэръ, — он просит вам сказать, что слишком устал, чтобы принять вас сегодня вечером...

— Боже милосердный! — воскликнул вскакивая на ноги Сьюард.

Линкольн положил руку на его плечо и улыбнулся Джону Хэю...

— Идем домой, ребята, — сказал он.

По дороге обратно в Белый Дом он не произнес ни слова.

И он был не расположен к любезностям, когда около одиннадцати часов ночи мисс Форд вошла в его кабинет. Она и Мэри были в театре, и, когда Мэри пошла посмотреть, улеглись ли спать дети, вирджинка воспользовалась случаем, чтобы зайти к президенту. Она была в вечернем туалете из зеленого бархата, расшитого тесьмой с жемчугом. Волосы ее прикрывал зеленый шелковый капор. Она сняла его и упала в кресло у камина.

Линкольн с пером в руке взглянул на нее.

— Господин президент, у меня не было случая сказать вам, как меня огорчает, что вы не столкнулись с молодым Гордоном, которого я к вам прислала.

— Вы слишком осторожно выразились, мисс Форд. — Линкольн угрюмо улыбнулся.

Она ответила такой же улыбкой.

— Может быть, это к лучшему... Вы всё еще на него сердитесь?

— Разве он не рассказал вам, что произошло? — спросил президент.

— Нет, сэр. Мне об этом рассказал Джон Хэй. Я очень сожалею... не только о том, что Гордон вас раздосадовал, но и о том, что он сделал для меня трудным попросить вас об одолжении его брату — Натаниэлю Гордону.

— Я не знаю этого парня, — сказал Линкольн. — Что он сделал? Убежал с поста?

— Нет. Это не так просто. Он был осужден нью-йоркским судом за торговлю рабами, и глупец-судья приговорил его к повешению!

— А как же иначе? — спросил Линкольн, просунув ноги под ручки кресел, поглаживая волосы ножом из слоновой кости для разрезания бумаги, — и сообщая, что пытается выпытать от него вирджинка на этот раз.

— Это несправедливо, — вскричала она. — Один адвокат из аболиционистского округа сослался на старый закон 1820 года, запрещающий торговлю рабами. Но этот закон никогда не применялся. К чему позволять этим дьяволам-аболиционистам наживать политический капитал на бедном Гордоне? Осудите его, и вам придется осудить сотню других!

— А как же иначе? — повторил устало Линкольн.

— Но ведь это нелепый закон, нелепо применяемый! И притом у Гордона есть жена и ребенок.

Линкольн посмотрел на нее долгим взглядом.

— Дорогая мисс Форд, — сказал он печально, — для вас это неприятное дело. Вы предназначены для более высокой работы. Раньше, чем сюда прийти, вы знали, что ваша просьба неуместна, — она является оскорблением всему, что для меня священо. Место,

куда бы вам следовало обратиться, — это канцелярия генерал-прокурора.

Вирджинка сильно покраснела, и в фиалковых глазах ее появилось мягкое выражение, какого Линкольн никогда до этого не замечал.

— Разве для вас это составляет такую серьезную разницу, мистер Линкольн, — сказала она, складывая руки.

— Разумеется, составляет! — твердо ответил он. — Мне не хотелось бы видеть друга, вступающего на ложный путь... Нет, не тратьте зря времени — моего и вашего — на Гордона. Работоторговец, по моему разумению, просто не человеческое существо.

— Но вы не понимаете одной стороны этого дела, мистер Линкольн. Вы сделали молодого Гордона своим опасным врагом. Если же вы помилуете его брата, он станет вашим другом. И, скажу я вам, молодой Гордон действительно опасен. История о том, что ему сделали, распространяется, и он становится посмешищем Вашингтона.

— Неужели, — воскликнул Линкольн изумленно. — Кажется, самой судьбой предназначено, чтобы вы и я друг друга не понимали. Я не могу понять, как вы с вашим умом можете говорить мне такие вещи.

— Я достаточно хорошо вас понимаю, — возразила мисс Форд, — наполовину желчно, наполовину печально. Краска постепенно сходила с ее лица, и в свете камина оно стало бледным. — Иногда, — сказала она более протяжно, чем обычно, — иногда я начинаю думать, не в этом ли мое наказание, — научиться понимать вас так хорошо. Вы — очень хорошее человеческое существо, Авраам Линкольн.

— Отлично! — глаза президента просияли. — Кажется я достаточно хороший человек, чтобы не прятаться, когда Гордон угрожает мне своим пером. Но, мисс Форд, становится довольно поздно, и у меня еще осталось работы на добрый день.

Он кивнул ей головой и возвратился к письменному столу, рассчитывая, что она уйдет без дальнейших слов. Если она решила попытаться оказать на него личное влияние, он не даст ей к этому повода, — вот и все.

Он начал писать. Он работал над проектом закона для штата Делавэр, — закона о постепенном освобождении рабов с выкупом. Один член Делавэрского конгресса внушил ему надежду, что закон этот может пройти в штатной легислатуре, так как Делавэр был скорее наполовину северным, чем южным штатом. Мисс Форд сидела неподвижно и, отдав себе, наконец, в этом отчет, он посмотрел на нее и сказал:

— Что сказали бы вы и ваш друг Джефи Дэвис, если бы я попытался провести в законодательных палатах разных штатов билль об освобождении рабов с выкупом?

— Я бы сказала то, что вы мне сказали несколько времени тому назад, или сказали что-то в этом роде: «Как такой умный человек, как вы, можете быть таким глупцом?» — Голос мисс Форд звучал не по обычному насмешливо.

Линкольн улыбнулся и вернулся к своей работе, снова забыв о присутствии вирджинки. Но ум был не всецело занят вопросом об отмене рабства. В каком-то уголке его мозга звучало предостережение, и он знал, что к нему следует прислушаться: последняя дерзость Мак-Клееллана — оскорбление, которое он может игнорировать, поскольку оно направлено против него лично, но которого он не имеет права допустить, поскольку оно направлено против занимаемого им поста. Он перестал писать и устался в странство.

Он не заметил, как мисс Форд вышла из комнаты. В двери проринулась голова Джона Хэя. Он задал президенту какой-то вопрос, и, когда Линкольн не отвечал, сказал кому-то, стоящему позади него: «Должно быть шеф готовит какое-то лекарство для войны».

Вошел старый слуга Даниель, чтобы завернуть газовые рожки, но только сказал: «Добрый вечер. Прошу прощения...» — и вышел на цыпочках... Мысли Линкольна были заняты Мак-Клеелланом. Часа в два ночи вошла Мэри и, взяв его за руку, повела спать.

На следующее утро вскоре после завтрака явился адъютант Мак-Клееллана с уведомлением, что главнокомандующий рад будет видеть президента у себя дома, где морской министр хочет устроить совещание об экспедиции против Нового Орлеана.

Линкольн сидел за письменным столом. Рядом с ним сидел Вилли. Президент помогал мальчику составить письмо редактору «Национального республиканца». Он хотел, чтобы мальчик послал ему туда свою поэму о полковнике Бэкере.

Когда адъютант передал уведомление Мак-Клееллана, Линкольн тщательно выписал заглавие стихов Вилли, раньше чем коротко ответить:

— Передайте Мак-Клееллану, что я приду.

Адъютант поднял брови, отдал честь и удалился. Вилли устремил глаза в лицо отца.

— Почему, папочка, ты сердит на Мак-Клееллана?

— Почему ты думаешь, Вилли, что я на него сердит? — спросил Линкольн.

— О, я всегда знаю. И все знают. И, должно быть, ты должен был рассердиться на него уже давно. — Мальчик, сильно походивший на отца, твердо кивнул головой. — Я слышал, как мистер Сомнер сказал мисс Форд, что его воротит при виде того, как Мак-Клееллан тебя третирует. Папочка, — задумчиво сказал Вилли, — почему мисс Форд не хочет, чтобы ты дружил с мистером Сомнером?

Линкольн внимательно посмотрел на мальчика. Вилли казался старше своего возраста. Он сильно созрел с марта месяца.

— Думаю, что тебе еще рано знать об этом, Вилли.

— Нет, папочка, не рано. Знаешь, я стою на часах в форме каждую неделю, когда у мамы чашка чаю в Голубой гостиной. Я расхаживаю взад и вперед по коридору и слежу за всеми, кто приходит. И мисс Форд стоит у занавеси, которая висит над дверью в коридор, и встречает гостей и представляет их маме. А я стою в коридоре, и тоже у занавеси, и слышу всё, что она говорит. И я два раза слышал, что она говорила мистеру Сомнеру такие вещи, что он может подумать, что ты его враг.

— Например? — внезапно Линкольн припомнил, что за последнее время сенатор из Массачусетса стал говорить резко критически и стал менее услужливым. Лучше переговорить с ним об инциденте с «Трентом». Он лучше понимает англичан, чем Сьюард, и пользуется у них доверием после нескольких лет, проведенных им в Англии. Лучше послать в Лондон Сомнера, чем Торло Вида, на которого пал выбор Сьюарда...

Вилли продолжал:

— Она сказала, что ты недостаточно ценишь ум мамы. Она сказала, что ты слишком часто оставляешь маму одну. Она сказала, что ты, кажется, невысокого мнения о маме и о мистере Сомнере, когда он с мамой всегда говорит по-французски. Она сказала, что живя здесь, как своя, она узнала, что ты никогда не поддержишь этого — знаешь — закона о том, чтобы освободить рабов. И она сказала, что ты самый ловкий политикан в Америке, что ты каждого выслушаешь, каждым воспользуешься, а потом отбросишь прочь...

— У тебя хорошая память, мальчик, — сказал Линкольн.

— Она сказала еще многое, чего я уже не помню, и это не точь-в-точь ее слова, — признал Вилли.

— Чему она вас, мальчики учит, — читать, писать и считать? — спросил отец.

— Нет, не арифметике. Ей учит нас мистер Лэнгли. Она дает нам уроки декламации и как писать и го-

ворить по-французски и по-немецки. Она очень много знает для женщины, не правда ли, папочка?

«Странная она смесь, — подумал президент. — Может быть, она затевает что-нибудь нехорошее, и лучше мне заставить Мэри отослать ее домой».

— Не знаю, как мама без нее обойдется. Она помогает маме принимать гостей и она хорошо обращается с нами, мальчиками. Я ее люблю, только я не хочу, чтобы она говорила такие вещи. Вот мама, если она хочет что-нибудь сказать, она говорит прямо. Люди на нее сердятся, но потом всегда забывают, потому что она... потому что она...

— Потому что она говорит откровенно, — помог мальчику Линкольн. — Это хорошо, мы можем доверять нашей дорогой сердитой мамочке.

Отец и сын кивнули одновременно головой в полном согласии.

— Знаешь, что я скажу тебе, папочка. Мама умеет выводить людей на свежую воду. Если ты попробуешь заставить ее прогнать мисс Форд, она подымет целую историю. Но дай ей только время, и она сама раскусит мисс Форд и сама с ней справится. — Вилли усмехнулся. — Хотел бы я быть при этом.

Линкольн, припоминая что-то, тоже усмехнулся.

— Очень хорошо, Вилли, мы пока не будем вмешиваться. А тем временем... В чем дело, Джон? — обратился он к вошедшему Хэю.

— Бригадир Ван-Флит из штаба Мак-Клееллана просит несколько минут вашего внимания, сэр.

— Ну, Вилли, тебе пора идти на урок. Иди, — сказал Линкольн. Он несколько раз поцеловал мальчика и с нежной улыбкой следил, пока за ним не закрылась дверь. — Впустите бригадира, Джон, — сказал он и подошел к камину, чтобы погреть руки.

В комнату вошел, отбивая шаг, красивый стройный офицер и отдал президенту честь. Линкольн натянул серую шаль себе на плечи и неторопливо про-

тянул ногу в помятом шерстяном чулке и ковровой туфле к огню.

— Знаете, бригадир, я мерзну в эти осенние дни больше, чем во время настоящей зимы, — заметил он.

Офицер кивнул головой, бросив презрительный взгляд на ноги в чулках перед огнем. Взгляд этот не ускользнул от внимания президента.

— Господин президент, генерал Мак-Клеллан полагает, что вы не поняли смысла его предыдущего уведомления. Он имеет в виду совещание, созванное вами самими по вопросу о военном и морском плане, который вы сами поддерживаете.

— Я пришел вчера к генералу Мак-Клеллану на дом, чтобы обсудить этот план с ним, бригадир.

— Да, сэр? — голос офицера звучал неуверенно.

— Вот и все, бригадир. Какая хорошая, ясная погода. Я бы сказал, — какая хорошая боевая погода! Дороги Вирджинии в превосходном состоянии для похода.

Бригадир Ван-Флит покраснел, отдал честь и направился к выходу. На лице Линкольна не было улыбки, когда он смотрел вслед уходящему офицеру.

В самом разгаре его совещания с Сьюардом и Чэйсом по поводу выпуска новых облигаций, незадолго до полудня, в кабинет вошел Джордж Николэй.

— В моем кабинете сейчас генерал Мак-Клеллан, сэр. Он желает вас видеть немедленно.

— Скажите ему, Джордж, что я занят, — сказал Линкольн.

— Я и, я уверен, губернатор Сьюард с радостью уступим место генералу Мак-Клеллану, — быстро заговорил Чэйс.

— Я не вполне в этом уверен, Чэйс, — сказал Сьюард, спокойно перебирая бумаги.

— Предмет этого совещания в моей области, сэр! — Чэйс вскинул свою красивую голову и быстро добавил: — И если я готов прервать это совещание, вам ничего не остается делать.

— Все еще горой за Мак-Клееллана, не правда ли, Чэйс? — устало прервал Линкольн. Трения между Сьюардом и Чэйсом делали одновременные совещания с обоими чрезвычайно утомительными. — Ничего, ему не повредит немного подождать, пусть немного остынет.

— Если только остынет! — улыбнулся Сьюард. И перед тем как дверь распахнулась перед Мак-Клеелланом, закончил: — Но он не остынет...

— Мистер Линкольн, — спросил генерал, — почему я подвергаюсь подобному третированию?! — Он остановился перед Линкольном и ударил кулаком по столу. Его рука в перчатке была засунута за желтый пояс, а другая — за борт его синего мундира. Это был портрет безукоризненного офицера.

— Вы ведь знаете, Мак-Клееллан, что я воспитывался не в военной академии Вест-Пойнт, — отвечал президент. — Поэтому мне не хватает известной изысканности манер, которую я мог бы оттуда вынести. Моя жена говорит, что она считает мои манеры безнадлежащими. Поэтому я хочу отдать себя на воспитание кому-нибудь другому. А так как вы — воспитанник Вест-Пойнта и светский человек, то я решил подражать вам по части этикета.

Он остановился, наблюдая стальными серыми полужакрытыми глазами молодого генерала. Из плотно сжатых губ Мак-Клееллана рвались, борясь между собой, гнев и обида. Линкольн положил свою костлявую ладонь на письменный стол.

— Вчера вечером, генерал, вы нанесли оскорбление высокому, занимаемому мною посту. Не повторяйте, сэр, этого проступка! — Он повернулся к Николэю, стоявшему у двери. — Джордж, пришлите сюда Уэллса. А вы, джентльмены, — он взглянул на Сьюарда и Чэйса, — простите, если я займусь сейчас другим делом.

Сьюард мягко ответил:

— Да, мистер президент, — и поднялся. В красивых глазах его были искорки.

Чэйс, большой поклонник Мак-Клеллана, явно пыривался вступить за своего любимца. Но в глазах Линкольна было нечто такое, чего он раньше в них не замечал. И это заставило министра финансов собрать свои бумаги и удалиться в глубоком молчании.

Мак-Клеллан подошел к окну и стоял там спиной к комнате. Линкольн несколько времени что-то деловито писал. Затем учтиво сказал:

— Кстати, генерал, как я вижу, вы отказались признать мое распоряжение о назначении Халлека на пост, который занимал Фремонт. Вы как будто распорядились иначе?

Не поворачивая головы, Мак-Клеллан отвечал:

— Я имею в виду более подходящего человека. А покамест его будет замещать Хонтер.

— Халлек, — сказал Линкольн, — человек с более обширным военным опытом, чем ваш. У него многолетний организационный опыт. Он авторитет в области военного искусства и науки, как об этом свидетельствуют его книги. Кому-то придется привести к согласию командующих на Западе, — иначе их армии окажутся в опасном положении. Скотт хотел, чтобы ваша должность была поручена Халлеку, но я согласился с общественным мнением, что ваша молодость и блестящие способности больше подходят. Положение на Западе очень плохое. Вам там нужен Халлек.

Мак-Клеллан круто повернулся. — Вы слишком испытываете мое терпение, мистер Линкольн.

Линкольн улыбнулся.

— О, вы, как я полагаю, достаточно сильный человек. Лучше вам уладить это дело с Халлеком, Джордж.

Мак-Клеллан расхаживал взад и вперед по комнате.

— Вы навязали мне слишком много городского сброда и деревенских парней, чтобы я сделал из них армию. А потом вы начали мне непрестанно докучать, чтобы я, не дожидаясь ни снаряжения, ни обучения, вступил в бой с неприятелем. Потом вы вверили мне все армии страны — необученный сброд, — среди которого кишат политические интриганы, — и снова требуете, чтобы я начал наступление против мятежников, и в то же время мешаєте мне, навязывая мне офицеров, к которым у меня нет доверия. Вы делаете это, сэр, будучи совершенно невежественным в самых основах военного дела.

Джон Хэй раскрыл дверь, впуская Уэллса и Камерона. Через минуту все четверо наклонились над картой, и Линкольн изложил им план одновременных сухопутных и морских операций, цель которых — очистить Миссисипи от Каиро до Мексиканского залива, — укрепить «Анаконду», как он это называл.

Камерон и Уэллс поддерживали план с энтузиазмом. Мак-Клееллан с плохо скрываемым презрением объявил план преждевременным. Он не уделит ни одного полка восточных сил для подобной операции. Последовал долгий спор, раз или два прерванный слугами, которых Мэри посылала звать президента к обеде. В течение последнего получаса Линкольн предоставил Мак-Клееллану говорить одному, и слушал его с болезненным чувством тревоги. И все же, думал он, Мак-Клееллан действительно блестящий человек, и никто не превосходит его в организаторских способностях, и в Потомакской армии нет такого солдата, который не обожал бы «маленького Мака». Только бы ему преодолеть свою странную инерцию, — и тогда ничто не остановит его хорошо слаженную лояльную боевую силу. Но откуда эта странная инерция? Мэри говорит, что Мак-Клееллан — трус, но он готов был поклясться, что Мак-Клееллан — человек смелый.

Внезапно он поднялся и пригладил рукой волосы,

— Сегодня вечером я издам приказ, — сказал он, — приказ начать немедленно приготовления к совместным операциям. А теперь я иду обедать. Кстати, Джордж, — он остановился, положив руку на ручку двери, — я дам Халлеку специальные инструкции, как только он вступит в исполнение своих обязанностей.

И президент твердой рукой притворил за собой дверь.

Г л а в а ш е с т н а д ц а т а я

ПУСТУЮЩЕЕ КРЕСЛО

Неустанные заботы Мэри о здоровье президента, особенно теперь, с наступлением зимы, когда работа его усилилась, встретили поддержку со стороны мисс Форд. Не то чтобы мисс Форд сама заботилась о его питании и сне, но она старалась, чтобы Линкольн имел возможность уделять время привлекательным для него развлечениям как раз тогда, когда он в них наиболее нуждался.

Мэри наблюдала за ней, — спрашивая себя, надолго ли хватит ее собственного терпения. Она согласилась с Лиззи, что самое лучшее не говорить пока с Джинни, и предоставить Лиззи быть хранительницей всех сведений, какие могла собрать чернокожая девушка.

И сведения, какие могла добыть Лиззи, были достаточно разнообразны, чтобы привлечь внимание и человека, менее заинтересованного, чем Мэри Линкольн.

Мисс Форд писала длинные письма Горасу Грили и Генри Рэймонду о сообщениях относительно положения сторонников рабства, но противников отделения на Юге. Каждое письмо, говорила Джинни, содержало похвалы по адресу Мак-Клеелана и выражение все более усиливающегося доверия этих южан к его

военным способностям и к его позиции в вопросе о рабстве.

Мисс Форд часто встречалась с сенатором Сомнером в домах, куда обоих их приглашали, и всегда рассказывала ему все грубые анекдоты, которые только могла припомнить или импровизировала сама насчет Линкольна.

Это, наконец, привело Мэри в ярость. Лиззи мыла ей волосы. Мэри вырвалась из ее рук, и, с волосами, с которых падали капли воды, бросилась к двери.

— Я сейчас же расправлюсь с этой негодницей, — кричала она сквозь стиснутые зубы.

Лиззи вскочила, чтобы своим сильным телом загородить дорогу между Мэри и сценой, видеть которую надеялся Вилли.

— Мадам, мадам, — умоляла она. — Сумейте попридержать язык, от этого так много зависит! Вы обязательно должны подождать, как сказал и президент, пока мы не узнаем, насколько эти люди влияют на генерала Мак-Клееллана. Если я не могу положиться и на то, что вы себя сдержите, к кому мне после этого обратиться?

— Да, я — глупая, — успокоилась Мэри. — Теперь я буду вспыхивать только в разговоре с тобой. Но, — прибавила она, когда Лиззи стала веером осушивать ее волосы, — мне не нравятся ее попытки ухаживать за мистером Линкольном. Это — мое дело... Кажется его шаги.

Действительно это был Линкольн. Он медленно вошел в комнату и бросился на софу.

— У меня болит голова, — сказал он со вздохом. — Что, я уже обедал?

— Конечно, Авраам. Ты просто утомился. Приляг, и Лиззи помассирует твою бедную голову. — Мэри взяла из рук негритянки веер, которым та осушивала ей волосы. — Займись им, Лиззи.

Линкольн улыбнулся Лиззи.

— У меня нет на это времени, Лиззи. Меня дожидается сенатор Сомнер.

— Дайте мне только пять минут, господин президент, — просила Лиззи. — Я знаю, это вам поможет.

— Моя усталость — вся внутри, тебе до нее не добраться, — вздохнул Линкольн. — Но — просто, чтобы доказать, что я забочусь о своем здоровье.

Он снова улыбнулся и прилег на софу.

Лиззи своими тонкими руками начала поглаживать его лоб.

— Я думаю, Сомнер заинтересован инцидентом с «Трентом», — заговорила Мэри.

— Да, — пробормотал Линкольн.

— Авраам, а в чем состоит этот инцидент? Ты никогда теперь мне ни о чем не говоришь, — умоляла Мэри.

— Этот инцидент с «Трентом» как раз теперь мое неотвязное страшилище, — простонал Линкольн. — Объяснить в чем дело не легко. Двое американцев, посланных Джефферсоном Дэвисом в качестве его эмиссаров в Англию, были силой сняты с британского судна «Трент» американским военным судном. В припадке несвоевременного энтузиазма министр Уэллс, Палата Представителей и печать Севера громогласно одобрили этот акт. Англия говорит, что если мы не вернем задержанных в определенный срок, она объявит войну, или вообще заявляет что-то вроде этого.

— И ты это сделаешь? — спросила Мэри. — Ты не сделаешь этого, Авраам!

— Если я этого не сделаю, Англия будет с нами воевать. А если я это сделаю, это будет самый непопулярный акт, какой я только могу навязать на шею Северу... В этом деле мы неправы. Так поступила с нами в 1812 году Англия, и мы начали против нее войну. Лиззи, с каждой минутой мне кажется, что я ближе к небу...

Он закрыл глаза. Женщины с улыбкой переглянулись. Лиззи поглаживала его лоб все тише и тише. Через минуту она кивнула головой. Мэри указала ей на дверь в коридор.

— Посторожи там, — прошептала она и сама направилась в комнату Линкольна.

Около часа две женщины, стоя на страже у дверей, никого не впускали. Линкольн проснулся, поцеловал Мэри и направился в свой кабинет.

Когда он проходил через гостиную, мисс Форд наливала там чай Чарльзу Сомнеру. Кроме них, никого в гостиной не было.

— Куда все делись? — спросил президент.

— Еще слишком рано, — отвечала мисс Форд. — Я старалась занять сенатора, пока вы не проснетесь. Я достала двоих фокусников, которые дадут нам представление в пять часов. Надеюсь, что вы оба его не пропустите. Они называют себя «Певучие жонглеры».

— О, я слышал об этих фокусниках, — с любопытством воскликнул Линкольн. — Мы будем на представлении, правда, Чарльз?

— Я не люблю этих штук, — проворчал Сомнер. — Это — ребячество и проявление дурного вкуса — приглашать таких людей сюда в такое время!

— Виновна в этом я, — заявила мисс Форд. — Президент не курит и не пьет. Он должен иметь какие-нибудь развлечения, — иначе мне не за что платить.

— Видите, сенатор, женщины относятся к моим слабостям снисходительней, чем мои избиратели, — улыбнулся Линкольн.

— Вижу! — к Сомнеру вернулась его обычная учтивость. — Вильям Рессель говорит, что он склонен прощать вам всё, что угодно, потому что вы не жуете табака. Наша национальная привычка — жевать табак — ужасает его, кажется, еще больше, чем рабство.

— Я склонна ему сочувствовать, — сказала только сейчас вошедшая Мэри. В черном шелковом платье и красной индийской шали она была очень представительна. — Обнаженная красота пачки жевательного табаку никогда меня не привлекала. После первого приема в Восточной гостиной мне пришлось распорядиться убрать и сжечь все ковры. Они все были заплеваны табачной жвачкой. А посещали ли вы когда-нибудь Маунт-Вернон? Там даже стены покрыты коричневыми плевками. Какая гадость!

— Где Рессель? Я не видал его уже месяц, и я хочу знать, что он скажет насчет этого инцидента с «Трентом», — сказал Линкольн. Недовольное лицо Мэри вызвало в нем улыбку.

— Он охотится на куропаток в штате Иллинойс, — отвечала мисс Форд. — Люблю этих британских спортсменов. Они напоминают наших южных джентльменов.

— Плохо только, что ему приходится охотиться с этими северными мужиками, — срезала ее Мэри. — Знаете, мисс Форд, для такой умной женщины, как вы, то, что вы говорите, страшно глупо!

— Да, кажется это так, — добродушно согласилась вирджинка.

— Чарльз, — сказал вдруг Линкольн, — несколько моих друзей, включая даже мисс Форд, настаивают, чтобы я послал вас в Англию по делу о «Тренте». Но я этого не сделаю. Мне вы слишком нужны в Белом Доме и в Капитолии для работы над законопроектом об отмене рабства с выкупом.

Сомнер, великолепный в своем серебристо-сером костюме, вскочил на ноги и стал потрясать своей выхоленной белой рукой перед лицом президента.

— Освобождение с выкупом! Опять уступки! Опять уступки! Уничтожьте их одним ударом! Перестаньте бояться! Освободите рабов, — и война кончится!

— Это война за сохранение Союза, а не за отмену рабовладения, — воскликнула мисс Форд, поднявшись из-за чайного стола и бросая в лицо сенатору слова, как снаряды.

— Вы лжете, женщина, — загремел Сомнер со всею силой страсти, потрясая обоими кулаками над головой. — Рабство — вот господствующая идея мятежа. Рабство — вот что вдохновляет каждого мятежника, от генерала до трубача. Рабство — вот что звучит в каждом слове команды и в барабанном бое потру! Рабство — вот что роет окопы, строит форты, разбивает палатки и разводит часовых в войне против столицы нации. Всюду, где мятеж в какой бы то ни было форме проявляется, и во всем, что он делает и замышляет, — во всем им движет мысль о рабовладении! Да что, — мятеж — это воплощенное рабовладение, — живое, действующее, свирепствующее, грабительское, человекоубийственное — в согласии с основным законом своего существа.

— Реторика, — иронически воскликнула мисс Форд. — То же самое вы говорили и в октябре в Вустере на штатном республиканском конвенте. Но я, да и многие другие, заметила, что только немногие вас поддержали, когда вы потребовали, чтобы эмансипация рабов была включена в платформу партии. Страна всё еще здорова, — как увидит мистер Линкольн, если только он попытается всунуть в глотку окраинным штатам отмену рабства с выкупом. Они это выплюнут!

Она остановилась, вся дрожа от ярости. И раньше, чем Сомнер мог ответить, обратилась к президенту.

— Откуда вы рассчитываете получить деньги для выкупа рабов у их владельцев, мистер Линкольн?

Линкольн порылся в кармане своего мешковатого табачного цвета костюма и вытащил меморандум.

— Я работал над этим прошлой ночью, — сказал он. — Стоимость половины одного дня войны

оплатит всех рабов штата Делавэр по цене 400 долларов за голову. Стоимость восьмидесяти семи дней войны выкупит всех рабов Делавэра, Мэриленда, округа Колумбии, Кентукки и Миссури. Сейчас я не объявлю всех рабов свободными, но этим планом я заставлю принять метод, посредством которого это учреждение абсолютно перестанет существовать через двадцать пять лет. Что, мисс Форд, разве это не мягкое решение вопроса?

— Нет! Предупреждаю вас, Авраам Линкольн, — держите подальше руки от наших рабов, как вы бы держали руки подальше от нашего скота, или от наших домов. — Когда она это говорила, лицо её исказилось.

Линкольн вздохнул.

— Как видно между вами и Чарльзом я буду размолот в муку, — он положил меморандум обратно в карман. — Во всяком случае желание Сьюарда исполнится, он пошлет Торлоу Вида в Англию и во Францию.

— Политикан такого типа наверняка произведет за границей дурное впечатление, — воскликнула Мэри.

— Адамс, наш тамошний посол, пожалуй им ближе, — согласился Линкольн. — Но похоже на то, что он мало чего добился от лорда Ресселя. Попробуем Вида с его менее светскими манерами... Чарльз, почему бы вам не остаться к обеду. Мы бы обсудили инцидент с «Трентом». И Мэри скучает по французскому языку. Я люблю слушать, когда вы с ней говорите по-французски. Для меня, человека из лесной глуши, это все равно, что съездить в Париж.

Он улыбнулся Сомнеру так дружески искренне, что сенатор не мог не улыбнуться в ответ.

— Благодарю вас, сэр. Хотя я и не могу одобрить ваш нерешительный подход к проблеме, ваши попытки освободить рабов с выкупом все же лучше, чем ничего, и я, чем могу, помогу вам.

— Превосходно! Благодарю вас, Чарльз. А, Тэди! Пришел на представление?

Мальчик вошел с щенком Пенсакола, запряженным в небольшую повозку.

— А где Вилли и его Сомтер?

Но щенок Сомтер уже вбегал с диким лаем. Он тоже тащил за собой телегу, в которой лежал, громко мяуча, большой связанный черный кот. Старания обоих щенков добраться до кота привели к тому, что несколько стульев и чайный столик оказались перевернутыми. И раньше, чем все это кончилось, пришли фокусники, сопровождаемые Хэем и Николэем и еще дюжиной других обитателей Белого Дома.

Мэри делала детям выговор. Отец смеялся во-всю. Мисс Форд и Джон Хэй помогали успокоить щенят. Мальчики в негодовании пытались дать своей матери понять, что они только устраивают парад по случаю прибытия фокусников. Это расстрогало мать, и она взяла обратно свое приказание немедленно ложиться спать. Слуги Луис и Даниель прибрали гостиную и представление началось.

Линкольн всегда очень интересовался проявлениями физической ловкости, потому, — говорил он, — что сам он ею так мало обладает. Он упросил главного исполнителя раскрыть ему секрет фокуса с кроликом и шляпой, и после того, как он сам успешно проделал этот фокус при помощи почтенной бобровой шапки Чарльза Сомнера, он попросил перейти к исполнению песен.

Это была замечательно интересная сцена. Большая овальная комната с наглухо задернутыми занавесями, за которыми была ветренная ночь; старые, но удобные кресла: столик Мэри, на котором в беспорядке лежали книги между ваз с любимыми ею розами, фуксиями и лилиями; яркий огонь в камине, по одну сторону которого сидел Линкольн с Вилли на одном колене, а по другую его жена с Тэдом, прикинувшись к ее красной шали. Несколько позади Линкольна си-

дели снисходительно наблюдавший зрелище Сомнер, спокойный и рассеянный Сьюард, симпатичный «папа» Уэллс, смотревший на представление с большим интересом, красивая и презрительная Кэйт Чэйс и Джон Хэй со своими черными искрящимися глазами. Вокруг Мэри группой сидели — мисс Форд с глазами, устремленными на Линкольна, миссис Сьюард, с усталым и нетерпеливым видом, Джордж Николэй и Камерон, красивый и равнодушный, с блокнотом на колене.

Напротив камина работали фокусники в черно-серебряных трико, с красными поясами и красными бархатными колпаками с длинными черными перьями. Они спели для Линкольна, как поют на дешевых представлениях, несколько популярных песенок, не привлечших внимания президента. Заметив это, один из исполнителей прервал пение «Провожая домой Нелли», и анонсировал:

— А теперь мы будем иметь честь исполнить перед вашим превосходительством новую популярную песню, пользующуюся громадным успехом, — «Пустующее кресло», написанную в память Вилли Гроута, убитого в сражении под Боллз-Болффом, его другом.

Даже их механическое пение в нос не могло совершенно повредить впечатлению от этой нежной и сентиментальной баллады, которую напевали сотни людей, но которую Линкольн до сих пор не слышал. Такого рода песни всегда его трогали:

Мы сойдемся, но меж нами
Уж не будет одного,
Лишь пустующее кресло
Нам напомнит про него...

Линкольн слушал и подбородок его вздрагивал. Эта песня обострила его постоянную мысль о потерях, которые война причиняет Америке. «Эта война! Эти потери! — Как долго все это будет еще продолжаться раньше, чем мы осмелимся на риск — дать в руки соотечественникам эдикт об освобождении рабов!»

— Эта песня напоминает мне о дяде Бэкере, — прошептал Вилли и разразился слезами.

Внезапно президент наклонил свою большую голову к плечу мальчика и заплакал вместе с ним. Мэри к нему подбежала. На минуту в комнате воцарилась молчание. Затем, движением руки мисс Форд велела труппе покинуть комнату, и Линкольны остались у камина одни.

Г л а в а с е м н а д ц а т а я

«ПРИКАЗ НОМЕР ПЕРВЫЙ»

Минуты, вроде той, которая последовала за исполнением песни «Пустующее кресло», усиливали печаль Линкольна. В то же время они давали исход нервному напряжению. Вместе со смехом, который обычно предшествовал слезам, они облегчали бремя, с каждым днем все более тяжкое.

К вечеру он нашел в себе силы спокойно обсуждать с Сьюардом и Сомнером досадный инцидент с судном «Трент». При этом ему пришлось сдерживать этих людей, нервы которых были так же натянуты, как и его собственные. Результатом этого обсуждения была нота английскому правительству, которая, как предсказывал Сомнер, удовлетворит требовательную дипломатию Джона Буля.

Пророчество Сомнера оправдалось, и незадолго до Рождества Линкольн с удовлетворением распорядился о передаче Великобритании двух пленников. Это была большая дипломатическая победа, и никто не понимал этого лучше, чем президент. Но у него не было времени ей радоваться.

За чаем в гостиной Белого Дома Вильям Рессель остановил проходящего мимо Линкольна, чтобы его поздравить.

Президент с улыбкой взглянул на англичанина.

— Да, это была хорошая дипломатия, но плохая политика... Вот что пишет Бигелоу...

И он прочел стихи: «Бери, Джон Буль, этих тварей, — потому что Авраам считает это законным, — а запугиванием ты не вызовешь нас на драку!»

Президент выразительно прочел этот куплет и проследовал дальше, сопровождаемый громким смехом Ресселя.

Но даже угроза войны с Великобританией не подавляла его так сильно, как тревога, которую вызывал в нем Мак-Клееллан. Молодой генерал действовал высокомерно, не скрывая, что он считает себя высшим военным авторитетом в стране. Линкольн дальновидно устранял одно за другим все препятствия, на которые, по его мнению, Мак-Клееллан мог бы законно жаловаться. Он воспользовался неблагоприятным предложением Камерона в годовичном отчете военного министерства — вооружить рабов, — как предлогом, чтобы назначить его послом в Россию. И в одно январьское утро он послал Эдвину Стэнтону уведомление, против которого нашел в себе смелость протестовать Джон Хэй.

— Мистер Линкольн, Стэнтон вас ненавидит!

Говоря это, Хэй чувствовал себя, как школьник, которому не хочется наушничать, но который должен делать это, побуждаемый чувством долга.

Президент, заметив его смущение, помог ему с несколько натянутой улыбкой.

— Да, человек этот окрестил меня гориллой из Иллийноса. Он способен и на самые низкие, и на большие дела. Но страна хорошо его знает и вполне доверяет его честности, как и я ей доверяю, и он, больше чем кто бы то ни было другой в Америке, способен восстановить в финансовых кругах доверие к ведению войны. Он — демократ — стоящий за Союз. Он на редкость умен. Но — и это самое важное — он близкий друг Мак-Клееллана... А что до меня, я как-нибудь сумею с ним поладить.

Джон вздохнул.

— Хорошо, сэр. Я умолкаю, но вы меня не убедили.

Он посмотрел на президента со своей приятной улыбкой.

— Какая бы вышла из вас хорошая жена, мистер Линкольн.

Президент присоединился к его смеху, и Джон вышел с письмом к Стэнтону в руках.

Но несмотря на все усилия и личные уступки со стороны Линкольна, несмотря на то, что новый глава военного министерства проявлял по отношению к нему небывалое сотрудничество, и несмотря на то, что страна все больше и больше требовала решительных действий со стороны армии на Потомаке, — Мак-Клеелан не наступал! Он неизменно отвечал, что неприятель численно его превосходит и что ему недостает еще некоторых важных припасов. Линкольн, расхаживая взад и вперед по комнате, уговаривал, приказывал. Но армия на Потомаке, — уже отлично организованная сила численностью в 150,000 человек, — неподвижно стояла на холмах Вирджинии.

Мак-Клеелан оказывался недоступным для людей, которых посылал к нему президент, и редко появлялся в Белом Доме. Наконец, Линкольн решил сам еще раз посетить Мак-Даула.

В один ясный полдень в конце января Линкольн в сопровождении Вильяма Ресселя отправился якобы для прогулки верхом. Но как только они оставили за собой Белый Дом, Линкольн сказал военному корреспонденту:

— Вильям, проедем через Длинный Мост и навестим Мак-Даула. Я хочу посмотреть, отдает ли он себе отчет в том, что, если только армия не двинется, — все пропало!

— Но вы ведь знаете, мистер Линкольн, что я «персона нон грата» в штабе армии, — с тех пор как газеты окрестили меня «Рессель Буль-Ренский».

— Но сам Мак-Даул сказал мне, что ваш отчет был верен, — и затем я думаю, я вправе воспользоваться привилегией моего положения. Едем со мной.

— Я бы очень хотел! — воскликнул Рессель. — Благодарю вас, сэр.

Холмы Вирджинии, светло-синие под ярким солнцем, были прекрасны под легким снежным покровом. Линкольн полной грудью вдыхал свежий воздух, и настроение его, как всегда под открытым небом, стало бодрее.

Он был почти весел, когда они достигли Арлингтонских Высот. Офицер с поклоном провел их в одну из гостиных. Линкольну, еще ослепленному ярким снегом, комната показалась полной женщин. Но он тотчас же увидел, что в ней были только три женщины: миссис Мак-Даул, миссис Мак-Клееллан и мисс Форд... Полы были натерты до блеска и покрыты коврами, окрашенными в мягкие тона. Кресла и диваны с позолоченными ручками... Кружевные занавески на окнах... Портреты...

Слуги-негры входили и выходили... Стоял запах кофе и виски.

Пока адъютант возвещал об их прибытии, Рессель пробормотал:

— Однако, в штабе проводят время приятно!

Генерал Мак-Клееллан стоял у ярко горящего камина, ожидая, чтобы президент пересек всю комнату, чтобы с ним поздороваться. Он пожал протянутую ему руку Линкольна и чопорно поклонился Ресселю. Элегантная обстановка побудила Линкольна подчеркнuto держаться, как провинциал из лесной глуши.

— Как вижу, вы так же не ожидали увидеть меня здесь, генерал, как и я вас. Я думал, что вы больны.

Линкольн уселся на обитой шелком софе и скрестил свои длинные ноги.

— Что тут происходит? Уж не базар ли в пользу церкви?..

Мак-Клееллан густо покраснел.

— Могу я спросить вас, сэръ, что привело вас сюда?

— Я рассчитывал застать Мак-Даула одного, — спокойно отвечал Линкольн. — Я мог бы заставить его привести в действие хотя бы ту часть армии, которая под его командой. И я теперь же сделаю вам, Джордж, подходящее предложение. Так как вы не желаете пускать в ход армию на Потомаке, я хотел бы занять ее у вас, и применить к выполнению некоторых задуманных мною планов.

Молодой генерал посмотрел на чайный стол, за которым сидели мисс Форд и его жена. Между ними тремя последовал обмен взглядами, после чего Мак-Клеллан едва заметно пожал плечами. Ничто не ускользнуло от внимания Линкольна. Он поставил ногу на позолоченное кресло, вынул из жилетного кармана небольшой нож из слоновой кости для разрезания бумаги и медленно приглаживал им свои черные волосы, внутренне улыбаясь при мысли о том, что сказала бы Мэри, если бы сейчас его увидела!

После долгого молчания Мак-Клеллан спросил саркастически:

— Могу я спросить, сэръ, что вы намерены сделать с армией?

— Я заставлю ее воевать, Джордж. Ведь для этого и существуют армии, — сказал мягко Линкольн, и затем, показывая на клинок из слоновой кости, резко спросил:

— В чем тайна этой инертности, Мак-Клеллан? Поскольку я мог обнаружить, вы — не трус. Ваши постоянные повторения, что неприятель слишком превосходит нас численностью, слишком пустячное оправдание для человека вашего ума. Дело, разумеется, не в этом. Скажите же, в чем тайна?

— Бог мой, — вскричал Мак-Клеллан. — Не испытывайте слишком долго мое терпение, сэръ, или вам придется убедиться в моих силах! Одолжить вам армию! Это, разумеется, только одна из ваших ре-

бьяческих шуток, — но только попробуйте сделать это всерьез! Только попробуйте! Вы увидите, пойдет ли за вами хоть один из моих солдат.

— Мистер Линкольн, — поспешно вмешалась мисс Форд, — генерал Мак-Клееллан хочет похвалиться несравненной преданностью ему своих солдат. Преданность эта поистине замечательна: они верят в своего маленького Мака, они любят его...

Президент — на нем был серый верховой костюм — неторопливо повернулся лицом к комнате и только теперь заметил стоящего за креслом молодого человека. Это был «непристойный» Гордон! «К чему это нас приведет», — подумал он... Затем, улыбаясь мисс Форд, великолепной в своем черном бархатном костюме амазонки, он сказал:

— А как же иначе я могу понять слова генерала, сестрица Форд? Насколько я знаю, для солдата нет ничего лучше, как доверять своему генералу... Кстати, Мак-Клееллан, — глаза Линкольна были строго устремлены на «непристойного» Гордона, — само собою разумеется, что этот обмен мнений не появится в газетах. И, мисс Форд, думая об этом, я хочу спросить, не можете ли вы узнать, какой репортер пишет в одной нью-йоркской газете, будто правительство намерено смягчить приговор, вынесенный работоторговцу Натаниелю Гордону, идя навстречу пылким настояниям миссис Линкольн, которая, как утверждает этот репортер, пламенно сочувствует рабовладению, — если вы узнаете это, скажите ему, что в следующий раз я не ограничусь тем, чтобы дать ему каблуком в спину...

Линкольн медленно поднялся.

— Не угодно ли чашку кофе, мистер Линкольн?

Это сказала миссис Мак-Клееллан, и этим ограничилось ее участие в «обмене мнений».

— Благодарю вас, мадам, нет, — Линкольн слегка поклонился и обратился к Мак-Клееллану, стоявшему выпрямившись на ковре перед камином. Нечто в

мужественной красоте и умном выражении лица молодого генерала воскресило тяготение к нему Линкольна и на минуту подозрения его исчезли.

— Надеюсь, Джордж, вы будете себя чувствовать достаточно хорошо, чтобы присутствовать на военном совете, который созывает на сегодняшней вечер Стэнтон. Это — его вечер. Я — только приглашенный гость.

— Я уже сообщил письменно военному министру о моем согласии, сэр.

— Отлично, — сказал Линкольн. — Ну, Рессель, едем?

— Охотно, господин президент, — отвечал Рессель. Всё это время он стоял позади кресла Линкольна, элегантный в своем верховом костюме, высоких сапогах и со шпорами на европейский манер.

Солнце уже склонялось к закату, когда они сели на лошадей и поскакали домой.

Линкольн мысленно перебирал происшедшее. Его не мало удивляло присутствие в Арлингтоне мисс Форд и Гордона. Спутник его не мешал ему отдаваться мыслям, и только когда копыта лошадей застучали по Длинному Мосту, Линкольн внезапно спросил:

— Вильям, что такое творится с Мак-Клеелланом?

— Слишком много обожания со всех сторон, сэр. Да и вы сами, господин президент, не мало поспособствовали тому, что он объелся сладостями.

— Я полагал, что он слишком большой человек, чтобы его можно этим испортить, — вздохнул президент. — Но он явно вбил себе в голову, что армия на Потомаке — отряд его личных телохранителей.

Рессель рассмеялся, но затем со свойственным ему чувством справедливости сказал:

— Он — компетентный инженер. Его оборонительные сооружения вокруг Вашингтона выше всякой критики.

— Да, но я начинаю думать, что он только стационарный инженер, — проворчал Линкольн и пере­менил тему разговора.

Но всё время и на пути домой, и за обедом, где гостями были Уэллсы и Сьюарды, он не переставая думал о Мак-Клеллане и о мисс Форд, о Мак-Клел­лане и о Гордоне... Позже, во время военного со­вета, он, предоставив Стэнтону требовать наступательных действий, не переставал наблюдать Мак-Клеллана. Стэнтон раньше высмеивал утверждение Линкольна, будто никто не мог побудить Мак-Клеллана к действию, кроме Всемогущего, — ибо только Его Мак-Клеллан считал выше себя. Стэнтон, правда, тоже проявлял некоторое нетерпение и сам старался в этот вечер побудить своего любимца к действию.

В течение нескольких часов на военном совете обсуждались планы немедленного наступления в направлении Ричмонда. На все предложения Мак-Клеллан давал один ответ, а именно, что подобная тактика была бы успешна, если бы неприятель не имел слишком большого численного превосходства.

К полуночи, после того как Мак-Клеллан повторил это в пятый или в шестой раз, Стэнтон начал терять терпение.

— Боже Всемогущий, да что за галлюцинация парализовала Федеральных генералов! Прочтите-ка это, сэр. — Он подошел к своему письменному столу, выхватил из кипы телеграмм одну — от Розекранса из Вест Вирджинии. Телеграмма требовала присылки подкреплений.

Мак-Клеллан прочел телеграмму с отвращением.

— Вздор! Ему не нужно больше ни одного солдата.

— А вот прочтите и эту, сэр, — воскликнул Стэнтон, дрожащими пальцами подергивая себя за борду.

Это была телеграмма от Шермана, настаивавшего, что на Западе требуется еще 200,000 человек.

— Этот человек спятил с ума, — таково было презрительное замечание генерала.

— Я говорил вам, Стэнтон, — сказал Линкольн, — что Джордж рассматривает посылку каждого человека в какую бы то ни было другую часть армии, как преднамеренный грабеж армии на Потомаке.

— Могу я спросить вас, генерал, — хриплым голосом сказал Стэнтон, — что вы намерены предпринять со своей армией и когда?

Последовало неприятное молчание. Стэнтон тербил свою многострадальную бороду. Мак-Клеллан сидел, прямой, как жердь, положив руку на эфес шпаги. Линкольн, потирая левое колено, беспокожно переводил глаза с одного на другого. Он видел, что начинает сказываться бурный характер Стэнтонна. Меньше всего желал он ссоры между этими двумя людьми, — каждый из них был очень ценен, но с каждым так трудно было ладить!

— Наметили ли вы в уме определенную дату наступления? — спросил Линкольн.

— Я ее наметил, сэр, — отвечал Мак-Клеллан.

— В таком случае объявляю совещание закрытым и надеюсь, что вы сообщите нам эту дату в ближайшем будущем, — сказал Линкольн, забыв, что совещание было созвано Стэнтонном.

Мак-Клеллан и Мак-Даул немедленно удалились. Линкольн натянул на плечи свою серую шаль, на двинул на брови поношенную кепку и задумчиво смотрел на своего военного министра. Стэнтон снял очки и злобно их протирал.

— Зачем вы вмешались, Линкольн? Мы так ничего и не добились!

— Вы и маленький Мак — хорошие друзья, Стэнтон. Я думаю, что для страны было бы лучше, если бы вы ими и оставались.

Стэнтон ударил своим мускулистым кулаком по карте военных действий, разостланной на его письменном столе.

— Сегодня я погубил двух своих лучших друзей, — которым Камерон позволил грабить казну недобросовестными военными контрактами. Джордж Мак-Клеллан либо применит свои большие таланты на театре войны, либо очутится на своей прежней должности, как частное лицо, — на службе Иллинойской центральной железной дороги.

Линкольн вздохнул и вышел в соседнюю комнату, где работали шифровальщики телеграмм. Он просмотрел груду телеграмм с Запада, затем уселся за один из столов и впал в унылую задумчивость. Стук телеграфного аппарата заставил его очнуться. Молодой Бэйтс нагибался через его плечо, чтобы принять депешу.

— Я кажется занял ваше место, молодой человек, — сказал Линкольн, вставая.

— Благодарю вас, господин президент, — сказал молодой человек. — Сегодня уже второй раз как вы уступаете кому-нибудь ваше место. Я видел, как утром, идя по глубокому снегу на улице «Ф», вы посторонились перед молодой жирной негритянкой.

— В самом деле? Может быть. Я сделал своим правилом, — если человек не посторонился передо мною, посторониться перед ним. Этим путем избежишь столкновения. Ну, спокойной ночи, молодые люди.

И снова впав в задумчивость, президент отправился обратно в Белый Дом.

Там он прошел прямо в комнату Мэри.

— Это ты, Авраам? — спросила она, когда он тихо отворил дверь.

— Да, Мэри.

Комнату освещал только теплый свет от камина, падавший на ее каштановые волосы и придавав-

ший мягкий розовый оттенок ее щекам. Он уселся на краю ее кровати и взял ее за руку.

— Хорошо себя чувствуешь? Нравится тебе в Вашингтоне?

Мэри улыбнулась.

— Я чувствую себя хорошо, Авраам. Но жить в Вашингтоне мне нравится не больше, чем тебе. Ну, как сошло совещание?

Линкольн покачал головой. Затем внезапно спросил:

— Мэри, что ты теперь думаешь о сестрице Форд? Хотел бы я знать, не затевает ли она какую-то интригу и не должны ли мы быть настороже?

Мэри приподнялась на кровати.

— Что она еще сделала, Авраам?

Линкольн сказал ей о подозрениях, возникших у него в Арлингтоне, и прибавил:

— Ни Гордон, ни Мак-Клеллан ей не пара. Она только ими пользуется. Но для чего?

— Тут что-то такое, связанное с тем, чтобы сделать рабство неприкосновенным, как сказал бы Чарльз Сомнер. Знаешь, Авраам, он старается сделать меня аболиционисткой.

Линкольн потрепал ее по руке.

— Ну и что, удастся это ему, дорогая?

Мэри задумалась.

— Что же, я нахожу его доводы убедительными. Он очень привлекателен для женщин, которые восхищаются его умом. Как ты знаешь, он поддерживает переписку с несколькими очень интеллигентными английскими и французскими дамами. Герцогиня Аржильская пишет ему очень интересные письма.

— Это много помогает ему в выполнении обязанностей, — усмехнулся Линкольн.

— Ты ужасен, — сказала Мэри и тихо засмеялась. — Кажется, он поссорился с мисс Форд. Он говорит, что не может больше игнорировать ее отношение к рабству.

— Кажется, то же могу сказать и я, — прошептал Линкольн. — Этот новый начальник национальной сыскной полиции, полковник Бэкер — неглупый и тактичный парень. Мне надо бы было переговорить с ним. Хотя в сущности я мало что могу сказать.

— Пусть он поговорит с Джинни, — посоветовала Мэри. — Хотя, признаюсь, я боюсь, что ему вряд ли удастся что-нибудь раскрыть. Она удивительно умеет обращаться с мужчинами... Что касается твоего недоумения насчет ее отношений с Мак-Клелланом, мои «чашки чаю» показали мне одну вещь. Она и ее клика, как и прочие, только тешат его тщеславие пока, — если только он не потерпит страшного поражения на театре войны, — не станет неизбежным, чтобы он попытался объявить себя либо диктатором, либо президентом. А на риск настоящего сражения он никогда не пойдет. Говорю тебе — он трус!

— Он не трус, — возразил Линкольн. — Он молод, — очень молод, и мне кажется, он рассчитывает на то, что если он достаточно долго будет заигрывать с партиями мира и на Юге, и на Севере, все уладится, и ему удастся сохранить одновременно и единство страны, и рабство. Впрочем нет, он не настолько глуп! В чем тут дело, Мэри, в чем тут дело? Почему Мак-Клеллан не наступает на Ричмонд?

— Он трус, — быстро ответила Мэри, — и как раз теперь трусость помогает его честолюбивым замыслам.

— Нет, нет, он не трус! Ты плохо помогаешь мне, Мэри, давая волю мстительности в своих суждениях, — Линкольн говорил почти умоляюще.

— Дорогой мой муж, как мне не быть мстительной, видя, как он тебя оскорбляет, — спросила Мэри, нежно прижимаясь щекой к его плечу.

Линкольн поцеловал ее и со вздохом поднялся. Загадка все еще оставалась неразрешенной.

На следующее утро он послал за полковником Бэкером. Но начальник сыскной полиции был в отлуч-

ке, — он работал над делом, которое требовало еще нескольких дней. Линкольн быстро забыл о том, о чем он хотел с ним переговорить. Он был занят тем, что он называл «первым поворотом винта» для давления на Мак-Клееллана: он издал свой «военный приказ Номер Первый». Как верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами, он отдал приказ об общем наступлении всех сухопутных и морских сил против мятежников. Вслед за тем он созвал совещание членов кабинета и объявил им о своем акте. Члены кабинета, не сразу отдавая себе отчет в том, что они обязаны склониться перед единоличным решением Линкольна, в первый раз не возражали против его авторитарных методов, но выразили ему одобрение. Чэйс, который начал почти открыто ненавидеть Мак-Клееллана, особенно одобрял приказ.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Наконец-то, господин президент, вы поняли, что только принуждение может заставить труса сражаться!

— Мак-Клееллан — не трус, сэр! — огрызнулся Стэнтон.

— Дайте мне доказательство его смелости, и я извинюсь, господин военный министр, — иронически возразил министр финансов.

Сьюард тактично их прервал:

— Я готов побиться об заклад с кем угодно, что теперь к первому мая мы откроем для себя Миссисипи.

— Мак-Клееллан и к маю не будет готов к наступлению, — проворчал Уэллс.

Линкольн, как всегда старавшийся поддержать спокойствие, — обратился к главному почтмейстеру, генералу Блэру.

— Я помиловал молодого Джонса, но я не уверен, что мне следовало это сделать. Разумеется, он еще мальчик. Его отец привел веские доводы в его пользу. Кстати, человек, с которым я разговаривал, когда вы собрались сюда, — умеет убедительно гово-

рить. Он тоже добивается, чтобы родственник его был выпущен из тюрьмы.

Президент посмотрел на нахмуренные нетерпеливые лица вокруг стола, и в его серых глазах сверкнул насмешливый огонек, которого он не в состоянии был погасить.

— Скажу вам, джентльмены, что нам вообще надо отменить суды. И без того уже они сажают столько хороших людей в тюрьмы, — откуда их потом выпускают. Но теперь они сажают в тюрьму и мальчиков! И, согласно поступающим ко мне доказательствам, они выбирают для заключения в тюрьму самых лучших людей. И этот мальчик Джонс — тоже очень хороший мальчик. Человек, который хлопотал сегодня утром за своего родственника, заставил меня подумать, что Массачусетс должно быть счастливый штат, если только те его граждане, которые в тюрьме не сидят, так же добродетельны, как и те, кто в ней сидит. Да, долой суды, и свобода для их жертв!

Министр юстиции генерал Бэйтс, улыбаясь, как и прочие, придвинул к себе кипу бумаг.

— Кажется, сейчас подходящий момент, сэр, чтобы поговорить о работорговце Натаниеле Гордоне. К этому делу внимание мое привлек ваш друг — мисс Форд. Но с тех пор меня бомбардируют ходатайствами и за, и против его помилования. Несомненно, аболиционисты хотели бы сделать это дело показательным.

— Мне это дело известно, — прервал Линкольн. — От человека этого буквально воняет работорговческим кораблем. И это его четвертый проступок, — я хочу, чтобы торговле рабами был нанесен такой удар, который дал бы понять, что дело это с точки зрения всех моряков — опасное и отвратительное. Только повешение одного из этой братии даст такие результаты!

Линкольн поднялся и, глядя на Бэйтса сверху вниз, сказал хриплым от волнения голосом:

— Я отложу выполнение приговора над ним до конца февраля, чтобы он мог подготовиться. Но в последний день февраля он будет повешен! Приготовьте мне для подписи соответствующий документ, Бэйтс, — уведомляющий Гордона, что, оставив всякую надежду на помилование со стороны человеческой власти, он должен обратиться единственно к милосердию Господа — общего Отца всех людей. На сегодня это все, джентльмены.

И он вышел из комнаты, поникши головой, сложив за спиной руки.

Г л а в а   в о с е м н а д ц а т а я

ВИЛЛИ

Военный приказ Номер Первый столь же мало повлиял на Мак-Клеллана, как ветер, со свистом пролетающий над Арлингтонскими Высотами. Некоторые из его генералов на Западе и Югозападе сделали кой-какие судорожные наступательные шаги. Бэрнсайд и Гольдсбороу захватили остров Ронок, служивший ключом береговой обороны Северной Каролины. Грант внезапно прославил себя взятием форта Донельсон на реке Теннесси, что было самым важным шагом к освобождению нижнего течения Миссисипи. Если бы все эти шаги были полностью поддержаны Мак-Клелланом, так, чтобы все кольца «Анаконды» сузились, длительность войны несомненно сократилась бы на несколько месяцев, если не на несколько лет.

Но Мак-Клеллан бездействовал!

Беспокойство Линкольна возрастало с каждым днем. В чем игра Мак-Клеллана? Знает ли это кто-нибудь, кроме самого Мак-Клеллана? Понимает ли, в чем тут дело миссис Мак-Клеллан? Понимает ли в чем тут дело кто-нибудь из их друзей, — хотя бы мисс Форд?

Эта мысль пришла ему в голову однажды вечером, в середине февраля, когда он подписывал длин-

ный список помилований. Он взглянул на Джона Хэя.

— Джон, как подвигаются у вас дела с выяснением мисс Форд?

— Не очень быстро, сэр. Боюсь, что эта леди находит Хэя мало аппетитной пищей. Она предпочитает старый английский ростбиф.

Линкольн усмехнулся.

— Я сам как-то посоветовал ей заняться Ресселем. Относится ли Рессель к ней серьезно, Джон?

— Не думаю, сэр. Он кое-когда с ней появляется, но, полагаю, сердце его — по ту сторону океана.

— Джон, мне не нравится ее близость к МакКлелланам, — тем более, что ей известно, что я знаю ее взгляды. Если бы я думал, что она действительно имеет на него влияние в сторону решения: «мир любой ценой ради сохранения рабства», — я бы посадил ее в Старую Капитолийскую тюрьму. Но это обстоит так, что... Кстати, вернулся ли полковник Бэкер?

— Нет еще, сэр. Я позабочусь о том, чтобы он повидал вас, как только вернется. А не поручить ли это какому-нибудь другому детективу?

Линкольн отрицательно покачал головой.

— В этом деле замешано слишком много политики, чтобы поручить его человеку, недостаточно крупного калибра. Я лучше подожду Бэкера. А тем временем я, кажется, поговорю с нею сам. Пришлите ее сюда, Джон, — и затем помолитесь за меня.

— Поскольку я могу судить, вы не справитесь ни с мисс Форд, ни с какою бы то ни было другою женщиной, — невозмутимо возразил Хэй, поспешно выходя, чтобы выполнить поручение.

Вошла мисс Форд. Фиалковые глаза ее выражали недоумение. Кутаясь в зеленую вышитую накидку, она уселась в кресло, которое Линкольн придвинул к своему письменному столу. Белый Дом плохо отапливался. Снег постоянно залеплял окна и резкий ветер трепал занавески.

— Сестрица Форд, — начал было Линкольн, — и замолчал, не зная, как продолжать.

— Сестрица, — это нечто новое, — улыбнулась вирджинка. — Имеются против и за.

— Я — всецело за, — заявил Линкольн. — Это звучит по-дружески. Сестрица Форд, чего вы хотите больше всего на свете, — сохранения рабства?

Она слегка улыбнулась.

— Требуете ли вы вполне точного ответа, мистер Линкольн?

— Да, — спокойно отвечал президент.

— Вы хотите сказать, — чего бы я желала, если бы это зависело от меня?

— Да. Будьте со мною откровенны. Хотите ли вы полного бездействия со стороны Мак-Клееллана, пока не будет заключен мир на основе рабовладения? — спросил серьезно, наклоняясь к ней, Линкольн.

— Не отвечайте за меня, сэр. Вы должны позволить мне свободно отвечать на ваши вопросы, и, поскольку я женщина, ответ должен носить глубоко личный характер.

Она вздохнула — так взволнованно, что пуговицы ее платья задрожали. Щеки ее пылали. Внезапно она положила ладони на руки Линкольна.

— Если бы сбылось мое желание, дорогой мистер Линкольн, — я хотела бы быть так же любимой вами, как вы любимы мною, и чтобы мы жили друг для друга вдали от низкой борьбы безумствующей толпы...

— Боже милосердный, — изумленно воскликнул Линкольн, вскакивая на ноги. — Вы сошли с ума!

Словно глубоко задетая изумлением и отвращением, прозвучавшими в тоне его голоса, мисс Форд тоже вскочила — так быстро, что кресло, в котором она сидела, опрокинулось. Голос ее дышал страстью.

— Сошла с ума? Да, Авраам Линкольн, сошла с ума, раз я позволяю себе думать о вас, — о вашем великолепном уродстве, о вашем высоком уме, о ва-

шей большей нежности и полном отчуждении от людей... О, я наблюдаю вас из месяца в месяц...

— Перестаньте, — громовым голосом вскричал Линкольн. — Вы — превосходная актриса, мисс Форд, но вы зря тратите ваши таланты, когда дело идет обо мне. Демонстрируйте их перед Джеймсом Хаккеттом. Он приезжает на следующей неделе. А тем временем успокойтесь и подумайте о том, что вы говорите.

— А разве целые шесть месяцев я думала о чем-нибудь другом, — пылко сказала вирджинка.

— Да, мадам. Вы очень много думали о Джордже Мак-Клеллане.

— Да, — но лишь поверхностно, умом. О вас же — в глубине сердца.

Линкольн помолчал, не зная, смеяться ему или плакать. Он понятия не имел о том, действительно ли мисс Форд питает к нему серьезные чувства или нет. Это не было невозможным. Он знал многих женщин. И некоторые из них по причинам, бесконечно для него таинственным, любили его. Ему казалось, однако, что сцена эта была тщательно срепетирована с целью выбить его из колеи. И все же, говорил он себе, никакая аномалия чувства не невозможна для этой женщины. Ни в одной из них не замечал он таких возможностей для столкновения страстей — умственных, нравственных и физических.

Снег хлестал в окна. С Пенсильвания-авеню доносились звуки похоронного марша, — какого-нибудь солдата несли к месту вечного успокоения. Необычная усталость давила сердце Линкольна. Он положил руку на ее плечо, покрытое зеленой шерстяной материей.

— Дорогая сестрица Форд, какой богатый талант вы расточаете зря! Ах, дорогая моя, не расточайте его. Лучше примените его для спасения Союза!

— То есть для уничтожения рабства, — сказала она попрежнему пылко.

— Для спасения Союза, очищенного от рабства! Помогите мне, мисс Форд.

Она взглянула на него и ноздри ее расширились.

— Вот как? Никогда! Никогда! — она схватила его за руку, повернула ее ладонью кверху и поцеловала эту шершавую ладонь. Затем отошла от него.

— Авраам Линкольн, вы боретесь против огромных человеческих сил и appetitов!

Он скрестил руки за спиной и стоял так, глядя на нее. В сердце его боролись гнев и враждебность с жалостью.

— Вы меня предупреждаете или мне угрожаете, мисс Форд? — спросил он.

— И то, и другое. Делайте выбор, сэр!

Красивая голова ее была высоко поднята. Одной рукой она вертела большой глобус, стоявший у стола. Линкольн вдруг подумал, что в ней таится ужасная сила, и что ей нет места в семье президента. Лучше пусть она уходит — и немедленно.

Словно почувствовав, что происходит в его уме, она сказала естественным, обыденным голосом:

— Я должна вернуться к мальчикам. Доктор Стоун говорит, что он опасается, что оба они больны брюшным тифом.

Линкольн вздрогнул, словно от удара. Оба мальчика уже второй день были в кровати, — предполагалось, что у них после детского праздника разлилась желчь.

— Брюшной тиф! — вскричал он. — Когда доктор это сказал?

— Он сказал это миссис Линкольн и мне как раз тогда, когда вы за мной послали, — отвечала вирджинка.

Президент быстро вышел из комнаты. Она следовала за ним, и ее зеленые гофрированные юбки широко развивались, когда она ускоряла шаг.

Тэд лежал в лихорадке. Единственно, чего он хотел, это холодной воды — и спать! Но синие глаза

Вилли сияли. Он попросил отца почитать ему «Охотничью Песню» Скотта.

Лиззи Кекли в белом переднике накладывала на лоб мальчика холодные компрессы. Она улыбнулась Линкольну.

— Не волнуйтесь так, мистер президент. Небольшой головной боли этот мальчик не боится, — не правда ли, мистер Вилли?

— Конечно нет, — воскликнул Вилли. — Папочка, скажи Джону Хэю, чтобы он позаботился о моем пони. Он один понимает, чего хочет лошадка. Пока я не выздоровлю, пусть Джон каждое утро приходит с нею поговорить.

— Я скажу это Джону, — отвечал Линкольн. Он взял томик стихотворений в кожаном переплете и уселся около кровати мальчика.

Лорды, дамы, пробуждайтесь!
Уж рассвета близок час,
Всё к охоте соколиной
Приготовлено для вас.

Линкольн превосходно прочел поэму. Вилли успокоился, словно под действием исцеляющей руки. Через четверть часа он уже спал. Отец посидел еще немного у кровати, не спуская глаз с мальчика, затем тихонько вышел, чтобы сказать несколько утешительных слов Мэри. Она была в комнате Тэда вместе с мисс Форд. Обе женщины наклонились над кроватью ребенка.

— Пусть меня подержит на руках мисс Форд, мамочка, — говорил Тэд. — Ты должно быть устала, а она — сильная, и она любит держать меня на руках.

— Избалованный ты ребенок, — нежно сказала Мэри. Она уступила место мисс Форд, не проявляя ни малейшей ревности.

— Готова на все, лишь бы детям было хорошо, да благословит Бог ее сердце, — подумал Линкольн.

Мисс Форд легко приподняла мальчика. Мэри укутала его в одеяло. Вирджинка подошла к камину,

уселась в качалку из красного дерева и тихо запела негритянскую колыбельную песню. Мэри переглянулась с Линкольном и вышла с ним в коридор.

— Странное противоречие эта женщина, — сказал он.

— Да, — вздохнула Мэри. — Мальчики редко бывают так счастливы и послушны, как в ее обществе. Уволим ли мы ее, Авраам, раньше, чем мальчики выздоровеют?

— Нет. Мы подождем до тех пор. Но после этого... — Он покачал головой. — Плохую весть принес нам доктор Стоун, дорогая Мэри. Неужели это правда? Мальчики не производят впечатления тяжело больных.

— Они и не так больны, — бодро сказала Мэри. — Но они нуждаются в тщательном уходе.

— Да они кажется его и имеют, — сказал Линкольн. Спокойствие, с каким говорила Мэри, его приободрило. — Сегодня вечером я с ними посижу.

— Мы обойдемся и без тебя, дорогой. Побереги себя для своих больших дел. Тебя сейчас ожидает сенатор Сомнер.

Сенатор в большой голубой пелерине, подбитой котиком, накинутой на плечи, вошел, протягивая обе руки. Одной рукой он взял за руку Мэри, другою — Линкольна.

— Молодой Стоддарт только что сказал мне... Чем могу я помочь? Я — отличная сиделка, — потому что мне самому приходится часто болеть.

Мэри благодарно улыбнулась.

— У вас с президентом полные руки дела — у вас на руках пациент гораздо более больной, чем наши мальчики. Я имею в виду вашего друга, имя которому — «Освобождение с выкупом»...

Линкольн улыбнулся.

— Да, этот друг сильно болен. Но мы как-нибудь его вырчим, — правда, Чарльз?

Сомнер тоже улыбнулся.

— Не можете ли уделить мне минуту времени, мистер Линкольн, — вот насчет чего я пришел с вами посоветоваться. Я получил от Джона Брайта письмо о настроениях в Англии и хочу его вам прочесть. Освобождение с выкупом не привлечет англичан на нашу сторону. Эта война останется для них попрежнему войной для принуждения... Но лучше послушайте письмо.

Линкольн прошел в свой кабинет и усадил Сомнера в кресло, на котором только что сидела мисс Форд.

Хотя Мэри и была не слишком встревожена болезнью мальчиков, но все же его беспокойство улеглось только наполовину.

На следующий день состояние Тэди сильно ухудшилось, но через несколько дней лихорадка начала ослабевать. Состояние же Вилли, казалось, улучшилось, но затем лихорадка стала все более усиливаться, пока не стало заметно, что она, как неугасимый огонь, подтачивает жизненные силы мальчика.

Над Белым Домом сгустились сумерки. Президент попрежнему напряженно работал, но по нескольку раз в день внезапно вставал из-за своего рабочего стола, или покидал совещание, или уходил от бесчисленных докучливых посетителей в комнаты детей. Там он спрашивал сиделку об их состоянии, целовал пылающую ручку каждого ребенка и спешил обратно к прерванному делу.

Все окружающие были поразительно добры, — так, по крайней мере, казалось Аврааму и Мэри Линкольн, привыкшим за год к злобному отношению.

Вечером 20 февраля президент внезапно прервал разговор со Стэнтоном, который с некоторым презрением упрекал его за неспособность дать почувствовать Мак-Клееллану свою власть. В Линкольне шевельнулось предчувствие трагедии. Отсутствовал он больше пяти минут. Когда он вернулся, Стэнтон сидел

у огня. Он взглянул на Линкольна с негодованием, но, увидев выражение его лица, встал.

— Дорогой мистер президент, — воскликнул он. — Дурные вести? Мальчики?

Линкольн оперся рукой на каминную полку. Он видел лицо Стэнтонна словно сквозь черный туман. Через минуту он с трудом выдавил из себя слова:

— Доктор Стоун говорит о Вилли, что надежды нет. Конец может наступить каждую минуту. Вы извините меня, Стэнтон...

— Извинить! Боже милосердный, — Линкольн, разве я не лишился своего собственного любимого ребенка? Бросьте пока все. Я поеду и пинками заставлю Мак-Клеллана наступать на Ричмонд. Не беспокойтесь!

Он порывисто обнял Линкольна и поспешно вышел.

Это были страшные минуты. Вилли уже не выходил из забытья после того, как он к вечеру слегка приподнялся и попросил мисс Форд его подержать. Она положила его голову к себе на плечо. Час спустя он умер у нее на руках. Отец припал лицом к его ножкам, а мать металась по комнате, ломая руки.

После того, как вирджинка с бесконечной нежностью положила свою ношу на кровать, Лиззи Кекли коснулась плеча Линкольна.

— Мистер Линкольн, если вы проводите мадам в ее комнату, я его обмою и положу.

Линкольн с трудом поднялся на ноги, подошел к Мэри, взял ее на руки и понес в ее комнату. Там он раздел ее и положил на кровать. Самообладание совершенно его покинуло.

Смерть Вилли была для Линкольна самым тяжелым горем в его жизни. Даже смерть Анны Ротледж, самая тяжелая потеря его юности, не причинила ему такого страдания. С каждым днем в нем усиливалось чувство безнадежности.

Окружающие думали, что он переживает всё твердо, — гораздо легче, чем Мэри. Только сам он знал, как глубока рана, причиненная ему преждевременным уходом Вилли.

Мисс Форд все свое время посвящала выздоравливающему Тэду. Она, быть может, больше, чем кто бы то ни было другой, — теперь, когда обычную острую наблюдательность Мэри притупило горе, — понимала, как повлияла на состояние президента переживаемая им трагедия.

Через неделю после смерти Вилли Джон Хэй постучался в двери миссис Линкольн. Это было часов в десять утра. На стук отозвалась Лиззи Кекли. Он спросил у нее, тут ли президент.

— Он должно быть у себя в комнате, — сказала она. — Он с утра заперся у себя.

Джон прошел в комнату Тэда, где сидела, вышивая, мисс Форд.

— Шеф, кажется, заперся у себя в спальне, — сказал Хэй. — Не следует ли нам что-нибудь предпринять? Как вы думаете, не болен ли он?

— Да, он болен, — отвечала вирджинка. — Но не в обычном смысле слова. Я думаю, он совсем не спит. Сегодня четверг — ровно неделя после кончины Вилли.

— Бедный старик, — прошептал Джон. — Думаю, нам лучше оставить его в покое. Но нам он нужен до зарезу.

Весь этот день Линкольн просидел у себя в комнате, погруженный в отчаяние, от которого он и не пытался освободиться. Он целыми часами думал о мальчике, припоминал все его образные выражения и с мучительным наслаждением думал, как много он обещал, — ведь из троих маленьких Линкольнов он был самый даровитый, — снова и снова перечитывал его поэму, посвященную полковнику Бэкеру, и плакал от того, что маленькая ручка не сможет боль-

ше писать. Никогда больше! Он ушел. Ушел навсегда. Но куда? В ничто?.. Линкольн стонал, и его сильное большое тело качалось от страдания.

Но это была крайняя точка. Его вера в Бога была непоколебима. В бессмертие он мало верил. Вилли ушел навсегда, в забвение! Как и все другие сыновья других отцов, посылаемые им туда же, куда ушел Вилли. Так же ли горюют эти отцы, как и он? Если да, то не ответствен ли он за это перед Создателем?.. Этот четверг, и все четверги впредь, он будет проводить на коленях, в раскаянии и отчаянии.

В этот день он ничего не ел, но ночь проспал спокойно, и на следующее утро появился в кабинете, худалый, но спокойный.

Никто его ни о чем не спрашивал. Борьба с целью заставить Мак-Клеелана наступать, усилия оживить работу за освобождение с выкупом, и мириад других проблем, накопившихся с каждым часом, повидимому всецело его поглотили. Но на второй четверг после смерти Вилли Линкольн снова заперся у себя в комнате и отдался безнадежной скорби.

Мэри к этому времени вышла из состояния полного отупения. Она сделала несколько попыток войти в комнату мужа. Но он не откликнулся, когда она его звала. Плача от жалости, она отказалась от дальнейших попыток.

Такое состояние давало Линкольну не только эмоциональное, но и интеллектуальное облегчение, хотя он и не отдавал себе в этом отчета. Но инстинкт его был как и всегда, в основе здоровым. Ни один человек с такими сильными чувствованиями, как у него, не был бы в состоянии постоянно их подавлять. Бессознательная уверенность, что если он не будет думать ни о Вилли, ни о трупах, которыми усеян путь Гранта на Западе, не будет мучиться памятью о них, — а лишь по четвергам будет отдаваться таким чувствованиям, — эта уверенность давала Линкольну возмож-

ность работать в дни, последовавшие за смертью его маленького сына.

В этот второй четверг, посвященный посту, молитве и слезам, мысль его часто возвращалась к доводам, которые он приводил самому себе, вынуждая Мак-Даула предпринять наступление, закончившееся разгромом под Буль-Реном. Он вспоминал, как он говорил самому себе, что только кровь и слезы могут объединить Север в требовании, чтобы освобождение рабов искупило бессмысленные жертвы войны.

Как ни страдал он, приходя к такому решению, потребовалась смерть Вилли, чтобы дать ему вполне понять, каковы должны быть эти жертвы. Быть может, именно с этой целью Бог и отнял у него сына? Быть может, Бог хочет, чтобы война прекратилась? Быть может, Мак-Клеллан понимает это яснее, чем он? Быть может, медлительность этого генерала — орудие Божьей воли?..

Его охватила волна сомнения, еще более мучительного, чем самая безнадежность. Не отвечает ли избранный Мак-Клелланом путь Господней воле? Свободен ли Мак-Клеллан от политических замыслов? Не мечтает ли он о том, чтобы стать диктатором, вступившим в Белый Дом по требованию нетерпеливого Севера, который поверил в постоянные заявления Мак-Клеллана, что ему мешает действовать вмешательство администрации. Или, — если ответ на это будет «нет!», — не прав ли Чэйс, уверяя, что Мак-Клеллан мечтает стать президентом, избранным демократами, сторонниками Союза, как на Севере, так и на Юге, — президентом-солдатом, который спасет Союз, не посягая на рабство?..

Он громко простонал и, прислонившись к камину, положил голову на руку.

Если бы Мак-Клеллан мог спасти Союз, избавленный от рабства, если бы Господь дал ему, Линкольну, чем-нибудь понять, что Мак-Клеллан на это спо-

собен, — с какою радостью он отошел бы в сторону, уступив место Мак-Клеллану!

Если бы только Господь дал ему какой-нибудь знак...

Не служит ли таким знаком смерть Вилли? Не хотел ли Всемогущий показать ему, что народу непосильно бремя, которое он, Линкольн, на него возлагает? Но бремя это должно быть принято. Народ выносит жертвы войны с самого начала истории, и никогда еще не открывалась такая возможность вознаграждения за жертвы, каким явилось бы уничтожение рабства.

Он вспомнил, что Мэри постоянно твердит о его мягкосердечии, когда дело касается чувства, и выпрямился. Больше, чем кто бы то ни было, он отдавал себе отчет в слабости своего характера. Лоб его от страха покрылся каплями пота. Он спрашивал себя, не отражается ли эта слабость на всем его отношении к войне? Не делает ли его смерть Вилли слишком уступчивым по отношению к Мак-Клеллану?..

Он ударил кулаком по каминной полке. Нет, так не должно быть! Он доберется до мотивов Мак-Клеллана, и будет действовать без слабости. Недопустимо, чтобы было недостойным что бы то ни было, связанное с именем Вилли!.. Мой маленький сын Вилли...

Он опустил на колени около кровати и снова вступил в борьбу с охватившим его сознанием потери.

На следующее утро, усталый и страдающий, он вошел в комнату Мэри. Он был совершенно одет. Она еще одевалась. Она бросилась к нему и обвила его руками, заглядывая в его синие глаза — глаза Вилли — полная любви и сочувствия.

— Авраам, что ты делаешь? Могу я помочь тебе? Как страдал бы Вилли, если тебя сейчас увидел!

Лицо Линкольна конвульсивно искривилось, но он ответил голосом, в котором звучала спокойная решимость.

— Никто не может помочь мне. Пока я жив, каждый четверг я буду посвящать памяти Вилли и других, погибших на войне.

У Мэри перехватило дыхание. Она медленно освободила руки и вернулась к своему туалетному столику. Она понимала всю бесполезность попыток спорить с ним или отвлекать его от его мыслей.

— Через минуту я смогу пойти с тобой завтракать, — сказала она деловито.

После обеда Мэри посетил ее старый друг, священник нью-йоркской церкви Св. Троицы, Фрэнсис Винтон. К его удивлению, Мэри почти не дала ему возможности выразить свое сочувствие ее потере. Взяв его за руку, она воскликнула:

— Вас посылает мне сам Господь! Я хочу, чтобы вы поговорили с моим мужем. Вы должны на него повлиять, иначе он сойдет с ума. — И она рассказала ему о трагических «четвергах».

— Но позволит ли мне президент давать ему наставления? — спросил доктор Винтон. — В конце концов, он — глава исполнительной власти! — главное правительственное лицо.

— Сейчас он ведет себя, как главный фанатик, — вскричала Мэри. — Вы должны спасти его для его дела, доктор!

Небольшой уговор с тремя секретарями позволил священнику застать президента одного в своем кабинете. Он приветствовал Винтона, не проявляя к нему особого интереса, и учтиво ждал, чтобы тот объяснил цель своего визита.

— Я пришел, — сказал священник, — чтобы протестовать! Вы слишком свободно отдаетесь вашему горю, — до такой степени, что это делает вас неспособным выполнять ваши ответственные обязанности. То, что вы показываете народу, господин президент, не может служить примером христианской твердости духа...

Линкольн посмотрел на Винтона потухшими глазами, думая, — кто еще придет его упрекать? За последние два часа его упрекали один за другим: Стэнтон, Чэйс, Сомнер и весь комитет Конгресса по ведению войны, — и все за небрежное отправление им своих обязанностей. Но вдруг слух его поразила фраза Винтона:

— Господь — не Господь мертвых. Ваш сын жив и он — с Господом!

— Жив! — воскликнул Линкольн. — Вы в это верите?

— Я знаю это, дорогой господин президент. — Голос священника дрогнул, столько наивности и горя было в вопросе Линкольна.

— Жив! Жив! — Линкольн закрыл лицо руками. Потом, взглянув на священника, сказал: — Если бы я мог верить, что я снова увижу Вилли, это дало бы мне силы двигать горами. Я даже думаю — и с искривившей лицо его мучительной улыбкой Линкольн закончил:

— Я даже думаю, это дало бы мне силы заставить Мак-Клеллана наступать!

Винтон обладал самым главным священническим даром: он умел убедительно говорить. Глядя Линкольну в глаза, он сказал таким голосом, каким — так подумал Линкольн — говорил сам Христос, когда он успокаивал взбаламученные воды:

— Вы должны верить в то, что Вилли жив. Я в это верю.

— И вы человек с таким же здравым смыслом, как и у меня, — прошептал президент. — Почему же мой ум отвергает веру?

— Потому что вы замкнулись, избрав своим спутником скорбь, а не упование и надежду. И самому Вилли тяжело из-за такого отсутствия мудрости. Это показал сон вашей супруги.

— Какой сон? — спросил Линкольн. — Разве Мэри обладает даром «второго видения»?

— Видите ли, дорогой господин президент. Я сказал, что вы замкнулись — от надежды. Вы не позволяете миссис Линкольн свободно с вами говорить, и она не решилась вам рассказать про это. Вчера ночью ей снилось, что она слышит смех Вилли. Это было так реально, что она проснулась, и ей показалось, что она видит Вилли. Он читал при свете камина. Она спросила его, почему он смеется. «Потому, — сказал он, — что это приятный способ разбудить тебя, не испугав. Я хочу тебе сказать, что мне очень весело»... И это было все... Затем она увидела, что уже день.

— Сон? — Линкольн улыбнулся и прошептал строку из Шекспира:

...мы из той же
материи, из коей сны...

— Вижу, доктор, что я сильно беспокою вас всех. — Вы мне замечательно помогли... Вы — и сон Мэри...

— Вы ослабляете религиозную веру тысячей людей, проявляя такое сопротивление Божьим велениям, — сказал Винтон.

Линкольн покачал головой.

— Вы ошибаетесь, доктор. Ни у кого нет столь малого влияния, как у меня. Я располагаю властью, но не влиянием.

Священник улыбнулся.

— Когда я ехал из Нью-Йорка, в переполненном вагоне рядом со мной стояли два негра. Они говорили о вас, господин президент. Меня изумили их разумные суждения. Я не стану повторять всё, что они говорили, но передам вам их последние слова. Один из них сказал: «О массе Линкоме говорят всё время. Он на устах у каждого негра круглые сутки. Он ходит по земле, как Господь Бог». И другой негр отвечал: «Бог вырубил его из скалы так, чтобы он мог выдержать всё горе всех людей».

С глубоким вздохом, как если бы он совершал отречение, Линкольн поднялся и протянул Винтону руку.

— Доктор, больше поминальных четвергов не будет! Если я и не могу ходить по земле, как Господь, я могу ходить по ней, как человек. Благодарю вас, сэр.

И он пошел навстречу делегации чикагских предпринимателей, которых представил ему Джордж Николэй.

Г л а в а   д е в я т н а д ц а т а я

«ВСЕ СПОКОЙНО НА ПОТОМАКСКОМ ФРОНТЕ»

Смерть Вилли имела для Линкольна два особенно важных последствия. Первое, решение не удалять — по крайней мере до поры до времени — женщину, на руках у которой умер его сын.

Второе, в течение четвергов, посвященных памяти умерших, у него созрело решение проявлять бóльшую твердость по отношению к Мак-Клееллану.

8-го марта пришло известие, что силы конфедератов, сосредоточенные у Манассаса, под командой Джонстона, отступили без всяких потерь на 30 миль к югу. Этим путем они вырвали из рук армии на Потомаке победу столь доступную, что от нее не отказался бы ни один генерал. После этого Линкольн написал Мак-Клееллану письмо о том, что он смещается с поста главнокомандующего всеми силами Севера с оставлением на посту командующего армией на Потомаке.

Он приказал генералу Попу, одержавшему несколько побед в кампании за очищение Миссисипи, принять командование тремя армейскими корпусами, которые Линкольн назвал «Армией Вирджинии». Кроме того, он отдал Мак-Клееллану пренебрежительный приказ: разделить свою армию на четыре корпуса и выделить один из них для обороны Вашингтона на

время кампании, которую Мак-Клеллан предлагал теперь предпринять против Ричмонда.

Ответ Мак-Клеллана носил учтивый и мужественный характер. Но во время своего визита к президенту он говорил злобно и дерзко. Линкольн сидел за своим письменным столом. Перед ним на подносе на груди военных карт был его ужин. Рядом стояла Мэри, ослабевшая и усталая от горя.

Генерал отдал ей поклон, затем сбросил шинель, швырнул рукавицу и кэпи неподалеку от подноса и сказал голосом, дрожащим от волнения:

— Так вот до какой степени вы меня боитесь, мистер Линкольн!

Президент холодно встретил его взгляд и громко проглотил ложку супа.

— Да, я боюсь вас, Джордж!

— Только мой патриотизм мешает мне подать в отставку, — вскричал Мак-Клеллан.

— Знаю, — ответил Линкольн и проглотил еще ложку супа. — В вас много патриотизма, Джордж. Чего у вас нет, это сообразительности, какая, кажется, есть у Гранта.

— Почему же вы не назначите Гранта на мое место? — иронически заметил Мак-Клеллан.

— Он хорошо справляется с порученным ему делом, — ответил Линкольн. — Мне нужны по крайней мере 50,000 человек для обороны Вашингтона, Мак-Клеллан, и вы должны очистить реку от мятежников раньше, чем двинете остаток армии к югу. Думаю, нам нет смысла воздвигать между собой неприятельские батареи.

— Я должен спасти Союз, — воскликнул Мак-Клеллан. — Но мне приходится действовать по указаниям глупцов. Я понимаю вашу игру, Линкольн. Вы не хотите спасения Союза. Вот почему вы хотите меня уничтожить...

Мэри в гневе поспешно прикрыла рот рукой и убежала из комнаты. После продолжительного молча-

ния Линкольн отодвинул поднос в сторону, сцепил пальцы вокруг колена и уставился в окно, подыскивая слова, которые могли бы подействовать на молодого генерала.

— Мои подозрения, Джордж, состоят в следующем. Джефф Дэвис знает, что вы падки на лесть. Он знает, что вы одержимы политическим честолюбием. Он знает, что вы — демократ, и готовы не касаться вопроса о рабстве, если только можете спасти Союз. Здесь поблизости действует хорошо организованная шайка, задача которой удерживать вас в таком умственном состоянии, в каком вы находитесь сейчас. Я подозреваю, что мисс Форд, которая живет у нас уже десять месяцев, — одна из активных членов этой шайки.

Мак-Клеллан, в котором гнев боролся с недоверием, пристально уставился на Линкольна.

— Вы не должны впутывать женщину в свои оскорбительные замечания!

— Она не сочла бы это оскорблением, — холодно возразил Линкольн.

— Я передам ей ваши слова, — вскричал генерал. — Если таковы ваши подозрения, то по какому праву вы оставляете ее здесь?

— У меня нет на это права, — отвечал Линкольн. У него перехватило дыхание при воспоминании о картине: — его умирающий сын на руках у вирджинки... Он ясными глазами посмотрел на Мак-Клеллана. — Хотите мы позовем ее сюда и переговорим с нею?

— Обязательно, — воскликнул генерал. — Мне доставит исключительное удовольствие видеть, как эту подругу моего детства будут обвинять в измене!

Линкольн позвонил и отдал Джеймсу приказание. До появления мисс Форд ни тот, ни другой не проронили ни слова. Когда шуршание ее платья возвестило о ее приближении, Линкольн поднялся из-за стола и уселся у камина.

На ней был вечерний туалет — бледно-зеленое муаровое «антик» с шлейфом из зеленого бархата длиной в два ярда. Вырез платья был настолько глубокий, что мужчина не мог бы понять, что удерживает на месте ее лифчик? Широкий кринолин, шлейф, веер с громадными страусовыми перьями, масса завитков на шее, высокий рост этой женщины — все это делало ее необыкновенно импозантной. «Тамбур-мажор ударного полка», — подумал президент.

Мак-Клееллан склонился к ее руке.

— Леди Форд, сегодня вы выглядите, как пожирательница сердец, — еще больше, чем обыкновенно. Она улыбнулась.

— Мистер Рессель ведет меня в театр, — но вечер будет вполне безобидным, уверяю вас, Джордж.

— Сестрица Форд, — сказал Линкольн. — Этот джентльмен обвиняет меня в том, что я наносу вам оскорбление, потому что я выразил ему некоторые подозрения.

И президент повторил сказанные им Мак-Клееллану слова.

Вирджинка переводила взгляд с одного на другого, невозмутимо улыбаясь.

— Но, Джордж, это не оскорбление. Разумеется, я делаю все, что могу, чтобы укрепить вашу уверенность в себе, и, разумеется, я делаю все, что могу, чтобы побудить Грили, Рэймонда и прочих дать понять идиотской публике, что она должна поддерживать единственного военного гения, которого до сих пор выдвинула война. Разве это не благоразумно?

Мак-Клееллан бросил на президента торжествующий взгляд. Первым побуждением Линкольна было сказать всё, что ему повторяла Мэри. Но его остановила природная осторожность. Во всяком случае, цель его была достигнута. Теперь он был убежден, что Мак-Клееллан совершенно не сознает, что, какую бы клику ни представляла вирджинка, его считают просто пешкой.

— Президент, — воскликнул Мак-Клеллан, — обвиняет меня, как вы знаете, в том, что я обладаю секретом, — каким-то секретом, препятствующим мне следовать его — простите — абсурдному плану взять Ричмонд. Он хочет, чтобы я предпринял прямую атаку из Вашингтона. Я же хочу начать атаку из нижнего Чизапика. Из этого он заключает, что у меня есть предательский секрет.

Мак-Клеллан пожал своими широкими плечами, и, быстро сменив саркастический тон на обвинительный, прибавил: — Он еще не ответил на мое обвинение. Я заявляю, что он не желает спасти Союз!

— Представьте мне подробности, Джордж, — потребовал Линкольн. — Почему я произвожу на вас такое впечатление?

— Потому что вы делаете все возможное с целью игнорировать единственного солдата в стране, способного спасти Союз, — быстро ответил генерал.

— Нет, Джордж, нет! Это с вашей стороны глупо, — запротестовала мисс Форд. — Мистер Линкольн изо всех сил по-своему пытается оказать вам поддержку. А в чем я его обвиняю, раз уж говорить на чистоту, — это в том, что он уделяет гораздо больше внимания своей надежде освободить рабов, чем делу подавления мятежа. Сохранение Союза у него не на первом плане.

— Нет, — воскликнул президент, — теперь уже вы проявляете глупость, сестрица Форд. Если так называемая Конфедерация победит, какой смысл для меня говорить об освобождении рабов. Союз должен быть спасен! Это — основное для каждого шага, который я предпринимаю. Но, — президент помолчал и затем продолжал с такою искренностью, которая не могла не подействовать на его слушателей, — но чем больше затягивается война, тем более становится для меня военной необходимостью эмансипация рабов. Если время будет тянуться без какого-либо успешно-го действия со стороны наших армий, я вынужден

буду, чтобы подорвать военное превосходство Юга, освободить рабов в мятежных штатах. Если война затянется, Англия и Франция найдут предлог вмешаться в пользу Юга. Этот предлог основан будет на лицемерии нашего федерального правительства — мириться с рабством, пытаясь в то же время подавить рабовладельцев. Общественное мнение Англии всецело на стороне Юга, Прокламация же об освобождении лишит Европу предлога, оправдывающего вмешательство. Вам ясно, что я хочу сказать?

— Да, — вскричал Мак-Клееллан. — И зная, что я не имею желаний посягать на институт рабовладения, вы держите эмансипацию, как дубину над моей головой, чтобы втянуть меня в бой с неприятелем, вдвое превосходящим меня численно.

Линкольн простонал и принялся ерошить свои волосы, пока они не встали торчком. Затем он вернулся к своему письменному столу и занялся скудным своим обедом. Мак-Клееллан поклонился мисс Форд и быстро вышел из комнаты. Вирджинка в задумчивости грела пальцы перед каминной решёткой. Огонь превращал ее жемчуга в рубины. Мэри, видевшая бегство Мак-Клееллана, вошла через боковую дверь. Взгляд, какой она бросила на вирджинку, не совсем свидетельствовал о восхищении.

— Мисс Форд, мистер Рессель в гостиной, — сказала она.

— Благодарю вас, — ответила вирджинка, не переставая обогрывать пальцы.

— Авраам, я пришлю тебе чего-нибудь горячего. Ты сегодня ешь, как птичка. — Мэри положила умоляющую руку на плечо мужа.

Линкольн отрицательно покачал головой и продолжал атаковать остывшую картошку и соус. Здравый смысл требовал, чтобы он теперь же удалил вирджинку. Интуиция же требовала, чтобы он оставил ее в Белом Доме, — интуиция и любовь к Вилли...

— Мне очень хотелось бы, — протянула певучим южным голосом мисс Форд, — погостить неделю-другую у моей сестры в Балтиморе. Я немного устала.

Сердитый взгляд Мэри мгновенно смягчился.

— Бедняжка! Конечно вы утомлены после трех недель ухода за больным ребенком. Только не говорите Тэди. Он поднимет такой рев!

— Нет, я ускользну завтра, — если только миссис Линкольн согласится выдать мне авансом мое месячное жалованье.

Вирджинка подняла брови со смущенным видом, который был ей очень к лицу.

— Разумеется. Когда захотите. — Мэри в свою очередь была смущена необходимостью касаться денежных расчетов с такой великолепной женщиной.

— Благодарю вас, дорогая миссис Линкольн. Ну, а теперь я пойду к этому благословенному англичанину. Он, верно, уже побагровел от нетерпения.

И вирджинка вышла своей грациозной походкой.

Мэри с печальной улыбкой взглянула на президента.

— Она ставит меня на место с таким же умением, как носит кринолин.

— Джинни и миссис Кекли будут нас осведомлять о ее поведении, не правда ли? — спросил Линкольн.

— Да, — отвечала Мэри. — Авраам, я решительно ее боюсь. В ней есть что-то, напоминающее тигрицу.

— Я тоже ее боюсь, — но только поскольку она влияет на Мак-Клеллана... Какая жалость... А может быть, она вообще решила уйти?

— Авраам, кто будет новым главнокомандующим? — спросила Мэри.

— Тот, кому достанется эта должность, получит ее только после того, как будет иметь за собой несколько настоящих сражений, — воскликнул президент.

— А, Чарльз! — обратился он к вошедшему сенатору Сомнеру, — точен, как всегда. Я хочу знать, что сделано за день на вашей фабрике по изготовлению освобождения с выкупом.

Сомнер взял в свои руки обе руки Мэри. Он оглядел ее с ног до головы, покачал головой и, не выпуская ее рук, обратился к Линкольну.

— Ей нужна перемена. Пошлите ее на некоторое время в Нью-Йорк.

— Нет, нет! — вскричала Мэри, и глаза ее наполнились слезами. — Я не могу оставить ни мистера Линкольна, ни Тэди. Я самонадеянно думаю, что ни тот, ни другой без меня не обойдутся.

Линкольн кивнул головой в сторону подноса.

— Я — один из ее детей, вы знаете это, Чарльз.

— Да, понимаю. Вы — счастливый человек, господин президент. — И Сомнер с сияющей улыбкой поклонился Мэри.

— Вы — хороший друг, — сказала Мэри и, захватив с собой поднос, вышла.

Разумеется, мисс Форд оставалась в Балтиморе всего несколько дней. Затем она отправилась на плантацию Форда в нескольких милях к северу от Фэрфакса. Она приехала туда поздно ночью в проливной дождь. Она и Джинни сидели на заднем сиденье экипажа, укутанные в брезент. Обе промокли и озябли. Лошадь, вся забрызганная грязью, остановилась перед портиком, колонны которого были освещены светом, падающим от фонаря в руках дяди Боба, — единственного дворового, оставшегося у Фордов.

— Камин затоплен, леди, — сказал старик. — Только это и осталось веселого во всем доме. Кажется, всякий раз, когда массе Линкому нужен стул или стол, он посылает за ними сюда.

Еле заметная улыбка скользнула по губам старого негра.

— И ты смеешь смеяться, ты, черный дурак, — в ярости воскликнула вирджинка. — Что ты хочешь

этим сказать? — И она хлестнула негра по шее мокрой перчаткой.

С невозмутимо-философским видом негр потер шею.

— Как и в прежние времена! — проворчал он. — Масса Тэйлор ожидает вас, мисс леди, — сказал он и распахнул перед нею дверь.

Небольшая квадратная комната, уставленная книгами и обвешенная гравюрами на охотничьи сюжеты. Большой стол посередине, усеянный шпорами, хлыстами, темными очками. Белый мраморный камин, с кариатидами...

Капитан Тэйлор в мундире федерального артиллериста стоял спиной к камину. Они спокойно приветствовали друг друга, с таким видом, как если бы оба были обременены ответственной работой. Джинни помогла госпоже снять ее зеленый плащ и вышла, затворив за собой дверь.

Мисс Форд уселась в кресло, которое придвинул ей Тэйлор.

— Сколько времени в вашем распоряжении, Том?

— Я не могу рисковать ни одной минутой, как только мы обменяемся сведениями... Что сейчас думает Линкольн?

— Вам лучше всего будет это видно после того, как я расскажу вам про разговор, который я имела с ним за день до моего отъезда. — И она повторила беседу Линкольна с нею и с Мак-Клелланом.

Тэйлор слушал с напряженным интересом. Когда она кончила, он резко сказал:

— Это должно убедить Джеффа Дэвиса, что Линкольн — не глупец. А как обстоит дело с освобождением с выкупом?

— Сомнер в Сенате и Арнольд в Палате Представителей попытаются провести это, как рекомендацию, а Линкольн собирается провести свой старый билль, который он пытался провести еще двадцать лет тому назад, когда был конгрессменом — билль об освобождении.

дении негров в федеральном округе Колумбия. Он собирается открыть начальные школы для чернокожих ублюдков в Вашингтоне.

— Нет ничего лучше, чтобы раздуть пламя мятежа, — заметил Тэйлор.

— Освобождение с выкупом никогда не пройдет в окраинных штатах. Но не это меня беспокоит, — сказала мисс Форд. — Чего я опасюсь, так это того, что они отклонят такой закон слишком быстро. Пока мы будем поддерживать в Линкольне надежду, он отложит вопрос о немедленном освобождении.

Тэйлор покачал головой.

— С окраинными штатами управиться не легко. Присутствие войск янки делает негров страшно бесстыдными и беспокойными и оно страшит наших лоялистов. Но мы сделаем, что можем. Ну, а как насчет Мак-Клееллана?

— Ему придется начать наступление на Ричмонд, иначе страна заставит Линкольна сместить его. Вы ведь знаете его программу, не правда ли?

Капитан утвердительно кивнул головой.

— Наши военные шпионы, как вы знаете, работают хорошо. Как глупо было с его стороны не принять плана Линкольна раньше, чем Джонстону пришлось отступить от Манассаса... Быстрое действие! Как можем мы добиться быстрого действия от Мак-Клееллана!

— Мы можем этого добиться, внушив ему, что его патриотический долг — повести армию на Потомаке против Вашингтона и сделаться диктатором раньше, чем он двинется на Ричмонд. А после этого следующий шаг будет сделан южными инонистами. Они должны будут предложить мир и возвращение в Союз при условии, что рабовладение получит конституционную санкцию. Может это быть сделано?

— Я думаю, что генерал Ли будет этому сочувствовать, — взвешивая каждое слово, отвечал Тэйлор. — Идея диктатуры — палка о двух концах. Ли и Мак-Клееллан во главе армий будут в состоянии пол-

ностью контролировать положение, если только они на это решатся.

Они пристально посмотрели друг на друга. Грандиозность этой мысли заставила их побледнеть. После непродолжительного молчания Тэйлор сказал:

— Вы правы. Мы должны действовать быстро. В худшем случае нам придется отделаться от Сомнера, Арнольда и от самого Линкольна. Например, скажем, шальная пуля...

— О, нет, никогда! — прошептала вирджинка, схватившись рукой за сердце. — Убийство?.. Нет, Том, никогда!

— Название на войне не имеет значения, — спокойно сказал капитан. — Какая разница, убьет ли стрелок генерала на поле битвы, или главнокомандующего в городе? Когда я приступил к этому делу, я оставил позади все свои прежние идеи о дозволенном и о добросовестной игре... Я уже говорил вам это. На войне их не существует, — а ведь я, бывало, гордился своей щепетильностью в вопросах чести. В этом отношении вы были единственной женщиной, на которую можно было положиться.

Мучительная гримаса искривила тонкие губы мисс Форд.

— Знаю, Том, знаю. Но убийство!..

Офицер закрутил ус и пристально на нее посмотрел.

— Влюбились в Линкольна, леди?

Она гордо подняла голову, встретила пристальный и в то же время сочувственный взгляд его голубых глаз и, поколебавшись, сказала со спокойным достоинством:

— Я пожертвовала бы всем своим влиянием и своим интересом в деле рабовладения, если бы он хоть наполовину почувствовал то, что я чувствую по отношению к нему.

— И он это знает?

— Да.

— И он недоступен?

— Он недоступен, — сказала мисс Форд.

Тэйлор глубоко вздохнул, попробовал сигару, подсыхающую на очаге, затем положил руку на колени вирджинки.

— Прошу прощения, леди. Мне никогда и в голову не приходило, что вы играете с огнем и подвергаетесь опасности обжечься... Вы не были на Юге уже целый год и не можете понять, до какой степени там ненавидят Линкольна. И Сомнера. Если они не перестанут касаться вопроса о рабовладении, их обоих убьют. Да всё это — грязное дело. Хоть бы всё это скорей кончилось! Я увижу президента Дэвиса через неделю.

— Надеюсь не с тем, чтобы говорить о генерале Ли и о диктатуре, — сказала мисс Форд.

— Вряд ли, — сказал он с циничным смехом. — Очень многие довольны Дэвисом. Очень многие были бы рады окончанию войны и возвращению в Союз, если только их негры останутся за ними. По-моему, все должно кончиться до наступления лета и раньше, чем Линкольн откажется от надежды на освобождение с выкупом.

Он поднялся и начал натягивать на плечи промокшую шинель.

— Вы будете поддерживать связь со мною обычным путем.

— Накормил ли вас дядя Боб, Том? — сказала вирджинка, разглаживая промокшую юбку. — Надеюсь, вы не простудитесь.

— Старик дал мне собственную последнюю порцию свинины и кукурузной каши. Я сразу это увидел. Нет, — сказал он, видя, что она собирается позвонить. — Я сыт. А что до простуды... — Тэйлор протянул ладонь под подбородок вирджинки и приподнял кверху ее лицо. — Леди, не все ли вам равно, умру ли я от простуды или от пули? До войны я еще думал, что у меня есть шансы...

Его ястребиное лицо было очень привлекательно.

Глаза мисс Форд наполнились слезами. — Иногда я думаю, что вы — единственный мой друг на свете, Том.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Спасибо и на том, — сказал он с улыбкой и протянул руку за шляпой.

Когда он ушел, мисс Форд позвонила и велела Джинни принести ужин. Они привезли пищу с собой в корзинке.

— Я буду спать здесь перед камином на софе, — сказала она. — Мы поедем в Балтимору на рассвете.

Неделю спустя президент удивился, когда в ответ на его звонок — ему нужно было свежее полотенце — вошла Джинни. Это была красивая молодая мулатка, почти такая же высокая, как и ее хозяйка, но гораздо тоньше, с круглым пикантным личиком и умными карими глазами.

Было еще очень рано; Линкольн плохо спал ночью и встал пораньше, чтобы пройтись по саду и освежить голову. Он стоял перед умывальным столиком и плескал себе на лицо воду, когда появилась Джинни.

— Вы только одна встали, Джинни? — спросил он.

— Нет, сэр, но я попросила Джеймса уступить мне... Масса Линком, я не доверю этого даже Лиззи Кекли. Я говорю с вами от глубины души. Я слышала каждое слово мисс Форд моими собственными ушами — через замочную скважину.

И размахивая полотенцем, она повторила почти дословно разговор между мисс Форд и капитаном Тэйлором.

Слушая ее рассказ, президент энергично вытирался полотенцем и причесывал волосы. Когда она кончила, он сказал:

— Джинни, говорили ли вы кому-нибудь об этом?

— Ни одной живой душе, масса Линком.

— Отлично. Обещайте мне, что вы и впредь никому об этом не скажете.

И президент протянул руку за чистой рубашкой.

— Обещаю, масса Линком. Вы зажарите их заживо, сэр, не правда ли?

— Это сделает Господь, Джинни. Всё, что я и вы можем сделать, это терпеливо работать изо дня в день. Вы — хороший друг, Джинни. Я вам очень обязан.

Дверь распахнулась и на пороге появился Джеймс.

— Что ты тут делаешь, Джинни? Звонок был для меня!

— Какой звонок? Который звонил вчера? — спросила Джинни. — Убирайся отсюда прочь, негритянская рожа. Не понимаешь, что ли, что масса Линком хочет быть один!

Линкольн улыбнулся. Дверь за ними закрылась. Линкольн улыбнулся — и вздохнул. Ему нужно теперь работать еще энергичней, чтобы предотвратить осуществление интриги, о которой еще раз сообщила ему Джинни. И в конце концов он был прав, не удаляя мисс Форд из Белого Дома. Это был самый простой способ быть осведомленным относительно Мак-Клеллана.

Г л а в а   д в а д ц а т а я

ГАРРИСОНОВА ПРИСТАНЬ

В это утро после разговора с Джинни Линкольн вошел в свой кабинет с твердым решением назначить Гранта на место Мак-Клеллана. Но, словно Мак-Клеллан почувствовал, что он довел терпение президента до предела, — первая телеграмма, которая попала на глаза Линкольну на письменном столе, была от Мак-Клеллана. Он уведомлял Линкольна, что сегодня утром первые полки погружаются на суда, которые должны подвезти армию по Чизапику до кре-

пости Монроу, откуда предстояло начать наступление на Ричмонд.

Прочитав эту телеграмму, Линкольн бросился поделиться радостным известием с секретарями. В их кабинете он нашел Вильяма Ресселя и повел его в свой кабинет, чтобы показать образцы пороха.

— Набивайте ранец, дружище, — воскликнул он, вводя англичанина к себе. — Через месяц вы будете в Ричмонде!

Рессель покачал головой.

— Министр Стэнтон не даст мне пропуска. Он ведь тоже называет меня «Рессель Буль-Ренский».

— Неужели?.. Плохо, плохо! — сказал Линкольн. — Но не беспокойтесь, дружище. Я пошлю вас, Вильям, туда с пропуском до самого Ричмонда. Смотрите! Вот образчик пороха, который кое-кто пытается сбыть Дяде Саму. Да ведь каждый, кто вырос в лесах, знает толк в порохе. Я готов биться об заклад, что этот порох оставляет слишком много золы.

Линкольн подошел к каминной решетке, посыпал немного пороха на пол и приложил к пороху горячую кочергу. Когда дым рассеялся, он с торжеством, к которому примешивалась горечь, показал на полоску серой золы.

— Как я вам и говорил! Хотел бы я знать, есть ли на свете честные люди!

Рессель стоял у окна, молча глядя на далекую реку. Линкольн вытер руки, снял очки, медленно подошел к нему и тоже стал глядеть на раскрывавшийся перед ним волшебный вид.

— Предложение ваше, сэр, великодушно, — сказал, наконец, корреспондент. — Но я решил махнуть на всё рукой и вернуться домой. Это мой прощальный визит к вам. Репортер, которого насильно навязывают штабу армии, не сможет добывать новостей. При том я не только «Рессель Буль-Ренский», но к тому же еще и британец, и, как таковой, омерзителен американским людям. За все мои довольно долгие путе-

шества я не припомню, чтобы я встречал такое обращение ни в цивилизованной, ни даже в варварской стране.

— Я вижу, что мы в Америке опередили всех других в способности не видеть дальше собственного носа, Вильям, — согласился президент. Он со вздохом вспомнил восклицание Вилли после похорон генерала Бэкера: «Папочка, мне стыдно за Америку!» Затем он сказал вслух:

— Я также думаю, что самодовольство является одновременно и проклятием, и привилегией демократии. Полагаю, что в Европе этому несколько препятствуют классовые различия.

Рессель, повидимому, был не в настроении философствовать. Он только печально усмехнулся и утвердительно кивнул головой.

— Жаль, Вильям, что вам приходится уехать, — сказал Линкольн, — но в то же время я и рад, потому что я хочу дать вам одно поручение.

Он отвернулся от окна и стал расхаживать взад и вперед по комнате, по временам останавливаясь, чтобы печально посмотреть в окно. Его усталые глаза глубоко провалились. В углах рта образовались складки, которых не было шесть месяцев тому назад. — Я хочу, чтобы вы передали послание от меня королеве Виктории.

— Как, я?! — воскликнул Рессель.

— Да, вы, потому что вы британец, и потому что я вас знаю. Я хочу, чтобы вы поговорили с королевой. Просто проведите с ней вечер. Я думаю, у нее много здравого смысла. Вы расскажете ей о том, что я пытаюсь делать, и попросите ее попрiderжать своих собак, пока я не завершу этого дела. Скажите ей, что ее люди досаждают мне больше, чем мои собственные, — а этим много сказано. Попросите ее поступить по справедливости и не вмешиваться в это дело. Она — хорошая, умная женщина, и как только она поймет в чем состоят мои идеи и мои затруднения,

думаю, что она проникнется к ним сочувствием. Попросите ее об этом, Рессель, во имя простой человечности.

Он замолчал, пытливо вглядываясь в Ресселя, который вызывал в нем чувство восхищения. Он с самого начала понял, что имеет дело с выдающейся личностью, исключительные качества которой не были оценены американской публикой.

Рессель спокойно выдержал его взгляд.

— И вы просите меня об этом, сэр, зная, что я должен быть озлоблен против американцев?

— Я не упрекаю вас за озлобление, — прервал его Линкольн. — Скажите ей и об этом. Но я знаю и то, что вы не озлоблены против дела, которое пытается осуществить наше правительство. А это очень важно! Можете ли вы встретиться с королевой?

— Да, мистер Линкольн, я могу это устроить. Слушайте! — сказал он с неожиданной улыбкой. — Давайте войдем в сделку. Если я возьмусь передать ей ваши слова, согласитесь ли вы вот на что: когда возникнет снова кризис в отношениях между вашей страной и Англией, вы лично повидаетесь с лордом Лайонсом и дадите ему возможность познакомиться с вашими взглядами из первоисточника?

— Я сделаю это, — обещал Линкольн.

— Сделка заключена! — Рессель протянул президенту руку. — Сэр, вы почти примирили меня с мыслью о необходимости возвратиться домой.

Президент пожал Ресселю руку и с улыбкой, делавшей его лицо прекрасным, сказал:

— Когда кончится эта война, мы с женой заложим наши дворцовые драгоценности и совершим кругосветное путешествие. И тогда мы вас разыщем.

— Я отправлюсь с вами в качестве вашего посыльного, сэр, — воскликнул Рессель. — Да благословит Бог вас и ваше дело, мистер Линкольн.

— Благодарю вас, Вильям. В конце концов, благословить это дело может единственно Он...

Рессель подхватил свой саквояж и вышел, чтобы проститься с другими своими друзьями в Белом Доме.

Начиная с этого дня, в течение нескольких месяцев все, что происходило в Соединенных Штатах, отодвигалось в уме Линкольна на задний план по сравнению с тем, что происходило с Мак-Клеелланом и его армией. Из военного министерства, в котором президент проводил значительную часть суток, он, затаив дыхание, следил за перипетиями этой великой кампании — передвижения войск на Полуострове. Но дни проходили за днями, и он попрежнему понимал главнокомандующего не лучше, чем его понимал Стэнтон, который то провозглашал Мак-Клееллана величайшим из живших когда-либо стратегов, то требовал вышвырнуть его вон, как преступного глупца.

По словам Линкольна, Мак-Клееллан глупо потерял весь апрель, осторожно готовя медленную осаду укреплений мятежников, тогда как он мог бы взять их атакой. В мае Мак-Клееллан приблизился к Ричмонду на расстояние четырех миль. Север был охвачен надеждой и воодушевлением. Мак-Клееллан был для него юным богом войны, не менее великим, чем Наполеон. И теперь, находясь у самой цели, Мак-Клееллан медлил, бездействовал, требовал подкреплений!

Да и вся его кампания на Полуострове сопровождалась непрерывными пронзительными криками о подкреплениях. Линкольн и Стэнтон, расхаживая по военному министерству, напрягали все ресурсы страны, чтобы выполнять его требования. Но когда он, наконец, потребовал подкрепления в сто тысяч человек, Стэнтон возмутился.

— Да если бы у нас был миллион душ, он бы клялся, что у неприятеля два миллиона, а потом бы засел в болоте и стал требовать трех миллионов. Глупец дает мятежникам как раз то, что им больше всего нужно: время. Теперь он начнет отступать, вот увидите...

— Я не могу этому поверить, — запротестовал Линкольн. — Да ведь он сейчас под самым Ричмондом.

— У него никогда не хватит решительности взять город приступом, — проворчал Стэнтон.

— Неужели вы хотите убедить меня в том, что после отличных действий наших войск Мак-Клееллан окажется слишком слабым военачальником, чтобы одержать победу? Нет, Стэнтон, вы по отношению к нему несправедливы.

— А вот увидите, — отвечал Стэнтон, поругиваясь.

И Линкольн увидел. В конце июня Мак-Клееллан прислал сообщение, что после тяжелого сражения и потерь он отдал приказ отступать... Телеграмма его была составлена в выражениях, свидетельствующих о такой панике, что после своей первой реакции — гнева и ужаса, — Линкольн решил игнорировать форму, в которой было составлено донесение.

— Спасите армию любой ценой, — отвечал он Мак-Клееллану. — Я столь же глубоко переживаю ваше и армии бедствие, как и вы сами.

В ответ Мак-Клееллан прислал очень длинное и бесвязное сообщение, написанное в угрожающем тоне, из чего президент заключил, что армия на Потомаке фактически уничтожена.

— Спасите, поскольку можете, людей и снабжение, если даже вам придется отступить до Вашингтона, — телеграфировал президент.

Два часа спустя Стэнтон вбежал в кабинет Линкольна с ответом, адресованным на имя военного министра.

— Прочтите! Прочтите! — кричал он.

Когда Линкольн читал, лицо его исказилось мучительной гримасой. Это была ядовитая атака против его и Стэнтона за их преступное пренебрежение к армии на Потомаке. Кончалась она поразительными словами:

«Если я сейчас спасу армию, говорю вам напрямик, что мне не придется благодарить за это ни вас, ни кого бы то ни было в Вашингтоне. Вы сделали все возможное, чтобы погубить армию».

Стэнтон метался по комнате, отчаянно ругаясь.

— Успокойтесь, Стэнтон, — протестовал президент. — Не стоит вести себя, как старая кляча, на круп которой уселся овод. Обдумаем положение мозгами, а не ногами!

— Мак-Клеллан начал поход с силами в 120.000 человек. Мы послали ему еще 40.000. Что сделал он со своими солдатами? Растерял он их по дороге, как фермер, который нес мух на лопате, что ли?

Слушая грубоватые слова президента, Стэнтон понемногу успокоился.

— Проклятый дурак, у него вечно галлюцинации насчет численности неприятеля. В конце концов, у мятежников на Полуострове не больше 50.000 человек. Потери их не меньше наших, а наши потери не достигают и 20.000. Говорю вам, этот человек или мошенник, или трус!

— Если бы не наши люди на Западе, которые вгрызлись в противника у Нового Орлеана, я счел бы, что все потеряно, — сказал Линкольн. — Но с такими людьми, как Халлек, Хонтер, Бэрнсайд, Грант и Фаррагут, поддерживающими друг друга, я не могу впасть в отчаяние. Кажется, мне придется съездить на Гаррисоновскую Пристань, поговорить с Мак-Клелланом и добиться фактов. Вы поедете со мной?

Стэнтон покачал головой.

— Лучше нет. У нас болен ребенок, и мне придется съездить в деревню, как только за мною пришлет миссис Стэнтон, — повидать его перед тем, как он умрет.

— Неужто дело обстоит так плохо? Так отправляйтесь немедленно, Стэнтон. Я вас заменю.

Военный министр снова покачал головой. Линкольн и Стэнтон с сочувственным пониманием посмотрели друг на друга. Затем Стэнтон сказал:

— Если бы даже меня не задерживало домашнее несчастье, я сомневался бы в разумности моего участия в вашей поездке. Мак-Клеелан в глаза говорит мне о дружбе, а за моей спиной пускает в ход самые грязные эпитеты по моему адресу.

Линкольн ухмыльнулся.

— Вы слышали, что я ответил Ловджою, — человеку, которого я сегодня послал к вам?

Стэнтон слегка нахмурился, посмотрел на президента сквозь очки и с раздражением проворчал:

— У меня нет времени для остроумных ответов.

— Может быть, у вас нет времени и улыбнуться?.. После того как я послал его к вам, Ловджой вернулся и сказал, что, прочтя мою записку, вы только сказали, что Линкольн — непроходимый дурак. Я сказал ему, что раз вы это сказали, значит так оно и есть, потому что вы почти всегда бываете правы.

Стэнтон покраснел.

— Он не должен был повторять слов, сказанных в раздражении. Ваше требование было неразумным, сэр, и я был вынужден вам отказать.

Линкольн задумчиво сжал губы. Стэнтон был один из самых способных людей, каких он только встречал, но в то же время один из самых раздражительных. Власть так же вскружила ему голову, как и Сьюарду. Но у него не хватало обаятельного чувства юмора и добродушия Сьюарда. Несмотря на тот известный ему факт, что Стэнтон до своего назначения на пост министра подстрекал Мак-Клеелана к диктатуре, несмотря на колкие замечания Стэнтона насчет внешности президента, Линкольн глубоко верил в его честность и способности и странным образом питал к нему расположение. Он решил, что Стэнтон постепенно исправится, признает его руководство и станет его другом.

— Стэнтон, — сказал он, — вы тратите слишком много энергии на то, чтобы сводить счета. Личные склоки не оплачиваются. Забудьте, как этого хочет и Ловджой, что вы его ненавидите.

— Нет, — загремел Стэнтон.

— Вижу, мы подошли к камню преткновения.

Линкольн не повысил голоса, но лицо его внезапно стало каменным.

— Стэнтон, вам придется сделать то, чего хочет Ловджой!

Наступило молчание. Июльская жара была почти невыносима. Пот струился по лицам обоих. Линкольн сидел, терпеливо охватив ногу. Стэнтон щипал себя за бороду. Затем, собрав бумаги, хрипло промолвил:

— Будет сделано, как приказывает глава исполнительной власти.

— Ну вот и хорошо, Стэнтон, — Линкольн одобрительно кивнул головой и обратился к карте штата Теннесси. — Я написал Халлеку, чтобы он прибыл сюда, как главнокомандующий. Его стаж дает к этому основания. Грант переймет заведывание западным театром.

— Вы ему написали, даже не посоветовавшись со мной, — сказал Стэнтон.

— Не посоветовавшись ни с кем, — отвечал президент. — Я изучил Халлека лучше, чем кого бы то ни было из вас. Единственный его недостаток это отсутствие решительности. На Западе его пополняет Грант. Здесь пополните вы. Он будет здесь в конце июля, и мы напустим его на Мак-Клеллана. А я тем временем, как я сказал, отправлюсь на Гаррисонову Пристань, откуда получена эта телеграмма. Надеюсь, я его еще там застану. Мне собственно и не надо откладывать на завтра. Я захвачу Джона Хэя, и мы отправимся сегодня же.

Так он и поступил, и прибыл в лагерь Мак-Клеллана через сорок восемь часов после того, как выехал из Вашингтона.

Он не пытался поговорить с Мак-Клелланом с глазу на глаз — он слишком устал для того, чтобы с ним препираться. Он хотел только собрать достаточно фактических данных, которые можно было бы положить в основание военной политики. В течение нескольких проведенных здесь часов он, не отвлекаясь ничем иным, всецело сосредоточился на этой мысли и на том, что мог видеть и слышать.

Он осмотрел прекрасно организованный лагерь, обливаясь потом в свете июльского месяца. Он бил москитов и слушал, как Мак-Клеллан и его генералы обсуждали следующий шаг армии на Потомаке. Он не давал никаких приказов, хотя и выразил беспокойство по поводу здоровья солдат, которым приходилось вести кампанию в летнее время в знойном нездоровом климате Полуострова. Запах хвойных деревьев, горячего влажного песка, кожаной сбруи, лошадей, амуниции его подавлял. Он чувствовал в нем привкус смерти. Плеск реки, текущей между низких берегов, возбуждал в нем тоску по дому. Он вырос в речной области.

Но он узнал то, за чем приехал. Сколь ни охвачен был паникой сам Мак-Клеллан, среди офицеров и солдат паники не было. Большая часть генералов считала, что опасности со стороны врага нет, и не высказывались за отступление. Он узнал, что в армии оставалось до 90.000 человек и что поразительное число — 40.000 — отсутствовали с разрешения командования. Он узнал, что снабжение достаточно, и что о солдатах заботятся настолько хорошо, насколько позволяет кампания в таких трудных условиях.

В полночь он отбыл к крепости Монро и Вашингтону. Как раз перед тем, как президент поднялся на борт канонерской лодки, которая должна была

повезти его и Джона Хэя вниз по реке Джеймс, Мак-Клееллан передал ему письмо. Президент прочел его при свете фонаря, поблагодарил Мал-Клееллана и небрежно положил письмо в карман. Даже содержание этого письма, сказал он себе, не должно позволить ему ссориться с Мак-Клеелланом.

А письмо это было самым оскорбительным документом, какой только подчиненный мог написать своему начальнику.

В письме этом Мак-Клееллан позволял себе делать президенту наставления относительно его обязанностей и власти и предупреждал его против какого бы то ни было насильственного вмешательства в вопрос о рабовладении, заявляя, что какая бы то ни было подобная попытка со стороны Линкольна приведет к быстрому разложению федеральных армий.

Письмо было полно резкостей. После того, как они покинули крепость Монро и сели в транспорт, идущий в Вашингтон, Линкольн передал его Джону Хэю. Молодой человек поднес его близко к судовому фонарю и прочел его, прерывая чтение возгласами возмущения.

— Вы обязаны предать его за это военному суду! — сказал он голосом, хриплым от гнева.

— Я сам еще не знаю, что сделаю, — отвечал Линкольн. — Письмо это само по себе имеет мало значения, за исключением того, что оно обнаруживает его мечты. Он хотел бы занимать мое место и привлечь Юг обратно в Союз обещаниями покровительства рабовладению. Думаю, мне придется иметь в виду эту специальную мечту, перед тем как принять решение о том, как с ним поступить, но она особенно на меня не повлияет. Мне надо думать о нем лишь постольку, поскольку он имеет отношение не ко мне, а к войне и к армии.

Президент откинулся на спинку кресла, которое поставили для него на носу небольшого судна, и старался отделаться от бесчисленных мыслей, мешавших

ему сосредоточиться на мысли о Мак-Клеллане. Это было слишком трудным и, в конце концов, он прибегнул к испытанному средству: к поэзии.

Близился рассвет. Неясные линии берегов и мягкий соленый запах моря успокаивали нервы, глаза и чувства.

— Джон, вы помните Браунинга, — спросил Линкольн и, не ожидая ответа, монотонно прочел:

Глядят холмы-гиганты, — им в забаву
Следить в долине жаркую облаву.
— Ну, окружили зверя. За кинжал!
Смелей, одним ударом, наповал!

Не слышишь, что ли? — Непрерывный шум
Шум от имен, воспоминаний, дум...
Я всех их знал. Но лишь один из всех
Остался для охотничьих потех,

Один, последний... И сейчас к губам
Я напоследок прижимаю сам
Мой рог охотничий...

(«К темной башне Чайльд Роланд подошел»)

Кончив читать, он подошел к перилам. В бледном воздухе силуэт его казался Джону Хэю тенью гиганта. Подумав с минуту, Линкольн снова повторил от начала до конца большую поэму.

Джон Хэй в изумлении и молчании слушал.

Когда Линкольн снова дочитал до конца, оба стали слушать шум от лопастного колеса, ветра и воды.

— Но у Браунинга нет человечности Шекспира, — сказал Линкольн. — Возьмите, например, «Король Джон»...

Он продекламировал несколько длинных отрывков и закончил бессмертным вопросом Констанс:

Ах, отче кардинал, не ты ль сказал
Что на небе мы свидимся с друзьями.
Но если это правда, то и я
Мое дитя увижу...

Он закрыл лицо и опустил голову на ладони с глубоким стоном.

— Правда ли это, — вот в чем вопрос!

Затем он ласково положил руку на усталое плечо молодого Хэя.

— Теперь, Джон, посмотрим, дадут ли нам эти люди чего-нибудь на завтрак.

Г л а в а   д в а д ц а т ь   п е р в а я

ЧАЙЛЬД РОЛАНД У ВЫСОКОЙ БАШНИ

К вечеру они были уже в Белом Доме. Линкольн прежде всего справился у привратника, как чувствует себя Мэри. Он чувствовал глубокую потребность в ее участии.

— Что же, мистер президент, — неторопливо отвечал старый ирландец, — у нее небольшая неприятность с публикой у южной галереи. Вы сказали, что концерты по средам, которые миссис Линкольн отменила после смерти мастера Вилли, начнутся снова. Но мисс Линкольн вышла и приказала оркестру морской пехоты идти домой, и публику это сильно рассердило.

— Где Тэди, Даниель? — усталым голосом спросил Линкольн.

— Я здесь, папочка, — закричал Тэд, подбегая к отцу. Его полотняный костюмчик был выпачкан в шоколадных конфетах. — Я тебя поджидал все время, а вот ты вернулся, а я и не заметил, как ты вернулся.

Линкольн схватил его и несколько раз поцеловал.

— Пойдем, дорогой, за мамой. Где она?

— В южной галерее. Она, кажется, очень сердита. Пойдем наверх, я хочу посмотреть, что ты для меня купил. Ведь ты мне что-нибудь принес, папочка?

— Да, ружье. Его подарил мне один солдат. Оно было в Семидневном бою. Оно в моих вещах.

Президент направился по коридору к южной галерее. Дирижер военного оркестра стоял перед Мэри, глядя сверху вниз на ее маленькую фигурку в черном

муслиновом платье. Лицо его выражало одновременно смущение и гнев. Рядом с Мэри стояли мисс Форд, Чарльз Сомнер и красивая Кэйт Чэйс. На лужайке возбужденно жестикулировали группы людей.

Линкольн поклонился стоящим рядом с Мэри и, положив руку на плечо жены, сказал:

— Одолжите мне на минутку мою жену, Скала. Подождите, пока мы вернемся.

— Но, Авраам, — возбужденно вскричала Мэри, — ты не должен...

Линкольн ее увел.

— Тсс... — сказал он так тихо, что его могли слышать только Мэри и дирижер оркестра. Но это было сказано так повелительно, что у Мэри перехватило дыхание.

Он увел ее к отдаленному концу галереи. Они шли медленно, — за ними следили тысячи глаз.

— Мэри, Мэри, Мэри! Ты сошла с ума? Ты надеешься заставить всех в Вашингтоне разделить твою горе тем, что ты их против себя восстановишь?

Она взглянула на него. Ее голубые глаза сверкали. Но он не дал ей говорить.

— Что сказал бы Вилли, если бы он знал, что ты лишаешь людей музыки из-за него?

— Дело не в этом, — вскричала Мэри. — Ты должен бы знать меня лучше. Просто с тех пор, как он от нас ушел, я не могу больше слушать музыки. Она меня убивает. Именно потому, что оркестр морской пехоты играет так хорошо, для меня это еще труднее.

— Я знаю, — глаза Линкольна смягчили быстро набежавшие слезы. — Но ребенок Стэнтон тоже умирает. Но не станет же миссис Стэнтон во имя их умершего ребенка затевать ссоры, улаживать которые придется Стэнтону.

— Авраам, Авраам... Мой проклятый язык!

Мэри освободила свою руку из руки мужа и бросилась назад к дирижеру.

— Капитан Скала, мой муж объяснил мне, что я не ясно выразилась. Я вовсе не ожидаю, чтобы другие облачались в траур вместе со мною. Я поступила глупо и эгоистически. Я не хотела, чтобы вы играли именно потому, что ваша музыка так прекрасна, что мое сердце опять обливается кровью. Я была глупа и истерична. Простите меня и дайте концерт.

Гнев сбежал с побагровевшего лица Скалы.

— Почему же вы не сказали этого с самого начала, дорогая миссис Линкольн?

— Потому что моя отвратительная слабость, — говорить раздраженно и затем в этом раскаиваться. — Мэри с печальной улыбкой посмотрела в глаза дирижеру. — Я боролась с этим недостатком всю жизнь, но напряженное состояние последних дней делает это для меня сейчас очень трудным.

Она говорила с милой, ребяческой простотой, столь для нее характерной. Небольшая группа стоявших поблизости людей сочувственно улыбалась. Скала наклонился к ее маленькой нежной руке.

— Чтобы сознаться в этом, мадам, нужна большая сила. Благодарю вас!

И дирижер с уважением на нее посмотрел.

— Эти люди тоже должны вас поблагодарить.

Он быстро подошел к концу галереи и в немногих простых словах объяснил мотивы странного требования Мэри. Пока он говорил, Мэри и Линкольн вошли в комнаты, но громкие аплодисменты, покрывшие слова дирижера Скалы, донеслись до них, пока они поднимались по лестнице, и спустя несколько минут через окна спальни Мэри донеслись звуки вальса.

— Это тебя не тревожит? — спросил он ее.

— Нет, — отвечала она. — Мое безумие прошло. Сядь в то большое кресло, и позволь мне обвеять тебя веером. Поедем сегодня вечером в Дом солдата.

— Веер мне не нужен. Лучше позови сюда Тэди и побудем немного вместе — по-семейному. Мне хочется рассеяться.

— И я встретила тебя сценой, — Мэри сокрушенно вздохнула и протянула руку, чтобы позвонить.

Вбежал Тэди. Он был грязен. По его круглым щекам катился пот. В руках он держал ружье, которое было больше его самого. Он прислонил его к спинке кресла и нацелился в мать.

— Смотри, что привез мне папа!

Линкольн вскочил с кресла и взял у него ружье.

— Никогда ни в кого не целься, Тэди, — воскликнул он, виновато глядя на жену. Он впервые усумнился в том, что ружье — хороший подарок для мальчика...

Тэд с криком потребовал ружье обратно. Мэри уселась на отоманку. Улыбка играла на ее губах.

Внезапно Линкольн рассмеялся.

— Ты не пожалуешься, жена, если даже твой сын тебя застрелит? Дорогая! Я, кажется, тоже сглупил. Тэди, поди сюда, милый.

Потребовались долгие переговоры, но, в конце концов, Тэди получил серебряный доллар и Луи унес ружье.

— Ну, а теперь — немного настоящего комфорта! — президент уселся в кресло. На коленях у него сидел Тэд. В его руке была рука Мэри.

— Тэд, теперь расскажи мне про всё, что ты сделал плохого в мое отсутствие и про все наказания, которым ты подвергся за это от мамы.

— О том, что я сделал плохого, она по большей части и не знает, — возразил Тэд. — Самое плохое, это то, что я сделал мисс Форд, а она ни за что про это не расскажет. Мама, ты меня выпорешь, если я теперь про это расскажу?

— Разумеется, нет, котик, — улыбнулась мать. — Ты думаешь, я испорчу хоть один драгоценный момент — из немногих, что я могу побыть в обществе твоего отца.

— Хорошо. Я взял с собой в кровать своего козлика, и ты знаешь, — он с ангельской невинностью

посмотрел в глаза отцу, — козлий запах сводит некоторых людей с ума, правда? Этот козлий запах привел мисс Форд в ярость больше, чем то, что козлик жевал. А я козлиного запаха и не замечал...

Он остановился, удивленный и в то же время обрadowанный взрывом смеха, который его слова вызвали в отце.

— Кто-то стоит за дверью, — сказал он, наконец, пока отец вытирал платком выступившие на глазах слезы. — Поэтому я не могу сказать, что жевал козлик.

— Поди, открой дверь, Тэди, — вздохнула мать. — Драгоценный момент, повидимому, прошел.

Это был Луи. Его послал Джон Хэй доложить, что президента дожидается комитет членов Конгресса из окраинных штатов. Тэд воспользовался моментом, чтобы исчезнуть со своим серебряным долларом. Когда Луи закрыл за собой дверь, Линкольн обратился к Мэри. Смех в его глазах сменился жгучей печалью.

— Думаю, они пришли с окончательным отказом на предложение освободить рабов с выкупом.

Мэри взяла руку мужа обеими ладонями.

— Авраам, я надеюсь, что они пришли с отказом. Чарльз Сомнер сделал меня аболиционисткой.

— А ты догадываешься, что я сделаю в случае их отказа, и во что это обойдется? — спросил Линкольн.

Знакомое ему выражение ясновидения, внушавшее ему трепет, показалось в глазах Мэри.

— Кажется, я догадываюсь. В этом твое предназначение. Поступай, как внушает тебе Господь.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб и в губы.

— Ты даешь мне новую силу. Я знал, что ты мне ее дашь.

Слова, которые он произнес несколько минут спустя группе людей в своем кабинете, принадлежат истории борьбы человечества за свободу. Он неуклюже стоял за столом в своем черном измятом и невычи-

щенном после путешествия костюме. Глаза его казались древнее пирамид.

— ...Если бы вы голосовали за содержащуюся в мартовском послании резолюцию о постепенной эмансипации, война была бы теперь в общем кончена. Пусть мятежные штаты увидят определенно и ясно, что ни при каких обстоятельствах представляемые вами штаты не присоединятся к задуманной ими конфедерации и что они одни не смогут долго продержаться. Но вы не можете отнять у них надежду на то, что в конце концов вы будете с ними, пока вы проявляете решение увековечить это учреждение в ваших собственных штатах. ...Насколько лучше для вас и вашего населения было бы сделать шаг, который сразу сократил бы длительность войны и обеспечил существенный выкуп за то, что несомненно будет полностью потеряно при всяких других обстоятельствах... Прошу вас обдумать это предложение... Если вы хотите увековечить народное правительство для лучших людей мира, прошу вас ни в коем случае этого не упускать из виду. Наша общая родина в большой опасности и для скорейшего избавления требует самых высоких воззрений и самого смелого действия. В случае избавления ее форма правления будет спасена для мира, ее счастливое будущее обеспечено, и величие его превышает воображение. Вам, больше чем кому бы то ни было, дана привилегия обеспечить это счастье, способствовать этому величию и связать с ними навеки ваши имена...

Когда президент закончил свою речь, которую он произнес с печалью и страстью, знаменовавшими глубину и его надежды, и его страха, он вышел в кабинет секретарей, чтобы дать конгрессменам возможность обсудить сказанное им. Ни Хэя, ни Николэя там не было, и Линкольн был благодарен за минуту одиночества. Он уселся за старый письменный стол и смотрел, не замечая ее, на вазу с цветами пламеника. Все его мысли были сосредоточены на одной

надежде, — на том, чтобы люди, шептавшиеся сейчас в его кабинете, ясно поняли правду.

Вероятно, никто в мире, проходя мимо открытых дверей комнаты, не вывел бы его из этой сосредоточенности, за исключением одной только женщины, которая через несколько минут оказалась способной это сделать. Это была мисс Форд.

Пока она удалялась, он следовал за нею взглядом, полным спокойного размышления. Весьма вероятно она подглядела и комитет конгрессменов, продолжая работу, уже совершенную агентами Джеффа Дэвиса. Чорт побери, она не повлияет на них, чтобы, как сказала Джинни, они мешкали, как до сих пор. Он должен иметь ответ теперь же. Раньше чем он заснет сегодня вечером, его решение насчет Мак-Клеллана должно быть принято!

Он поднялся и направился в свой кабинет.

Когда он вошел и занял свое место во главе стола, заговорил сенатор Гарретт Дэвис из Кентукки, исполнявший обязанности председателя.

— Мистер президент, мы должны просить еще месяц срока, чтобы переговорить со своими коллегами.

Линкольн протянул свои большие руки ладонями вверх вдоль стола. На мгновение он не мог говорить от волнения. Волосы его на лбу намokли от пота. Губы его дрожали. Затем он заговорил, сначала хриплым шопотом.

— Умоляю вас, примите решение теперь же. Вы не можете быть слепы к знамениям времени. Я прошу вас спокойно обсудить их, по возможности встав выше личной или партийной политики!

Дэвис нетерпеливо вскинул голову.

— Сэр, вы нас унижаете!

Голос президента зазвучал сильнее и яснее.

— Предложение это является общим делом для общей цели и ни на кого не бросает тени. Это не фарисейское предложение. Перемены, которые оно предусматривает, осуществляются безболезненно. Они упа-

дут, как капли росы с неба, ничего не разрушая. Неужели вы его не примете? За все время не было бы сделано столько добра одним усилием. И сейчас Провидение дает вам высокую привилегию это сделать. Пусть будущее не пожалуется на то, что вы ею пренебрегли!

На минуту наступило молчание. Эта нейтральная группа была тронута исключительным красноречием Линкольна, как были им тронуты и все его современники. Но воздействие его было эфемерным.

Дэвис откашлялся.

— Мы должны просить у вас еще месяц времени, господин президент.

Линкольн пристально на него посмотрел.

— Сенатор, вы должны голосовать теперь же.

По собранию пробежал ропот, сопровождаемый жестикуляцией и гневными возгласами.

— С вашей стороны неблагоприятно вынуждать нас к такому решению, — заявил Дэвис. — Мы согласились на том, что мы ничего не можем сделать, пока лучше не ознакомимся с фактами.

Линкольн окинул комнату взглядом. Среди этих двадцати семи человек не было ни одного, с кем бы он не работал. Итак тут боролась его воля против хитростей шайки мисс Форд и Тэйлора, сказал он самому себе. Мускулы его длинной челюсти медленно собрались в жесткие узлы. Он медленно сжал губы и медленно опустил на стол свои крупные кулаки.

— Голосуйте теперь же, Дэвис! — воскликнул он голосом, который можно было бы расслышать и на Пенсильвания-авеню.

Его встретила буря протестов. Линкольн вскочил на ноги. Его длинные руки повисли, голова поникла, большие глаза горели, переходя с одного из присутствующих на другого. Он чувствовал себя так, как если бы был сделан из камня и в состоянии был выдержать бурный натиск любого из этих людей. Он рас-

считывал повлиять на них самой своей неподвижностью.

Буря длилась с четверть часа. Затем люди начали неуверенно поглядывать сначала на Линкольна, потом друг на друга. Заметив это, Линкольн спокойно сказал сенатору из Кентукки.

— Сенатор, я жду голосования!

Внезапно сенатор дал знак Джорджу Николэю, и тот немедленно стал раздавать членам комитета листки бумаги. Несколько позже Дэвис бросил на Линкольна взгляд — наполовину презрительный, наполовину торжествующий. Голосование дало: двадцать против освобождения с выкупом, семь — за. Иными словами лишь незначительное меньшинство может рекомендовать план в своих штатах.

Когда комитет разошелся, Линкольн неторопливо подошел к своему письменному столу, на который падал мягкий свет раннего летнего вечера. Он взял перо и начал делать заметки, под заголовком:

«ЧТО Я ЗНАЮ»

— Мак-Клеллан — организатор, но не боец. Переместить его для обороны Вашингтона. Остаток Поттомаской армии передать под команду Попа.

— Взятие Ричмонда дело первостепенной моральной важности для обеих сторон.

— Надо действовать быстрее или (1) Англия вмешается в этом же году, (2) Мак-Клеллан попытается сделаться диктатором, (3) как диктатор, Мак-Клеллан разрушит Союз и спасет рабовладение.

— Если я освобожу рабов, я спасу Союз и, вероятно, буду убит.

— Если я не освобожу рабов, я не спасу этим Союзу, но не буду убит.

— Если Север не победит, демократия на этой земле потерпит неудачу.

Написав это, он остановился и пододвинулся ближе к окну, так как сумерки углублялись. С капризной

и печальной улыбкой он позволил себе дать волю сентиментальности:

— Умереть... уснуть... не более... и сном закончить муки души и тысячи ударов...

Он кончил писать, сложил лист бумаги и сунул его в карман. Все еще сосредоточиваясь мыслями на неотложной работе, он придвинул к себе чистый лист бумаги и написал сверху:

ПРОКЛАМАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ

За этим последовали медленно обдумываемые предложения, которые он записывал своим тесным, неровным почерком.

Не успел он написать и полдюжины строк, как в дверях показался Джон Хэй. Сначала он посмотрел на сутулый силуэт, вырисовывавшийся перед окном, затем на свои часы и, поколебавшись, подошел к президенту. Если позвать его обедать, это не привлечет его внимания, но какой-нибудь пустяк может быть привлечет...

— Мистер Линкольн, — сказал он торжественно, — сегодня вечером Хэкетт играет Ричарда Второго. Если вы теперь же не пообедаете, вы — не «энсаркрите», не «бифурказуете», не «дискризамурите», — вы пропустите и первый, и второй акты.

Он с серьезным видом произносил бессмысленные слова... Президент оторвался от стола.

— Повторите это медленнее, Джон, — сказал он столь же серьезно.

Джон повторил. Со своим неподражаемым смехом президент сунул лист бумаги в боковой карман и побежал в свою спальню.

Спустя несколько минут он с двумя секретарями отправился в театр. Когда они проходили по нижнему коридору, у входа в Восточную гостиную к Линкольну подошел длинноногий, мускулистый солдат и протянул ему руку.

— Я из Индианы, — сказал он.

— Я тоже, — отвечал Линкольн. — И хотел бы теперь там быть.

— Я и сам хотел бы того же, — крупный детина сочувственно кивнул головой. — А вместо этого приходится идти в лагерь. Что, вам здорово надоедают, мистер Линкольн?

— Да, порядочно, — отвечал президент.

— Да, у нас об этом некоторые говорят. Вы лучше немного подумайте о своем здоровье. Тут мало кто найдется, кто бы справился с вашим делом.

— Передайте ребятам мою благодарность, сэр. — Линкольн сердечно пожал человеку из Индианы его большую руку и поспешил к коляске. На пути в театр он все время широко улыбался.

Глава двадцать вторая

БЕГЛЕЦЫ

Спустя несколько времени в жаркий июльский день был похоронен ребенок военного министра Стэнтона. Миссис Линкольн незадолго перед этим уехала в Нью-Йорк, но сам Линкольн присутствовал на похоронах. С ним в карете ехал Сьюард, с сыном и невесткой, и морской министр Гидион Уэллс.

Особенно остро переживал церемонию Линкольн, не позволяя, однако, горю дать власть над собой. Летом Стэнтоны жили на даче в нескольких милях к северозападу от Джорджтауна. Поездка в оба конца была долгой и утомительной. Густая пыль садилась на ехавших в карете. Легкий загар молодой миссис Сьюард превратился в темнокоричневый раньше, чем отъехали на одну милю. Белая борода Уэллса помолодела — она превратилась в каштановую. Живописный пейзаж был виден как бы сквозь туман. Лошади тяжело дышали, и сбруя их была покрыта грязной пеной.

Линкольн едва замечал физические неудобства поездки. По дороге к Стэнтонам он все время сам с собой дебатировал вопрос, следует или нет запросить мнение министров по вопросу об эмансипации. По дороге обратно он внезапно решил это сделать. Первым высказался Уэллс.

— Кампания генерала Мак-Клеллана особенно подавляюще действует на публику. Грили опять заговорил о мире любой ценой.

Линкольн утвердительно кивнул головой.

— Как вижу, мы почти зашли в тупик с нашим планом операции. Положение становится все хуже. Наша последняя карта по первоначальному плану кампании против Ричмонда бита. Приходится либо менять тактику, либо считать все проигранным.

— Что же вы предлагаете? — спросил Уэллс.

— Я предлагаю, — отвечал президент, поглядывая то на Уэллса, то на Сьюарда, — я предлагаю издать прокламацию об освобождении рабов.

— Боже милосердный! — воскликнул Сьюард.

— С вашей стороны, мистер Линкольн, это внезапная перемена, — воскликнул Уэллс.

— Я готов на любую перемену лишь бы спасти Союз, — возразил Линкольн. — Это будет военным, а не политическим шагом, — военной необходимостью. Что вы об этом думаете, Сьюард?

— Это слишком важный вопрос, чтобы ответить на него сразу. Вы меня поразили, — отвечал губернатор.

— Меня тоже, — Уэллс покачал головой.

Линкольн был несколько изумлен. Постоянно обдумывая идею эмансипации, он как-то не отдавал себе отчета в том, как мало уделяли ей серьезного внимания члены кабинета. Полная отмена рабства считалась всеми, за исключением небольшой группы радикалов, фантазией. Об этом он знал. Но он думал, что члены кабинета относятся к вопросу иначе. И он терпеливо и ясно начал объяснять мотивы такого шага.

Сьюард, отирая пот с усталого лица широким шелковым носовым платком, покачал головой и, слушая Линкольна, бормотал что-то себе под нос. Уэллс жевал бороду, тараща глаза, как старая сова. Об изумлении обоих молодых Сьюардов можно было судить по напряженному вниманию, с которым они, застывши, слушали президента.

— Я вижу в этом руку Сомнера! — воскликнул Сьюард, когда Линкольн замолчал.

— Сомнер ничего об этом не знает, — сказал президент. — Вы двое — первые, которым я об этом упомянул, и вы лучше не говорите об этом никому, пока я сам не выдвину этот вопрос на заседании кабинета. Что у вас на уме, Уэллс?

— Сэр, я предполагал, что ваши идеи — те же, что и у членов кабинета. Мы все считаем это местным, внутренним вопросом, который подлежит решению каждого штата в отдельности, и что штаты никогда не откажутся от своего права на решение, — сказал со свойственной янки осторожностью морской министр. — Но неудачи под Ричмондом меняют наши взгляды на многие вещи. Это несомненно.

— Разумеется, — сказал Сьюард, — должен быть сделан какой-то решительный шаг. Я подумаю о решении, мистер Линкольн. Но я далеко не считаю найденное вами решение правильным.

— Лучше уделите этому особое и тщательное внимание, губернатор. — Линкольна всегда несколько забавляла самоуверенность Сьюарда.

— Ибо, — продолжал он, — я очень скоро начну действовать.

И президент заговорил об утешительных сообщениях из района Нового Орлеана.

В тот же вечер он отправился в Дом солдата, где уже были на время отсутствия Мэри, Тэди и мисс Форд. В отсутствии жены президент вел неправильную жизнь, — ел, одевался, спал где и как попало. Когда лошадь его медленно подошла к крыльцу коттеджа,

было уже девять часов, но он не отдавал себе отчета в том, что не ужинал. Он вышел, чтобы поговорить с мисс Форд. За последние два часа он только и думал о том, что ей скажет. Но к моменту встречи с нею еще ничего не решил.

Она сидела на деревенской скамье на лужайке, в свете звезд. Перейдя лужайку, Линкольн уселся рядом с нею, раньше чем она заметила, как он подошел.

Она издала возглас изумления, затем спокойно проговорила:

— Это единственное прохладное место, которое я нашла в этом жарком мире. Здесь иногда дует легкий ветерок.

Линкольн расстегнул свою белую полотняную куртку и бросил на землю охотничью фуражку.

— Надеюсь, миссис Линкольн теперь немного отдыхает от жары, — вздохнул он. — А как Тэди?

— Прекрасно себя чувствует и очень активен.

— Не сомневаюсь в этом, — рассмеялся президент. — И ничего преступного сегодня не совершил?

— Я не могу наговаривать на своего воспитанника, господин президент. Это лучше всего заставляет его меня слушаться. — В голосе вирджинки зазвучали нежные оттенки, как всегда, когда она говорила о Тэде.

Линкольн, как всегда, уловил эти оттенки и вздохнул. Если бы только она не обращалась так хорошо с детьми! Но так или иначе, начать приходится. Не долго думая, он спросил:

— Сестрица Форд, хотели ли бы вы получить другую работу?

— Меня вполне удовлетворяет моя нынешняя работа, — быстро отвечала она. — Чувствуете ли вы легкий ветерок на вашей щеке? Как хорошо!

— Это то, что вы называете регулярной работой, и потому я не думаю, чтобы она вам нравилась. Я хочу, чтобы вы отказались от жалования, которое вам платит Джэфф Дэвис, и работали для меня.

Наступило молчание, прерываемое только сверчком и кузнечиками. Затем вирджинка подвинулась на своем стуле вперед.

— Что вы хотите сказать этим, мистер Линкольн?

Теперь президент был спокоен и голова его работала ясно.

— Я говорю о вашей работе. Помните ту ночь, когда мне нанесла визит миссис Фремонт. Тогда вы выдали себя, я с тех пор за вами наблюдаю. Я принял вполне определенное решение на ваш счет еще до того, как нас покинул наш дорогой Вилли. Но вы так ангельски к нему относились, что я не мог...

— Чем я это заслужила, — воскликнула мисс Форд, подавшись вперед на своем стуле так, что Линкольн мог тепер видеть черты ее красивого лица.

— Вы помогаете Мак-Клеллану поступать, как поступает глупец. Вы слишком близки к первоисточникам по обе стороны фронта, мисс Форд. Или поезжайте в Ричмонд и оставайтесь там, или вы должны принять место, которое я могу достать для вас в семье вице-президента Хэмлина в Портленде, в штате Мэйн. Конечно, вы тогда будете находиться достаточно далеко от Мак-Клеллана, и ваши коготки припрутся.

— Дорогой мистер Линкольн, — сказала мисс Форд с усмешкой, — я не завишу от «работы», как вы это называете, для насущного куска хлеба. Я получала вознаграждение от миссис Линкольн только потому, что она иначе не соглашалась меня держать. А я хотела оставаться здесь, чтобы быть вблизи от вас.

— Это верно, — ведь я — первоисточник. — Голос Линкольна звучал сурово.

— Нет. Вы не должны понимать этого ложно, Авраам Линкольн, — она мелодраматически подняла свою тонкую руку. — Моя любовь к вам для меня важнее вопроса о рабовладении. Этого вы не можете ни сделать мелким, ни очернить.

— Отправляйтесь и любите Джеффа Дэвиса так же, как любили меня, — иронически сказал Линкольн. — И я предсказываю, что тогда Ричмонд падет через месяц. Любовь! В первый раз я слышу, чтобы этим именем называли предательство.

Вирджинка вскочила на ноги. Президент тоже поднялся.

— Это невыносимо! — вскричала она.

— Именно, — подтвердил президент. — Вы похожи на одного парня в Сэнгамоне. Он..

— Нет, — вскричала мисс Форд. — Не рассказывайте сейчас ваших анекдотов. Я не в силах этого перенести!

— Я просто хотел попытаться вас успокоить, сестрица Форд, — мягко сказал Линкольн. — Если хотите, завтра же выезжайте в Ричмонд.

— Вы хотите сказать, что я должна это сделать без ведома и одобрения миссис Линкольн — или она знает, что вы собирались это сделать, и по этой причине и уехала? — спросила мисс Форд.

— Она не имеет ни малейшего понятия о том, что происходит в ее отсутствие, — отвечал Линкольн. — Теперь, дорогая сестрица Форд, какой смысл притворяться и продолжать в том же духе. Вы сделали для вашего дела всё, что могли. И на этом попались.

— Кто меня оклеветал? Эта коричневая кошка, Джинни? Я прикажу ее высечь. Я сама повезу ее с собой в Фэрфакс и прикажу сделать это у меня на глазах. Эта лживая Иезавель не может простить мне ее Зиба. Я ее проучу!

Гнев ее казался тем более ужасным, что она говорила всё это, не повышая голоса. Линкольн предоставил ей в течение нескольких минут срывать злобу на Джинни. Затем он положил ей руку на плечо и сказал мягко и терпеливо:

— К чему все это, дорогая. Я выполняю свою работу и, пока она не выполнена, я должен себя оберегать. Что будет после этого, мне безразлично. Вы

являетесь угрозой для Союза в такой степени, о которой, может быть, и не подозреваете, потому что я искренне думаю, что вы хотите спасти Союз. Я не смею больше позволить, чтобы мое хорошее отношение к вам, моя благодарность к вам, заставили меня удерживать вас в моем доме. Вы выедете в Ричмонд завтра же!

— Я этого не сделаю! — сказала она, впервые повышая голос.

— Это будет сделано без шума. Вас будет сопровождать один из людей Бэкера. Пока я еще ничего Бэкеру об этом не говорил. А о чем он догадается, это зависит от степени вашего послушания.

— Вы меня ненавидите! Вы говорите голосом ненависти! Вы коснулись меня, как вы коснулись бы норовистой лошади. Боже! В этом моя Немезида, и это больше, чем я могу вынести. Никакая родина, никакое дело, никакая идея этого не стоят. Господи, Ты меня слышишь?

Она истерически обратила лицо к звездам.

— Я отрекаюсь от моей родины! Я отрекаюсь от Джефферсона Дэвиса! Я принадлежу всецело Аврааму Линкольну!

Голос ее перешел в стон.

— Боже, ты меня слышишь? Поддай мне знак! Поддай мне знак!

— Тсс... Не искушайте Его! — Линкольн слегка ее потряс. — Войдите в дом, и пусть Джинни поможет вам улечься, потому что вы должны сегодня же вернуться в Белый Дом вместе со мной.

Он чувствовал, что ее высокое тело дрожит, как в лихорадке.

— Я не поеду, — стонала она.

— Успокойтесь... Обопритесь на мою руку, — повелительно сказал президент.

Внезапно она ослабела. Громко рыдая, она прижала голову к его плечу.

— Не прогоняйте меня. Не отсылайте меня. Заприте меня в Белом Доме. Только позвольте мне оставаться под одной кровлей с вами.

— Тсс... У каждого окна в этом доме кто-нибудь слушает. Успокойтесь и пойдём поищем Джинни.

Она тяжело вздохнула, затем медленно от него отошла.

— Я найду ее и без вашей помощи, — сказала она упавшим голосом.

Президент неподвижно стоял, пока она не вошла в освещенную переднюю. Потом, с глубоким вздохом, он упал в кресло.

Час спустя ко входу в коттедж были поданы по приказу президента карета и его верховая лошадь. Линкольн перешел лужайку и послал служителя за мисс Форд. После продолжительного отсутствия слуга вернулся с известием, что ни мисс Форд, ни Джинни найти он не мог.

— Подите и по-настоящему поищите — в каждом здании, — приказал президент. — Один из вас должен поехать на моей лошади в город и передать записку полковнику Бэкеру.

Он был вполне уверен, что вирджинки уже нет в Доме солдата. Он чувствовал себя, когда писал записку полковнику Бэкеру, главе секретной службы, несколько глупо, но все же испытывал некоторое облегчение, хотя отчасти и беспокойство. Он хотел удалить мисс Форд и знать определенно ее местопребывание перед тем, как сделает какие-либо дальнейшие шаги в деле освобождения рабов. Но он выполнил только половину решения. Он оставался в коттедже, пока не прибыл Бэкер. Затем он выехал в Вашингтон.

Только утром, проснувшись с головной болью, он вспомнил, что вчера не ужинал.

Сейчас же после завтрака она послал за Чарльзом Сомнером. Сенатор в безукоризненно чистом полотняном костюме кремового цвета, с розой в петлице появился, когда Линкольн слушал бурное пререкание

между Уэллсом и Стэнтоном. Президент сидел в своей любимой позе, утонув в глубоком кресле, с ногами на каминной решётке. Стэнтон расхаживал взад и вперед по комнате. Уэллс сидел выпрямившись и с упрямым видом за столом заседаний кабинета.

— Надеюсь, сэр, что я не помешаю, — Сомнер остановился около Линкольна.

— Нисколько, Чарльз. Уэллс и Стэнтон дебатировали вопрос о законопроекте. Вы помните, прошлой весной, когда судно «Мерримэк» потопило судно «Кумберленд», и Конгресс, и мы все смертельно испугались, опасаясь, что оно поднимется вверх по Потомаку до Вашингтона?

Сомнер торжественно кивнул головой, но Линкольн рассмеялся.

— Стэнтон тогда дрожал чуть-чуть побольше прочих. Во всяком случае он наделал больше шума и суматохи. Да, да, Стэнтон. Не смотрите на меня так, а то вы опять меня напугаете.

— Ваша шутливость, сэр, несвоевременна, — в ярости сказал Стэнтон.

— Может быть, может быть. Но я не забыл, что вы с презрением отнеслись к Уэллсу, когда он сказал, что «Мерримэк» будет разбит «Монитором». Уэллс становится настоящим моряком. Вначале он не был в состоянии отличить корму от носа. Но сейчас он это умеет сделать.

«Отец» Уэллс криво улыбнулся. Стэнтон ущипнул себя за бороду и нетерпеливо ожидал, чтобы глава исполнительной власти уступил ему слово. Но Линкольн надеялся, что промедление успокоит Стэнтона, и не прочь был немножко потешиться над эгоизмом военного министра.

— Стэнтон, — продолжал он, — так меня напугал, что я согласился на его предложение нагрузить шестьдесят судов камнями, чтобы затопить их, перегородив канал у порогов Кеттл-Боттом. Не переговорив с Уэллсом, он отдал по доку приказ приготовить

суда. Уэллсу это не понравилось, и Стэнтон, чтобы его убажить, согласился, чтобы расходы взяло на себя военное министерство. Конечно, суда эти так и не понадобились и сейчас они стоят на причале у речного берега.

— И теперь, — продолжал президент, — Стэнтон настаивает, чтобы за этот флот заплатил Уэллс. За флот Стэнтона! Он так же бесполезен, как грубая каша для питания грудного младенца. Она позабавит ребенка, но не принесет ему никакой пользы.

— Мой Бог! Но вы, Линкольн, ужасны! — вскричал Стэнтон и бросился к двери. — Я лучше заплачу за суда, нежели еще раз подвергнусь риску таких разговоров.

«Папа» Уэллс залился кудахтающим смехом, собрал свои бумаги и удалился.

Сомнер, которого сравнение Линкольна покорило, задумчиво на него смотрел. На лице Линкольна была ясная улыбка.

— Чарльз, сестрица Форд вчера сбежала!

— Что?! — в изумлении сказал сенатор. — С кем?

— С Джинни, — сухо сказал Линкольн. — Мне с некоторых пор хотелось вам сказать, в чем я ее подзревал.

И президент подробно рассказал всю историю, прибавив:

— Я сказал ей, что предоставляю ей выбор между поездкой в Ричмонд и поездкой в семью Хэмлина в штате Мэйн. Я сказал ей, что она себя выдала во время визита миссис Фремонт, не упомянув ни о ком другом.

Сомнер застонал.

— Она давно уже меня беспокоила. Плохо, очень плохо. Ну и что же, созналась она?

— Не вполне. Она было начала упираться, но в конце концов согласилась запаковать вещи и отправиться вместе со мной в Вашингтон, чтобы оттуда поехать в Ричмонд. Она вошла в коттедж в Доме сол-

дата и, покуда я ее ждал, исчезла вместе с Джинни. Я поручил следствие полковнику Бэкеру.

Сомнер снова простонал и затем сказал:

— Вы поступили правильно.

— Вы смотрите на это дело, Чарльз, так же, как и я. Видите ли, я хотел сделать важный шаг, и мне казалось, что лучше, чтобы ее в Белом Доме не было. Я, конечно, поступил глупо. Не знаю, где она теперь появится.

— О, ни она, ни все ей подобные, не в состоянии остановить того, что предназначено свыше, — воскликнул Сомнер. — А какой шаг вы намеревались сделать, мистер Линкольн?

— Неизбежный, как мне кажется, шаг, сенатор. Нынешний Конгресс сделал почти всё, что мог, — если только вы не собираетесь сделать еще что-нибудь, о чем я не знаю. Давайте посмотрим. Всем лицам, входящим в состав армии и флота, запрещено охотиться за беглыми рабами или возвращать их владельцам. Миссурийский компромисс восстановлен. Рабство в округе Колумбия отменено. Средства на школы для негритянских детей ассигнованы. Независимость Гаити и Либерии признана. Принят акт о конфискации, как наказание за мятеж или за измену, отменяющий права собственности по отношению к рабам. Мне предоставлено право принимать «контрабанду» на службу в армии. Мне кажется, что если мой кабинет пересчитает все меры, принятые Конгрессом, он не может не заключить, что следующий шаг должен сделать я, — и шаг этот освобождение рабов!

Опершись на камин, Сомнер внимательно слушал Линкольна. Когда президент произнес последнее слово, сенатор вздрогнул, как от удара. Он смотрел на Линкольна, словно не веря собственным ушам.

— Как? — сказал он, — освобождение? Наконец-то! Линкольн, вы в самом деле намерены это сделать? Он схватил президента за руки.

— Вы издадите такую прокламацию? Поистине —
 Глаза мои узрели славу
 Пришествия!..

Лицо его искажалось судорогой от волнения. Он оставил руки Линкольна, опустил голову на руку и заплакал.

Президент также чувствовал, что глаза его наполняются слезами. Он начал расхаживать взад и вперед по комнате. Затем, откашлявшись, сказал:

— Север еще не совсем к этому готов. Я встречу сильную оппозицию. Это подорвет мою будущую политическую карьеру, — я склонен быть благодарным за это, — но это ближайшая военная мера к спасению Союза. Располагая у себя дома рабами и освобождая таким образом людей для службы, мятежники имеют по сравнению с нами большое преимущество. Я не знаю, достаточно ли уже Север страдал, чтобы это проглотить. Не знаю и того, когда я издам эту прокламацию. Чарльз, я хочу, чтобы вы отправились в Массачусетс и внимательно изучили там положение как в военном, так и в политическом отношении, с точки зрения подобной меры.

Сомнер совершенно пришел в себя. Он пригладил волосы, поправил галстук.

— Правильно, сэр, и, как всегда, благоразумно. Сегодня же вечером я выеду.

Он уже был в коридоре, когда президент поспешил за ним и остановил его у лестницы. Проходившие мимо посетители Белого Дома с любопытством смотрели на высокие фигуры этих двух людей.

— Чарльз, — прошептал Линкольн, — очень возможно, что, когда это станет известным, на вашу жизнь будут покушаться. По возможности берегите себя.

— Как можно уберечься от злодея? — спросил шопотом же Сомнер. — Не тревожьтесь, сэр. Что совершится, совершится по Божией воле.

Он пожал президенту руку, и они расстались.

СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Благодаря частым ливням на последней неделе июля, жара в Вашингтоне несколько спала. Миссис Линкольн возвратилась из своей поездки на Север с великолепной новой материей для платьев, и Лиззи Кекли предавалась в ее спальне швейной оргии. Поездка принесла Мэри много пользы. Нервы ее успокоились. На щеках снова появился приятный румянец. Но мужа своего она оглядела с немалым неудовольствием. Он потерял в весе, и вокруг его рта и глаз она заметила новые складки.

— Ты выглядишь так, — сказала она ему с гримасой, — как если бы ты питался тем, что найдешь в мышеловке. Я думала о тебе всякий раз, когда подносила кусок ко рту. Садись вон на то кресло, и я сию же минуту пошлю за стаканом молока.

Она была дома всего несколько часов, но президент заперся в кабинете Стэнтона с генералом Халлеком, который вернулся, чтобы перенять пост главнокомандующего. Освободившись, он тотчас же поспешил в гостиную. Он крепко держал Мэри в объятиях, пока она со снисходительной улыбкой на губах делала ему выговор.

— Приятно чувствовать, что ты снова задаешь мне трепку. Не уезжай больше этим летом, жена. Подожди, пока дела в стране поправятся.

— Военное положение и на Западе, и на Востоке плохое, не правда ли? — спросила Мэри. — Думаю, набор еще 300.000 солдат лишил тебя аппетита больше, чем мое отсутствие. Сядь, дорогой, отдохни хоть минутку, а я позвоню, чтобы тебе принесли молока.

Но он не выпускал ее из объятий. Он приник к ней, как к чему-то теплomu и глубоко человеческому, которое снова, как якорь, прикрепляло его к простым уютным вещам, по праву ему принадлежащим. Он

усадил ее к себе на колени, как он сажал к себе на колени Тэда, глядя на ее лицо с таким чувством, какое, как он думал, испытывает Тэд, когда в темноте чувствует руку матери.

— Продолжай делать мне выговор, дорогая Мэри, — просил он, — а я пока буду мурлыкать, как старый кот.

Она откинула со лба его черные волосы. Он со вздохом закрыл глаза.

— С чего же начать мне выговор? — спросила она нежно. — С того, что ты отмечаешь каждого убитого солдата на каждом поле сражения надрезом на своем сердце? Или с того, что ты не отвечаешь на ужасные вещи, которые пишут в газете о том, как ты третируешь Мак-Клеллана?

Линкольн раскрыл глаза.

— Я попросил Далгрена изобрести для меня что-нибудь такое, что позволило бы использовать газы, выходящие из редакционных комнат, для военных нужд.

Мэри рассмеялась, затем продолжала:

— Или делать тебе выговор за то, что ты надел этот тяжелый костюм, когда гардероб полон легких полотняных?

— За то, что тебя больше интересует, жена. Только продолжай! Можешь сказать и несколько слов насчет того, что я отослал сестрицу Форд, как я тебе писал.

— Думаю, что ты поступил вполне правильно. Только мне жаль бедной Джинни.

— Джинни сумеет позаботиться и о себе, и о сестрице Форд, — сказал Линкольн с облегченным вздохом, откинувшись на спинку кресла. — Ты, конечно, уже видела Тэди?

— Да, он был со мною все время после обеда. Ну, а как он себя вел? — спросила Мэри, перевязывая президенту галстук.

— Он был единственным светлым пятном в тумане всяческих неприятностей, — отвечал Линкольн с усмешкой. — Стэнтон, кажется, очень его любит. Он назначил его лейтенантом и подарил ему двадцать пять старых ружей. Тэд устроил в подвале арсенал и завербовал в свою роту всю прислугу и персонал Белого Дома. Единственно, кому удалось от этого уклониться, это Джону Хэю и Джорджу Николэю. В первый день это им сошло благополучно. На следующий день твой садовник, Холлидэй, собрался идти в город. Тэд заметил, что он направляется на улицу, пошел вслед за ним и арестовал его, как дезертира. Он делает все страшно серьезно, и он пришел в ярость, когда сам Холлидэй отнесся к этому недостаточно серьезно. Он притащил его в мой кабинет и обратился ко мне, как к верховному главнокомандующему с требованием заставить Холлидэя подчиниться аресту.

— И что же ты сделал?

— Я приостановил заседание кабинета и простил Холлидэя. Затем я убедил Тэда, что он сделает настоящее дело, если сформирует роту из бедных мальчиков, которые не могут получить военной подготовки другим путем. В конце концов, он согласился при условии, что я позволю ему кормить этих мальчиков раз в день. Тогда он демобилизует свою нынешнюю роту.

— Боже мой, так он каждый день кормит здесь двадцать пять ребят, — вскричала Мэри.

— Нет, всего десять, — успокоил ее президент. — Я знал, что если только я постараюсь, я откопаю что-нибудь такое, за что ты сделаешь мне настоящий нагоняй.

Мэри внезапно его поцеловала и затем вскочила на ноги.

— Говоря о еде, — послать тебе молока сейчас, или ты обещаешь мне прийти ужинать, как только услышишь звонок?

— Обещаю! Так мне надо переменить костюм? — спросил он, глядя на нее с некоторой надеждой.

Вместо ответа Мэри позвонила и, когда явился Джеймс, сказала ему:

— Джеймс, помогите президенту переодеться в белый полотняный костюм. И натрите его спиртом, он очень устал. Пожалуйста.

— Хорошо, мадам. Это верно, он очень устал. Я рад, мадам, что вы вернулись, потому что, когда вас нет, он сам не свой.

И слуга-негр помог Линкольну подняться с кресла.

Президент взял протянутую ему для помощи коричневую руку и сказал с удовлетворенным вздохом:

— Хорошая нахлобучка по крайней мере раз в месяц, вот что каждому мальчику требуется от матери, — не правда ли, Джеймс?

— Да, сэр, масса Линком, — осклабился Джеймс.

— Мне не нравится твой намек, Авраам!

Глаза Мэри заблестели, и она, покачивая головой, следила, пока эти двое удалялись. Никогда еще она не видала таких усталых глаз у своего мужа.

К ужину пришел Карл Шурц с Джоном Хэем. Линкольн был рад его повидать. Беседа с молодым офицером всегда сильно возбуждала президента. Но Мэри при тактичном содействии Джона Хэя отвлекала беседу от политики и переводила ее на музыку, о которой Шурц говорил с большим увлечением.

— Мистер Линкольн нуждается в отдыхе, — незаметно шепнула она Шурцу, когда они поднимались после ужина наверх. — Он сейчас сосредоточен на одной важной проблеме, — я думаю это вопрос об освобождении рабов, мне сказали, что он уже две ночи не ложился спать. Поиграйте для него, генерал.

— Конечно, конечно... Бедняга! — отвечал Шурц. Когда они вошли в гостиную, он прямо подошел к роялю.

— Я прилягу здесь на софе и дам полчаса отдохнуть моим старым хрупким костям, — сказал Линкольн, погружаясь в мягкие подушки.

Мэри и Джон Хэй пододвинули свои стулья поближе к нему, образуя как бы изгородь, защищающую президента от посторонних.

— Что вы сыграете нам, генерал? — спросил Линкольн.

— Кое-что из Бетховена, — отвечал офицер, — и, если хотите, несколько народных песен.

— Хочу, — сказал со вздохом президент, закрывая глаза и решив дать отдых мозгам на полчаса и не позволять мыслям отвлекаться от ткани звуков, которую начал сплетать Шурц. Но в течение нескольких минут отрывочный разговор между Мэри и Джоном нарушал его сосредоточенное внимание.

Джон: — Дорогая миссис Линкольн, не принуждайте меня просить об одолжении министра Стэнтона. Я предпочитаю прогуляться по госпиталю, где лежат зараженные оспой.

Мэри (помолчав): — Я провела две ночи в Лонг-Брэнче. Там хорошо, не считая москитов — в человеческом образе и иначе.

Джон: — Вашингтон теперь пустыня. Ни одного человеческого существа, поскольку дело идет об обществе. Уверяю вас, мне не хватает привлекательных женщин.

Мэри: — Разве у вас есть время чувствовать их отсутствие? Ведь вы работаете по двадцать шесть часов в сутки.

Джон: — Вы смешиваете меня с тайкуном, миссис Линкольн. Я отказываюсь работать больше двадцати часов в сутки. Остальные четыре часа я посвящаю мыслям о привлекательных женщинах.

Шурц заиграл колыбельную песню...

Когда Линкольн раскрыл глаза после долгой дремоты, уже рассветало и из сада в окно доносилось чирканье красноголовки. Он лежал на софе. Ноги его

прикрывала красная шаль Мэри. Кто-то стащил с него ботинки.

— Да хранит ее Бог, — подумал он. — Я хорошо поспал, и теперь мои мозги прочистились. Сегодня я буду в состоянии обсудить с кабинетом вопрос об эмансипации. Вчера я был слишком переутомлен.

Когда утреннее заседание кабинета открылось, за окном шел дождь и поэтому было не слишком жарко. Члены кабинета обсуждали желательность формирования негритянских полков, пока Линкольн не наложил вето на немедленное осуществление этой идеи и не вынул из кармана измятый листок бумаги.

— Я хочу прочесть вам меморандум, над которым я работаю. Он относится к вопросу об эмансипации. Я не спрашиваю вашего совета, но, после того как я кончу, рекомендации относительно того, как провести дело, будут в порядке дня.

Чтение документа было встречено изумленным молчанием. Первым заговорил Чэйс.

— Эта мера связана с большой опасностью, мистер Линкольн. Она переходит далеко пределы того, что я рекомендовал бы.

— А что вы рекомендуете, Чэйс? — спросил президент, отодвигая свое кресло от стола так, чтобы можно было положить нога на ногу.

Министр финансов ответил с оттенком враждебности в голосе, который он не мог подавить, говоря с Линкольном.

— Я предпочел бы, чтобы по вопросу о выкупе не делалось никаких новых заявлений. Эмансипация может быть лучше и спокойнее осуществлена, если генералам будет предоставлено организовать и вооружить рабов.

— Боже мой, что вы предлагаете, Чэйс, — вскричал Сьюард. — Вы намереваетесь вызвать войну рабов?

— Нет надобности в грубых выражениях, господин министр, — отвечал Чэйс. Красивое лицо его было

бледно от волнения. — Вооружение рабов предупредит резню, которую мятежники начнут в случае эмансипации.

— Вы с ума сошли, — зарычал Стэнтон. — Я — за немедленный выпуск прокламации!

— Как и я! — сказал генерал-прокурор Бэйтс. — А ведь я тоже консерватор из рабовладельческого штата. А как насчет вас и ваших друзей-аболиционистов, Чэйс?

Линкольн с благодарностью посмотрел на Бэйтса.

— Я считаю, что этот акт — лучше, чем ничего, — поспешно сказал Чэйс, и я его поддерживаю.

— Погодите минуту, друзья мои, — воскликнул Сьюард. — Выслушайте несколько фактов, поступивших в мое министерство. Иностранные нации, услышав об этой прокламации, вмешаются немедленно с целью предупредить освобождение рабов, — они убеждены, что хлопок будет производиться только до тех пор, пока негры находятся на положении рабов. И они правы. Издайте эту прокламацию, и вы нарушите наши отношения с иностранными нациями и производство хлопка на шестьдесят лет.

— И вы, — сухо сказал морской министр Уэллс, — тот самый человек, которого после его речи в 1858 году о «неизбежном конфликте» газета «Нью-Йорк Геральд» назвала аболюционистом, более опасным, чем Бичер, Гаррисон или Паркер?!

— Я не был тогда государственным секретарем нации, охваченной гражданской войной, — возразил Сьюард.

— Я хотел бы выслушать основания, побуждающее вас к выпуску прокламации, господин президент, — сказал министр внутренних дел Смит.

— Я тоже, — отозвался главный почтмейстер Блэр. — Я только хочу сказать, что если вы ее выпустите, на осенних выборах мы будем побиты.

Линкольн утвердительно кивнул.

— Провал наступления Мак-Клееллана на Ричмонд является как бы непосредственным основанием. Решающий элемент в соотношении военных сил Союза и сепаратистов связан с рабством. Для того, чтобы воспользоваться этим элементом, мы должны удалить два обстоятельства: предубеждение со стороны белого Севера и отсутствие мотивов со стороны черных. Затруднения, испытываемые всеми армиями Союза в настоящий момент, порождают в умах нашего народа, — даже в умах консерваторов, — желание репрессий по отношению к мятежникам. И в этом наша репрессия, — сказал президент, — хлопая документом по колену. — И в этом мотив, который вдохновит рабов на борьбу.

— Вы ошибаетесь в одном пункте, сэр, — воскликнул Сьюард. — Если вы выпустите прокламацию сейчас, немедленно после величайшей нашей неудачи в этой войне, народ не поймет вас. Люди усмотрят в этом последнее усилие выбившегося из сил правительства, крик о помощи, — правительство, протягивающее руки к Эфиопии, вместо Эфиопии, протягивающей руки к правительству, — последний крик отступления.

Как характерен для Сьюарда этот способ мышления, подумал Линкольн — золотник здравого смысла на фунт софистики!

— Требования, чтобы война кончилась заодно с рабством, усиливаются, — нетерпеливо сказал Уэллс.

— Мне, — возразил Сьюард, — не нравятся бессмысленные требования сделать целью войны эмансипацию рабов вместо неделимости страны. Еще менее нравятся мне бумажные декларации, не поддерживаемые силою армии. Печально видеть, как великая нация уклоняется от войны, которую она приняла, и выпускает прокламации, когда обстоятельства требуют применения силы.

— Не притворяйтесь цинично, будто вы меня не понимаете, Сьюард, — воскликнул президент. — Как

я говорил вам и раньше, я рассчитываю, что борьба будет продолжаться до победы, или до тех пор, пока я умру, или мы потерпим поражение, или мой президентский срок истечет, или Конгресс или страна меня покинут. Я знал, что только самые ужасные страдания могут побудить страну включить освобождение рабов в «казус белли». И я думаю, что страданий было уже достаточно.

Сьюард наклонился над столом лицом к президенту. — Господин президент, я знаю, что вы уже решили выпустить эту прокламацию. Вы нашего совета не желаете. И все же осмеливаюсь просить вас о следующем. Выпустите ее, когда она будет поддержана военными успехами, иначе вы станете посмешищем всего мира.

— Насмешки не могут серьезно на меня повлиять, — сказал Линкольн с печальной усмешкой. — Но вы внушаете мне новый подход к делу. Может быть долгие страдания должно облегчить надеждой перед тем, как мы сделаем этот шаг. Подождем до победы. А пока я прошу всех держать все относящееся к этому в полном секрете. И будем молиться о ниспослании Мак-Клееллану победы!

Холодный смех Стэнтонна приветствовал эти слова, и на этом совещание закончилось. Линкольн последовал за Стэнтонном в военное министерство.

Сомнер нанес своим избирателем в штате Массачусетс лишь короткий визит. Казалось, тревога за успех меры, предлагаемой президентом, делала для него невозможным быть вдали от Вашингтона. В один жаркий воскресный вечер он появился в Доме солдата. Он застал президента и его жену с супругами Уэллс. Они пили лимонад на лужайке. Тэд возил свою тележку с впряженным в нее козликом по дорожке, усыпанной гравием. Линкольн рассказывал о деревьях. Ему доставляло удовольствие сбивать Уэллса вопросами об их названиях и географическом распространении.

Он тепло приветствовал Сомнера и стал и ему задавать такие же вопросы.

— Пойдем к кладбищу. Там много вечнозеленых растений, и я покажу вам разницу между елью, сосной и кедром и разновидностью кипариса, который, как я заметил, незаконно здесь произрастает. Изучать деревья так же интересно, как изучать людей. У каждого из них собственная физиономия.

Он направился к кладбищу. Прочие следовали за ним без особенного энтузиазма. В своем белом полотняном костюме он казался выше, чем обычно. Позднее солнце бросало лучи между деревьями, делая заметным бронзовый оттенок в его черных волосах. Чарльз Сомнер и Мэри шли позади всех.

— А говорят, что президент мало интересуется природой или не особенно ее любит, — сказал сенатор.

— Обычное ложное представление насчет моего дорогого мужа, — сказала Мэри. — Как может не любить прекрасное в природе или в чем бы то ни было человек такого поэтического темперамента, как он. Но как человек с его страшными заботами может находить время, чтобы наслаждаться прекрасным? Я иногда думаю, что и в его религиозности только сказывается поэт.

— Это интересно, — задумчиво сказал Сомнер. — Ах, он не хочет лишить нас своей декламации. Они дожидаются нас на опушке.

Но когда они дошли до опушки, президент уже забыл о декламации. Он стоял с ветками в руках, глядя на ряды свежесыпанных могил.

— Я не знал, что они стали хоронить здесь добровольцев, — сказал он. — Смотрите, на сотнях могил нет даже имени или числа.

Лицо его изменилось. В глубине души он чувствовал отчаяние, которое старался подавить еще с того времени, когда Мак-Клееллан начал свое отступление от Ричмонда. Уэллс смотрел на него с состраданием.

Сомнер протолкался вперед и положил руку на плечо Линкольна.

— Дорогой мистер Линкольн, — начал было он, но не успел продолжать.

Из-за старого памятника грянул выстрел. Пуля проскользнула вдоль лба президента, вырвала клочок волос с головы Сомнера и срезала ветку «незаконного» кипариса. В тот же самый момент из-за деревьев слева выбежала чернокожая женщина и с криком заслонила Линкольна. Это была Джинни.

— Они не попадут в вас, масса Линком! Они сначала попадут в меня!

Она еще кричала эти слова, когда прозвучал другой выстрел и из-за старого памятника, нагибаясь, убежал человек и скрылся в роще.

Все это произошло с молниеносной быстротой. Линкольн наклонился, чтобы поднять Джинни. Сомнер бросился за убийцей. Его остановил Уэллс, указав на Джеймса, который в своей белой одежде слуги бежал по кладбищу. За ним следовал кучер Том в пунцовой рубашке. Мэри схватила Линкольна за руку. Смертельно бледная, она была совершенно спокойна.

Уэллс, поддерживая свою жену, близкую к обмороку, спокойно сказал:

— Сомнер, вы не ранены, помогите мне поддержать миссис Уэллс.

Линкольн молчал. Он, стоя, держал мулатку на руках. По рукаву его куртки стекала кровь из ее груди. Она смотрела в его лицо, пытаясь что-то сказать. Он слушал, стараясь помочь ей движением собственных губ. С мучительным усилием она, наконец, проговорила:

— Гордон... Гордон... — и испустила дух.

— Положи ее на землю, Авраам. Мы пошлем кого-нибудь за ней, — потребовала Мэри.

— Она спасла мне жизнь, — сказал Линкольн. Он не делал попытки положить свою ношу на землю. —

Пуля предназначалась для меня. Бедная, преданная Джинни...

Слезы катились по его щекам, когда он нес убитую рабыню через лес к коттеджу. Там он положил ее на софу в гостиной.

События после этого развивались быстро. Испуганная прислуга занялась трупом Джинни. Послали за полковником Бэкером. Тэди втащил своего козлика в дом, и устроил ему хлев в столовой, что заметили только через несколько часов. Вскоре вернулись Джеймс и Том. Убийца, сказали они, вскочил на лошадь, привязанную к дереву, и они не могли его догнать. Когда они закончили, задыхаясь, свой рассказ, президент сказал Джеймсу.

— Как же случилось, что вы там оказались?

Подавляя рыданье, негр сказал:

— Минут за десять до первого выстрела, масса Линком, в кухню вбежала Джинни. Она была вся покрыта пылью. Мы не видели ее с тех пор, как ее увезла с собой мисс Форд. И Джинни мне сказала, — я был на кухне один, — «Где масса Линком? Этот Гордон хочет застрелить массу Линкома!» «Они только что пошли в лес, к кладбищу» — сказал я. «Скорее возьми ружье и беги за мной», — сказала Джинни. Она выбежала, а мне понадобилось пять минут, пока я зарядил одно из старых ружей Тэди, и я позвал Тома, и мы побежали за Джинни. Мы добежали до кладбища как раз, когда раздался первый выстрел... Бедная Джинни.

Черные губы негра дрожали.

— Счастливая Джинни, — воскликнула внезапно со страстью Мэри. — Своею смертью она спасла мистера Линкольна!

— Перестань, — хрипло сказал Линкольн. — Джеймс, нельзя ли устроить так, чтобы прислуга до поры до времени ничего никому об этом не говорила? Скажи им, что если слух об этом распространится, это помешает моим усилиям освободить рабов.

— Если вы, масса Линком, созовете их и скажете им, чего вы хотите, никакие пытки не выжмут из них ни слова.

— Ну так позови их, Джеймс, — сказал президент. Когда Джеймс в сопровождении Тома ушел, Линкольн обратился к Сомнеру.

— Чарльз, вам лучше пойти в другой дом и позаботиться, чтобы и там держали язык за зубами. Сюда никто не прибежал, поэтому я думаю, что инвалиды там ничего не заметили.

Сомнер тотчас же вышел. После его ухода, в гостиной появились две девушки, которых привели Джеймс и Том. Президент передал им свою просьбу. Он, как и Джеймс был уверен, что теперь эти черные губы будут запечатаны, пока он этого хочет. Он был тронут фанатической страстностью, с которой эти люди проявляли свою преданность и веру в него.

Когда они ушли, он обратился к Уэллсу, его жене и Мэри.

— Я чувствую, что не заслуживаю их благодарности... Ах, и ты тут, дорогой мой Тэди... — Мальчик взобрался на ручку кресла, на котором сидела Мэри. — Я хотел сказать, — и вы тут, лейтенант Линкольн... Приказываю вам хранить это, как военный секрет верховного главнокомандующего. Поняли?

— Да, сэр, — Тэди вскочил на ноги и лихо отдал честь. — А вот арника для царапины на твоём лбу, папочка. Я ждал, пока ты успокоишься, чтобы тебе ее дать.

Все улыбнулись. Мальчик при помощи носового платка матери смочил рубец на лбу отца. Линкольн удовлетворенно вздохнул под прикосновением маленьких пальцев.

— Я хочу, чтобы Бэкер поймал этого человека, — сказал президент и откинулся на спинку кресла с закрытыми глазами. Потом он раскрыл глаза и продолжал, глядя на Уэллса. — Пусть это остается в секрете еще вот почему. Я не хочу, чтобы репортеры откопали,

что это имеет какое-то отношение к тому, о чем я сообщил сегодня на заседании кабинета. Публика не должна знать об этом намерении, пока у меня не будет уверенности, что страна к этому готова.

— Как всегда, вполне правильно, — согласился «папа» Уэллс; сидя, прямой как жердь, на отоманке, он нежно поддерживал тесно прижавшуюся к нему миссис Уэллс.

Глава двадцать четвертая

КЕДРОВАЯ ГОРА

Для Мэри была невыносима мысль провести ночь по близости от места трагедии, и в тот же вечер по окончании долгой беседы с полковником Бэкером все вернулись в город.

Линкольн настолько свикся с мыслью о возможности быть убитым, что самый факт покушения не особенно его поразил. Но его подавляла мысль о том, что Джинни принесла себя в жертву. Ее лицо, как и лицо Зиба, часто вставало перед ним, когда в понедельник он уселся за свой рабочий стол.

При появлении Линкольна Тэди со своими двумя собаками играл «в пленных» под столом заседаний кабинета. Президент был рад обществу ребенка.

Почта в это утро принесла ему первое письмо от Вильяма Ресселя. Линкольн с жадностью его прочел. После нескольких фраз, сообщавших о его возвращении в Лондон и о рецидиве малярии, удержавшем его в постели два месяца, Рессель писал:

«Я только теперь имел интервью, которое вам обещал. Я не в состоянии сказать, будут ли мои слова способствовать улучшению образа мыслей особы, о которой идет речь. Она, несомненно, разделяет общие английские чувства, которые в подавляющем большинстве случаев на стороне Конфедерации и проник-

нуты резким предубеждением против вашего правительства. На эффективную блокаду южных портов федеральным флотом смотрят с большим озлоблением. Вы должны попытаться себе представить, как задевают ее сердце страдания рабочих на английских хлопчатобумажных фабриках. Если бы признание Конфедерации Англией открыло порты вывоза хлопка, такое признание, уверяю вас, последовало бы немедленно. Она убеждена, что освобождение рабов вызовет в Европе хлопковый голод по крайней мере на целое поколение. Этим летом я надеюсь посетить Виндзор с более продолжительным визитом, и напишу вам о нем.

Герцог Аржильский и Джон Брайт — единственные государственные люди, стоящие на стороне Севера. Мистер Гладстон сочувствует Югу. Из лондонских газет на Вашей стороне только «Спектатор».

Президент кончил читать письмо с чувством разочарования. Он воображал себе ее величество королеву Викторию женщиной типа Мэри, быстро приходящей в гнев, но столь же быстрой на понимание. Впрочем второе интервью может быть принесет плоды или, по крайней мере, покажет, что первое не было совершенно напрасным.

В эту минуту вошел Сьюард, и Линкольн без обиняков его спросил:

— Губернатор, какие вести от Чарльза Фрэнсиса Адамса насчет судостроительства в Англии?

Сьюард бросил негодующий взгляд в сторону щенка Пенсаколы, который, недовольный ролью «пленного», вслух выражал свое недовольство.

— У меня тоже есть дети, Линкольн, и я тоже люблю их, но...

Президент, который чувствовал только присутствие ребенка, но не обращал внимания на звуки, исходившие из лагеря для «пленных», посмотрел поверх очков на Тэда. Мальчик выглядывал из-под стола, смотря на государственного секретаря с воинственным выражением на лице.

— Папочка, я не уйду. Я здесь в пожизненном заключении. Я застрелил моего начальника.

— Надеюсь, лейтенант, вы застрелили не вашего верховного главнокомандующего? — серьезно спросил отец.

— Нет, сэр. Всего только генерал-майора. — Мальчик был доволен, что отец поддерживает игру.

Линкольн быстро написал на клочке бумаги приказ: «Перевести заключенных в северную галерею. Использовать их для сторожевой службы. Снабдить рационом — пирожными — на два часа». Затем он позвонил Луи и прочел ему, как вестовому, этот приказ вслух, прибавив:

— Лейтенант Линкольн сознается в том, что он застрелил генерал-майора. С известной точки зрения преступление его является благодеянием. Поэтому мы делаем снисхождение. Взять его и двоих его сообщников.

Луи торжественно салютовал, взял «приказ» и повернулся к столу.

— Я бы никогда не пересылал таких опасных преступников без наручников, — воскликнул Сьюард. — Впрочем я помогу. Помогите и вы, мистер Линкольн.

Тэди восхищенно следил, как вестовой, государственный секретарь и президент в течение пяти минут были заняты связыванием узников шнурками от занавесок. Затем их вынесли в коридор.

Линкольн возвратился к своему письменному столу, вытирая пот с разгоряченного лица.

— Теперь, губернатор, поговорим о строительстве мятежных военных судов в Ливерпуле. Что пишет Чарльз Фрэнсис?

— Мистер Адамс очень озабочен постройкой судна, почти законченной. Оно известно как «номер 290» и, несомненно, предназначено для конфедератов, — отвечал Сьюард. — Он не мог ничего добиться от лорда Ресселя, самодовольство которого поразительно.

— Мне бы хотелось просмотреть относящиеся к этому письма, Сьюард, — сказал президент и затем обратился к другой работе.

Перед вечером, прочитав письма от Адамса, Линкольн надел шляпу и отправился искать лорда Лайонса. Быстро шагая по северному шоссе, он встретил на нем британского посла, совершавшего прогулку в своем безукоризненном ландо. Президент поднял руку, и экипаж остановился. Посол в безупречном черном костюме вышел из экипажа.

— Я как раз хотел зайти к вам, лорд, — воскликнул Линкольн. — Пройдемся под этими деревьями. Я хочу высказать вам, что у меня на уме.

Он подвел невозмутимого Лайонса к мраморной скамье под магнолией.

— Лайонс, почему английский народ не понимает великих принципов, которые лежат в корне этой войны, — начал он сразу. — Не по вашей ли вине?

Англичанин быстро на него взглянул.

— Нет, ваше превосходительство. Вина лежит в самих принципах. Они чужды пониманию европейцев.

— А вашему пониманию? — спросил Линкольн, спрашивая себя, есть ли возможность проникнуть сквозь полированную внешность этого джентльмена.

— Я не смотрю на себя, как на чужого, господин президент, и я горячо сочувствую обеим сторонам. Мучительно наблюдать кровавую распрю собственных кузенов. Я буду благодарить небо, когда наступит мир.

— Какими бы способами он ни был достигнут? — спросил, поднимая брови, Линкольн. — Вы совершенно нейтральны?

— Какими бы способами он ни был достигнут, — твердо сказал лорд Лайонс, обвеваясь, как веером, своим цилиндром.

— Лишь бы блокада была снята и начался вывоз хлопка в Англию? — воскликнул Линкольн.

В первый раз англичанин стал проявлять раздражение.

— Блокада — жестокое орудие, неблагоприятно применяемое, поскольку дело идет о ее последствиях для Европы.

— Если бы вы были на моем месте, — спросил Линкольн, — вели ли бы войну мягкими способами? Будете ли в будущем вести войны струйками розовой воды? Таков британский способ ведения войны?

Лорд Лайонс внезапно расхохотался.

— Вы прижали меня к стене, ваше превосходительство. Но уверяю вас, сэр, я не делаю попыток влиять на британское общественное мнение. Я стараюсь действовать, как этого требует положение, не более. Уверяю вас, — не более! — сказал Лайонс с усталым вздохом.

— Я знаю, — подтвердил Линкольн. — Это трудное дело, Лайонс, и если мы будем иметь хоть частичную победу здесь на Востоке, я намерен выпустить прокламацию об освобождении рабов. Я не хочу, чтобы в нашей стране об этом знали, но я хочу, чтобы вы подготовили к этому людей, занимающих в Европе ответственные посты.

Багровое лицо англичанина еще более побагровело. Он устремил глаза на видневшиеся сквозь деревья серые стены здания Армии и Флота, затем перевел их на Линкольна.

— Такой акт будет иметь глубокие последствия в Европе, сэр.

— Вы хотите сказать, что он успокоит Англию и Францию.

— Надеюсь, что да, — серьезно сказал Лайонс.

— Говоря по правде, я уже потерял было надежду их успокоить, — сказал Линкольн. — Но я не дам им никаких поводов к вмешательству. Вы меня понимаете, Лайонс?

— Понимаю, ваше превосходительство. — Посол забарабанил пальцами по набалдашнику своей трости.

Линкольн внимательно наблюдал англичанина. Он спрашивал себя, не ошибся ли Рессель в своих предположениях.

— Плохо, что я не говорю по-французски, — сказал он мрачно.

Лорд Лайонс вопросительно на него взглянул.

— Говорят, что это язык дипломатии. Конечно, мой английский — не такой язык. — Линкольн встал. — А что касается вашего языка, вы с тем же результатом могли бы говорить со мной по-гречески.

Взгляд англичанина выражал изумление, — вполне, как думал Линкольн, искреннее. Президент с задумчивым видом пригладил свои черные волосы, затем протянул послу руку.

— Лайонс, не относитесь к этой войне, как к чему-то, достойному презрения, только потому, что Англия никогда не вела войны ради такой цели. Поверьте мне, если я скажу, что основные принципы, из-за которых мы воюем, более возвышенны, чем что бы то ни было, из-за чего когда-либо воевала ваша страна.

Англичанин откланялся, и Линкольн со вздохом вернулся в свой кабинет.

Полковник Бэкер, человек крепкого телосложения с густой каштановой бородой и пронизательными серыми глазами, поджидал президента. Линкольн знаком пригласил его садиться, а сам присел на край стола.

— Сэр, вы приказали мне доложить вам о всех моих подозрениях. Мы не могли напасть на след Гордона после того, как он улизнул из Дома солдата, но мы следили за ним с неделю до этого, и это, между прочим, на момент позволило нам установить местопребывание мисс Форд. Она взялась добыть для Мак-Клеллана какие-то сведения о силах мятежников в Ричмонде. Он сейчас находится на Пристани Гаррисона и заявляет, что у него есть способ прорваться в Ричмонд. Один из моих людей пробрался в Ричмонд за несколько дней до этого, и он говорит, что в ночь,

когда он оттуда уехал, он видел мисс Форд, капитана Тэйлора и Гордона. Они разговаривали с Джефферсоном Дэвисом. Могу прибавить, что мой агент вскрабкался на дерево, и ему оттуда была хорошо видна гостиная Дэвиса.

— Не хотите ли вы этим сказать, что Джефф Дэвис замешан в каких-нибудь планах убийства? — воскликнул президент. — Говорю вам прямо, — я в это не верю!

— Я тоже этому не верю, — отвечал Бэкер. — Если Гордон в вас выстрелил, это было с его стороны актом личной мести. Но после того, как он сделал этот выстрел, наиболее благоразумным для него было искать безопасности у мятежников, которые его знают. Я не сомневаюсь, что Дэвис сумеет сделать его для себя полезным.

— Надеюсь, что те трое останутся в Ричмонде и не будут мне докучать, — сказал Линкольн. — Это единственное, что мне от них надо.

— Но это далеко не то, что от них надо мне, — мрачно сказал Бэкер. — Я сам отправлюсь в Ричмонд.

И раньше чем президент мог выразить свой протест против этого решения, детектив поклонился и вышел.

От последствий покушения страдал не столько сам президент, сколько Мэри. Она страшно волновалась всякий раз, когда муж ее выходил из Белого Дома. В эти долгие летние дни она чувствовала себя очень одинокой. Как она сказала об этом Джону Хэю, ей казалось странным, что ей недостает мисс Форд. Если даже очень популярный Джон Хэй находил Вашингтон в это лето безнадежно лишенным какой-либо светской жизни, насколько верно казалось это Мэри Линкольн! Все ее усилия в свете, все ее успехи в этом направлении пошли прахом с исчезновением вирджинки. Но она не жаловалась Линкольну, а погруженный в работу президент и не заметил бы ее угнетенного

душевного состояния, если бы не эпизод, связанный с новой военной кампанией в Вирджинии.

Кампания готовилась под настойчивым давлением Линкольна все время, пока он обдумывал прокламацию об освобождении.

Придя к решению удалить Мак-Клеллана из Потомакской армии, он не издал об этом безапелляционного приказа. Вместо этого, он приказал Мак-Клеллану передвинуть войска вверх по реке Аквиа-Крик, небольшому притоку Потомака, на расстоянии около тридцати миль к югу от Вашингтона, и из этого пункта посылать генералу Попу подкрепления, поскольку они ему потребуются. На первой неделе августа Поп начал передвигать свою армию к юго-западу, и 9-го августа у Кедровой Горы встретился с превосходным противником, — мятежным генералом Джексонем, по прозвищу «Каменная Стена».

Первый приказ двигаться к Аквиа-Крику Мак-Клеллан получил 3-го августа. Разумеется, для генерала это была горькая пилюля, — это ставило его в странное положение: он должен был передавать свои войска Попу до тех пор, пока их совершенно не останется у него самого! Но к 9-му августа он не дошел до Аквиа-Крик.

К вечеру 9-го августа в военное министерство стали поступать сообщения о страшных потерях под Кедровой Горой. Линкольн, нервы которого были натянуты, как бывало всегда, пока продолжался бой, не в состоянии был ничего есть. Он весь вечер провел в кабинете Стэнтонна, читая донесения, немедленно после того, как они принимались с аппарата.

— Стэнтон, если это развернется в крупное сражение, — повторял он неоднократно, — Мак-Клеллан не в состоянии будет прийти на помощь.

— Да он не пришел бы на помощь, даже если бы был в состоянии, — ворчал в ответ Стэнтон. — Но вы поступаете с этим человеком слишком мягко. Почему вы от него не избавитесь?

Линкольн вздохнул. Почему он не избавится от Мак-Клеелана?.. Почему он не пошлет сейчас же телеграмму об этом? Он все время задавал сам себе этот вопрос целый вечер, когда произошло нежелательное вмешательство. Вошла Мэри, за которой следовала пожилая женщина в черном. На ней был очень скромный кринолин и столь же скромный чепец. Но в глазах ее и чертах лица чувствовалась исключительная умственная сила. Это ясно было Линкольну с первого взгляда.

— Джентльмены, я знаю, что не должна была сюда входить, — сказала Мэри, улыбаясь, — но у меня есть законное оправдание. Прошу вас уделить внимание этой даме. Это мисс Клара Бартон. Она пришла ко мне потому, что не могла иначе найти доступ к президенту. Мисс Бартон собрала целый склад полезных вещей для наших солдат и распределяет их самым практичным образом. Но сейчас ей пришла в голову новая мысль.

Оживление, с каким говорила Мэри, заставило присутствующих обратить внимание на посетительницу, если бы в ее пользу не говорило уже то, как она держалась.

— Что можем мы для вас сделать, мадам? — спросил Линкольн.

— Я хочу идти туда, куда идут только дурные женщины, — сказала мисс Бартон. — Я хочу отправиться на поля сражений. Я хочу там оказывать помощь раненым, — там, где она нужна прежде всего. Если это удастся мне, за мною последуют другие женщины, и у нас будут сиделки на фронте, — там, где они и нужны. Господин президент и господин военный министр, я хочу отправиться к Кедровой Горе теперь же!

— Мадам, это нелепая идея, — заявил Стэнтон. — Нелепая! Как вам могло прийти в голову нечто подобное?

Мисс Бартон скрестила пальцы. У нее были прекрасные руки.

— Когда эти солдаты, которых я учила, когда они были детьми, возвращались в прошлом году из-под Болз-Блоффа, и я видела, как они страдали из-за отсутствия ухода, — искалеченные и умирающие, — тогда как их можно было бы спасти, если бы им оказали помощь прямо на поле битвы, — я решила, что это именно то, что я должна делать, и делать так, чтобы за мной последовали другие женщины. В течение многих месяцев я встречала пренебрежительное отношение или увиливание. Наконец, я получила пропуск от майора Рокетта, но мне нужно большее. Я должна заручиться словом президента Линкольна.

— Я не могу предоставить вам это слово, мадам, — сказал Линкольн. — Ваше доброе сердце делает вас непрактичной. Какую пользу может принести женщина в этом кровавом наводнении?

— Мистер Линкольн, — вскричала миссис Линкольн, — если вы не дадите слова, о котором вас просит мисс Бартон, клянусь вам, я отправлюсь с нею сама, чтобы показать солдатам, что чувствуют Линкольны. И почему бы мне с нею не отправиться? Почему бы это мне не подбало?

Идея мисс Бартон повидимому сразу ее захватила. Она, не видя, окинула взглядом скучную комнату, обставленную тяжелой мебелью.

— Я должна что-нибудь сделать для солдат. Все вы приносите столько жертв, делаете столько добра, тогда как я с моими праздными пустыми руками... я заживо погребена в Белом Доме!

Линкольн на минуту прищурился. Затем начал упрекать самого себя.

— Дорогая моя жена... — начал было он.

Но Мэри не дала ему продолжать.

— Почему бы и нет? Мисс Бартон только показала мне то, что знаем мы все, — что помощь на поле битвы — вопиющая необходимость. Не дайте мне

остаться в истории бесполезным для общества существом. Дайте мне возможность применить мои способности и энергию к идее мисс Бартон. Разрешите мне отправиться к Кедровой Горе!

— Нет, дорогая моя жена, — решительно сказал Линкольн. — Ты должна довольствоваться тем, что привлечешь и Стэнтон к делу мисс Бартон. Не правда ли, Стэнтон?

Военный министр был тронут просьбой Мэри.

— Мы даем наше благословение мисс Бартон, если это сделает миссис Линкольн счастливой. Но ее желание самой совершить такую поездку — нелепость!

— Мисс Бартон, передайте людям, что я пожелал вам счастливого пути, и что мои молитвы и мои мысли — с ними.

— Надпишите это на моем паспорте, господин президент, — вскричала мисс Бартон.

— Вот практическая душа! Я убежден в вашем успехе.

Несмотря на все свое возбуждение, Мэри не могла не улыбнуться.

Линкольн сделал просимую надпись, затем взял Мэри под руку.

— Теперь я хочу возобновить знакомство с моей семьей, — сказал он.

Они простились с мисс Бартон. Затем, по настоятельной просьбе Мэри, Линкольн совершил с нею небольшую прогулку в саду.

— Ты всегда предостерегаешь меня от прогулки, боясь покушения, но ты оберегаешь меня от пули, малютка, — сказал президент с улыбкой.

— Не шути с этим, Авраам, — возразила Мэри и, остановившись перед грядкой с маком, петуниями и петушками, воскликнула:

— Смотри, мне пришлось воевать за эту грядку старомодных цветов. Я знала, что они расцветут в ужасном вашингтонском августе. Садовник вместе с

другими жителями этого милого города считает, что у меня слишком грубые вкусы.

— Не могу их упрекать, — они видят, за кого ты вышла замуж. — Линкольн усмехнулся. — Но эта грядка мне по вкусу. Сколько красок, сколько запахов!

Он медленно обошел грядку, скрестив руки на спине. На нем был измятый полотняный балахон поверх рубашки и брюк, — в таком виде он выбежал из спальни при первых известиях из-под Кедровой Горы. Он чувствовал слабость от недоедания, и живая масса цветов с их сильными запахами в знойный день плясала перед его глазами, как нечто нереальное.

Мэри со своей странной интуицией в точности почувствовала, что происходит сейчас в его сознании.

— Ты притворяешься довольным, потому что хочешь меня успокоить, дорогой, — воскликнула она. — Но, Авраам, на этот раз я в этом не нуждаюсь. Я не хочу прибавить и соломинки к твоему бремени. Наслаждайся цветами сам для себя, или совсем не наслаждайся.

Линкольн, быстро обойдя грядку, остановился около Мэри.

— Мэри, ты чувствуешь себя несчастной?

Она взяла его под руку, и они медленно пошли по огороду между грядками кукурузы с ее острыми листьями, дрожащими под знойным ветром.

— Я опустошена, — сказала она, наконец. — Никто не может понять, что значил для меня Вилли. На этого ребенка можно было рассчитывать. Он понимал меня, прощал мне, восхищался мною. Это был сын, который, я чувствовала, сумеет обо мне позаботиться, если что-нибудь случится с тобой.

Линкольн вытащил одну початку и начал очищать ворсинки, окружавшие зерна. Упреки совести, которые он всегда чувствовал, когда Мэри впадала в такое настроение, вытеснили на минуту мысли о том, что происходит под Кедровой Горой. Да, он уделяет Мэ-

ри мало внимания. Она переживает горькое одиночество и не по своей вине. Все, что исходило из его ума и сердца, сейчас было направлено на его работу, и для нее оставались только часы его усталости. А теперь он закрыл для нее будущее, — возможность, к которой она всегда чувствовала себя призванной. Чем больше возрастала его ответственность, тем менее склонен он был разделять с кем бы то ни было свои действительные мысли. Он знал, что в этом отношении, он проявлял к ней невнимание и жестокость. Она жаждала дружбы. Неудивительно, подумал он, что она обращалась к Чарльзу Сомнеру, или же теперь, когда Чарльз погрузился в политику освобождения, хочет присоединиться к мисс Бартон.

Мэри, то выпалывая сорняки, то поправляя подпорку стебля тыквы, не мешала его мыслям. Она любила сад и работала в нем часто ранним утром. Президент вспомнил, что он в первый раз гуляет в этом уголке сада. Отныне он решил совершать здесь свои прогулки. Здесь он чувствовал себя дома больше, чем в каком-либо другом месте с тех пор, как покинул Спрингфильд.

— Мэри, — сказал он, наконец, — как ты знаешь, я далеко не разносторонний человек, и мне приходится напрягать крайние усилия, чтобы справиться с моим делом. В последнее время я спрашиваю себя, смогу ли я когда-нибудь любить кого-нибудь, как мне хотелось бы, как следовало бы человеку. Уверяю тебя, жена, для любви нужно время и время на размышление.

— Да, нужно, — согласилась Мэри. Она спокойно смотрела на куст малины, не видя его.

— Я мало уделяю тебе внимания, — воскликнул он.

— Ты должен бы был разрешить мне присоединиться к мисс Бартон. Ты не должен был лишать меня возможности применить свой ум и силы на войне. —

В голосе Мэри не было упрека. Она только констатировала факты.

— Ни в коем случае, — вскричал президент. — Ты заходишь слишком далеко. Неужели ты хотя на момент воображаешь, что я позволю тебе идти туда, где твоя жизнь будет в опасности. Уже достаточно было для меня смерти Вилли. Твоей я не вынесу.

Слезы выступили на глазах Мэри. Она посмотрела ему в глаза.

— Я знаю, дорогой, что ты полагаешься на меня, поскольку дело идет о физическом комфорте. Но я тебе не нужна в умственном отношении. Вот что меня убивает.

— В этом ты ошибаешься, — сказал Линкольн. — Я нуждаюсь в тебе в умственном отношении, как и всегда, но я к тебе не прибегаю, — вернее забываю прибегать. Например, уже несколько недель, как я себе говорю, что должен поговорить с тобою об эмансипации рабов, и до сих пор не говорил.

— Ты уже сообщил об этой идее кабинету? — спросила Мэри с живым интересом.

Линкольн сорвал несколько ягод малины и стал есть их.

— Да, я сделал это в прошлом месяце. Реакция была типична для каждого человека.

Он сжато рассказал ей о совещании кабинета и кончил замечанием:

— Никто из них не представит для меня затруднения. Даже Чэйс не будет противиться, как ни скверно он ко мне относится.

— Да, они затруднения не представят, — согласилась Мэри. — Но Мак-Клееллан, этот «никогда не готовый действовать» человек, будет единственным, кто сделает твою прокламацию недействительной после того, как ты ее издашь.

— Как ты думаешь, что он сделает, — спросил президент.

— Вспомни, как он поступал, Авраам. Я помню, что в апреле ответил мне Джон Хэй, когда я спросила о последних известиях с фронта. Он ответил, как всегда, риторически: «Поп переправляется через мутные воды Миссисипи при вспышках неприятельского огня. Грант бьется с легионами Борегарда под Питтсбургом, Мак-Клеллан же, этот наш маленький Наполеон, в страхе неподвижно сидит перед горстью неприятельских солдат под Йорктауном и боится принять бой». И затем прибавил по-мальчишески, что это дьявольски бесит Стэнтона. — Авраам, не можешь ли и ты дьявольски взбеситься против Мак-Клеллана?

— Нет. Я его люблю. Но это не помогает мне угадать, как он поступит.

— Он займет твое место в Белом Доме, если только сумеет. И он сделает эту войну, поскольку это от него зависит, по возможности бескровной — с тем, чтобы побудить демократов сделать его президентом. Пока ты не выбросишь Мак-Клеллана, Авраам, на Востоке решающих побед не будет. Он — твой злой гений. И что только тебя в нем привлекает?

— Он очень привлекательный человек, Мэри. И затем он наделен всеми теми качествами, которых у меня нет. Он образованный, светский человек с отличными манерами и прирожденный начальник. Солдаты его боготворят. Его штаб готов за него умереть. Как мне не любить такого человека?

Щеки Мэри побагровели.

— И ты думаешь, что у тебя с твоим замечательным умом и душой джентльмена нет всех этих качеств? Ты приводишь меня в негодование! — Она остановилась и задумчиво на него смотрела, пока он срывал ягоды, и затем воскликнула: — Теперь я понимаю! Мы дошли до твоей последней слабости. Вся беда в твоём влечении к Мак-Клеллану. Это — слабость, Авраам! Это — недостаток, который всю жизнь был твоим проклятием. А теперь он становится прокляти-

ем и для страны. Ты во что бы то ни стало должен отделаться от Мак-Клеллана.

Подавленный обвинением, Линкольн молча жевал ягоды. Разве Мэри не права? Не в этом ли ответ на вопрос, который он задавал себе весь день? Разве и в самом деле отделаться от Мак-Клеллана мешает ему влечение к этому красивому, элегантному, блестящему офицеру? Во всяком случае Мэри дала ему новый, — может быть, полезный — подход к решению проблемы.

Он внезапно выпрямился.

— Довольно об этом, дорогая жена. У меня для тебя есть предложение. Когда мисс Бартон возвратится из-под Кедровой Горы, — если только она оттуда возвратится, — поговори с нею и организуй свою собственную госпитальную работу, как она тебе советует. Отдавай этой работе по крайней мере полдня, и уведомляй меня о происходящем в армии. Это может делать лишь человек, находящийся в постоянном контакте с солдатами, — контакте, которого у меня нет.

Лицо Мэри прояснилось.

— Ты думаешь, это в самом деле принесет пользу? Ты это делаешь не для того, чтобы меня успокоить?

— Это безусловно принесет пользу, — искренне отвечал президент. — Ну, а теперь я должен вернуться на пытку.

И он медленно направился к своему кабинету через кухонную дверь. Мэри следовала за ним некоторое время, но остановилась, в жаркой натопленной кухне, чтобы поговорить с поваром. Она знала, что, если дольше останется с президентом, она не сможет удержаться, чтобы не начать упрекать его за полотняный балахон!

Глава двадцать пятая

СНОВА БУЛЬ-РЕН

Под Кедровой Горой войска Севера были отброшены, и армия генерала Попа отошла к Раппахэноку. И Мак-Клеллан не дал ей подкреплений! Ли послал часть своих сил к северу, чтобы перерезать коммуникационную линию Попа с Вашингтоном. Поп поспешно отступил к Манассасу, чтобы эти силы обойти, — Мак-Клеллан все же не посылал ему подкреплений!

Эти знойные августовские дни были для Линкольна особенно тягостны. Сам он придавал им, быть может, большее значение, чем они могли бы иметь, и потому согласился отложить выпуск прокламации, пока она не станет более приемлемой для народа после какой-нибудь крупной победы.

По внешности он оставался спокойным и даже веселым. Но его снедала тревога, видимая только его жене, — а подчас и молодому Хэю. Этим летом Николэй много времени прожил в горах, пытаясь избавиться от приступов лихорадки, и потому Джон Хэй проводил больше, чем обычно, времени с Линкольном. Молодой секретарь часто в заговоре с миссис Линкольн налаживал для президента какие-нибудь развлечения. Линкольн догадывался об их усилиях и мысленно их благодарил. Но поездка в обсерваторию, «чтобы взглянуть на Арктура и на месяц», предпринятая им в обществе Хэя, была испорчена: за коляской следовал конвой из восьми кавалеристов под командой лейтенанта, и стук лошадиных подков был почти невыносим президенту.

— Бэкер, Уэллс и Сомнер — вот кто это устроили, — жаловался он Джону на обратном пути. — Это ужасно! Поедем в театр Форда, посмотрим, что там теперь играют.

Вернулись они довольно поздно, и Хэй уверял миссис Линкольн, что посещение театра было очень полезно.

— Это был церковный концерт светской музыки, — объяснял он Мэри, когда она полушутливо делала им выговор, застав их в час ночи в комнате Хэя за чтением поэмы Томаса Худа. — Мы сидели в литерной ложе близ сцены, — я и тайкун, — и флиртовали с девицами на галерее. Скажу вам, у тайкуна зоркий взгляд!

Мэри внезапно привлекла к себе молодого человека и поцеловала его:

— Я не знаю, Джон, что бы мы без вас делали!

Линкольн, сидевший с ногами на подоконнике, утвердительно кивнул:

— Я сам бы его поцеловал, только я сомневаюсь, доставило ли бы это кому-нибудь из нас удовольствие!

— Лучше пользуйтесь мною, пока можно, — торжественно заявил Джон. — Меня медленно убивает лихорадка. Вот посмотрите!

Он показал на пуговицы, болтавшиеся на его куртке.

— Я закреплю их вам, или попрошу Лиззи Кекли это сделать, если только вы оставите мне вашу куртку, — сказала Мэри. — Ну, мистер Линкольн, пойдете, — пусть мальчик вкусит хорошо заслуженный покой.

Пока президент медленно сползал с подоконника, Мэри рассмеялась.

— Лиззи рассказала мне забавную вещь. Она шла по северному подъезду. Впереди ее шли двое солдат. Один из них указал на окно на втором этаже. Она посмотрела, и, по ее словам, увидела три пары свисавших ног. Один солдат вполне серьезно сказал: «Это, должно быть, заседание кабинета. А те две, самые длинные ноги, посередине — это ноги Линкольна».

Громкий смех президента покрыл смех Джона, и, обняв Мэри за талию, Линкольн вышел из комнаты Хэя.

Но спать он не мог. Как только голова его коснулась подушки, мысли его возвратились к Мак-Клееллану, Попу, и к его собственной сомнительной вере в «Маленького Наполеона». Эта ночь не была исключением. В середине августа он спал так мало, что Мэри обратилась к доктору Стоуну, и тот предписал Линкольну до конца месяца каждую ночь проводить в Доме солдата. Мэри, подавив свое нерасположение к этому месту, выехала туда на месяц, и президенту волею-неволей пришлось повиноваться и выезжать туда верхом под конной охраной. Эти продолжительные поездки были для него полезны, — не столько потому, что он мог больше спать, сколько потому, что это позволяло ему рассеяться.

В Доме солдата он, как на то и рассчитывал доктор, был на большом расстоянии и от телеграфной конторы.

В Белый Дом он возвращался по утрам, и часто его сопровождал Тэди на своем маленьком пони. Щенки Пенсакола и Сомтер бежали впереди, рискуя упасть под подковы лошадей, и это тревожило президента. К нему возвращалось ощущение тяжелого бремени. Когда с немощной дороги снова вступали на городскую мостовую, по мере приближения к Белому Дому все, кроме надвигающегося столкновения в Вирджинии, утрачивало для него реальность.

Дни медленно ползли, и ливни с грозой сменялись знойными солнечными днями. Мак-Клееллан с невероятной неохотой и медлительностью двинулся из Гаррисоновой Пристани не раньше 17-го августа, и только десять дней спустя сообщил о себе из Александрии.

Кампания Попа вступила между тем в опасный период. Он и Ли маневрировали, стараясь занять каждый наиболее выгодную позицию. 29-го августа обе армии сошлись, и начался второй бой под Буль-Реном.

Он продолжался два дня.

Дни эти Линкольн почти целиком провел в кабинете Халлека, в беспокойстве следя за обменом теле-

грамм между главнокомандующим и генералом Мак-Клеелланом, и читая с возрастающей тревогой донесения Попа. Ко второй половине дня 29-го августа пререкания между Халлеком и Мак-Клеелланом стали для него нестерпимы. Первый отдавал приказы, с каждым часом все более настойчивые; второй представлял более или менее неудовлетворительные объяснения того, почему он этим приказам не повинуетя. Наконец, терпение Линкольна лопнуло.

— Халлек, скажите ради Бога, не хочет что ли Мак-Клееллан помочь Попу?

Халлек развел руками. Стэнтон, который уже часа два расхаживал взад и вперед по комнате, насмешливо улыбаясь, обратился к президенту:

— Да вы ведь знаете, что он не хочет! Я бы вызвал его и отдал под военный суд за измену сегодня же вечером, если только вы обещаете не вмешиваться. Поп говорит, что солдаты, которых ему прислали из Потомакской армии, недовольны и плохо повинуются. Зависть и озлобление Мак-Клееллана передались им всем до последнего барабанщика. Вот увидите, теперь, когда Мак-Клееллан позволил, наконец, Франклину двинуться на помощь Попу, — он прибудет слишком поздно.

И действительно — Франклин прибыл слишком поздно, — как и прочие генералы, которых Мак-Клееллан посылал к Буль-Рену. В воскресенье, 30 августа, вечером, Линкольн, как и весь мир, узнали, что Поп разбит и снова отступает. И не просто отступает! Он телеграфировал Халлеку, что армия его совершенно деморализована и просил разрешения отступить за Вашингтонскую оборонительную линию!

Халлек сам принес Линкольту это донесение в понедельник утром, когда президент был еще в постели. За главнокомандующим следовали Сьюард, пришедший до завтрака, чтобы узнать новости, и Джон Хэй. Оба были охвачены тревогой. Прочитав донесение,

Линкольн вскочил с кровати, всунул ноги в кожаные туфли и начал расхаживать взад и вперед.

— Я вызвал Мак-Клеелана в Вашингтон на совещание, — сказал Халлек. Сьюард выругался. Затем со вздохом, похожим на рыдание, сказал:

— Мистер Линкольн, правда ли, что Мак-Клеелан прислал вам письмо, в котором говорит, что Поп должен сам выкарабкаться из опасности?

Продолжая расхаживать, Линкольн сказал:

— Он говорит, что нам остается одно из двух: или сосредоточить все наличные силы с тем, чтобы установить коммуникационную линию с Попом, или предоставить Попу самому выбираться из опасности, и сосредоточить все средства на обороне столицы.

— Что он хочет этим сказать, сэр? — спросил Джон Хэй. Секретарь был в своем ярком малиново-зеленом халате. — Невозможно, чтобы он в самом деле думал то, что писал!

Сьюард обратился к Джону.

— Хэй, какой смысл становится старше! Вы начали разбираться в людях и обстоятельствах, — но слишком поздно, чтобы применить ваше понимание. Только теперь я понял, что профессиональная зависть мешает этим генералам действовать в интересах страны!

— Я считал это невозможным! — воскликнул Хэй.

— Это понятно, — угрюмо сказал Сьюард. — Вы еще не стары. Но я-то должен был бы это знать и помочь моим помощникам к этому приготовиться.

Линкольн не слушал. Он думал о том, что произошло под Буль-Реном.

— Каковы наши потери, Халлек?

— Слишком рано, чтобы знать точные цифры. Вероятно, тысяч десять. Самое меньшее — тысяч шесть.

Президент отер струившийся по лбу пот.

— Почему вы вызвали Мак-Клеелана, Халлек?

— Если, — отвечал Халлек, дрожавший от усталости, — если только причиной этой деморализации является он, — то он скорее всего с нею и покончит.

— Идите, Халлек, домой и отдохните, — приказал Линкольн. — Не забудьте прислать ко мне Мак-Клееллана, когда он приедет.

— Хорошо, господин президент. — Халлек покачнулся. Хэй и Сьюард не дали ему упасть и помогли выйти из комнаты.

Ожидая Мак-Клееллана, Линкольн в этот день был настолько подавлен, что утратил обычную шутливость и чувство юмора. Когда его посетила делегация духовенства, необычайный характер ее требований вызвал в нем раздражение. Они требовали, чтобы президент запретил сражаться по воскресеньям! Он указал им на дверь, рекомендовав обратиться со своей жалобой к Джефферсону Дэвису и генералу Ли. Раздражение его еще не утихло, когда явился Мак-Клееллан.

Генерал сильно загорел, но был в безупречно выглаженном мундире. При взгляде на него Линкольн дал волю раздражению.

— Думаю, что генерал Поп уже неделю не имел свободной минуты, чтобы побриться.

Мак-Клееллан, вошедший с приятной улыбкой на своем красивом лице, нахмурился.

— Как мне это понимать, сэр? — спросил он.

— Садитесь, генерал, — сказал Линкольн, указывая на кресло у письменного стола, — и обсудим положение.

Мак-Клееллан повиновался. Он сидел, выпрямившись, как будто проглотил аршин, и точно мундир его был сделан из стали.

— Поп, — медленно начал Линкольн, — первоклассный офицер. Он доказал это на Западе. Его план кампании в Вирджинии был превосходен. Все данные говорят за то, что он мог бы нанести сильный удар неприятелю, если бы вы только с ним кооперировали. Уклонившись от этого, генерал, вы совершили ошиб-

ку. Вы восстановили против себя общественное мнение!

— Какое значение может иметь общественное мнение для солдата! — сказал Мак-Клеллан.

— Да, оно должно бы не иметь никакого значения, — согласился президент. — Но вы, Мак-Клеллан, занимаетесь политиканством охотнее, чем военным делом, и, значит, для вас общественное мнение имеет значение. Смотрите сюда!

Президент указал на огромную грудку писем и телеграмм на столе заседаний кабинета.

— Все это требования, чтобы я вас сместил. Таких требований получено уже несколько тысяч и они продолжают поступать. Мне известно, что среди членов кабинета собираются подписи под петицией с требованием, чтобы я вас удалил. Все это как будто неприятные известия, Мак, для человека с вашими амбициями.

Мак-Клеллан побледнел, что было заметно и сквозь густой загар. Он недоверчиво уставился на грудку оскорбительных для него писем. Подвергаться критике было для него трудным делом.

— Что меня поражает, — продолжал Линкольн, — так это то, как глупо вы поступаете! Если вы стремитесь занять мой пост, если вы последуете подстрекательствам, — а ими полон воздух, которым вы дышите! — вам понадобится для этого нечто большее, чем поддержка Потомакской армии. Вам понадобится и поддержка Гранта, и Бэрнсайда, и Попа. Но теперь, если только я правильно понимаю предзнаменования, — такой поддержки вы от них никогда не получите. Они, как и я сам, оскорблены даже при самой терпимой оценке ваших действий. Вы не пришли на помощь собрату-офицеру в час опасности!

Мак-Клеллан вскочил было с кресла, но его удержала на месте длинная сильная рука президента.

— Джордж, — сказал президент хриплым голосом, — это критический момент всей вашей жизни. Будьте

со мною откровенны. Вы можете на это решиться. Я чувствую к вам большую симпатию, вы для меня словно младший брат, обладающий достоинствами, каких я был лишен.

Лицо генерала смягчилось.

— Что я могу сказать вам, мистер Линкольн?

— Раньше, чем я на это отвечу, — сказал Линкольн, — позвольте мне спросить вас, понимаете ли вы, в какое положение вы поставили Попа? Он убежден, что вы хотели, чтобы он потерпел поражение. Он убежден, что вы, самое меньшее, подбивали ваших офицеров действовать вяло с досады, что они должны сражаться под командой Попа, а не вашей. Их моральное состояние было расшатано этими изменническими, нелояльными настроениями. Вы и ваши приспешники поставили в этом месяце Попа в адское положение. Он совершенно подавлен и просит меня сместить его. Но страна не может позволить себе лишиться такого офицера, каким показал себя Поп четыре недели тому назад... Чего я от вас хочу, Джордж, — это чтобы вы мне сказали, почему вы это сделали?

— Я не хотел, сэр, — сказал Мак-Клеллан с убедительной серьезностью, — оставить Вашингтон совершенно без обороны лишь для того, чтобы помочь Попу. Как и всякий человек, я, конечно, недоволен тем, что меня лишили моего поста. Но это ни мало не влияло на мои действия в прошлом месяце. Я не был бы солдатом, если бы позволил вам, штатским политикам, отдать Вашингтон в руки Конфедерации! Кампания Попа была нелепа с самого начала. Если бы вы послали его со всеми его наличными силами ко мне к Гаррисоновой Пристанни, мы бы уже две недели тому назад были в Ричмонде.

Он наклонился вперед и, глядя прямо в глаза Линкольну, своими прямодушными синими глазами, продолжал:

— Какое бы давление, сэр, на меня здесь ни оказывали, я не сделаю ни одного такого военного шага, в абсурдности которого я убежден.

Линкольн задумчиво смотрел ему в глаза. Гранта нельзя вызвать с Запада. Бэрнсайд был в некоторых отношениях недостаточно сильным военачальником. Поп, по крайней мере временно, был бесполезен. И пока он разговаривает здесь с Мак-Клеелланом, в испуганный Вашингтон отходит стотысячная армия, потерявшая свою боеспособность на болотистых равнинах Буль-Рена. Если Ли со своей бесстрашной быстро действующей военной машиной про это знает, и сумеет собраться с силами после страшных усилий, доставивших ему победу два дня тому назад, он может совершенно уничтожить Вирджинскую армию. Превосходные бойцы, эти Южане! — говорил он сам себе, но вслух, к удивлению Мак-Клееллана, сказал:

— Почему бы и нет, ведь они тоже американцы!

Почти в отчаянии он перебирал в уме все эти факты. Но, встречаясь глазами с взглядом Мак-Клееллана, он снова начинал чувствовать тяготение к этому человеку, — тяготение, никогда его не покидавшее. Вопреки логике, он не мог убедить себя в том, что Мак-Клееллан внутренне нечестен. Какой он должен быть личностью, чтобы приобрести такое влияние в своей армии! С такою армией можно совершить что угодно, — если бы только Мак-Клееллан образумился!

— Я совсем не хотел бы с вами ссориться, Джордж, — сказал, наконец, президент. — Но я думаю, что в настоящий момент важно дать вам ясно понять, что я о вас знаю. Вы много раз и на разные лады говорили, что правительство состоит из идиотов. Что мы желаем вам неудачи. Что я — презренный глупец. Что Стэнтон — негодяй. Думаю, что такие ваши мнения обусловили ваши действия в прошлом году. Так это или нет?

— Прошу вас не настаивать на ответе, сэр, если вы желаете избежать ссоры. Скажу, однако, что вы те-

перь мне показали, в чем источник вашего плохого отношения ко мне.

— Я не отношусь к вам плохо, Джордж. Я от всей души желал бы быть только посланной Богом ступенью к вашему успеху. Что бы мне о вас ни говорили, я придерживаюсь того идеального представления о вас, которое во мне сложилось. Чтобы доказать вам это, я предлагаю вам соглашение. Я назначу вас на место Попа, если вы обещаете мне восстановить моральное состояние армии и затем немедленно пойти на неприятеля и нанести ему удар. И если вы выиграете сражение, — преследовать неприятеля, теснить его к Ричмонду, и, если можете, взять Ричмонд. Но можете ли вы это сделать, или нет, — только действуйте быстро! Действуйте быстро! Действуйте быстро!

— Есть ли у этого предложения и обратная сторона, мистер Линкольн? — спросил Мак-Клееллан.

— Да, думаю, есть. Но не станем пока говорить об этом.

Генерал энергично поднялся.

— Я принимаю ваше предложение, мистер президент, — в том же духе, в каком оно было сделано. Через неделю мы двинемся!

— Прекрасно! Прекрасно! Вы можете рассчитывать на полное содействие и с моей стороны, и со стороны Халлека.

Они пожали друг другу руки, и Мак-Клееллан удалился.

Линкольн некоторое время сидел у окна, стараясь подготовить себя к взрыву недовольства по поводу нового назначения Мак-Клееллана. Не проявил ли он снова слабости?.. Он заранее знал, что скажут об этом Мэри и Стэнтон. Никогда еще он не был так недоволен своим решением, и недовольство это перешло в раздражение, когда мысли его были прерваны бесшумным появлением какого-то человека в военном мундире.

— Мистер президент, я — полковник Стоун. Я был ранен во время кампании на Полуострове. Ко мне ехала, чтобы ухаживать за мной моя жена. Во время столкновения пароходов у Хэнтон Роудс она утонула. До меня дошло известие, что тело ее выловлено, и я прошу дать мне пропуск, чтобы отправиться туда за ее телом.

Линкольн холодно посмотрел на офицера.

— Могу ли я иметь хоть минуту покоя? — проговорил он. — Неужели нет ни одной минуты и ни одного места, где бы мне не докучали постоянным обращением к моему сочувствию? Почему вы обращаетесь ко мне, а не к военному министерству?

Полковник Стоун смотрел на него с изумлением. Он не верил, что видел перед собой Линкольна.

— Я обращался, — сказал он, — но мистер Стэнтон мне отказал.

— Если так, значит вам и нельзя отправиться вниз по реке. Стэнтон знает, что делает. Если я отменю его решение, это может повредить какому-нибудь важному маневру. Вы не должны бы были приходиться с тем, чтобы взывать к моему человеколюбию. Разве вы не знаете, что мы — в разгаре войны и что страдание и смерть угрожают нам всем? Война топчет человечность, не признает ее — вы не должны бы были докучать мне своими семейными невзгодами. Моя ноша и без того тяжела! Если военное министерство не может вам помочь, — несите ваше бремя, — как и все мы должны нести наше бремя, пока война не кончится. Все должно отступить на задний план перед высшим долгом — довести войну до конца!

Полковник Стоун, совершенно подавленный, удалился. Линкольн, видел с некоторым удовольствием, что он причинил ему страдание. По крайней мере одному человеку он показал, что не всегда слишком мягкосердечен!

АНТИТАМ

На следующий день на рассвете Линкольн в сопровождении полусонных солдат отправился в Белый Дом. Доехав туда к шести часам утра, он отпустил лейтенанта. Он прошел через кухню и через огород, незаметно для стражника и выбрался на Пенсильвания-авеню. Протолкавшись сквозь толпу уборщиц в вестибюле гостиницы Вилларда, он спросил у изумленного клерка номер комнаты полковника Стоуна. Минуту спустя он стучался в двери номера на втором этаже.

Полковник в измятом мундире впустил его. Линкольн схватил его за руку.

— Полковник Стоун, — воскликнул он, — я вчера был с вами груб. Мое поведение непростительно. Я страшно устал, но это не оправдание грубости по отношению к человеку, готовому отдать жизнь за отечество, тем более, что человек этот пришел ко мне в минуту несчастья. Всю ночь я об этом жалел. Вы мне простите?

— Видит Бог, я бы и не это простил вам, мистер Линкольн, — воскликнул полковник Стоун. — До вчерашнего дня я и не подозревал, что вам приходится переживать. Забудьте о том, что было вчера.

— Но вы сами провели ночь без сна, полковник, и это моя вина, — сказал Линкольн, глядя на несмятую постель. — Зайдите в военное министерство в полдень. Там вы найдете свой пропуск. Нет, нет, не благодарите меня. Я не заслуживаю этого.

И президент удалился.

В вестибюле он наткнулся на Лиззи Кекли.

— Что вы здесь делаете в такое время, Лиззи?

Портниха с удивлением на него глядела.

— Я доставила заказчице платье, которое я дошила прошлым вечером, и иду обратно в Белый Дом.

— Ну так пойдем вместе — на своих на двоих. Что, шьете вы платья на зиму для миссис Линкольн?

— Нет, я сейчас не шью для миссис Линкольн, господин президент. Но у меня есть для нее кой-какие новости. Я охотно сообщу их и вам, если хотите.

Они шли по Пенсильвания-авеню. Лиззи приходилось почти бежать, чтобы поспеть за президентом.

— Лиззи, я весь слух и внимание! Вам бы следовало получать жалование от Бэкера.

— Я обнаружила, где находится мисс Форд. На улице «Ф» есть дом, — очень элегантный, но пользующийся дурной славой. Там постоянно спущены шторы, и все такое. Прошлой весной одна из моих девушек от меня ушла и устроилась самостоятельно. Вчера она у меня была и сказала, что за нею послала одна особа, живущая в том доме. Она живет там под именем миссис Огден-Эймз. Анна нуждается в работе и потому решила туда пойти, хотя и с риском, — как бы это не отразилось на ее репутации. По ее словам, миссис Огден-Эймз — очень высокая. У нее фиалковые глаза и черные волосы. Она спросила Анну, где та научилась своему ремеслу. По счастью Анна не назвала моего имени, — она боялась, что мне не понравится, чтобы мое имя упоминалось в таком доме. Леди повидимому думает, что Анна — обыкновенная негритянка с плантации, и она хочет ее нанять, как горничную и швею, и взять с собой в Европу. Она говорит, что ее собственная горничная убежала.

Они уже были около Белого Дома. Линкольн направился к огороду при кухне.

— Анна была так возбуждена перспективой поехать в Париж, что приняла предложение, и пришла вчера вечером ко мне, чтобы рассказать о своей удаче. Она говорит, что в том доме сейчас никого из его прежних обитательниц нет, и что там живут только миссис Огден-Эймз и старый слуга по прозвищу дядя Боб.

— Что вызвало в вас подозрение? — спросил Линкольн, срывая покрытые росой ягоды малины.

— Видите ли, господин президент, сначала я не подозревала ничего, и только пошла помочь Анне перенести ее багаж. Нас встретил дядя Боб у входа для прислуги. Передние комнаты не были освещены, и можно было видеть только свет, доходивший из столовой. Дядя Боб сказал, что он только что начал подавать ужинать, и что, когда его позовут в столовую, мне нужно будет уйти. Я никогда не бывала в таком доме, и не хотела уйти, не попытавшись увидеть, как все устроено внутри. Я попрощалась с дядей Бобом, вышла на задний двор, подождала там в тени, пока дядя Боб не вышел в столовую. Тогда я прокралась сначала в задние комнаты, оттуда в переднюю залу, и стала подсматривать сквозь занавеси. Господин президент, я увидела там мисс Форд, — только волосы ее были выкрашены в черный цвет. Она ужинала в обществе высокого красивого человека в мундире федерального офицера. Она называла его Том, — конечно это был капитан Том Тэйлор. Мне удалось расслышать только несколько фраз, потому что вскоре они вышли из столовой, и капитан Тэйлор ушел.

— Я не умею запоминать целых фраз, как Джинни. Но они обсуждали, — когда у вас хватит духу издать прокламацию об освобождении. Они говорили, что если генерал Мак-Клеллан снова получит контроль над армией, лучше всего сделать ему напрямик предложение от имени Джефферсона Дэвиса. Когда капитан Тэйлор сказал, что мисс Форд над ним смеется, она сказала, что ничто не может заставить Мак-Клеллана отказаться от лояльности по отношению к Северу. Она сказала, что это человек чести. И капитан Тэйлор спросил ее, разве у генерала больше чести, чем у сепаратистов, которые покинули Север? На это мисс Форд не ответила. Но она сказала, что за день до того видела мистера Мерси, и что он сказал ей, что Франция готова вмешаться в минуту, когда то же сделает Англия. Он сказал, что сочувствие французского императора целиком на стороне Юга. А она сказала, что

Горас Грили просил французского посла побудить свою страну вмешаться и заставить заключить мир.

— Это я знал, — прервал Линкольн. — Грили трусит.

— Тогда мисс Форд сказала, что она отправится в Англию в минуту, когда скажет капитан Тэйлор. И это — все!

— Вы должны были бы, Лиззи, немедленно пойти к Бэкеру, — строго сказал президент.

— Но, сэр, было уже за полночь.

— Хорошо, хорошо, бесполезно упрекать. Идите же к Бэкеру теперь же. Вот вам моя карточка.

И президент написал несколько слов полковнику.

— Хорошо, сэр. А вы расскажите обо всем миссис Линкольн, сэр? Она так этим интересуется, и не успокоится, пока не узнает, что мисс Форд и друзья ее схвачены.

— Ловкая же женщина, эта сестрица Форд, — подумал президент. — Да, я обо всем расскажу миссис Линкольн, — сказал он. — Ну, Лиззи, отправляйтесь.

Он направился в свой кабинет, предаваясь печальным размышлениям. Как ни опасался он махинаций вирджинки, он все еще хранил к ней чувство благодарности. Но вскоре он забыл про все, — на лестнице его встретил Джеймс и доложил, что в кабинете его дожидается Сомнер.

До сенатора из Массачусетса дошел слух, что Мак-Клеллан восстановлен на своем посту, и он собирался протестовать со всей силой своего красноречия против того, чтобы «страна и дело эмансипации снова были поставлены в опасность этим военным чудовищем!»

Остаток дня Линкольн провел, слушая горькие упреки за то, что он сделал. Он не ставил в вину членам кабинета их откровенную критику. Стэнтон, огорченный и возмущенный Мак-Клелланом, умывал руки. Сьюард говорил, что Мак-Клеллан — надежда Конфедерации и несомненная предтеча вмешательства Англии и Франции. «Еще одно поражение федеральных

войск, и Конфедерация будет признана!». Даже «папу» Уэллса, казалось, унижала проявленная президентом слабость.

Линкольн был необыкновенно уступчив. «Да, он поступил по отношению к Попу нехорошо», признал он, когда Монгомери Блэр сердито этого коснулся. «Мак-Клеллан действительно желал неудачи Попу. Но в армии нет никого, кто мог бы построить такие фортификации и хотя бы наполовину так хорошо организовать войска, как Мак-Клеллан».

— Да, это унижительно, — соглашался он с Уэллсом, и, — не только в одном отношении. Но мы должны пользоваться теми орудиями, какими располагаем. Если он не может драться сам, он отлично готовит к бою других.

— Если вы действительно хотите воспользоваться для выпуска прокламации удобным моментом, — это смертельный удар для нее, — насмешливо говорил Чэйс.

— Народ подавлен, — отвечал Линкольн, думая в то же время, пропустил ли Чэйс хоть раз в жизни случай его оскорбить, так систематически он это делал. — Демократическая партия враждебнее и сильнее, чем когда то бы ни было с самого начала войны. Заграницей царит злобное недовольство, которого мы не можем игнорировать. Если вербовка в войска должна продолжаться, я не решаюсь обидеть какую бы то ни было крупную организованную группу народа. Выступая против моей политики, Мак-Клеллан делает себя лидером демократической партии. Здравый смысл требует умиротворения этой партии в настоящий момент.

Эти слова встретили всеобщие протесты. Линкольн чувствовал, что щеки его горят, но не отвечал ничего, и члены кабинета, наговорившись до отказа по этому пункту, перешли к другим вопросам.

Станным образом некоторую поддержку получил он со стороны Мэри. Вечером, когда она ехала с ним

в Дом солдата, он рассказал ей о том, что происходило на заседании кабинета. Она сказала:

— Как я ни сожалею о том, как ты поступил, вопрос этот имеет две стороны. Сегодня, когда известие о назначении Мак-Клеллана дошло до госпиталя, можно было подумать, что каждому из этих бедняг влили в глотку бутылку вина. Словно раны их зажили, и страна спасена, и «На небе — Господь, а на земле все обстоит благополучно!»

Президент потрепал ее по руке. Некоторое время они ехали молча. Потом Мэри сказала:

— Сегодня вечером пришла Лиззи Кекли и рассказала мне, что мисс Форд и все ее друзья улизнули, когда явились детективы. Но они оставили кой-какие улики, и это кое-что да значит.

— Надеюсь, что и она улизнула. Это избавит нас от какой-нибудь грязной проделки, когда прокламация будет опубликована, — сказал президент.

— Приходится думать и об этом, — простионала Мэри.

Несмотря на всю резкость упреков, обрушившихся на Линкольна и Мак-Клеллана, не прошло и недели, как они были забыты. Между 4-м и 7-м сентября генерал Ли переправился через Потомак близ Лисбурга и вступил в штат Мэриленд. Общественное внимание тотчас же сосредоточилось на этой новой страшной угрозе.

Через несколько дней Мак-Клеллан, действительно, двинул свою 80,000-ную армию. Как обычно, он немедленно начал требовать подкреплений, но в общем проявлял уступчивость. Армия его продвигалась со скоростью шести миль в сутки.

Страна напряженно следила за быстрыми движениями Ли и медленными движениями Мак-Клеллана. Ли, уверенный в том, что Мэриленд встретит его с распростертыми объятиями, два дня простоял в Фредерике и послал «Каменную Стену» — Джексона — для захвата Харперс-Ферри. Джексон выполнил поручение с

обычным искусством и натиском, и оборванные конфедераты воспользовались захваченными там федеральными складами одежды и продовольствия. Но население Фредерика не проявляло по отношению к Ли гостеприимства, и пока Джексон был занят у Харперс-Ферри, Ли продвинулся к западу — к окрестностям Шарпсбурга. Мак-Клеллан с своей стороны двигался неторопливо. 16-го сентября обе армии — Ли с менее чем 40,000 и Мак-Клеллан с больше чем 87,000 — установили линию фронта по обе стороны речёнки Антитам, и перед рассветом 17-го начался однодневный бой — самое кровопролитное сражение Гражданской войны!

К вечеру определилось, что это бой вничью. Но на следующее утро Ли со своими поредевшими силами начал отступление. Он потерял 11,000 человек.

Линкольн телеграфировал: «Не дайте ему отойти, не нанося ему ударов». Генералы Мак-Клеллана просили разрешения возобновить атаку и прижать Ли к Потомаку. Но, удовольствовавшись тем, что вторжение на Север отбито, Мак-Клеллан стал лагерем в долине реки Антитам. Его потери достигали 13,000 человек.

В течение пяти дней Линкольн настаивал, чтобы Мак-Клеллан преследовал Ли, указывая, что, как военный специалист, Мак-Клеллан должен знать, что только преследуя истощенного неприятеля, он может сделать Антитам настоящим военным успехом. Мак-Клеллан отвечал, что истощена его армия. Линкольн спрашивал, истощена ли она больше, чем армия Ли. Мак-Клеллан отвечал на это требованием подкреплений. Линкольн посылал ему каждого солдата, которым только мог располагать, пока для преследования мятежников под командой генерала не накопилось 100,000 человек. 22-го сентября Потомакская армия все еще не двигалась, и, судя по газетам, дикая радость, охватившая страну при известии о славной победе Севера под Антитам, стала ослабевать.

В полдень Линкольн созвал кабинет на совещание. Летний зной сменялся мягкой осенней прохладой, — единственной приятной стороной ужасного вашингтонского климата. Линкольна это радовало. Ужасная жара действовала на нервы, и физическая подавленность усиливала раздражение, которым сопровождалось первое обсуждение вопроса о выпуске прокламации.

Ему бы очень хотелось, чтобы его сотрудники встретили то, что он собирался сказать, в более спокойном настроении. Когда эти семь человек собрались вокруг стола, он сначала не проявлял никакой серьезности. Когда министр Бэйтс спросил у него, какова, по его мнению, численность армии мятежников, Линкольн отвечал:

— Человек этак 1,200,000!

Все пораскрывали рты от изумления.

— Видите ли, — пояснил президент, — когда я спрашиваю моих генералов, как велики силы мятежников, они всегда определяют их втрое или впятеро больше своих собственных сил. Значит, если у нас 400,000, то у мятежников самое меньшее — втрое больше.

Все, за исключением Стэнтона, рассмеялись. Но военного министра раздражала шутливость президента.

— Мистер Линкольн, — сказал он строго, — вчера я послал к вам делегацию из пятидесяти нью-йоркских миллионеров. Сколько я ни кричал им: «Нет!» — они и слушать не хотели. Они требовали, чтобы в Нью-Йоркском порту для обороны против мятежных судов с таранами стояла канонерская лодка. Кажется я не могу надеяться, что вы меня поддержите!

Линкольн усмехнулся.

— Со мною они говорили иначе. Они начали с того, что они представляют свыше 110,000,000 долларов. Я слушал их внимательно, и когда они представили свою просьбу, я сказал: «Джентльмены, при настоящем положении вещей я не имею возможности предо-

ставить вам канонерскую лодку. У нас их не хватает. Кредит правительства стоит очень низко. Зеленые ассигнации котируются не выше сорока-пятидесяти центов за доллар. При таком положении, если бы я был наполовину так богат, как вы, джентльмены, и так же напуган, как, повидимому, напуганы вы, я бы сам построил канонерскую лодку и подарил ее правительству!»

После того, как я это им сказал, 110,000,000 долларов быстро удалились, — прямо растаяли в воздухе!

Он вынул из кармана книжку и надел очки.

— Сегодня утром я получил экземпляр новой книги Артемуса Уорда. Вот послушайте-ка эту главу. Он называет это «Высокомерное оскорбление в Ютике».

Линкольн читал, смакуя, и министры, слушая, смеялись от души, как и он сам, — опять-таки за исключением Стэнтона! Но, несмотря на дикую раздражительность министра, вокруг стола заседаний установилось непринужденное и веселое настроение, какого не было уже несколько недель. Президент воспользовался этим моментом.

— Джентльмены, как вы знаете, я много думал о связи между этой войной и институтом рабовладения, и все вы помните, что несколько недель тому назад я прочел вам приказ, приготовленный мною по этому предмету. Я думаю, наступило время приказ этот обнародовать. Хотелось бы мне, чтобы время для этого было более подходящее. Хотелось бы, чтобы мы были в лучшем положении. Действия нашей армии против мятежников не таковы, какими мне хотелось бы их видеть. Но мятежники выброшены из Мэриленда, и Пенсильвания надолго освобождена от угрозы вторжения. Когда армия мятежников была под Фредериком, я решил, что, как только она будет выброшена из Мэриленда, обнародовать прокламацию об освобождении рабов. Я не говорил об этом никому, но такое обещание дал я себе самому — и моему Создателю.

Теперь армия мятежников отброшена, и я готов выполнить свое обещание. Я созвал вас с тем, чтобы прочесть вам то, что я написал. Я не испрашиваю вашего совета относительно самого вопроса, — решение это принял я сам. Я говорю это с полным уважением к каждому из вас. Но мне уже известны мнения каждого по этому вопросу. Они были вами высказаны, и я продумал их с такою тщательностью, на какую только способен. Я написал то, к чему побудили меня мои размышления.

Что до выражений, которыми я пользуюсь, или каких-нибудь подробностей, которые по чьему-нибудь мнению следует изменить, я рад буду выслушать ваши советы.

Сделаю еще одно замечание. Я знаю, что многие другие в этом отношении, как и в других, могли бы действовать лучше, чем я. И если бы я был вполне уверен, что кто-либо из них может определенно рассчитывать на большее народное доверие, чем я, и если бы я знал какой-либо конституционный способ, каким он мог бы меня заместить, — он может занять мое место. Я с радостью его ему уступлю.

Но, хотя я и думаю, что сейчас страна мне доверяет несколько менее, чем прежде, я не думаю, чтобы, принимая во внимание все обстоятельства, какое бы то ни было другое лицо, пользуется большим доверием, чем я. И во всяком случае нет способа поставить его на мое место.

Это место сейчас занимаю я. И я должен наилучшим возможным для меня способом принять на себя ответственность, которую, насколько я понимаю, я должен на себя принять.

Президент снял очки, протер их своим красным носовым платком, снова надел их и прочел то, что сделалось частью его существа, — и когда он читал, ему казалось, что слова исходят прямо из его сердца:

«Я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов и верховный главнокомандующий армии и фло-

та, настоящим объявляю и возвещаю, что впредь, как и до сих пор, война будет продолжаться с целью практически восстановить соответствующие Конституции взаимоотношения между Соединенными Штатами и каждым из штатов и народом их, в тех штатах, где такие взаимоотношения прерваны или нарушены;

— и что я намерен в ближайшей сессии Конгресса снова рекомендовать принятие практических мер и оказание денежной помощи свободному принятию или отвержению всех тех так называемых рабовладельческих штатов, народ которых не будет находиться тогда в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, каковые штаты к тому времени добровольно примут или позже добровольно примут немедленную или постепенную отмену рабства в своих пределах;

— и что в день Первого января в год Господа нашего тысяча восемьсот шестьдесят третий, все лица, находящиеся на положении рабов внутри штатов или определенных частей какого-либо штата, народ которых будет находиться в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, станут тогда впредь и навеки свободны».

Произнеся последние два слова, президент на момент остановился, и подумал, как и всякий раз когда он писал эти два слова, что никакие другие два слова в человеческом языке не были столь содержательны и многозначительны. Затем он продолжал читать о мерах к осуществлению основных положений прокламации.

Когда он окончил читать, наступило молчание, прерываемое только глубокими вздохами, казалось, исходившими из сердца каждого из присутствовавших.

— Жребий брошен! — воскликнул, наконец, улыбаясь, Сьюард.

Линкольн кивнул головой.

— Я могу только надеяться на Бога, что я не совершил ошибки. Теперь дело народа и всего мира вынести суждение.

— Я сегодня же сообщу это газетам для опубликования, — оживленно сказал Сьюард. — В двадцать четыре часа разразится буря!

И буря разразилась!

Глава двадцать седьмая

БРЭДИ

Как была встречена прокламация об освобождении рабов, об этом, как говорил Вильям Стоддард, лучше всего могли бы рассказать сорные корзины Белого Дома. Они так быстро наполнялись, одна за другой, освобождая письменный стол бедного Стоддарда от тысячей писем и телеграмм.

На каждое слово одобрения со стороны радикалов Севера приходилось десять слов осуждения со стороны консерваторов Севера. Эпитеты вроде: «неконституционный тиран» и «ненавистный диктатор» по адресу Линкольна были еще сравнительно-сдержанными. Прокламацию называли «грязный указ», «низкий удар по священной свободе белого человека», «мертвая буква, от которой отдает ядом». Линкольна предупреждали, что солдаты Союза теперь откажутся драться, что «армия скорее разойдется, чем жертвовать собой на кровавый алтарь фанатического «освобождения».

Как и предвидели Линкольн и его советники, прокламация доставила демократической партии ценное орудие для осенних выборов губернаторов и членов Конгресса. Для президента это явилось источником острого беспокойства, потому что без поддержки Конгресса прокламация имела мало цены.

Негодование Юга выразилось многоречиво любым способом, какой только позволял ему дойти до Линкольна. Тайственный «телеграф ползучих слухов», как называл его Линкольн, работал, как никогда, передавая с Юга на Север гневные угрозы южных лидеров.

Может быть, ничто так полно не отражало настроение Юга, как письмо, которое Стоддард показал Линкольну приблизительно через неделю после опубликования прокламации.

— Сэр, вот письмо от мисс Форд. Хотите его просмотреть раньше, пока я не передал его полковнику Бэкеру?

— Непременно! — воскликнул Линкольн, протягивая руку за письмом.

Письмо написано было на листке с заголовком Белого Дома. Дата отсутствовала. Не было и почтового штемпеля.

«Авраам Линкольн, настоящим предупреждаю Вас, как я и предостерегала Вас неоднократно, что этой безумной прокламацией Вы не только поставили в опасность свою собственную жизнь, но и бесконечно усилили Юг и этим путем разрушили будущность Вашего правительства. Если ядовитая ненависть, которую вы возбудили в моей душе, может служить критерием, — а я знаю, что она может служить таковым, — критерием ненависти к Вам в сердце каждого работодателя, — для Вас нет возможности остаться в живых после Первого Января!»

Линкольн возвратил письмо Стоддарду, невнятно что-то проворчав.

— Я не смею всякого другого человека, Билли, — сказал он. — Но они уж слишком много мне угрожают. Ко всему можно привыкнуть, — даже к жизни под вечной угрозой покушения. Таково мое умственное состояние. Перешлите это письмо Бэкеру и не говорите о нем никому.

Выносить все это было не легко. Но было и множество проявлений одобрения, подчас со стороны очень влиятельных групп. К моменту выпуска прокламации в Алтуне собралась конференция губернаторов штатов для обсуждения военного положения. Семнадцать участников конференции выразили поддержку акту президента. Сделать это отказались только гу-

бернаторы четырех окраинных штатов и штата Нью-Джерси.

Церкви, пользующиеся громадным влиянием, проявляли безграничный энтузиазм. Баптистский конвент в Нью-Йорке, как выразился Линкольн в разговоре с женой, «попал в самую точку», уведомив президента, что, хотя и мучительно наблюдать бойню на полях сражений, — конвент не может считать «жертвы жизнью и сокровищами слишком великими для такой цели». «Побудительной причиной мятежа является рабство человека... Дух времени, безопасность страны и Божественные Законы требуют полной отмены рабства!»

Чарльз Сомнер выразил торжественную радость радикалов Севера спустя день или два после выпуска прокламации за чайным столом Мэри Линкольн. По обыкновению он говорил, как оратор, но со свойственной ему глубиной и ясностью.

— Это — великий документ! Правда, он не имеет санкции штатов, чтобы стать статьей Конституции, или санкции Конгресса, чтобы стать законом, или санкции Верховного Суда, чтобы стать принципом законодательства. Прокламация эта, быть может, не может иметь силы ни в одном судебном процессе, где дело идет о рабах. Но по своему значению и по своему эффекту она стоит выше какого бы то ни было светского или церковного эдикта со времени провозглашения Константином христианства, как религии римского мира!

Щеки Мэри покрылись румянцем и глаза ее затеплились.

— Да, да! — пылко воскликнула она. Но внезапно лицо ее побледнело. — Но, сенатор, меня вечно мучит предчувствие... Убийство!..

Сомнер ответил не сразу. Они сидели у раскрытого окна. Мэри в своем белом шелковом платье на фоне тяжелых малиновых портьер напоминала фарфоро-

вую дрезденскую пастушку. Лицо сенатора было измучено, но голубые глаза были ясны.

— Дорогая миссис Линкольн, — сказал он с улыбкой, в которой сквозила трагедия, — наш общий Отец не допустит, чтобы Авраам Линкольн ушел, пока он не завершит своего дела!

Мэри поставила на стол чайник, который держала, и заломила руки.

— Но этого мало! — вскричала она. — Мало для меня! Он собирается выехать в Антитам повидать Мак-Клеллана. Если в армии существует недовольство мистером Линкольном из-за его прокламации, что может его спасти? Я его упрашивала и упрашивала не ехать! Но это упрямец. Единственно, что я могла выпросить, это обещание, что он возьмет с собой Тэди. Я надеюсь, что если с ним будет сын, он по крайней мере не будет сам нарываться на опасность.

Сенатор кивнул головой и спросил с большим любопытством:

— А удалось вам повлиять на него насчет Мак-Клеллана?

— Нет! Ведь он в самом деле любит Мак-Клеллана. Я думаю, он смотрит на него, как на совершенного джентльмена, каким он сам хотел бы быть. И это бессознательно делает его слепым. Но когда он это преодолет, он станет беспощадным.

С таким же любопытством Сомнер спросил:

—И вы думаете, он достигнет такой точки?

Мэри снова взяла чайник, и раньше, чем ответить, налила Сомнеру чаю.

— Да, достигнет, если только убедится, что Мак-Клеллан не лоялен в военном отношении.

— Но ведь человек этот более, чем нелоялен! — вскричал Сомнер. — Как генерал, он не компетентен, и к делу освобождения у него нет ни малейшего сочувствия. И запомните — он больше помешает осуществлению прокламации, чем все другие, вместе взятые.

Мэри, следуя внезапной интуиции, сказала:

— Я хотела бы знать, где сейчас мисс Форд. Если бы только нам удалось привлечь ее на нашу сторону! След ее потеряли, но я уверена, что в Англию она и не думала отправляться. Если бы только я могла с нею переговорить, я уверена, что мне удалось бы пристыдить ее.

— Я думаю, — сказал Сомнер задумчиво, — что опасность быть убитым угрожает президенту с ее стороны, больше чем со стороны кого бы то ни было другого. Принимая во внимание все обстоятельства...

— О, не говорите этого, — воскликнула Мэри. — Я не смогу заснуть сегодня ночью!

— Почему не сможешь, жена? — раздался голос президента. Линкольн вошел в комнату и пожал руку Сомнеру.

— Я все еще не могу забыть этой стрельбы в Доме солдата, мистер Линкольн! — Мэри пыталась улыбнуться, глядя на озабоченное лицо мужа.

Он потрепал ее по плечу.

— Может быть они подумают то же, что подумал я насчет одного солдата, попавшего в беду. Прошлой ночью меня разбудил один человек. Его сыну угрожал расстрел за дезертирство. Он просил меня что-нибудь сделать для спасения сына. Я решил, что расстрел не принесет парню никакой пользы и потому его помиловал.

— Но я хочу для тебя большего, чем помилование! — Мэри старалась говорить ребяческим тоном.

— И я это получу, дорогая. Когда-нибудь мы все будем над этим смеяться, — когда будем, как туристы, совершать поездку по Святой Земле. Мне хотелось бы повидать Колодезь Иакова и Гробницу Рахили. Ну, Чарльз, есть новости насчет вмешательства?

Президент уселся на кушетку и потер лоб. У него болела голова.

— Похоже на то, что дело обстоит плохо, мистер Линкольн. Нам только остается терпеливо ждать, как будет отклик на прокламацию.

Президент, не глядя, взял чашку чаю и держал ее на раскрытой ладони. Глаза его были устремлены на Сомнера. Он всё более ценил проницательность сенатора во всем, касавшемся политики английского правительства.

— Вы думаете, Чарльз, они вмешаются?

— Англия позволяет мятежникам строить на ее верфях суда для войны против нас, — медленно отвечал Сомнер. — Я полагаю, что, если только прокламация не совершит чуда, кооперация между так называемой Конфедерацией и Англией превратится в союз. Англия признает рабовладельческую империю, и этим путем поможет этому уроду войти в семью наций.

— Недостаток ваш, Чарльз, в том, что вы адресуетесь всегда только к высшим классам тамошнего общества. Но простой народ в Англии, как и повсюду, рассуждает здраво. Он не позволит правительству играть роль либо шутовскую, либо злодейскую.

— Но ведь Англией правит не простой народ, — воскликнула Мэри.

— Он правит ею в конечном счете, — сказал Линкольн. — Мы узнаем, что он скажет о прокламации. Вы увидите.

— Я еще не говорил вам, какую радость вызвал во мне этот документ, — сказал сенатор. — Я ждал его целую вечность!

— Разумеется, опубликование прокламации — только начало борьбы, — сказал Линкольн. — Мне нужна надежная поддержка Севера. Иначе прокламация будет иметь столько же силы, сколько имела бы ее папская булла, запрещающая комету. Если меня поддержит армия, я почти могу пренебречь неизбежным увеличением числа голосов демократов в ноябре. И если Англия воздержится от вмешательства, пока суть прокламации не станет понятным всякому, — тогда я снова могу спать спокойно.

— Армия вас поддержит, если только вы сумеете ослабить давление Мак-Клееллана на свободное сужде-

ние страны, — сказал Сомнер. — Думаю, что и кабинет вас поддерживает, — хотя Чэйс и повторяет несвоевременную шутку Сьюарда, сказанную им в момент, когда Ли дошел до Фредерика. Он сказал тогда Чэйсу: «Кто-то предложил, чтобы Линкольн остановил намеренное Ли вторжение в Пенсильванию, издав прокламацию об освобождении всех подмастерьев штата». Если такова позиция Сьюарда, от нью-йоркских республиканцев будет мало пользы.

Линкольн поставил обратно недопитую чашку чаю и пригладил волосы. Он тоже не вполне был уверен в Сьюарде, но не видел надобности в этом сознаться.

— Кабинет твердо меня поддерживает, — сказал он. — До субботы 20-го числа я не мог считать Антитам победой. Созвать совещание Кабинета было уже поздно. Поэтому, поправив кое-что в воскресенье, я прочел им прокламацию в понедельник. Кстати, Чарльз, лорд Лайонс все еще заграницей?

— Думаю, что так, сэр.

— Я еще раз попытаюсь его испытать. Это — твердый орешек. Мы не должны позволить газетам повторять, что мы воюем с Англией. — Президент внезапно вскочил на ноги. — Ну, я скоро вернусь в свою мастерскую. А вот и Джон Хэй, он меня заменит. Это — образцовый парень!

Джон входил неторопливо, элегантный в своем зеленом пиджаке и коричневом жилете.

— Хотел бы я оставаться таким же образцовым, как и сам Тайкун, — воскликнул он, когда президент удалился. — Он сейчас заправляет всем — за исключением Мак-Клеллана. Я и не подозревал, с какой тиранической властью он правит кабинетом, пока я не наблюдал, как он провел прокламацию.

Затем, принимая чай из рук Мэри, Хэй сказал с неожиданной серьезностью:

— В стране нет человека более благоразумного, более доброго — и более твердого!

— Аминь! — сказал Чарльз Сомнер.

Но президент, готовясь к поездке в Антитам, меньше всего чувствовал себя благоразумным. Исход сражения и нежелание Мак-Клеллана преследовать неприятеля, пошатнули столь часто выражаемую Линкольном уверенность в том, что Мак-Клеллан — не трус. Ибо, — говорил он сам себе, — преследовать и уничтожить ослабевшую армию Ли генералу помешала либо трусость, либо нечто, столь низкое, что он даже не решался об этом думать.

Если, — говорил он сам себе, пока Мэри укладывала его вещи в большой черный чемодан, — эта поездка убедит его в том, что Мак-Клеллан не трус, — тогда он предоставит ему еще один шанс. Пусть он — открыто и от всего сердца — выступит за прокламацию, — тогда Линкольн сохранит веру в него. Но это будет окончательным испытанием.

Группа, выехавшая на место сражения, была разношерстна. Линкольн почти испугался, увидев, что в его вагон входит председатель комиссии по ведению войны, прибывший за минуту до отхода поезда. Это придавало поездке характер формального расследования. Но Линкольну не хотелось, чтобы Мак-Клеллан чувствовал себя так, как если бы его дело разбиралось следственным жюри. Он намеревался только нанести ему личный и дружеский визит. Он решил настаивать, чтобы другие сенаторы и члены Палаты представителей — «ловили рыбку в своем собственном пруду» и предоставили ему действовать в одиночку.

Для Тэда поездка была большим событием. Мать заставила его надеть синий бархатный костюмчик с широким белым шелковым воротничком, и шелковые вязаные чулки с круглыми красными и черными полосками. Недовольный неприятной роскошью своего наряда, он выпросил у матери позволения поехать «вооруженным». За пояс его был заткнут длинный охотничий нож, а под мышкой он нес — пока еще незаряженный армейский пистолет.

Пистолет он, разумеется, забыл на скамье вагона, когда выходил с отцом взглянуть на Харперс-Ферри. Джордж Николэй незаметно положил его пистолет за чан с холодной водой.

Крепко держа Тэди за руку, Линкольн смотрел на место, защита которого против «Каменной Стены» — Джексона — стоила Юниону 12,000 солдат. Это была небольшая деревушка, расположенная в прекрасном горном проходе Голубой Гряды, где сливаются реки Шенандоа и Потомак. Красота местности его подавляла. Харперс-Ферри вызывал в нем суеверные чувства.

— Думаю, нам придется брать его еще три раза, пока мы будем в состоянии его прочно удержать, — сказал он Тэди.

— Есть здесь и сейчас неприятель? — спросил мальчик.

— Нет, — за исключением самой местности, Тэди, — отвечал отец. — Ну, Николэй, двинемся дальше к Шарпсбургу. Как далеко это отсюда?

— Восемнадцать миль, — отвечал секретарь. — Дивизия мятежников под командой Хилла проделала этот путь за семь часов.

— Верно! — сказал Линкольн. — Он прибыл в Антитам под вечер, как раз вó-время, чтобы остановить наступление федеральных войск на левом фланге. Эти мятежники заходят Мак-Клеллана до смерти. Чорт возьми! Одетые в наши мундиры, обутые в наши сапоги, стреляя из ружей, захваченных в нашем арсенале, они двинулись туда и показали нос нашему юному Наполеону.

Николэй усмехнулся.

— Юный Наполеон, — я готов биться об заклад, сэр, — никогда этого не признает.

— Думаю, что нет, — согласился Линкольн, направляясь обратно к поезду.

Большая часть времени на пути в городок Шарпсбург была посвящена поискам пистолета Тэди. В поисках этих усердное участие принимал Линкольн, по-

буждая к этому, как детектива, и державшегося с большим достоинством сенатора Блэра, и настаивая, чтобы все, ехавшие в этом особом вагоне, предъявили для инспекции Тэди свои «арсеналы». Но Николэй, за девятнадцать месяцев опыта хорошо изучивший замечательную способность Тэда попадать в трудные положения, не раскрывал своего секрета, и только значительная доля запасенных для мальчика апельсиновых и лимонных леденцов примирила его, наконец, с потерей половины своего вооружения.

Шарпсбург расположен в живописной долине между рекою Потомак на Западе и отрогом Голубой Гряды на Востоке. К востоку от городка по долине протекает, в направлении с Севера на Юг, ручей Антитам. В этой-то долине, в ее лугах и перелесках, отдыхала великая армия Мак-Клееллана.

У железнодорожной станции президента ожидала коляска с кавалерийской охраной. Скоро она покинула по неровной сельской дороге, поднимая вихрь пыли, сопровождаемая всадниками, — к ставке Мак-Клееллана.

Лагерь, как всегда у Мак-Клееллана, занимал удобнейшую для солдат позицию и находился в отличном порядке. Генерал и его свита встретили Линкольна с подобающими случаю достоинством и формальностями. Формальности, как Линкольн объяснил Тэду, отнимают много времени и терпения. Только к вечеру Линкольн и Мак-Клееллан уселись, наконец, перед палаткой генерала и могли отдохнуть и свободно поговорить. Тэд исчез в обществе молодого румяного капитана, соученика Боба по Гарварду.

Мак-Клееллан держался с учтивым достоинством, как и подобает человеку, убежденному в том, что он уже второй раз спасает страну. Линкольн не торопился нарушить такое настроение. Визит его должен был продлиться несколько дней. Он чувствовал, что между ним и молодым генералом слишком долго существовали натянутые отношения. Теперь встреча их но-

сила более или менее естественный характер. Линкольн сидел на походном стуле, охватив руками колени. Перед ним на столе лежала карта, и с нее он переводил глаза на долину, казавшуюся золотой в свете октябрьского солнца. Генерал объяснял ему бой под Антитам.

— Чрезвычайная простота моей стратегии сделала бой таким эффективным, — говорил Мак-Клееллан. — Ли занимал Шарпсбург — это в середине карты — перед его позициями был ручей.

— И на его стороне было положение на возвышенности и в местности, покрытой лесом, — вставил Линкольн, следя глазами за извилинами потока, окаймляющего лагерь. — Вы же были внизу, в болоте. Преимущества местности были в пользу Ли.

— Да, — подтвердил Мак-Клееллан, — но они принесли ему мало пользы.

— Эти преимущества уравнивались вашим численным превосходством, — комментировал Линкольн. — Хорошо, Джордж, продолжайте, пока не стемнело и не станет трудно следить по карте. Ваши линии проходили параллельно ручью приблизительно мили на три, не правда ли?

— В общем, да, — отвечал Мак-Клееллан. — Но вы ошибаетесь насчет численной слабости мятежников. У них было по меньшей мере 100.000 человек. Мы и они заняли позиции к вечеру 16-го. Было несколько крупных стычек на правом фланге до наступления ночи, но настоящий бой завязался на рассвете следующего дня. Для маневрирования не было места. Мой план заключался попросту в следующем: мое правое крыло должно двинуться вперед первым. Когда бой завяжется, мое левое крыло движется через мост, — вы видите его отсюда, — и отбрасывает правое крыло Ли, пока оно не отступит за Шарпсбург. И, говоря языком не-специалистов, это именно и произошло.

Эти общие детали были, разумеется, уже вполне знакомы Линкольну, проведенному мучительные часы

17-го, когда он переносил на карту известия содержащиеся в телеграммах с фронта. Но он подавлял свое нетерпение.

— Бэрнсайд должен был вести ваше западное крыло через мост. Но он не двинулся до часу дня. Это дало Ли возможность сконцентрировать силы против вас на правом фланге. Что там происходило, Джордж?

— Простите, сэр. Мой приказ наступать дошел до Бэрнсайда в десять часов утра. Он немедленно послал Кокса занять мост, но на это потребовалось три часа и пятьсот человек потерями. Тогда я приказал Бэрнсaidu наступать вверх по холму за мостом, оттеснить мятежников и взять Шарпсбург. Он дошел до Донкерской церкви на краю городка, когда мятежник Хилл подошел из Харперс-Ферри и остановил его.

— А что, — спросил Линкольн, — происходило в это время в центре?

— Мы, — снисходительно объяснял Мак-Клеллан, — подвигались вперед по всей линии. Ночь застигла нас здесь, — и он указал по карте — Вторжение на Север закончилось.

— Понимаю, — пробормотал Линкольн. — Но...

И Линкольн крепко сжал губы! Он просто не мог говорить об этой страшной, бесполезной бойне, этом бесплодном подвиге превосходной армии, не высказав того, что должно было вызвать в Мак-Клеллане раздражение.

Ему стало легче, когда неподалеку от палатки остановился, колеблясь, невысокий, худой человек с острой бородкой. На нем был пыльный, весь в пятнах, полотняный балахон.

— Лицо этого парня мне знакомо! — воскликнул Линкольн.

— Да, это — Брэди, военный фотограф. Это замечательный человек, — сказал Мак-Клеллан. — Вы слышали, что он сделал? Это будет первая в истории сфотографированная война!

— Так это Брэди! — воскликнул Линкольн, поднимаясь. — Год тому назад я поручил Аллану Пинкертону из тайной полиции охранять его. Друг Брэди, идите сюда!

Маленький ирландец поспешно подошел, осторожно поставил на землю черный ящик и обменялся с Линкольном рукопожатием.

— Так, так! Так это вы — тот чудак из Корка, что чуть не попал в плен во время первого боя под Буль-Реном, и которого в дюжине сражений пришлось охранять людям Пинкертона?! — вскричал Линкольн. — Ну, открывайте лавочку и покажите свои товары!

— Это как раз то, что я и хочу сделать, ваше превосходительство, — сказал Брэди, осклабившись. — Разумеется, с разрешения генерала.

— Вы знаете, Брэди, что для меня вы также популярны, как и для солдат, — сказал Мак-Клеллан. — Мы гордимся памятью, которую мы, благодаря вам, оставим. Возьмите себе походный стул.

Брэди живо повиновался. Поставив свой ящик на стол, он открыл его. Ящик был наполнен фотографическими снимками, из груды которых он вытащил пластинку размером в восемь на десять дюймов.

— Я подумал, что, может быть, ваше превосходительство захочет, чтобы я объяснил в общих чертах мою задачу. Мое оборудование состоит из телеги для мясника, с моими пожитками в передней части и с темной камерой, куда не проникает ни один луч света, на противоположном конце. Снимки делаются на стеклянных пластинках, вроде этой. В темной камере они покрываются коллодием. Но делать на них снимки невозможно, если только они не покрываются коллодием не больше чем за пять минут до съемки. Малейшее дуновение воздуха или воздействие тепла или холода, малейшая пылинка, севшая на пластинку, пока она еще мокра от коллодия — испортит снимок. Может быть, после этого вашему превосходительству

станут понятными трудности, связанные с фотографированием боя.

— Еще бы, разумеется, понятны, — вскричал президент, сильно заинтересованный. — Покажите-ка пластинку. — Президент посмотрел через нее на свет. — Что тут снято?

— Это — начало атаки моста или, как называют его солдаты, «Бэрнсайдова моста». А это отпечатки с негатива.

Линкольн надел очки и стал рассматривать превосходную репродукцию. Красивый каменный мост с арками над спокойной речкой на фоне лесистых возвышенностей. На мосту масса солдат, наполовину скрытая дымом. На переднем плане мертвый солдат, снятый в профиль. Он крепко держит в руках ружье. Лицо его обращено к небу. Президент долго смотрел на этот снимок.

— Пятьсот таких, как этот, — сказал он обращаясь к Мак-Клееллану.

Глаза генерала наполнились слезами.

— Не просите меня смотреть на это, сэр. Это раздирает мне сердце.

— Я понимаю. Вы любите этих людей, как и они любят вас, — мягко сказал Линкольн. Раздражение его рассеялось, как по волшебству. — Займитесь чем-нибудь другим, если хотите, пока Брэди будет показывать мне свою маленькую выставку.

Мак-Клееллан поднялся.

— Благодарю вас, сэр. Я пока напишу письмо.

Он вошел в свою палатку.

— У него слишком мягкое сердце для этого убийственного дела, — сказал Брэди, показывая президенту другую фотографию. — Это многое в нем объясняет. Когда 18-го он ехал по полю сражения, я видел, как он громко плакал.

— Вы видели? — спросил Линкольн задумчиво. Внезапно его охватило чувство благодарности к маленькому ирландцу. Может быть, это и в самом де-

ле объясняет то, что ему было непонятно в Мак-Клеллане?..

— А это что? — спросил он через минуту.

— Это — Донкерская церковь к востоку от Шарпсбурга. Федеральные войска были отброшены оттуда солдатами Хилла. Похоже было на то, что поход в 17-18 миль разжег боевой аппетит мятежников. Из этих двух, лежащих на переднем плане, один — мятежник, а другой — федеральный солдат. — Показывая другой снимок, он продолжал: — Видите ли, сэр, бой начался здесь. Груда тел около рельсовой изгороди — это федеральные солдаты Хукера. Он бросил сюда первую волну атакующих. Когда у него больше не осталось солдат, подошли части Мида и Мансфильда. Это была просто непрерывная бойня. По крайней мере, так на взгляд фотографа. Но почему федеральные не начали бой по всей линии, а предоставили Ли посылать своих людей в те пункты фронта, где они были больше всего нужны? Невежественному фотографу дело представляется так, как если бы никакого плана действий и не было...

— Покажите следующий снимок, Брэди, — сказал Линкольн.

— А вот хороший, убедительный вид того, что происходило в центре. Это — дорога во впадине. Солдаты назвали ее «Кровавый переулок».

Он передал президенту снимок широкой канавы, заполненной серою массой тел в самых разных положениях. Линкольн чувствовал, что бледнеет, но продолжал пристально рассматривать ужасную фотографию. Если «ребята» могли идти в этот ад, куда он посылал их, он, по крайней мере, должен смотреть на изображение... Маленький фотограф взглянул на него и продолжал:

— Видите ли, мятежники совершенно вышибли из наших людей на правом фланге боевой дух. А на левом они легко разбили часть Бэрнсайда. Но в центре в числе федеральных солдат была примесь ирланд-

цев, и мятежникам там хорошо задали. Они окопались в этой впадине. Наши люди заняли возвышенности справа и слева и открыли по впадине непрерывный огонь. И тут лежат эти бедняги. Да, сэр, это они тут лежат.

И он покачал своей растрепанной головой.

Линкольн уронил снимок и уставился туда, где черным разрезом в поле в лучах заката лежала дорога во впадине, на которую раньше указал ему Мак-Клеллан.

Брэди вытащил еще один снимок, говоря словно самому себе.

— Корпус за корпусом, дивизия за дивизией шли в эту адскую пучину. Да, сэр! — он поднял голову. — Только дьявол, который наверное управляет войнами, может сказать, стоили ли всего этого результаты. Мы могли бы прижать мятежников к Потوماку, если бы...

— Покажите мне снимок, который вы держите в руке, Брэди, а потом я должен буду отыскать Тэда, — ему пора ужинать.

— Ну, довольно вы насмотрелись этой бойни. На этом снимке только один мертвый солдат. Тут хороший старый дом на плантации, — мятежники его подожгли, когда подошли наши.

Магнолии и между ними объятый пламенем дом с двумя галереями. Прислонившись к пню дерева, в сидячем положении мертвый федеральный кавалерист. Он смотрит прямо из снимка. Рядом его лошадь. Все четыре ноги ее вскинута вверх.

У Линкольна перехватило дыхание, и лоб покрылся каплями пота.

— Я знаю этого человека, Брэди! Его фамилия — Гордон. Его искала сыскная полиция.

— Неужели? — сказал фотограф.

— Но, думаю, Господь в его вечной справедливости искал его еще тщательней, — сказал Линкольн. — Дайте мне этот снимок, Брэди. Нет, пошлите его лучше в Вашингтон Бэкеру.

Он не выпускал из рук снимка, освещенного красным закатом. В уме его возникали мысли, которых он не мог бы выразить словами. Он смотрел в глаза мертвеца, пока не наступили октябрьские сумерки. Потом он прошептал:

— Прощальный привет «непристойному Гордону». — И, поднявшись, сказал:

— Мне надо отыскать Тэда.

Сердце его охватило чувство глубокого одиночества, и он чувствовал потребность в детской любви и привязанности.

Глава двадцать восьмая

КОТЕНОК ТЭДИ

Джордж Николэй сопровождал Линкольна в поисках Тэда. Когда они шли вдоль опрятной лагерной улицы, президент сказал:

— Джордж, я хочу знать вот что: в своем желании спасти солдат не совершил ли Мак-Клееллан как раз обратного? Мне страшно подумать о том, какое множество людей были бы теперь в живых в этом лагере, если бы он их не удерживал, когда они должны были участвовать в бою. Или я слишком много думаю о слабостях Мак-Клееллана?

— Это трудный вопрос, сэр, — отвечал Николэй, свирепо кусая кончик сигары. — Солдаты считают его непогрешимым. И все-таки остается фактом, что Ли оказался во всех отношениях лучшим военачальником. Эти южные генералы — превосходные бойцы!

Линкольн согласился.

— Они действуют быстро. У нас — все генералы медлительные.

— Солдаты чувствуют, что они могли бы прижать армию Ли к Потوماку, если бы только им дали преследовать его на другой день. Они говорят, что не

так устали, как солдаты Ли, — продолжал Николэй. — Они не так тяжело работали.

— А вот и капрал Дик! Ну, молодой человек, а где же мой сын? — вскричал президент, когда они остановились у костра.

— Он ушел к вам с полчаса тому назад, — отвечал солдат с некоторым смущением.

— Хм... Теперь искать его — это все равно, что искать блоху на собаке с курчавой шерстью. — Линкольн потер себе подбородок. — Кажется, самое лучшее — вернуться назад и дожидаться его там.

Но ужин в офицерской столовой-палатке уже кончился, и президента охватывало все большее беспокойство, когда явился капрал и, с трудом переводя дыхание, отдал честь:

— Я нашел его, господин президент. Но он не хочет идти. Сидит у моста и плачет. Он говорит, что хочет, чтобы вы пришли.

Мак-Клеллан, Хукер, Бэрнсайд, сидя вокруг костра у палатки президента, с любопытством наблюдали, как президент вскочил на ноги.

— Верно скучает по матери. Проводите меня к нему, капрал, и посмотрим, что можно сделать.

Он зашагал с непокрытой головой мимо сотни лагерных костров так быстро, что солдаты не успевали его приветствовать.

Маленькая фигурка Тэда виднелась в свете звезд у каменного парапета моста. Капрал указал на нее Линкольну и удалился.

— Дорогой Тэди, ты что, заскучал по дому? — спросил президент, наклоняясь, чтобы взять ребенка на руки.

— Не тронь меня, папочка, — сказал мальчик голосом, сиплым от долгого плача. — Я сам себя арестовал. Я послал сказать тебе, что пробуду здесь всю ночь.

Линкольн уселся на парапет. Чувство одиночества сразу исчезло и сменилось чувством удовольствия, которое ему всегда доставляли причуды Тэда.

— Что дурного сделал ты, Тэди? — спросил он торжественно.

— Я... Я убил такое, что я любил... — И мальчик снова заплакал.

— Тсс... Не плачь. Иначе я сам заплачу, и все скажут, что президент — трус. Лучше расскажи мне, в чем дело.

— Капрал дал мне маленького беленького котенка. Он сидел у меня на затылке и мяукал. Я шел показать его тебе, и по дороге здесь остановился, чтобы с ним поиграть. Он так смешно играл, папочка. А потом... Мы играли, будто бы он — Джефферсон Дэвис, а я индейский вождь, и я привязал его к столбу и метнул в него охотничьим ножом, как делал фокусник прошлой зимой. Только я не хотел его задеть. Ни за что. Но проклятый нож скользнул у меня в руке и вонзился в животик котенка, и из него вывалились все внутр... внутр... внутренности, и он мяукал и мяукал, и я не мог ничем ему помочь, и он издох. Я знал, что ты меня не накажешь, так я наказываю себя сам.

Линкольн откашлялся.

— Где же этот бедный котенок, дорогой Тэди?

Маленький пальчик указал на белое пятно на серой стене.

— Давай заставим злой охотничий нож выкопать котенку могилку. А в другой могилке зароем и самый нож, — предложил президент.

— Нет, давай выбросим его в ручей. Он не должен лежать рядом с котенком, — рыдал Тэди.

— Ну и хорошо. Я помогу тебе копать, — сказал президент.

Охотничий нож работал хорошо, и спустя несколько минут Тэди изо всех сил выбросил его с моста в черную воду.

— Ну, а теперь, — строго сказал отец, — я pošлю капрала за моей шляпой, потому что я обещал маме, что ты будешь спать со мной, и мне, значит, придется спать здесь.

— Нет, мама не позволила бы тебе спать здесь, — вскричал Тэди. — Может быть, потому что во всем виноват злой нож, я смогу себя помиловать и отпустить в твою палатку. И может быть ты возьмешь меня на руки, — мне так хочется спать.

— Да, пожалуй, возьму, — согласился Линкольн.

Он прижал маленькое тельце мальчика к груди, и ужас часа, проведенного в разговоре с Брэди, ослабел, пока он нес Тэда мимо лагерных костров в свою палатку.

Следующие дни он посвятил личному расследованию снаряжения, которое Мак-Клеллан объявил недостаточным настолько, что это помешало ему преследовать Ли. Президента поражало, что офицеры Мак-Клеллана не обсуждали в его присутствии прокламации об освобождении рабов. Из этого он заключил, что они поступают так по приказу Мак-Клеллана, и решил подождать, пока сам генерал первый об этом заговорит.

Он свободно общался с солдатами, сидел с ними у костра или беседовал с ними, когда они чистили амуницию, возились с лошадьми или чистили картошку для неизбежной похлебки. Сначала его смущало, что они встречали его приветственными кликами всякий раз, когда он среди них появлялся. Но как только они поняли, что он этого не хочет, они стали встречать его без почестей и свободно разговаривали в его присутствии.

Очень многие из них открыто одобряли прокламацию. Другие только качали головой. Большинство откровенно говорило, что они дожидаются, что скажет «маленький Мак». Это подавляло президента больше, чем он решался признать — даже перед самим собой.

Накануне его отъезда в Вашингтон, Мак-Клееллан устроил для него большой смотр. По словам Николэя, солдаты много спорили о том, умеет или нет Старый Эйб сидеть верхом на лошади. И офицеры, как и солдаты, с большим интересом ожидали, что будет, когда к палатке президента подвели большого черного мерина, норовившего встать на дыбы. Линкольн, смеясь про себя, — это напоминало ему молодые годы, проведенные в седле, и сотни миль, которые он проехал на лошадях любой масти, когда был захолустным адвокатом, — привычной рукой взял коня под уздцы.

В тот вечер Николэй описывал это в письме к Мэри.

«Офицеры и даже некоторые солдаты относились к президенту несколько свысока, — явно, откуда это шло. Это меня бесило! Он, повидимому, этого не замечал, но, я уверен, болезненно чувствовал. Вы рады будете узнать, что сегодня им пришлось проглотить свои насмешливые улыбки. С момента, когда он вскочил на седло, он явно почувствовал себя дома. Ему дали очень большую лошадь, и на ней он выглядел великолепно, — далеко не неуклюже.

«Я не вполне уверен, что Мак-Клееллан не подстроил этого испытания. Он появился в сопровождении блестящей свиты. Мистер Линкольн вскачь к ним присоединился. Оркестр заиграл «Привет шефу», загремели оружейные залпы, лошадь вставала на дыбы. Но президент спокойно держал цилиндр в руке и принимал салюты. Это было грандиозное зрелище! Затем последовал долгий галоп по очень неровной местности, с канавами и изгородями, через которые лошади перескакивали. Дорогой старый Тайкун не уступал Мак-Клееллану! От внимания солдат все это не ускользнуло, и когда, позже, он ехал по фронту, приветственные клики достигали неба... Что за человек!»

Никому смотр не доставил такого удовольствия, как самому президенту. Сидя в тот вечер в палатке

Мак-Клеллана с Бэрнсайдом и Николэем, он сыпал шутками. Мак-Клеллан немного дулся, но ничего не говорил, пока не ушли Бэрнсайд и Николэй, и только тогда спросил Линкольна, — что он нашел забавного в положении.

Линкольн покачал головой. До сих пор он избегал говорить на темы, которые могли бы, как он думал, раздражать Мак-Клеллана. Он не хотел сказать генералу, что его смешит, — а забавляло его то, что сам Мак-Клеллан сменил свое снисходительное отношение на восхищение. Но вместо этого он сказал генералу комплимент.

— Должен поздравить вас, Джордж, за моральное состояние вашей армии. Оно превосходно. Не вижу, что могло бы теперь вас остановить, когда под вашей командой солдаты, охваченные таким настроением.

— Прежде всего — недостаток сапог, — отвечал Мак-Клеллан. — Я не могу наступать, когда мои солдаты не обуты.

— А вот Ли наступает и с такими солдатами, — пока не может обуть их из запасов неприятеля, — сказал Линкольн. — Не станем, Джордж, возобновлять старый спор. Генерал-квартирмейстер Мигс прислал мне полный доклад о запасах в вашем распоряжении. Сами солдаты говорят, что ни в чем не терпят недостатка.

— И, конечно, их мнение является решающим, — иронически сказал Мак-Клеллан. — Кто может лучше судить о том, в чем нуждается армия, — я или не я?

Старое раздражение опрокинуло все решения президента. Он отпихнул в сторону стоящую на столе между ними свечу и вскричал:

— Мак-Клеллан, когда вы начнете наступление?!

— Когда моя армия отдохнет и получит хорошую экипировку, — холодно отвечал генерал.

Линкольн нетерпеливо закинул голову.

— Мак-Клеллан, почему вы не двинетесь завтра же?

Мак-Клеллан не отвечал.

С минуты президент тяжело дышал. Затем в серых глазах его появилось «гранитное выражение».

— Вчера Брэди показал мне еще несколько своих снимков. Один из них он озаглавил «Мак-Клеллан на фронте». Это — фотографии ваших ставок и вас самих во время сражений. Джордж, ваше мнение и мнение Брэди о том, где находится «фронт», расходится с моим! Во время вашего первого боя на Полуострове, под Вильямсбургом, когда Хукер, и Керни, и Хэнкок были там, где их солдаты, — под огнем, — вы сидели на верфи в Йорктауне, занимаясь тем, что должен был бы выполнять помощник квартирмейстера. В бою под Фэр Оакс, пока длилось сражение, вы были на другом берегу реки. То же самое в боях под Бивер-Дам-Крик и под Гейнс-Милл... Постойте! Вы должны меня выслушать, Джордж, потому что эта мысль будет отравлять мое хорошее отношение к вам, если только вы ее не рассеете!

Мак-Клеллан, который было уже встал, чтобы покинуть палатку, остановился при повелительном тоне, прозвучавшем в голосе Линкольна. Президент продолжал:

— Во время отступления к реке Джеймс вы шли впереди, намечая пункты, где Франклин и другие должны были изо дня в день принимать бой. Под Мальверн-Хилл, когда происходило зрелище, за возможность наблюдать которое каждый истинный солдат, по словам Халлека, отдал бы жизнь, — вы находились в своем лагере под Хексоллом, или дальше вниз по реке, подготавливая отступление. И здесь, под Ангитамом, где, увидя вас, солдаты, особенно на левом фланге, готовы были бы пойти в наступление, вы сидели позади, на возвышенности близ дома Прай, наблюдая бой издали в бинокль.

Линкольн тоже поднялся. Он буквально дрожал от желания проникнуть в душу Мак-Клеллана.

— Джордж, это — оскорбительное обвинение! Но оно не мое. Это то, что начинает думать народ, который выносит на себе эту войну. Одно ваше движение — и вы навсегда очистите вашу славу от этого обвинения. Сядьте на коня, ведите своих людей в догонку за Ли, и когда вы его настигнете, нанесите ему удар!

— Вы кончили? — спросил Мак-Клеллан, смертельно бледный.

— Не совсем, — ответил Линкольн голосом, пронзительным от гнева. — Я хочу прибавить, что если в кратчайший срок вы не покажете признаков готовности немедленно преследовать неприятеля, я удалю вас из армии навсегда.

Внезапно Мак-Клеллан засмеялся.

— Вы?! Вы удалите меня? Да вы сами удалитесь скорее, чем думаете, Линкольн. Довольно! Не станем ссориться! Я думаю, что вы не отдаете себе отчета и наполовину в оскорбительности того, что вы мне сказали!

Они молча посмотрели друг другу в глаза. Потом Линкольн резко повернулся на каблуках и, отрезав: «Спокойной ночи!» — покинул палатку.

Г л а в а   д в а д ц а т ь   д е в я т а я

ФЕРНАНДО ВУД

Линкольн вернулся в Вашингтон загорелый и с повеселевшими глазами. Было уже около полуночи, когда он с Тэди на руках вошел в комнату жены. Он положил спящего мальчика на кровать, обнял Мэри и несколько раз ее поцеловал. Затем он отодвинул ее от себя и одобрительно ее оглядел. На ней были

белый пеньюар, обшитый рядами бус. Волосы ее прядями падали на плечи.

— Здесь еще приятней, чем в палатке Мак-Клеллана, — сказал он. — Я так рад снова тебя видеть! Ну, какие новости? Получил ли Сомнер какие-нибудь известия о том, как в Англии отнеслись к прокламации?

Мэри подвела его к креслу и заставила усесться. Затем она придвинула ему скамеечку для ног.

— Не будем сегодня говорить о делах, Авраам. Стащи с себя эти сапоги, я принесу тебе туфли.

Линкольн облегченно вздохнул, стащив с себя один за другим сапоги, и отшвырнул их прочь.

— Превосходно, — сказал он, когда Мэри натянула на его серые шерстяные чулки ковровые туфли. — Ты слишком избаловала меня, жена, чтобы я был хорошим солдатом.

— Как вел себя Тэди? — спросила Мэри, когда он протянул руку, чтобы привлечь ее к себе.

— Как ангел, — поспешно ответил отец.

— Расскажи мне о том, что вы оба делали. — Мэри уселась на ручку кресла и прислонилась к мужу.

— Что делали? Лучший его подвиг был эпизод с котенком... Я просмотрел фотографические снимки, которые сделал Брэди. Тебе нужно бы было их видеть, Мэри. Они превосходны. — Он описал ей снимки и затем рассказал о Тэде и белом котенке.

— Милый барашек, — прошептала Мэри.

— Я не могу объяснить, — сказал Линкольн, — почему этот случай так много для меня значит. Видишь ли, побывать на поле сражения, видеть причиненные им разрушения, видеть фотографии Брэди — от всего этого дышит смертью, — смертью, за которую я ответствен, Мэри. — Он замолчал, и Мэри чувствовала, как тело его дрожит от подавленных рыданий.

Она его поцеловала.

— Знаю, Авраам, знаю.

Он сидел, стараясь восстановить самообладание. Он вернулся с твердым решением, что только беспощадная решительность должна руководить им, пока прокламация не станет для страны совершившимся фактом. А это, думал он, было плохим началом. Он откашлялся и сказал — по возможности непринужденным тоном:

— Кстати, на одном из снимков Брэди изображен «непристойный Гордон» — мертвый — в мундире федерального кавалериста.

Мэри вскочила и недоверчиво на него уставилась. Затем засмеялась, захлопала в ладоши, зарыдала и стала осыпать его дикими ласками. Он держал ее в объятиях, пока она не успокоилась.

— Я знаю, — сказала она, наконец, — что дурно испытывать такие чувства по поводу смерти какого бы то ни было человеческого существа. Но теперь мой страх за тебя наполовину улегся. Я завтра скажу об этом мистеру и миссис Уэллс.

— Мне нужно сходить на телеграф, узнать, что делает Бюелл в Кентукки. — Президент посмотрел на часы. — Народ на Западе начинает относиться к Бюеллу, как здесь относятся к Мак-Клеллану. Но оба они склонны действовать медленно. Это — факт. Я смею Бюелла, если он не проявит большего желания преследовать неприятеля, чем проявлял до сих пор. Я скоро вернусь.

Он надел цилиндр и накинул на плечи серый плэд.

Мэри проводила его до двери.

— Теперь, когда я знаю, что Гордон не прячется где-нибудь в коридоре, я могу тебя отпустить. Хотела бы я знать, знает ли о его смерти мисс Форд.

— Кажется, Анна, приятельница Лиззи Кекли, нанялась к ней в горничные, не правда ли? Она ни о чем не сообщает?

— Она ведь не умеет ни читать, ни писать, — сказала Мэри.

Она заперла за мужем двери и подошла к спящему мальчику.

Судьба Гордона в сущности имела мало значения для мисс Форд. Она погружена была в дело, в которое погружен был каждый рабовладелец Юга — в дело организации решительного боя против эмансипации негров. Сначала предполагалось послать ее в Англию с целью разузнать, нельзя ли как-нибудь ускорить момент вмешательства. Но кризис, разразившийся вслед за опубликованием прокламации, заставил Дэвиса отказаться от этой мысли.

Однажды вечером, незадолго до осенних выборов, несколько джентльменов собрались в гостиной небольшого дома, который мисс Форд занимала в Нью-Йорке на Бликер-стрит. Она очень ловко загримировалась. Конечно, высокого роста нельзя было скрыть. Но она выкрасила волосы в черный цвет, и носила их косичками, обвивавшими голову. Ее белой коже был придан оливковый оттенок. Вместо обычного зеленого платья, она носила траурное, черное.

Капитан Тэйлор, переодевшийся полисменом, пришел за несколько минут раньше, чем другие. Для этого он взломал замок наружной двери! Вирджинка закрыла за ним дверь и повела его в заднюю комнату, где в камине весело пылал огонь.

— Это — принятый полисменами способ входить в дом сомнительной репутации, — объяснил Тэйлор. — К сожалению, на улице было так темно, что никто этого не видел.

— Не будьте в этом так уверены, Том, — воскликнула вирджинка. — За мною, может быть, следят больше, чем мы подозреваем!

— Трудно было вам снять этот дом? — спросил Тэйлор, греясь у камина.

— Нисколько! Мэр Вуд устроил полицейский налет на заведение, и на другой день я с Анной сюда въехали.

— А где дядя Боб? — спросил капитан.

— Он убежал, этот старый проклятый дурак, перед тем как мы уехали из Вашингтона. — Она говорила с большой злобой.

Тэйлор сочувственно покачал головой.

— Мать пишет, что у нас не осталось никого. Когда дошло известие о прокламации, даже нянька Софи удрала за линию Севера. Леди, я бы вас не узнал под этим гримом даже в вашем собственном доме. Мне противен ваш грим и противна личность, которую вы имитируете.

Вирджинка пожала плечами.

— Кто-то пришел, — сказала она. Из передней донеслись голоса, и в комнату вошел человек в черном фраке. Это был мэр города Нью-Йорка Фернандо Вуд.

Все трое поздоровались, как старые друзья, и уселись перед огнем.

— Симур подойдет позже, — сказал мэр Вуд. Это был красивый пожилой человек с густыми черными волосами, серыми глазами и насмешливым ртом. Он был гладко выбрит. Высокий черный шелковый галстук придавал ему еще больше достоинства.

— Он очень занят, и если не сможет прийти, хочет, чтобы я его представлял. Я предсказываю блестящую победу на выборах во вторник. Даже Иллинойс отщипнет кусок Авраамовой шкуры! А губернатор Симур носит штат Нью-Йорк в боковом кармане!

— За это вы должны благодарить прокламацию об освобождении рабов, — сказала мисс Форд.

— Совершенно верно, — сказал Вуд. — Ее надо благодарить еще и за то, что за последние недели приток добровольцев в армию практически прекратился. Линкольну придется объявить принудительный набор. А тогда на Севере вспыхнет революция.

— Думаете ли так вы, мэр Вуд, или так думает мистер Симур, — спросил капитан Тэйлор.

Вуд рассмеялся.

— Симур думает о Линкольне много хуже. Он говорит, что для него на первом плане сохранение Союза, но я думаю, он станет сепаратистом, если только этим может повредить правительству. Но лучше, если он ограничится тем, что спокойно будет высказывать сочувствие сепаратистам.

— Но вы, насколько я вас понимаю, мэр Вуд, такого сочувствия не высказываете, — иначе чем в избранном кругу, — сказала мисс Форд, улыбаясь.

— Приходится быть осторожным, — сказал Вуд. — Но я никогда не буду так благоразумен, как Мак-Клеллан. — Мне приходится только ограничиваться заявлением, что эмансипация рабов — несправедливость по отношению к солдатам, которые сражаются лишь за сохранение Союза. А Мак-Клеллан на прошлой неделе выпустил сообщение, в котором он даже не упоминает о прокламации и не говорит против нее ни слова. И все-таки солдатам так же ясно, что он ее осуждает, как если бы он сказал это на словах. И мне передавали, что этой хитростью он успокоил старого Эйба.

— Не будьте в этом уж так уверены, — воскликнула мисс Форд. — Авраам Линкольн — человек очень умный. Слабость планов, разработанных Дэвисом и вашей группой, господин мэр, в том, что вы все еще отказываетесь признать, что он хитрее любого из вас.

— Однако, перейдем к делу, — нетерпеливо сказал Тэйлор. Он сидел, опершись локтем на колено и теребил свой носовой платок.

— Наше препятствие — больше, чем что-нибудь другое — это Линкольн, — возразила вирджинка. — Дэвис настаивает, что моя главная задача должна состоять в том, чтобы я постоянно напоминала вам о настоящем характере Линкольна. Вы же настойчиво третируете Линкольна, как простачка. Дэвис хуже вас, Том, а Симур в своей ненависти к президенту — безнадежный фанатик.

Тэйлор ерзал на стуле. За последние десять месяцев он постарел на десять лет. Нервы его были расшатаны.

— Если я не получу от Вуда доклада, мне лучше отправиться в Огайо.

— Мне легко сделать доклад, капитан. У меня есть письмо от Мак-Клеллана, — сказал мэр.

— Где оно? — быстро спросил Тэйлор.

— В надежном месте... Вы получите его, как только представите письмо Дэвиса, назначающее меня государственным секретарем в кабинете Мак-Клеллана.

Вуд был настолько же спокоен, насколько Тэйлор возбужден.

— Это письмо я держу тоже в надежном месте, — сказал капитан. — А что говорится в письме Мак-Клеллана?

— Как раз то, чего все вы желаете. В нем говорится, что он принимает демократическую кандидатуру на пост президента и что он будет продолжать войну способом, который приведет к умиротворению Юга и что вопроса о рабстве он касаться не будет.

— Прекрасно! — сказал Тэйлор. — А каковы сейчас отношения между ним и Линкольном.

— Как обычно, — сказал Вуд с улыбкой. — Эйб со слезами на глазах умоляет его разбить Ли до того, как тот отойдет к Ричмонду, а Мак-Клеллан со своей Потомакской армией движется так, как если бы под его командой было 100.000 инвалидов, и ежеминутно останавливается, требуя подкреплений и припасов. Когда я там был, он просил лошадей. Джиб Стьюарт объехал кругом всего его лагеря. Южане, снимаю перед вами шляпу!

— Терпение Линкольна не неисчерпаемо, — сказала мисс Форд, — а эгоизм Мак-Клеллана делает его неблагоразумным. А что мы сделаем, если Линкольн в самом деле сместит Мак-Клеллана?

— Он никогда этого не сделает! — запротестовал мэр. — Он опасается влияния, каким Мак-Клеллан

пользуется среди солдат. Он доказал это прошлым летом, когда восстановил его на посту.

— Как долго, думаете вы, Линкольн будет терпеть? — настаивала вирджинка.

— До первого января, когда он попытается осуществить угрозу, содержащуюся в его прокламации, — отвечал Тэйлор. — Тогда будет опубликовано письмо Мак-Клеллана, и Линкольну придется или его уволить или отречься самому. Народный протест и давление со стороны Англии и Франции не позволят ему выбросить Мак-Клеллана. И значит Линкольн отречется. Мне передавали, что он только этого и хочет.

— Но если Линкольн потеряет терпение до этого? — сказала вирджинка. — Вы знаете, что нет ничего нелепее уверенности генерала, что Линкольн не способен выходить из себя. Я видела его в момент, когда он был весь охвачен негодованием.

— Я отвечу на этот вопрос, — сказал Вуд. — Если Линкольн его уволит, Мак-Клеллан поведет армию на Вашингтон. Так сказали мне порознь три близкие к нему офицера. А в момент, когда он станет диктатором, война кончится. А что еще я должен сделать, капитан?

— Вы должны повидать Линкольна и узнать его отношение к Мак-Клеллану и к вопросу о принудительном наборе в войска. Убеждайте его в необходимости набора. Сейчас ничто так не поможет партии мира, как принудительный набор.

Тэйлор поднялся, собираясь уходить. В эту минуту Анна впустила еще двух посетителей. Оба были одеты по-вечернему. Мисс Форд и мэр Вуд встали.

— Добрый вечер, мистер Симур, — сказала вирджинка. — Добрый вечер, лорд Лайонс. Я слыхала о вашем прибытии.

Оба джентльмена склонились к руке мисс Форд и поздоровались с Вудом и Тэйлором.

— Надеюсь, лорд, что вы избавились от вашего недомогания, — сказал Вуд, когда все разместились вокруг камина.

— Да, почти, благодарю вас, мэр Вуд, — отвечал англичанин с обычной учтивостью.

— Ну что же, — намерена Англия вмешаться? — нетерпеливо спросила мисс Форд.

Лайонс заглянул в ее умные глаза под густыми ресницами и, поглаживая бачки, сказал:

— Я и не знал, дорогая моя мисс Форд, что мое правительство предполагает вмешаться.

— Гладстон на это намекал, — быстро сказал Симур.

— Но мистер Гладстон — не правительство ее величества, — отвечал посол. — Правительство ее величества объявило свой нейтралитет и делает все возможное, чтобы придерживаться этого заявления.

— За исключением того, что оно позволило Югу строить свои суда на английских верфях, и... — начала было вирджинка, улыбаясь.

— Довольно, довольно! Мисс Форд, вы не должны ставить нашего почтенного гостя в затруднительное положение, — запротестовал Симур. — Я пригласил его сюда с тем, чтобы он мог выслушать от капитана Тэйлора выражение надежд южной партии мира. Прошу вас не задавать больше лорду Лайонсу вопросов.

— Я заслуживаю этот упрек, сэр, — сказала вирджинка, горделиво закидывая голову.

Лорд Лайонс дружески ей улыбнулся и обратился к Тэйлору. В течение получаса капитан при помощи других рисовал перед британским послом подробную картину успехов, одержанных партиями мира на Севере и на Юге за три месяца, когда посол находился в Англии. Это был яркий доклад, и в заключение Тэйлор спросил лорда Лайонса, не думает ли он, что сила этого движения оправдывает вмешательство Англии в случае, если партия северных сторонников раб-

ства, известная под именем партии мира, придет к власти с Мак-Клелланом? Британский посол отказался высказать по этому поводу какое-нибудь мнение. Но когда он поднялся уходить, впечатление было такое, как будто он сочувствует Югу и считает победу Севера невозможной, и что Вашингтонское правительство, несмотря на угрозы, уступит, если только убедится, что его противники вполне серьезны.

— И все-таки, — комментировала мисс Форд после его ухода, — он проявил такую же ловкость, как и Мак-Клеллан по вопросу о прокламации. Он не сказал ни одного слова, на которое можно было бы сослаться.

Симур, с достоинством расхаживавший взад и вперед по маленькой гостиной, утвердительно кивнул.

— Это — ловкий дипломат. Теперь, друзья мои, я думаю, наступил момент, когда можно ожидать решительного конца. Когда меня выберут, тирания убийцы, сидящего в Белом Доме, придет к концу, — по крайней мере в штате Нью-Йорк. Я — в приподнятом настроении.

— Нет, — прошептала мисс Форд. — Я научилась бояться Линкольна. Я думаю, что если президент Дэвис не даст мне другого поручения, я отправлюсь обратно в Вашингтон, где я смогу за ним следить. Помните, Том, вы предупреждали меня, что умело распределенные пули могут оказаться последним и лучшим средством?

— Да, но я помню и то, как ужаснула вас эта мысль, — сухо отвечал Тэйлор.

— Гм... Тогда я еще не пережила такой пытки, — сказала вирджинка.

Тэйлор бросил на нее взгляд, исполненный глубокой тревоги. Затем он возобновил деловые переговоры о сделке с Фернандо Вудом.

Г л а в а т р и д ц а т а я

ЮПИТЕР ИЗ ЛЕСНОЙ ГЛУШИ

На другой вечер после того, как мисс Форд принимала у себя своих почтенных гостей, мисс Клара Бартон посетила миссис Линкольн в Белом Доме. Мэри делала героические усилия, чтобы возобновить зимнюю светскую жизнь в доме президента. С помощью Вильяма Стоддарда и Джона Хэя она составляла список приглашаемых на «прием с угощением».

Она сердечно приветствовала мисс Бартон, затем попросила ее подождать несколько минут у камина.

— Миссис Линкольн, — сказал Стоддard, заканчивая фразу, начатую им перед тем, как вошла мисс Бартон, — да всех этих гостей не разместить не только в приемных комнатах Белого Дома, но и в сквере Лафайетта.

— Но если я всех их не приглашу, скажут, что мистер Линкольн — сноб!

Джон Хэй засмеялся.

— Думаю, что Тайкуну это понравится! Это единственно словечко из словаря, каким его еще не обрутали. И затем, мадам, это не массовый прием, судя по списку. Кстати, репортерам не посылают личных приглашений. Каждой газете посылается одно приглашение. Это — существенная разница.

Жена президента развела руками.

— Но, Джон и Билли, — мистер Линкольн обещал прислать приглашение всем репортерам, которые только его об этом просили. А их около полудюжины.

— Это невозможно, — устало объявил Стоддard. — Даже члены кабинета приглашаются только соответственно должности. Лучше репортеров не трогать, миссис Линкольн. Предоставьте это мне.

— Но вы не можете меня избавить от их язычков и их перьев. — Мэри печально покачала головой. —

Однако, будем продолжать, Билли. Они не могут меня ненавидеть больше, чем уже ненавидят.

Она обратилась к мисс Бартон, и оба молодых секретаря покинули комнату.

— Вы должны были бы ознакомить представителей печати с вашей ежедневной превосходной работой в госпиталях, миссис Линкольн, — посоветовала с улыбкой мисс Бартон.

Мэри ответила такой же улыбкой. Они уже стали добрыми друзьями. Поговорили довольно подробно о госпитале, устраиваемом при церкви в Фэрфаксе. Затем мисс Бартон сказала о действительной цели своего визита: генерал Мак-Клееллан просит прислать еще госпитальных палаток.

— Предстоит еще одна ужасная битва, и, хотя генерал-квартирмейстер настаивает на том, что Мак-Клееллан имеет уже достаточно госпитальных палаток, и сам квартирмейстер ему больше их не посылает, я убеждена, что Потомакская армия не может быть достаточно хорошо ими снабжена. Я могу заняться палатками на пять тысяч человек, если вы, не обижая квартирмейстера, устройте так, чтобы Мак-Клееллан их получил, — сказала мисс Бартон.

Мэри задумчиво сжала губы.

— Военный министр Стэнтон, конечно, не поможет. Он слишком сердит на Мак-Клееллана. Халлек тоже сердит, но он сделает всё, что скажет ему мистер Линкольн. Полагаю, что вы с вашей обычной проницательностью об этом уже догадались и хотите, чтобы я переубедила президента.

— Вы можете это сделать, не правда ли? — улыбнулась мисс Бартон.

— Далеко не всегда! — сказала Мэри.

Обе женщины задумчиво смотрели друг на друга. На мисс Бартон была тонкая мерининовая шубка с белым воротником и обшлагами, и очень небольшой кринолин. На жене президента было пышное шелковое платье, богато гофрированное и с кринолином,

диаметр которого был больше диаметра круглого стола, стоявшего посреди гостиной. И всё же серьезность и спокойная твердость во взгляде обоих делала их похожими друг на друга.

— Я попытаюсь это сделать, дорогая мисс Бартон, — сказала, наконец, Мэри. — Если я не добьюсь этой уступки, может быть, это удастся сделать только Тэди. Вы думаете, что в палатках, действительно, будет нужда?

Мисс Бартон, вставая, подняла кверху обе руки.

— Как вы можете об этом спрашивать, после того, что вы видели в госпиталях здесь?

Мэри вздохнула.

— Я знаю. И хочу помочь. И все же я не хочу прибавлять и пылинки к бремени, лежащем на мистере Линкольне.

— Мы все страдаем, — мягко сказала мисс Бартон. — Но никто из нас не страдает так, как простые солдаты.

— Не уходите, — попросила Мэри. — Я каждую минуту ожидаю мистера Линкольна. Он сейчас на военном совете и уже на два часа запоздал к ужину.

— Благодарю вас, мадам, но я завтра утром уезжаю в армию. Сегодня я узнала, что армия, наконец, переправляется через Потомак и движется по восточному склону Голубой Гряды. Ли идет к югу вдоль западного склона, и потому неизбежны постоянные схватки. Я буду там нужна.

Мэри вздохнула.

— Как я вам завидую! Мисс Бартон, можно мне будет проехать завтра несколько миль с вами? Говорят, эта дорога, запруженная транспортами и пешими солдатами по всему пути между Вашингтоном и ставкой, представляет замечательное, хотя и драматическое зрелище.

— Конечно, можно. Хотя, — в глазах мисс Бартон промелькнуло лукавое выражение, — я боюсь, президент не простит мне этого.

— Он простит вам что угодно! — воскликнула Мэри. — В котором часу вы выезжаете из дому?

— В десять часов.

— Я там буду, — сказала Мэри, провожая мисс Бартон до дверей.

Она осталась там стоять, после того, как посетительница удалилась, и в ожидании смотрела на лестницу. Было уже девять часов. Тэд ушел с отцом, а он уже давно должен быть в постели. Она обсуждала сама с собой, следует или нет ей идти в кабинет Стэнтона, когда на лестнице показался Линкольн с Тэдом на плечах. словно по волшебству из комнаты секретарей тотчас же появился Джон Хэй, а из кабинета президента — Сьюард и Сомнер. Все сошлись у дверей гостиной.

— Пожалуйста, дайте мистеру Линкольну сначала поужинать, — вскричала Мэри. — Он ничего не ел с самого полудня. Входите все сюда, а Тэд с отцом покамест пройдут в столовую!

Линкольн, смеясь, хотя и с некоторым нетерпением согласился. Прочие послушно последовали за Мэри в гостиную.

— Вы не должны думать обо мне только как о мелочном тиране, — сказала с оттенком грусти Мэри, когда все уселись. — Мистер Линкольн выглядит таким постаревшим и усталым, что это меня пугает.

— Мы считаем вас важной частью души и силы президента, — возразил Сьюард.

— За это я разрешаю вам курить, сэр, — сказала Мэри. — Недавно я сказала миссис Сьюард, что вам надо принимать железо. Вы переутомились, губернатор.

— А кто из нас не переутомился? — спросил Сьюард. — Я бы даже не удивился, если бы в холеных усах Джона Хэя заметил седой волосок.

— Что значит для меня седой волосок, — сказал Джон. — У меня на уме более серьезные вещи. На-

пример, — цены на костюмы. Я не могу даже позволить себе купить новый жилет!

— Это очень прискорбно, — согласился Сьюард, пуская клубы дыма из сигары и глядя на Сомнера, который стоял, опершись на камин.

— Сенатор, если бы я так же хорошо знал искусство одеваться, как вы, Линкольн, никогда бы не сделался президентом.

Сомнер, не улыбаясь, взглянул на свои синие панталоны из отличного сукна.

— Разумеется, — сказал он рассеянно, — и когда слова его вызвали смех, прибавил, как бы оправдываясь: — Я думал о том, что должен просить президента об одолжении. Один из моих избирателей, и очень влиятельный, поскольку дело касается вопроса о прокламации, хочет, чтобы сын его был назначен командиром бригады.

— Не рассчитывайте на это, сенатор, — живо возразил Сьюард. — И, громко смеясь, прибавил: — Я знаю, о чем говорю! Сегодня утром я просил совершенно о таком же одолжении для одного из моих избирателей, и президент чуть меня не уничтожил!

— Что же в этом смешного? — спросил Сомнер.

— А вот что. Линкольн рассказал мне одну историю, заметив перед этим, что у нас больше генералов, чем нужно. — Слушайте, Сьюард, — сказал он. — Предположим у вас есть большой загон для всякого рода скотины, — коров, волов, быков, — и вам приходится посылать на бойню, продавать и вообще так или иначе сбывать ваших коров и волов, в то же время тщательно заботясь о быках. Постепенно ваш загон окажется переполненным старыми быками, совершенно ни на что не годными. То же самое произойдет с армией, если только я не перестану создавать новых бригадных генералов.

Джон Хэй залился хохотом. Сомнер, деланно улыбнулся. Вошел Линкольн с кувшином молока и стаканом в руках. Тэди нес за ним тарелку с хлебом.

— Мы с Тэди решили, что нам не понравился ужин и не понравилось оставаться в столовой. Поэтому мы сделали налет на кухню!

Президент уселся за стол. Мэри и Джон Хэй уступили ему место. Тэди бросил взгляд сначала на часы, потом на мать, и, стараясь быть незаметным, сел рядом с отцом.

— Есть новости из Англии, Сомнер? — спросил президент.

— Сегодня получено письмо от Адамса, — сказал Сьюард. — Он пишет, что Гладстон требует, чтобы правительство немедленно вмешалось. Он нападает на прокламацию самым циничным и придирчивым образом.

— Насколько я понимаю, сэр, президент обратился ко мне. — Сомнер сурово взглянул на невозмутимого Сьюарда. — Кобден прокламацией восхищен. То же самое Джон Брайт.

— Да, да! — нетерпеливо сказал Линкольн. — Ну, а как правительство? Как лорд Рессель?

— Он держится высокомерно и готов сделать все, чтобы превратить Юг в суверенное государство, — отвечал Сомнер.

— Старая история! — пробормотал президент, отодвигая едва начатую еду и устремив задумчивый взгляд на огонь в камине. Никто не прерывал наступившего молчания. Президент между тем думал, что Вильяму Ресселю не удалось выполнить взятого им на себя поручения. Он думал о последнем докладе Торлоу Видса из Франции. Тот писал, что только чудо удержит императора от вмешательства... Когда же заговорит простой народ Англии? Когда?

— Мак-Клеллан сейчас в Ректортауне, — сказал он, наконец. — Ли движется через Голубую Грядку, повидимому, направляясь к Кулпиперу.

— И он будет там раньше Мак-Клеллана, — воскликнул Джон Хэй. — Эх, если бы только армией на Потомаке командовал Грант!

— Грант нужен там, где он сейчас находится, как я и сказал сегодня утром на заседании кабинета, — отвечал президент. — Вас сегодня не было, Сьюард. Я там прочел поэму, и хочу, чтобы и вы ее выслушали. Написал ее Эдмунд Кларенс Стедмэн... Членов кабинета интересует вопрос: — если только Господь или чья-нибудь другая рука удалит Мак-Клеллана, — как отнесутся к этому республиканцы Севера?

И президент прочел поэму, каждое восьмистишие которой кончалось словами:

«Авраам Линкольн, дай нам настоящего человека!»

«Дай нам человека, говорилось в поэме, предназначенного Богом к тому, чтобы действовать, а не только разрабатывать планы! Человека, способного вести войска в бой, а не продавать свою славу политикам!.. Дай нам настоящего человека, Линкольн!»

Прочитав поэму целиком, президент положил ее в карман.

— Да, дай нам настоящего человека! — повторял он. — Но где такой человек?

— Джон Хэй был хорошим генералом, — раздался внезапно голосок Тэди. — Я знаю, что он умеет командовать!

Линкольн захохотал и, приподняв мальчика со стула, усадил его к себе на колени.

Мэри, воспользовавшись моментом, сказала:

— Кто должен бы быть генералом, — так это Клара Бартон! Знаете ли вы мужчины, что она в продолжение всей битвы под Антитамом не отлучалась от солдат ни на минуту, что люди умирали под огнем у нее на руках, что она несла бинты, свечи, эфир, вино всюду, где в этом нуждались. Эта женщина делала перевязки солдатам Бэрнсайда, падавшим под пулями у моста! Сегодня вечером она была здесь. Она опасается нового сражения. Она говорит, что Мак-Клеллану нужны добавочные госпитальные палатки, но квартирмейстер Мигс говорит: «Нет!» На ее складе

имеются палатки на пять тысяч человек. Не прикажешь ли ты выслать их Мак-Клеллану?

— Нет, — отвечал президент, — не прикажу!

— Как, папочка, не прикажешь выслать палатки для больных раненых солдат? — заговорил Тэди, глядя на отца отяжелевшими от сна голубыми глазами.

— Солдаты получают всё, что позволяют им доставить мулы и дороги, — сказал Линкольн. — Клара Бартон — благородная женщина. Но я скорее назначу ее главнокомандующим, чем стану считаться с новыми отговорками Мак-Клеллана!

— Но ведь это для солдат, мистер Линкольн, — вскричала Мэри. — Если бы ты только слышал рассказы об их страданиях, как я слушаю их изо дня в день... Постоянно отступают, постоянно терпят поражения — ничто не оплатит их страданий!..

Тэди заплакал.

— Папочка! Пожалуйста! Пожалуйста!..

Линкольн поставил мальчика на ноги. — Нет, — сказал он тоном, какой Тэди редко от него слышал. — Иди спать сейчас же! Я этого не выношу!

Тэди достаточно было взглянуть на лицо отца, чтобы он быстро выбежал из комнаты. В дверях он столкнулся с лордом Лайонсом. Посол улыбнулся мальчику, и, подойдя к миссис Линкольн, склонился к ее руке. Президент приветствовал его без обычной шутливости. Дипломат со своей стороны был серьезен.

— Мне поручено передать мистеру Сьюарду ноту немедленно по прибытии в Вашингтон, — сказал он. — Я только что сошел с поезда.

— Пройдемте в кабинет президента, лорд Лайонс, — поспешно сказал Сьюард.

— Одну минутку, — прервал Линкольн. — Полагаю, что нота может интересовать и меня, как главу правительства.

— Само собой, ваше превосходительство, — отвечал посол.

— Так, предположим, вы вручите ее теперь же. — Линкольн скрестил руки и прислонился к камину.

Лорд Лайонс приподнял брови, но учтиво поклонился.

— Лорд Рессель желает осведомиться о мнении вашего правительства насчет следующего гипотетического вопроса: не наступило ли время, когда уместно предложить правительству Соединенных Штатов посредничество с целью прекращения бесполезного кровопролития в этой фанатической войне?

Сьюард возбужденно откашлялся, но Линкольн взглянув на министра, отрицательно покачал головой и заговорил сам — медленно и обдумывая слова:

— Лорд Лайонс, передайте вашему правительству следующее. Скажите ему, что оно узнает наше мнение, если наведет справки среди текстильных рабочих Англии, — людей, среди которых война порождает голод.

— Как мне понять вас, ваше превосходительство? — спросил англичанин.

— Поймите это в том смысле, что правительство, которое не прислушивается к голосу простого народа, глухо и по отношению к собственным важнейшим интересам.

Лорд Лайонс позволил себе улыбнуться.

— И такова ваша теория эффективного правительства, ваше превосходительство?

— Да, сэр, такова. Кроме того, я обращаюсь к вашему здравому смыслу, — надо понять, что это раздор внутри семьи. Природа человека такова, что когда даже благожелательные, но посторонние люди вмешиваются в такого рода раздор, они рискуют попасть в чрезвычайно запутанное положение.

— Я не вполне уверен, что намерения Англии — благие, — резко сказал Сьюард. — Мне передают, что там в высших сферах радуются всякий раз, когда Север проигрывает сражение. Это очень поверхностная нейтральность!

Линкольн нетерпеливо поднял голову. Его всегда раздражала склонность Сьюарда к препирательству. В особенности же она была досадна сейчас. Сомнер пытался было ответить, но президент его прервал:

— Чего я не могу внушить вам, так это то, что лорд Рессель — человек умный, и каковы бы ни были личные его чувства, он не впутает своей страны в войну, непопулярную в народе.

Сьюард заговорил быстро и с улыбкой.

— Если бы лорд Лайонс был осведомлен о настроениях в штате Нью-Йорк, он подумал бы, что это вы, мистер Линкольн, возглавляете непопулярную войну.

Линкольн в свою очередь улыбнулся. — Я — поверенный народа, и не позволю, чтобы мой клиент вел дело вопреки моему суждению.

Англичанин поклонился президенту.

— Я признателен вам за то, что получил полный ответ на мой гипотетический вопрос.

— Я этого и хотел, лорд Лайонс, — отвечал Линкольн. — Чарльз, — сказал он, обращаясь к Сомнеру, — подите с лордом Лайонсом и покажите ему последнее письмо, полученное вами от герцогини Аржильской. Это многое ему объяснит.

— Я бы хотел тоже с ним ознакомиться, если позволите, — сказал Сьюард. Он пожелал Мэри спокойной ночи и последовал за другими.

Мэри заметила, что Тэди не должен брать щенят с собою в постель, и поспешно вышла, оставив Линкольна и Джона Хэя одних. Президент возвратился к прерванному ужину. Он выпил два стакана молока и доел оставшийся на тарелке хлеб, пока Джон Хэй молча стоял у камина. Между ними царило полное согласие.

— Джон, — сказал внезапно Линкольн, — вы помните угрозу или, если хотите, обещание, которое я сам себе сделал в вашем присутствии, когда я возвратился из поездки в Антитам?

— Помню, сэр. Вы сказали, что если Мак-Клеллан позволит Ли пересечь Голубую Грядку и занять позиции между Ричмондом и Потомакской армией, вы лишите его командования!

— И вот теперь, — Линкольн поднялся и принялся расхаживать взад и вперед по комнате, — и вот теперь Ли перешел Голубую Грядку и занял позицию в Кулперере, а Мак-Клеллан все еще на тридцать миль к северу. Джон, — голос президента звучал неописуемо печально, — Джон, я потерял к нему доверие... Пройдем на минуту ко мне.

Джон Хэй последовал за президентом в его комнату. Линкольн зажег газ и подошел к столику у своей кровати, на котором лежала раскрытая Библия. На ней было письмо.

— Почти всю прошлую ночь я читал эту книгу, — если только не расхаживал между кроватью и каминной решёткой. Джон, когда только я подумаю о возможности, которой пренебрег Джордж Мак-Клеллан, — возможности стать самым ценным человеком, — я готов плакать, как девушка, потерявшая первого возлюбленного. Он мог бы быть и должен был бы быть для нас всем! Вот что говорит пророк Исайя: «И человек будет, как убежище от ветра и приют от бури, как река в засушливом месте, как тень от великой скалы на истощенной земле, —» Но он избрал иное! Прочтите — вот что породили родовые муки прошлой ночи...

Джон взял письмо и, бледнея, прочел:

«По указанию президента генерал-майору Мак-Клеллану приказывается сложить с себя командование армией на Потомаке и генерал-майору Бэрнсайдю приказывается принять на себя командование этой армией. А также генерал-майору Хонтеру приказывается принять на себя командование корпусом этой армии, находящимся сейчас под командой генерала Бэрнсайда.

А также генерал-майор Фитц Джон Портер освобождается от командования корпусом названной армии и генерал-майору Хукеру приказывается принять на себя командование названным корпусом.

Главнокомандующий уполномочивается издать по своему усмотрению соответствующие вышеуказанному приказы либо немедленно, либо когда он сочтет это нужным.

А. Линкольн.»

Джон поднял глаза от письма. «Ура! Наконец-то Юпитер из лесной глуши принялся потрясать молниями войны!»

— Будете ли вы ликовать и в том случае, если Мак-Клеллан поведет армию сюда и переймет мой пост? — спросил президент, — ободренный, как всегда, веселостью Джона.

— Этот трус никогда на это не решится! — воскликнул Хэй.

— Он опьянен тщеславием, а пьяный человек всегда опасен, — сказал Линкольн. — Но более чем возможно, что он попытается попасть в Белый Дом более окольным путем. Джон, я сейчас же передам этот приказ Стэнтону.

— Не хотите ли, сэр, чтобы я вас сопровождал? — спросил Хэй, как нечто само собой разумеющееся.

— Пожалуй, хочу. Он еще у себя в кабинете, — дожидается донесений от Гранта.

— Лучше подождите. А я пока пойду в приемную и отвлеку внимание посетителей. Через две минуты, сэр, вы спуститесь по лестнице, и я присоединюсь к вам у выходной двери.

Этот стратегический маневр был выполнен.

— Есть ли там кто-нибудь, кого мне следует повидать? — спросил президент, когда Джон поспешно проскользнул мимо старого Даниеля и нагнал президента в портике.

— Нет, там нет никого, за исключением Фернандо Вуда. Я направил его к Николэю.

— Я отказываюсь впредь говорить с Вудом. Я ему не доверяю, — сказал президент и погрузился в молчание. Мысли его были заняты Мак-Клеелланом.

Стэнтон стоял у высокой конторки, подписывая письма, когда президент с секретарем вошли в его кабинет.

— Генерал-квартирмейстер разоблачил еще одну ложь Мак-Клееллана, — вскричал, увидя их, Стэнтон. — Мак-Клееллан говорит, что он дожидается лошадей, что с начала сентября он получал только по 150 лошадей в неделю. А на деле он получал по 1.459 лошадей в неделю! Я готов предать его военному суду!

— Нет ли поблизости Халлека, — спросил Линкольн.

Стэнтон посмотрел на часы.

— Он должен здесь быть уже теперь, чтобы получить донесения Мигса. А вот и он!

Халлек медленно входил в комнату. Он казался лет на десять старше своих сорока семи лет.

— Пожалуйста сюда на похороны, Халлек, — сказал Линкольн дружески пожимая руку старому солдату. — Вы к ним вполне подготовлены.

Главнокомандующий взглянул на президента глубоко, словно от болезни запавшими глазами.

— Мак-Клееллан меня совершенно извел, господин президент.

— Мы сейчас это исправим. — Линкольн усадил Халлека в кресло. — Присядьте на минуту и вы, Стэнтон. — Президент подтолкнул Стэнтон к софе, на которой сидел Хэй, и уселся, обвив ногами высокий стол около конторки. Затем он прочел приказ о смещении Мак-Клееллана.

Когда он дочитал до конца, Стэнтон бурно вскочил на ноги.

— Вы опоздали на целый месяц! Нет, на шесть месяцев!

Линкольн глядел через очки на военного министра.

— Вы хотите сказать, что теперь вы бы его не смещали?

Халлек грыз ногти.

— Или Мак-Клеллан или я — один из нас должен уйти, мистер Стэнтон!

Стэнтон посмотрел на него с презрительной усмшкой.

— Как? Зашевелился червячок?..

— Довольно, Стэнтон! Не вымещайте на бедном Халлеке недовольство мною. Что вы можете сказать против моего приказа?

Линкольн говорил мягко. Ему жаль было Стэнтона, нервы которого были расшатаны.

Военный министр сорвал с носа очки и ударил кулаком по конторке, возле которой он снова встал.

— Слишком поздно.

— Значит вы хотите, чтобы Мак-Клеллан оставался? Вы хотите это сказать, Стэнтон? — мягко спросил Линкольн. — Я не думаю, что ему можно доверять!

— Доверять! — загремел Стэнтон. — Доверять! Да вы просто глупец...

— Вы забываетесь, Стэнтон, — прервал Джон Хэй, вскакивая с софы. Его черные глаза сверкали. — Нет, господин президент, я не буду молчать, — вскричал он, когда Линкольн сделал ему знак успокоиться. — Я отношусь с полным уважением к способностям и честности военного министра. Но я пользуюсь этим случаем, чтобы торжественно его предупредить, — если он не прекратит своих нападков на президента, его имя останется в истории с теми ядовитыми и дерзкими эпитетами, которые он позволяет себе применять к Аврааму Линкольну!

Линкольн беспокойно ерзал на своем высоком стуле. Похвалы всегда приводили его в замешательство. Хэй и Стэнтон стояли друг против друга, но раньше, чем Линкольн мог подыскать какое-нибудь так-

тичное слово, военный министр снова надел очки на нос и спокойно сказал:

— Может быть, я этого и заслуживаю, Хэй. Но Мак-Клееллан — изменник и негодяй! Я ненавижу одну его рожу! Но если бы президент послушался моего совета шесть месяцев тому назад...

— Как мог он слушать ваши советы относительно отдельных лиц, — серьезно спросил Джон Хэй, — когда ваши советы часто продиктованы просто непреодолимой ненавистью?

Стэнтон вздохнул и обратился к Линкольну.

— Я глубоко обрадован, сэр, — сказал он с такой обаятельностью в голосе, которую никто бы не мог превзойти. — Каковы будут ваши дальнейшие указания?

— Лучше продиктуйте Джону Хэю инструкцию — это пока должно оставаться в секрете — и пошлите ее вместе с приказом. Вы также, Халлек! Вы очень умело составляете письменные распоряжения. Если бы я был автором вашей книги о военном искусстве, я бы мог притязать на славу.

Он говорил с шутливостью, которая не соответствовала его действительному настроению. Пока он расхаживал по комнате, инструкции были продиктованы.

«По распоряжению президента Соединенных Штатов приказывается, чтобы генерал-майор Мак-Клееллан был освобожден от командования армией на Потомаке и командование принял на себя генерал-майор Бэрнсайд.

По приказу военного министра.»

Халлек кусал губы. Затем с необычной для него твердостью в голосе продиктовал Джону Хэю:

«Генерал, — по получении прилагаемого при сем приказа президента Вам надлежит немедленно сдать командование генерал-майору Бэрнсайду, явиться в Трентон, Нью-Джерси, уведомить о своем прибытии

туда телеграфно, и ожидать там дальнейших распоряжений. Халлек.»

Стэнтон внимательно слушал, и, когда главнокомандующий кончил диктовать, воскликнул:

— Правильно! Гнать его вон! Окончательно и полностью! Вот где понадобится, генерал, ваш военный опыт и умение!

— Да, — согласился Линкольн. Он был очень бледен. — Но кого же мы с этим пошлем?

— Генерала Букингэма, — быстро ответил Халлек. — Это старый, умный, ловкий и притом очень учтивый человек.

— Пусть он отправляется немедленно, — распорядился президент. — И пусть он действует так: сначала пусть явится к Бэрнсайду в Орлеан. Бэрнсайд будет недоволен. Он предан Мак-Клееллану и не захочет этого назначения. Я бы и сам хотел назначить кого-нибудь более подходящего. Ваш эмиссар должен быть достаточно умен, чтобы понять настроение Бэрнсайда. Ему ведь придется убедить Бэрнсайда отправиться вместе с ним к Мак-Клееллану в Ректортаун или туда, где в данный момент Мак-Клееллан находится, и Букингэм должен вручить приказ Мак-Клееллану в присутствии Бэрнсайда. Скажите Букингэму, чтобы немедленно по возвращении он явился ко мне.

Стэнтон впервые улыбнулся.

— Понимаю. Очень хорошо! Есть еще распоряжения, мистер Линкольн?

— Еще одно! Сколько человек есть у нас сейчас для обороны Вашингтона?

— Около 70.000, господин президент, — сказал Халлек.

— Будьте готовы на случай, если Мак-Клееллан предпримет что-нибудь либо против них, либо с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. Весьма вероятно, что он захочет сделаться диктатором, — серьезно сказал Линкольн.

Последовало непродолжительное молчание, которое прервал Халлек.

— Очень хорошо, сэр.

Линкольн накинул на плечи свой серый плед, вытащил из кармана шапку и кивком позвал с собой Джона.

Глава тридцать первая

РЫХЛАЯ ОПОРА

Мэри уже была в капоре и собиралась накинуть на себя подбитую мехом ротонду, когда на следующее утро в комнату ее вошел Линкольн.

— Тэд сказал мне, что ты сегодня уходишь на весь день, — сказал он, объясняя свое неожиданное появление. — Мне бы хотелось, Мэри, чтобы ты не уходила. Прешлой ночью мне снился дурной сон. Кто-то пытался тебя задушить. Ты была одна в роще, и как я ни старался, я не мог прийти тебе на помощь. Оставайся, Мэри, сегодня дома, так чтобы я мог тебя видеть, когда захочу.

Мэри перестала разглаживать складки ротонды и уставилась на мужа. Он выглядел еще более изможденным, чем обычно. По губам его пробегала нервная дрожь.

— Авраам, произошло что-то необычное? Началось новое сражение?

— Нет... Да, Мэри. — Он положил руку на ее руку. — Я сместил Мак-Клееллана!

— Слава Богу! А Мак-Клееллан уже знает об этом?

Она уронила на землю ротонду и схватила его руку обеими руками.

— Он узнает об этом сегодня после полудня.

— И значит ты опасаясь всего, что может случиться — и в военном отношении, и в политическом! Дорогой мой, конечно, я не оставлю тебя сегодня одного.

Мэри начала стаскивать перчатки.

— Нет, дело не в этом. Мне действительно приснился дурной сон. Я проснулся в слезах...

Он заглянул в ее голубые глаза, спрашивая себя, станет ли ему легче, если он скажет ей о всех предчувствиях, которые возникли у него этой ужасной ночью. Но он не осмеливался, — как он говорил сам себе, — ничем не проявить своего беспокойства во время приема. Иначе он потеряет самообладание!

— Мэри, ведь я любил Мак-Клееллана, — сказал он, наконец.

— Я это знаю, — и это знает он сам — этот неопенимый глупец!

Наклонившись, Линкольн поцеловал ее и поспешно направился в свой кабинет.

Мэри, слегка вздохнув, потому что ей пришлось отказаться от поездки, послала записку мисс Бартон, уведомляя, что она еще не отказалась от надежды на палатки, и просила извинения за невозможность поездки в санитарном экипаже. Затем она принялась за изготовление бинтов для раненых.

Стояла суровая ноябрьская погода с тяжелыми тучами и снежными бурями. Линкольн несколько раз возвращался, чтобы заглянуть в гостиную. Каждый раз его успокаивала улыбка, которой его встречала Мэри, и он возвращался обратно в кабинет. К шести часам вечера погода стала еще хуже, и число посетителей соответственно уменьшилось. От генерала Букингэма все еще не было известий. Линкольн провел вечер с генерал-прокурором, просматривая солдатские петиции о смягчении приговора и помиловании, и, как всегда, приводил бедного Бэйтса в отчаяние своей чрезмерной снисходительностью. Незадолго до одиннадцати часов Линкольн направился в свою комнату. На минуту он задержался у стола, за которым работал молодой Стоддард.

— Приходится поздно работать, Билли?

— Я поклялся, сэр, что не встану из-за стола, пока не покончу со всеми этими письмами. Они накопились с самого сентября — все письма от влиятельных людей по поводу прокламации об освобождении рабов.

Молодой человек одновременно улыбнулся и вздохнул.

— Лучше идите спать. Работать до глубокой ночи пристало нам, старикам, а не молодежи, которая должна посвящать вечер ухаживанию за красивыми девушками.

Он потрепал Стоддарда по плечу и устало поплелся в спальню.

Постепенно все в Белом Доме успокоилось. Но до слуха Стоддарда продолжали доноситься, заглушая тикание часов, равномерные однообразные стуки. Президент все еще расхаживает взад и вперед по комнате, — сказал он самому себе. Это продолжалось до трех часов ночи, когда он закончил последнее письмо и собрался домой.

В пять часов утра в коридоре у спальни Линкольна зазвенели шпоры. Линкольн открыл дверь, не дожидаясь, чтобы в нее постучались. Офицер в заиндевевшей шинели отдал ему честь.

— Я — генерал Букингэм, господин президент. Я только что прибыл из Ректортауна.

— Войдите, генерал. — Линкольн тщательно закрыл дверь. — Повесьте вашу шинель перед огнем. Позвольте помочь вам. У вас очень усталый вид.

Букингэм, человек с красивыми умными глазами и правильно очерченным носом над сидящими усами, уселся в кресло, указанное Линкольном.

— Что, Букингэм, вам пришлось выполнить довольно неприятное поручение? — спросил президент, со страхом и в то же время с нетерпением ожидая, что скажет генерал.

— Да, сэр, никогда еще мне не давали такого трудного поручения, — сказал Букингэм. — Сначала

я доставил приказ Бэрнсайдю. Я в жизни не видел более ошеломленного человека! Сперва он не сказал ничего. Затем собрался с мыслями и сказал, что должен обдумать приказ и что он не хочет этого назначения. Затем он позвал двух офицеров своего штаба и показал им приказ. Они обрадовались его назначению и ему об этом сказали. Но он упирался целых два часа. Он настаивал, что недостаточно компетентен, чтобы принять на себя столь важное командование, что генерал Мак-Клеллан — близкий его друг, что Мак-Клеллан больше, чем кто бы то ни было другой, годится для командования армией на Потомаке. Но в общем, Бэрнсайд — человек покладистого характера. В конце концов, он уступил, и мы в страшную метель выехали в Ректортаун.

— Не думаете ли вы, генерал, что Бэрнсайд — слабый начальник? — с беспокойством спросил Линкольн.

— Да, кулак у него не твердый, — сказал Букингэм. — Я не сказал бы, впрочем, что Бэрнсайд действовал слабо. Мы застали Мак-Клеллана за писанием писем, и я вручил ему приказ. Он прочел его, затем взглянул на Бэрнсайда и с усмешкой сказал: «Поздравляю вас, генерал!» — «Но я не хочу этого назначения, — сказал Бэрнсайд, — я хочу, чтобы вы оставались на этом посту. Созовите ваш штаб, генерал!» Мак-Клеллан, продолжая усмехаться, созвал своих офицеров. Не знаю, — сказал, колеблясь, Букингэм, — считал ли он, что я не имею никакого значения, или он хотел показать мне, что он значит для Потомакской армии, но, господин президент, он позволил нескольким своим офицерам в моем присутствии требовать, чтобы он двинулся на Вашингтон и захватил власть!

Линкольн подался вперед, напряженно слушая.

— Несколько часов прошло в бесконечных разговорах. Они забыли про еду, забыли про очередные военные обязанности. Клянусь вам, сэр, я не знал, что

мне делать. В конце концов, я решил просто ждать, что скажет Мак-Клееллан. Он сидел у стола, сгорбившись и кусая ногти, пока все они не высказались. Наконец, он встал и, глядя на меня, сказал: «Генерал, поезжайте назад и скажите Линкольну, что я повинуюсь приказу!»

— Ага! — облегченно вырвалось у Линкольна. — В конце концов, все-таки оказался лояльным!

— Может быть, — устало сказал Букингэм. — А вернее испугался. Вернее для него, по свойствам его характера, так же трудно наступать на Вашингтон, как и на Ричмонд. Предоставим истории решать этот вопрос. Мы, современники, решить его не можем.

— Генерал! — Линкольн положил руку на колено старого офицера. У него не было слов для выражения благодарности. — Чем заплатить мне за поручение, которое вы для нас так блестяще выполнили?

— А тем, что вы разрешите мне отправиться домой, принять ванну и выспаться, — сказал генерал. В его глазах блеснул веселый огонек, вызвавший такой же огонек в глазах президента.

— Позвольте предложить вам сначала чашку кофе?

Букингэм поднялся и надел шинель.

— Благодарю вас, мистер Линкольн, я лучше пойду домой.

— Хорошо, генерал. Но как-нибудь зайдите и мы побеседуем как следует. Заходите! Идемте, я сам вас провожу.

Он повел усталого генерала, — но не к северному портику, а через кухню, где повариха-негротянка уже наливала себе утренний кофе.

Появление президента ее несколько не удивило. Она преданно ему улыбнулась.

— Опять всю ночь не спали, масса Линком? Салли, подай по чашке кофе масса Линкому и джентльмену.

— Садитесь генерал. — Линкольн усадил Букингэма на стул у огня и сам передал ему чашку с дымящимся кофе. — Иному это покажется поминками, — сказал он удивленному гостю, — но для меня это жертвенное возлияние заре!

Букингэм посмотрел на Линкольна своими умными глазами и поднял чашку вверх... Они отхлебнули кофе в молчании. Проводив гостя, президент быстро взбежал по лестнице, шагая через ступеньку, и, ворвавшись в комнату Мэри, разбудил ее, чтобы сообщить новость. Она слушала, с широко раскрытыми глазами, и затем сказала с особой торжественностью:

— Авраам! Война выиграна! Наконец-то ты крепко сидишь в седле!

— Да, я в седле, и двинусь, как только нога попадет в стремя, — осторожно сказал Линкольн. — Это — критическая минута. Если партия мира примет, хотя бы и с недовольством, отставку Мак-Клееллана, это означает, что она примет и прокламацию об освобождении рабов. Первого января я выпущу указ об освобождении, как я это и сказал в прокламации. Тогда я двинусь вперед, — с ногами в стремях и со шпорами на сапогах. Надо сказать Джону Хэю и Джорджу Николэю.

Весть об отставке Мак-Клееллана распространилась по стране, как степной пожар. К вечеру стол заседаний кабинета и письменные столы Линкольна и Стоддарда были завалены телеграммами. Сначала, как обычно, прибывали злобные протесты. Линкольн вместе с секретарями читали и сортировали эти послания, стараясь нащупать пульс страны. Коридоры Белого Дома переполняла толпа. Мэри обосновалась в Голубой гостиной, угощая чаем и сдержанной информацией разношерстные группы женщин, явившихся под неожиданным предлогом знакомства с нею. Восторгались ли Мак-Клеелланом, или его презирали, но во всяком случае он в этот момент был центром всеобщего внимания.

К ужину выпал мокрый снег при сильном ветре, и женщины разбежались по своим домам и гостиным. В семь часов Мэри, оставшись одна, устало поднялась, чтобы идти наверх, когда вдруг у входа в Восточную гостиную появилась высокая женщина в черном шелковом платье. Лицо ее прикрывала тяжелая траурная вуаль, но Мэри сразу ее узнала.

— Добрый вечер, мисс Форд, — холодно сказала она.

Вирджинка откинула вуаль, открывая лицо с оливковым оттенком и выражавшее нечто большее, чем гнев. Мэри казалось, что это лицо маниака. Глаза мисс Форд были полузакрыты, губы искривлены. Она медленно подошла к Мэри.

— Итак, — сказала она более певучим, чем когда-либо, голосом, — вы добились своего, — оставки Мак-Клеллана, — вы, кошка!

Мэри протянула руку к звонку, но мисс Форд быстрым прыжком очутилась между нею и шнурком.

— Мне нужно от вас только несколько минут вашего времени. — Она криво усмехнулась. — Я пришла прямо от Мак-Клеллана. Я только что видела человека, — великого человека, замышлявшего загубить свою жизнь. Я...

Мэри ее прервала. К ней вернулось самообладание. Кто-нибудь мог войти в любой момент.

— Никто лучше вас не знает, мисс Форд, что Мак-Клеллан — не великий человек. Вы сделали дурной выбор. Человек, достаточно незначительный, чтобы быть орудием в чужих руках, не может быть великим.

— Вы учитесь быть сентенциозной, — презрительно усмехнулась вирджинка. Затем, наклонившись к Мэри так близко, что лицо ее было всего на два фута от лица Мэри, сказала: — Мой дом сожжен. Мои негры разбежались. Мой отец на прошлой неделе расстрелян, как шпион. И всё это по вине вашего «интеллектуального гиганта». Посмотрите на меня, мадам! Сумасшедшая, не правда ли? Готовая на все, —

преследуемая, отчаянная. Так вот помножьте меня на миллион, на два миллиона, на десять миллионов, и перед вами будет Юг! Что я, игрушка? Мною можно пренебрегать? «Прокламирровать», что меня не существует? Можете вы «отменить» меня словами — меня и миллионы таких, как я?!

Мэри вполне спокойно уселась за стол и налила себе чаю. Она не верила, что вирджинка ее коснется, и внезапно ей пришло в голову, что, если ей не мешать, эта безумная заговорщица может выболтать какие-нибудь важные сведения.

— Довольно много людей, повидимому, недовольны прокламацией, — заметила она спокойно. — А вы что о ней думаете?

Мисс Форд сделала гримасу отвращения.

— Не пытайтесь играть мною, Мэри Линкольн. Вы все еще не понимаете всей глубины моего отчаяния. Я знаю Авраама Линкольна лучше, чем вы. Я понимаю глубину его политической мудрости так, как вы понять не можете, ибо я одна из тех, кто пытался ему помешать. Больше того, я люблю его — да, кривите ваше кукольное лицо, — я люблю его с такой страстью, на какую вы неспособны. И я читаю письма на стене лучше, чем кто бы то ни было из южан или северян. Слушайте меня и судите, если можете, о глубине моего отчаяния. Когда Линкольн удалил Джорджа Мак-Клеллана от командования 300.000-ой армией на Потомаке, он удалил единственное практическое препятствие выполнению первого января угрозы, содержащейся в прокламации. Если Линкольн будет первого января еще жив с тем, чтобы подписать окончательно постановления об освобождении рабов, он разрушит основу военного превосходства Юга, и тогда конец будет только вопросом времени. Джордж Мак-Клеллан был твердыней — замковым камнем свода над зданием «мир при сохранении рабовладения». И Линкольн удалил этот камень!

Мэри с сильно бьющимся сердцем и высокомерной улыбкой на губах отпивала глотками чай.

— Он был не опорным камнем свода, — он был ложным камнем! — сказала Мэри. — Он сделан из рыхлой извести! В этом состояла ваша фатальная ошибка. И Джефф Дэвис ею обязан вам.

— Да, он обязан ею мне, как вам бы хотелось. Но я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что суждение вашего мужа оказалось столь же слабым, как и мое. И если он поумнел, то только благодаря вам.

— Вы льстите мне и противоречите самой себе, упомянув о его глубокой мудрости. Но могу я вас спросить, почему вы проявляете такой дурной вкус, говоря мне, что вы влюблены в моего мужа?

— Потому что я знаю, что эта мысль будет вас мучить, когда вы поймете, насколько лучше я гожусь ему в супруги, чем вы!

Вирджинка раздернула тесемки своего капора, точно ей трудно было дышать.

Мэри засмеялась.

— Бедное, полоумное существо!

— Да, теперь — полоумное, благодаря вам, — сказала мисс Форд. — Но год назад я была бы настоящей его супругой.

— Не эта ли ваша предполагаемая любовь к нему заставила вас прошлым летом подослать этого глупца Гордона, чтобы застрелить президента?

Мэри снова встала, отодвигаясь от темного угрожающего лица. — Но в другой раз вам не придется его посылать до первого января, — потому что он убит под Антитамом.

Мисс Форд посмотрела на нее с удивлением.

— Разве кто-нибудь стрелял в Линкольна? Гордон? Но я предупредила Линкольна о такой возможности. Мы пользовались им не для этого...

Она словно погрузилась в глубокие размышления.

Мэри отодвинулась от нее еще дальше.

— Мисс Форд, если бы я была так же убеждена в своей способности предвидеть будущее, как вы, я отправилась бы на Юг и сказал своим друзьям, что им лучше всего сейчас же отказаться от борьбы.

— Если бы вы были в этом убеждены, как я, — возразила вирджинка, — вы бы и поступали, как я. А теперь я возьму вас с собой туда, где ни вы, ни я не будем принадлежать Линкольну!

Она попыталась выхватить из ридикюля, висевшего на ее левой руке, небольшой пистолет, но филигранная резьба на стволе зацепилась за шелковые шнуры ридикюля. Мэри, перед которой словно открылась вечность, и которая на мгновение была парализована, воспользовалась этой задержкой. Она закричала, и со всей силой толкнула чайный столик к вирджинке. На нем всё перевернулось, и удар отбросил мисс Форд к стене. Мэри выбежала из комнаты.

В дверях она столкнулась с Джеймсом и Тэди. За ними следовала дюжина обычных посетителей Белого Дома. Мэри схватила Тэди, и, задыхаясь, вскричала: «Схватите ее... шпионка... вооружена... Не выпускайте ее...», и помчалась вверх по лестнице, таща за собой перепуганного ребенка.

Она вбежала в кабинет президента. У него сидел Сомнер.

— Мисс Форд... внизу... хотела меня застрелить. Пошлите за полковником Бэкером! — и, задыхаясь, упала в кресло и заплакала. Тэди, как только она его выпустила из рук, выбежал в коридор. Линкольн и Сомнер бросились к Мэри, но раньше, чем они могли ей что-нибудь сказать, Тэди вбежал обратно.

— Мисс Форд ведут наверх!

Из коридора доносились возбужденные голоса. Линкольн ободрительно потрепал жену по плечу и вышел в приемную комнату. Стоддарт старался удалить оттуда посетителей. Мисс Форд с руками, связанными носовым платком, спокойно стояла между Джеймсом и Даниелем.

— Проводите ее ко мне в кабинет, — распорядился президент. — Билли, позови сюда полковника Бэкера. А вы, джентльмены, будьте добры покинуть комнату. — Он последовал за ними к двери, запер ее за ушедшими и передал ключ Стоддарду.

Мэри перестала плакать. Она стояла перед каминной решёткой, прислонясь к плечу Сомнера и смотрела на вирджинку. Та с горящими глазами опиралась на стол заседаний кабинета. Сомнер, нахмурившись, посмотрел на Тэди, который забился в уголок за отцовским письменным столом.

Линкольн пригладил рукой волосы, взял в руки нож из слоновой кости для разрезывания бумаги и приготовился к самой неприятной в его жизни сцене.

— Джеймс, — сказал он, — вам больше не надо держать мисс Форд.

— Если он меня не отпустит, к следующему утру в Белом Доме будет мертвый негр, — сказала мисс Форд, не сводя глаз с огня, пылающего в камине.

— Извините меня, господин президент, --- сказал Джеймс, не выпуская вирджинки. — Но я видел, как эта леди пыталась вытащить пистолет, чтобы выстрелить в мадам. Может быть, вы этого не знаете.

— Уступите ваше место сенатору Сомнеру, Джеймс, — приказал Линкольн.

— Сэр, сенатор Сомнер от этого отказывается! — Сомнер, бледный, с глазами, выражающими страдание, потрепал руку Мэри, дрожавшую на его плече, и стал пристально смотреть в угол, где спрятался Тэди.

Линкольн провел костяным ножом по волосам.

— Жена, что собственно случилось?

— Я сидела одна в Голубой гостиной. Мисс Форд проникла через дверь Восточной гостиной. Она казалась помешанной. Несколько минут она что-то бессвязно говорила, а затем сказала, что пришла убить и меня, и себя, и пыталась выхватить пистолет из своего ридикюля. Но он зацепился, и я толкнула в нее

чайный столик и убежала. Остальное сделали Джеймс и другие люди.

— Что сделали вы, Джеймс? — допрашивал президент.

— Я схватил ее за руку, в которой она держала пистолет, масса Линком, а другие джентльмены связали её руки, и мы с Даниелем привели ее сюда.

Джеймс говорил твердо, беспокойно поглядывая на вирджинку.

— Что можете вы иметь против моей жены, мисс Форд? — спросил президент. Он чувствовал, что в нем растет гнев, но старался этого не показывать.

— Многое, Авраам Линкольн! Но самое главное то, что она — ваша жена! — отвечала мисс Форд, внезапно поднимая к нему свои фиалковые глаза. — Я возненавидела бы всякую, занявшую такое положение!

— Лучше удалите отсюда Тэда, миссис Линкольн, — сказал Сомнер. Мэри заволновалась. — Где ребенок? Тэди! Тэди!

Тэди бочком подошел к отцу.

— Ты хочешь, чтобы я был около тебя, правда, папочка?

— Он может и остаться здесь. Это ведь — моя тень, — сказал Линкольн, взглянув на жену.

— Тэди! — строго заговорила Мэри, подходя к ребенку. Мальчик поколебался, но сказал:

— Хорошо, мама, я пойду. Я знаю, что мисс Форд ведет себя плохо, но не забывай, какая она была хорошая с Вилли и со мной, и как ее любил Вилли. Я — тоже.

Он подбежал к мисс Форд, схватил ее за обе связанные руки и поцеловал их. Затем с достоинством вышел из комнаты.

Линкольн смотрел ему вслед, и глаза его смягчились. Но жест мальчика не погасил гнева, которым он был охвачен. Мисс Форд и не взглянула на Тэди.

— Если бы вы попытались застрелить меня, — сказал президент, — я бы мог еще это понять, по-

сколько вы — южанка. Но ваше нападение на мою жену не вызывает во мне ни малейшего сострадания.

Вирджинка не отводила глаз от его лица.

— Не говорите мне нелепостей. Я знаю, какие чувства у вас могут быть по отношению к вашей жене.

— Мисс Форд! — воскликнул Сомнер.

Но она, повидимому, его не слушала.

Линкольн задумчиво на нее смотрел. Затем он взглянул на Сомнера.

— Чарльз, проводите лучше миссис Линкольн в гостиную. Ее не может интересовать этот вздор.

— Нет, нет, мистер Линкольн, — вскричала Мэри. — Я не двинусь отсюда, пока я не буду знать, что вы не помилите этой женщины, как вы даете помилование всякому.

Линкольн чувствовал, что краснеет. Что же, может он заслужил этого. Он был слишком снисходителен к солдатам. Но мисс Форд! Его тошнило от ее объяснения в любви. Он прижимал верхнюю губу нижней, не отвечая Мэри. Она зарыдала, но позволила Сомнеру увести себя.

Когда дверь за ними закрылась, Линкольн обратился к мисс Форд. Но не успел он произнести ни одного слова, как в комнату вбежал полковник Бэкер в сопровождении высокого бородатого сержанта тайной полиции.

— Мистер Линкольн! Боже мой! Мне стыдно, что это могло случиться.

Линкольн кивнул ему.

— Полковник, доставьте мисс Форд в Старую Капитолийскую тюрьму. Держите ее там до первого января. До этого времени она не должна ни с кем общаться. Вы за это отвечаете! После этого, при условии хорошего поведения с ее стороны, вы вышлите ее в Ричмонд с предупреждением, что если мы обнаружим ее до окончания войны где бы то ни было за линией Севера, ее постигнет обычная участь шпионов. Теперь

приступите к выполнению моего приказа, как найдете нужным. Но помните, что это — приказ!

— Мне не нужно вашего снисхождения, Авраам Линкольн, — вскричала мисс Форд, пытаюсь освободить руки.

Линкольн дал знак Бэкеру и его помощнику заместить Джеймса и Даниеля.

Когда Бэкер опытной рукой надевал на нее ручные кандалы, вирджинка издала пронзительный крик, огласивший Белый Дом от чердака до подвала, но не сопротивлялась, когда ее уводили.

Покончив с мисс Форд, Линкольн пошел в комнату жены. Она билась в истерике. Президент немедленно послал за доктором Стоуном и Лиззи Кекли. Он держал Мэри в своих руках, пока они не прибыли, но и все трое не в состоянии были ее успокоить. Наконец, доктор вынужден был дать ей снотворное средство. Лиззи и президент сидели у ее изголовья до полуночи, когда портнихе удалось убедить президента лечь в постель.

Но на рассвете она его разбудила.

— С мадам что-то делается. Лучше вы сами к ней пойдите.

— Хорошо, Лиззи, — сказал Линкольн, натягивая на себя свой хорошо послуживший халат и надевая туфли.

Мэри сидела, окруженная подушками. Она была похожа на усталого ребенка.

В камине ярко пытал огонь.

— Пододвиньте большое кресло поближе к огню, Лиззи, — распорядился президент. — Постараемся устроить ее покомфортабельней. Накройте ее шалью.

Он поднял жену на руки и усадил ее в глубокое кресло. Лиззи укутала ее в шаль и неслышно вышла из комнаты.

— Выслушай меня молча, дорогая Мэри. Сестрицу Форд я послал в Старую Капитолийскую тюрьму. Думаю, это достаточно благоразумно.

Мэри конвульсивно кивнула.

— Я знаю, что ты была страшно испугана. Но думай о себе, как об одном из солдат. Что будет, если каждый из них, завидя направленные на него ружья, ударится в истерику? Ведь сначала ты была отважна, как львица. Такой и оставайся.

— Я не испугана, — прерывисто сказала Мэри. — Но — что она говорила о тебе... и обо мне!

— О! — он потрепал ее по плечу и уставился в огонь. Что собственно сказала вирджинка? На что она намекала? На то, что он недостаточно любит Мэри? Да, на это. Внезапно его охватило чувство раскаяния. Может быть, сейчас наступил самый подходящий момент, чтобы рассеять недоразумение.

— Дорогая Мэри, — сказала ли она тебе в Голубой гостиной что-нибудь, кроме того, что она говорила мне в кабинете? — спросил он. — Постарайся изо всех сил не плакать. Скоро кто-нибудь придет, и я хочу, чтобы мы успели поговорить откровенно. Все, что она говорила, разумеется, ложь. Когда она заговорила о своей любви ко мне, меня чуть не вырвало.

На распухшем лице Мэри появилась улыбка. К ней начало возвращаться самообладание. Она начала говорить на этот раз связно. Постепенно она передала Линкольну содержание разговора в Голубой гостиной. Память у Мэри была замечательная. Линкольн не сомневался, что она рассказала все в полноте и с точностью. Закончила она словами, которые тронули мужа больше, чем ее слезы.

— Не трать время на то, чтобы меня успокоить, Авраам, а лучше Расскажи мне всю правду. Когда по своей мягкости ты говоришь мне неправду, меня это только делает еще более одинокой.

Комнату освещало только пламя стоявшей на столе свечи и огонь в камине. В неясном свете глаза Мэри казались необыкновенно глубокими. Она и

Линкольн смотрели друг на друга, пытаясь, как это делали миллионы мужчин и женщин за все время существования человечества, перейти непроходимую преграду, разделяющую человеческие личности.

— Мисс Форд, — задумчиво начал Линкольн, — не одна несет ответственность за твои слезы. Она скорее была последней соломинкой. До тебя доходили со всех сторон инсинуации насчет того, как я к тебе отношусь.

— Недавно, — сказал Мэри, — Тэди спросил меня, что значит, когда о леди говорят бранное слово. Оказалось, он слышал как кто-то сказал, что я — проклятие для моего мужа и моей семьи.

Линкольн вздрогнул, как от удара, потом сказал:

— Мэри, я не знаю, что собственно такое любовь. А ты знаешь? Ограничивается ли она только вспышками чувства, которыми охвачены бывают молодые люди? Или она связана только с зачатием? Или она состоит в том, что один вечно нуждается в другом. Или любовь состоит не в наличии всех этих чувств одновременно, но в том, что они неизбежно следуют одно за другим? Дорогая жена, разве кто-нибудь может пошатнуть нашу уверенность, что все это содержится в нашем взаимном опыте? Как можешь ты, Мэри, позволить тому, что говорят, вторгаться в это священное место, о существовании которого могут знать только муж и жена, — только ты и я?

Мэри глубоко вздохнула. Он поднес ее руку к своим губам, затем опустил ее.

— Моя девочка, забудем про этот призрак раз навсегда. Никто лучше меня не знает, как я тобой пренебрегал, и как это пренебрежение дало пищу злым языкам. Но, Мэри, я недостаточно силен, чтобы нести на себе бремя этой войны, и чтобы у меня еще оставалось время для заботы и внимания, на которые ты имеешь право. Всё, что осталось, — это бес-

конечная необходимость в тебе, но даже и на это у меня не остается сил. Я чувствую себя, как человек, которому приходится нести вверх по холму ношу, — такую тяжелую, что на каждом шагу подгибаются его колени — его воля. Он нуждается, он жаждет человеческой нежности, на которую имеет право, но он не может ей предаваться и освежаться ею. Ноша такова, что требует его целиком!

Он помолчал, и в нем проснулось старое желание:

— Когда-нибудь, дорогая Мэри, — когда кончится эта война, мы с тобой поедem в Святую Землю и объедем вокруг света. И тогда у нас будет время друг для друга.

— Авраам, Авраам, почему ты не говорил мне этого раньше, — воскликнула Мэри.

— Мне этого хотелось, — хрипло сказал он. — Но ты знаешь меня, Мэри. Я не принимаюсь за важное дело, пока меня к этому не вынудят обстоятельства. Заставить меня что-нибудь делать может, кажется, только землетрясение.

Мэри улыбнулась.

— Я знаю. Чтобы сделать тебя настоящим президентом, понадобился мятеж.

— Да, мадам, — улыбнулся он в свою очередь. — И понадобилась мисс Форд с ее огнестрельным оружием, чтобы сделать из меня настоящего супруга!

Мэри громко засмеялась.

— Я сомневаюсь, что она когда-нибудь сумеет это сделать. Во всяком случае она заставила тебя покончить с призраком!

Линкольн схватил обе ее руки в свои: — Так мне удалось это сделать, дорогая моя жена?

— Да, Авраам, наконец! И ничто, что кто бы то ни было может сказать, или что ты забудешь сделать, меня не смутит. — Она прижалась щекой к его лицу.

В двери постучались и вошла Лиззи с завтраком на подносе.

— Лиззи, — сказала Мэри, — ты принесла завтрак так кстати, — я подозреваю, что ты подслушивала у замочной скважины.

Лиззи в негодовании закинула голову, но с веселой искоркой в глазах сказала:

— Мадам, вы ко мне несправедливы.

Глава тридцать вторая

НАВЕКИ СВОБОДНЫ!

День выборов, как заметил Николэй Джону Хэю, — был для президента так же тягостен, как день сражения под Антитамом.

Линкольн слышал эти слова и сказал с мрачной усмешкой:

— Сейчас мы ведем самое важное сражение этой войны. Если те, кто говорит, что они не поддерживают мою прокламацию и мой приказ о смещении Мак-Клееллана, достаточно многочисленны, чтобы составить большинство в штатных законодательных палатах и избрать большинство губернаторов и членов Конгресса, — тогда и сражение, и прокламация нами проиграны!

И действительно, в течение многих дней, пока поступали итоги выборов, казалось, что сражение проиграно. Число демократов в Палате представителей возросло с сорока пяти до семидесяти пяти, и казалось, что Линкольн теряет поддержку этой ветви правительства. Выборы были ознаменованы крупными победами демократов по всему Среднему Западу и дали им подавляющее большинство в штате Нью-Йорк, где исполнилось пророчество Симура, что он будет «иметь Нью-Йорк в боковом кармане».

Первого декабря, как только собрался Конгресс, началась ожесточенная борьба из-за прокламации. Она

была в полном разгаре, когда Бэрнсайд, внезапно изменив планы кампании, принятые Мак-Клелланом по соглашению с военным министерством, повел Поттомасскую армию на Фридериксбург. 13 декабря произошло сражение, закончившееся еще одним страшным поражением для злосчастных войск Союза. Потери Ли достигали 4,200 человек, потери же Бэрнсайда — 10,000.

Как обычно, день сражения Линкольн переживал очень тяжело. Халлек, лично сообщивший президенту вечером 14-го декабря итоги сражения, был очень подавлен. Прочитав сведения о потерях, Линкольн медленно сказал:

— Дело выглядит плохо, если только мы не будем основывать свой арифметический расчет на более долгом промежутке времени. Ли имел 75,000 человек и потерял 4,200. У нас было 200,000 человек, и мы потеряли 10,000. Если бы такое же сражение повторялось ежедневно в течение недели и с такими же относительными результатами, — армия Ли была бы уничтожена, а у Бэрнсайда все еще оставались бы крупные силы. Я не могу найти генерала, который понял бы мою арифметику. Но когда я его найду, конец войны будет недалек. Может быть, для этого подходит Грант?

— Храни Бог от такого кровопролития! — воскликнул Халлек.

— Но это скорейший способ покончить войну, Халлек. Теперь число дезертиров у Бэрнсайда быстро возрастет. Вам бы следовало съездить туда самому, генерал. Ознакомьтесь с положением и дайте Бэрнсайдю конкретные указания. Он растерялся.

— Моя поездка будет бесполезной, сэр.

— Вздор, — раздраженно воскликнул президент. — Это самый честный, самый благоразумный человек во всей армии.

— Я это знаю, мистер Линкольн, но он растерялся, как вы говорите.

Халлек со вздохом отер со лба пот.

— Вот тут-то и нужно ваше умение — помогите ему снова собраться с силами. Не отказывайтесь помочь мне, генерал, как раз в том пункте, где я рассчитываю на самую большую помощь с вашей стороны. Ваше большое военное искусство для меня бесполезно, если вы не повлияете на ваших генералов на самом театре военных действий. Бэрнсайда стоит спасти. Благодаря его прекрасным личным качествам, страна ему еще доверяет. Поезжайте же в Вирджинию и спасите его.

Халлек сделал жест отчаяния.

— Лучше примите мою отставку, господин президент.

— Не хочу! Что мне делать с вашим прошением об отставке? Вставить его в рамку? Нет, поезжайте туда, Халлек, и поддержите ослабевшие руки Бэрнсайда.

И дружески улыбнувшись подавленному главнокомандующему, президент снова углубился в карту военных действий. Халлек пробормотав извинение, удалился.

После его ухода Линкольн снова просмотрел числовые итоги сражения.

— Это то, чего я домогался, — сказал он вслух. — Это то, что, как я и говорил, требовалось, чтобы заставить Север потребовать более глубоких мотивов для войны. Это — рычаг, который поможет Конгрессу понять, что мы или должны подорвать боевое превосходство Юга, освободив рабов, — или проиграть войну. — Всемогущий, должно быть, прочитал мои мысли — и все-таки...

Он заломил руки и простонал:

— Смогу ли я пережить еще одно поражение и продолжать жить? Только Господь даст мне на это силы, — если такова Его воля... да, если такова Его воля...

Он вскочил на ноги и поспешил в комнату Тэди. Там он принялся играть с мальчиком в медвежью охо-

ту, пока Мэри не настояла на том, что ребенку пора спать.

Позже она вошла в кабинет президента в сопровождении Джеймса, который нес поднос с ужином. Она открыла, что этим путем она часто может найти момент побыть с мужем и тогда, когда у него целый день нет свободной минуты.

Она стояла около его письменного стола, пока он рассеянно глотал суп.

— Авраам, издашь ли ты первого января указ об освобождении рабов, как ты о том писал в прокламации?

— А почему бы нет?

— Потому, что, если положение внезапно не изменится, указ этот вряд ли будет иметь достаточно силы.

Линкольн вздохнул, но сказал, что ничто не заставит его изменить решение. Мэри намазала для него маслом булочку, и сказала, когда он начал есть:

— Авраам, Тэд хочет послать мисс Форд на Рождество подарок.

— Его могут ей не передать. — Но внезапно Линкольн проникся жалостью к несчастному красивому существу в тюремной камере. — Пусть он поговорит об этом с Бэкером.

— Ты не возражаешь против этого? — спросила Мэри.

— Конечно, нет. Ну а ты? — улыбнулся он.

— Да, я возражаю. Но не надо из-за этого мешать ребенку следовать великодушному влечению. Кстати, чернокожая служанка, Анна, ей предана. Она сказала Лиззи Кекли, что мисс Форд думает, что Джинни бежала в Канаду. Как кажется, мисс Форд послала Джинни с письмом к Гордону, а та больше не возвратилась.

— Бедная Джинни, — прошептал Линкольн. — Между прочим, Бэкер сказал мне, что кто-то из женщин, заключенных в Старой тюрьме, осведомляет Дэ-

виса о том, что я делаю. Он думает, что это — мисс Форд, но не может этого установить.

— Можно мне сказать об этом Лиззи Кекли? — спросила Мэри. — Она может быть сумеет выведать что-нибудь от Анны там, где белый человек, вроде Бэкера, не сумеет этого сделать.

— Ты все еще преследуешь бедную сестрицу Форд? — спросил Линкольн. — Что же, пожалуй ты сможешь помочь. Лиззи — очень смышленная женщина.

Наступило молчание, которое прервала Мэри.

— Скажи, Авраам, тебя очень беспокоит мысль о прокламации?

— В некотором отношении, — да. Очень беспокоит. До сих пор эффект ее несомненно был плохой. Акции понизились. Войска наступают с меньшим воодушевлением. Убыль среди старых войск превышает приток новых. На Севере прокламация встречена довольно хорошо, но это не уничтожает мятежников. После смещения Мак-Клееллана моральное состояние армии сильно ухудшилось. А настроения Конгресса тебе известны.

— Что же ты намерен сделать, Авраам? Я так беспокоюсь.

— Беспокоишься? Я немного повременю, не теряя веры в хорошие чувства и здравый смысл среднего гражданина. В конце концов им придется меня поддержать, а их воля в конечном счете — то, что правит миром.

Мэри пришлось удовольствоваться этим объяснением, потому что явился Чэйс. Он был явно встревожен, и Линкольну пришлось заняться разрешением трений, возникших между государственным секретарем и министром финансов.

Наступило Рождество, невеселое для всех, кроме детей. Тэди проводил время очень приятно. Ему надали столько игрушек, что мать с радостью наблюдала, как он делится ими со своей «ротой». После полудня президент и миссис Линкольн запросто прини-

мали гостей в Голубой гостиной. Одновременно большой толпы не было, но поток посетителей был так непрерывен, что разговор с кем бы то ни было из них не мог быть продолжительным.

В разгаре приема появился Джон Хэй под руку с бородатым, небрежно одетым штатским господином лет за сорок. Молодой секретарь был возбужден больше, чем обычно.

— Мистер президент, — воскликнул Хэй торжественно, — это — друг, которого вы любите, хотя еще с ним не встречались. Это Уолт Уитмен!

Щеки Линкольна запылали.

— Пророк демократии! — вскричал он, схватив обеими руками мозолистую руку Уитмена. — Как поживаете, сэр! Что привело вас в Вашингтон?

— У меня здесь в госпитале брат, господин президент. Он был ранен под Фридериксбургом, и я за ним ухаживаю. Когда он поправится, я останусь здесь и буду ухаживать за другими. Здесь нужны люди.

— Прекрасно! — Линкольн протолкался сквозь толпу, не выпуская руки Уитмена и подыскивая слова благодарности. — Ваши «Побеги травы», Уитмен, — я знаю их наизусть — они мне помогают!

Глаза поэта посветлели, точно он впервые услышал похвалу.

— Я ведь знаю вас уже давно, мой капитан, — я изучил путь, каким вы совершаете ежедневную прогулку, — я стою на углу и смотрю на вас — на ваше лицо учителя. Все мы, понимающие, вас поддерживаем и высоко вас ценим.

Он говорил с такой серьезностью и простотой, что Линкольн почувствовал прилив надежды, и по жилам его живее побежала кровь. Он склонился к поэту.

— Уитмен, достаточно ли таких понимающих, чтобы спасти прокламацию? — спросил он.

— Да, более чем достаточно! Они скромны, они мало говорят, но еще до наступления Нового года вы

услышите голос братства, — нерасторжимого братства.

Они обменялись долгим пристальным взглядом, и поэт прошел дальше. Линкольн глубоко и облегченно вздохнул, словно увидев на миг последнюю истину.

Но даже мысль об Уитмене не могла облегчить тяжелого настроения следующей недели.

Все его уговоры, все его угрозы пока еще ни на иоту не влияли на рабовладельческие штаты и не убеждали их воспользоваться возможностью, которую раскрывала перед ними прокламация. Правда штат Миссури сделал дружественный жест и Западная Вирджиния — свободный штат, — присоединилась к Союзу. Но как бы утешительно это ни было, общее положение от этого существенно не изменялось. После смещения Мак-Клеллана и крушения надежд партии мира, со стороны Англии проявлялось лишь молчание, чреватое угрозами. Для Линкольна молчание это было непонятным. Рессель, думал он, мог бы по крайней мере что-нибудь написать.

Но Рессель не забыл обещания. В последний день декабря, когда Линкольн тщательно искал хоть малейшей поддержки в заявлениях, исходящих из самых разнообразных источников, от военного корреспондента пришло, наконец, письмо.

«Вот хорошие вести для Вас, — писал Рессель. — Я только что узнал, что среди рабочих ткацких фабрик по рукам ходит документ, одобряющий прокламацию об освобождении рабов, и что уже пять тысяч рабочих под ним подписались. Подписи продолжают прибывать. Нет сомнения, что среди всего рабочего класса Англии растет движение против рабства, — настолько, что мистер Гладстон и лорд Рессель начинают смягчать свою циничную враждебность по отношению к вашему великому принципу».

В письме своем Рессель сообщал и о другом, но это было для Линкольна решающим. Он отметил это место письма и с облегченным вздохом передал пись-

мо Чарльзу Сомнеру, стоявшему рядом, пока президент читал.

— Вы видите, Чарльз, — сказал президент, — то, что я сказал в прокламации, сначала было встречено плохо, но это обещает лучшее отношение.

В улыбке Сомнера была какая-то нежность, когда он прочел отмеченное президентом место.

— Да, дорогой мистер Линкольн, это обещает лучшее отношение. У меня тоже есть для вас добрая весть. Сегодня днем Палата представителей большинством 78 против 51 одобрила прокламацию!

Линкольн почувствовал, что бледнеет.

— Чорт побери, если до первого января ничего не произойдет, дело это будет довершено!

— Ничего случиться не может, — сказал с улыбкой Сомнер. — И с момента, когда указ будет подписан, за вами будет стоять довольно тесно сплоченный Север. Пусть даже Юг продержится и еще несколько лет, — дольше, чем мы предвидим, — день, когда вы подпишите указ об освобождении, будет поворотным пунктом войны, — поворотом к неизбежной победе Севера!

Линкольн тяжело вздохнул.

— Я целую неделю не выходил из дому, Чарльз. Мне надо бы пройтись подышать свежим воздухом. Пойдем со мною?

— К сожалению, я должен вернуться в Капитолий, господин президент. Сегодня прекрасная зимняя погода. Вы поедете верхом?

— Пожалуй, если только мне удастся улизнуть от конной охраны, которую мне навязывает Бэкер.

Через полчаса Мэри вошла в комнату секретарей. Лицо ее было бледно, как кружевной воротничок, облежавший ее шею.

— Где мистер Линкольн? — простонала она.

Молодые люди вскочили на ноги.

— Кажется, он поехал прокатиться через Долгий Мост, — сказал Николэй. — В чем дело, миссис Линкольн?

Мэри прижала руки к груди и с усилием пыталась говорить связно.

— Заговор с целью похитить его раньше, чем он подпишет указ! Лиззи Кекли узнала об этом от служанки мисс Форд, Анны!

— Они не смогут его похитить. Его сопровождает отряд конной охраны, — воскликнул Джон Хэй, и тем не менее поспешно позвонил, вызывая служителя.

— Но выехал ли он с охраной? — вскричала Мэри. — Он постоянно от нее отделяется. Но я узнаю. Я побегу на конюшню.

Николэй ее удержал.

— Сохраним хладнокровие, дорогая миссис Линкольн. Президент, возвратившись, не должен застать бурю в стакане воды.

В эту минуту вошел Луис, и Хэй послал его немедленно за полковником Бэкером, а сам побежал узнать, что может, о местонахождении Линкольна. Луис наткнулся на Бэкера близ Белого Дома. Джон вернулся с известием, что Линкольн отправился на прогулку один и пешком. Старик Даниель высказал предположение, что президент направился к Стэнтону. Но Тэди видел отца, шедшего в направлении к скверу Лафайта и высказал предположение, что он пошел пешком в Дом солдата.

— Что вас так беспокоит, миссис Линкольн? — холодно спросил Бэкер.

— Только что ко мне пришла Лиззи Кекли. От волнения она не могла говорить. — Глаза Мэри пылали. Она судорожно теребила носовой платок. — К ней пришла со слезами на глазах Анна. Пока Лиззи завтракала на кухне, Анна рассказала ей, что только что она узнала о заговоре, устроенном мисс Форд, капитаном Тэйлором и, как говорит Анна, «каким-то важными белыми людьми» в Ричмонде, — заговор с це-

лью похитить мистера Линкольна, увести его на Юг и держать его там, пока он не согласится, как говорит она, «не подписывать негритянской свободы». Они только выжидают минуты, когда он будет один. Вот всё, что я знаю. Торопитесь, полковник Бэкер. Торопитесь, пока не поздно!

— Я как раз предупреждал президента о такой опасности! — вскричал Бэкер, выбегая из комнаты.

Линкольн между тем шагал неподалеку от Белого Дома, всей грудью вдыхая свежий воздух ясного зимнего дня. Он оглянулся, с усмешкой заметив, что за ним нет бэкеровой охраны.

— Я, кажется, пройду в какую-нибудь конюшню и найму себе лошадь, — сказал он самому себе. — И проеду в Дом солдата. Дорогу не слишком занесло снегом, и мне хочется для разнообразия посмотреть на настоящие деревья.

В полумиле от Белого Дома на улице «Ф» пораженный владелец конюшни снабдил его чалым верховым конем, и Линкольн, все еще не видя за собой охраны, быстрой рысью поехал по дороге, пробегая столь знакомые ему восемнадцать миль. Спустя полчаса он должен был попридержаться чалого, потому что дорога поднималась кверху над долиной речки Крок и была занесена снегом. Перед одним из сугробов Линкольн слез с седла и уселся, удовлетворенно глядя на широкие синие тени, падающие на занесенную снегом долину. Небо было безоблачное. Над полем пролетела ворона и, как гиря, упала в рощу у реки.

Ни одно событие за время его пребывания у власти не обрадовало Линкольна так, как акт английских рабочих. Теплое чувство, наполнявшее его грудь, когда он читал письмо Ресселя, облегчало его ношу на много фунтов.

Внезапный порыв холодного ветра из долины заставил его очнуться. Было слишком поздно, чтобы продолжать путь в Дом солдата. Он повернул чалого мордой к городу. Пока он возился с лошастью, из-за

деревьев к востоку от дороги вышел какой-то молодой человек в модной одежде для верховой езды. Он хромал и был покрыт снегом.

Линкольн взял под уздцы чалого и окликнул прохожего.

— Хело, незнакомец, вы, кажется, упали с лошади?

Молодой человек отвечал, задыхаясь, словно после быстрого бега.

— Да, сэр! Моя лошадь заупрямилась в лесу в миле отсюда. Она сбросила меня и теперь не трогается с места. Вы умеете обращаться с лошадьми, сэр?

— В общем, да, — отвечал Линкольн. — Что, ваша лошадь легла на землю?

— Нет, сэр. Она стоит и смотрит на деревья, как садовник. Не могли ли бы, вернувшись в город, выслать мне другую лошадь? Я вывихнул себе ногу.

Молодой человек приветливо взглянул на президента.

— Он меня не узнает, — подумал Линкольн. Встреча его забавляла. — Я могу сделать большее, — сказал он. — Я сначала пойду в лес и посмотрю на вашего упрямого друга.

— Не стоит, сэр. — Незнакомец поколебался. Затем, слово побежденный любезной улыбкой Линкольна, воскликнул: — Хорошо, если вы настолько добры. Отсюда не больше пяти минут ходьбы.

Линкольн заставил заупрямившегося чалого следовать за молодым незнакомцем.

Под елями и кленами снега было мало, но местность была настолько болотистая и неровная, что Линкольну пришлось понукать свою лошадь.

— Я не виню вашу лошадь, незнакомец, — сказал он. — Животному здесь двигаться опасно. Кажется, мне не придется быть таким добрым Самаритянином, как я рассчитывал, — здесь рискуешь упасть. Я лучше вернусь в город и вышлю кого-нибудь за вами.

Молодой человек повернулся к нему. Он стоял в зеленой тени елей, и Линкольну в его взгляде почудилось что-то странное.

— Это всего в нескольких шагах, сэр, — сказал он, — и я очень тороплюсь в столицу.

Президент поколебался. Здравый смысл и осторожность боролись в нем, как всегда, с добротой. Пока он колебался, из-за деревьев показался серый в яблоках жеребец, на котором сидел полковник Бэкер.

— Выезжайте на дорогу, мистер Линкольн, — приказал он, направив в то же время пистолет на молодого человека. — Прочих мы накрыли там, в болоте!

Президент изумленно заморгал глазами.

— В чем дело? — спросил он, не двигаясь с места.

— Расскажу все потом! Возвращайтесь на дорогу, мистер Линкольн, и скажите лейтенанту Гриффиту, что все в порядке. Я последую за вами, как только надену ручные кандалы на этого субъекта.

— Похоже на то, что я влопался в какую-то историю, — пробормотал Линкольн, послушно поворачивая коня на дорогу.

Лейтенант с тремя другими кавалеристами салютовал президенту, когда чалый, перескочив через канаву, очутился на дороге.

— Я кажется наделал вам хлопот, — смеясь, сказал президент.

— Всего на полчаса, сэр, — отвечал лейтенант.

— Да что случилось? — спросил Линкольн.

— Заговор с целью вас похитить, сэр, — и не дать вам подписать указ об освобождении рабов. Об этом узнала миссис Линкольн и сказала полковнику Бэкеру. Мы без труда напали на ваш след, но только чудом полковник Бэкер узнал вас в бинокль, пока вы беседовали с этим молодым Кромвеллем. Мы следим за ним уже несколько недель. Кажется, это посредник между Старой Капитолийской тюрьмой и Ричмондом.

— Да, лейтенант, мне, вижу, нужна сиделка, — вздохнул Линкольн. — А вот и остальные!

Близ дороги в красном свете заката ехал отряд кавалеристов.

— Кого вы задержали, Бэкер? — спросил президент, когда полковник подъехал, и посередине его отряда Линкольн увидел нескольких человек в штатской одежде.

— Один — капитан Тэйлор, другой — этот молодой Кромвелл. А четверо прочих мне неизвестны.

— А вы уверены, что в числе их нет переодетой мисс Форд? — с мрачной усмешкой спросил Линкольн, поровнявшись на своем чалом с полковником.

Бэкер в свою очередь усмехнулся.

— Я готов дать руку на отсечение, что это она вдохновила всех этих молодцов. Если бы в руки мятежников не попались две женщины из числа лучших моих агентов, и если бы я знал, что они не казнят их в отместку, я бы, не откладывая, повесил мисс Форд. Это — самая умная сумасшедшая, каких я знал. Она одна способна опутать троих. Ведь похитить вас гораздо для них выгоднее, чем убить!

Линкольн медленно ехал рядом с полковником. Его бодрое настроение исчезло. Все его скрытое суеверие пробудилось, и внезапно его охватила боязнь, что так или иначе мисс Форд помешает ему подписать указ об освобождении. На минуту в нем возникло желание, чтобы ее постигла обычная участь шпионов. Но только на минуту. Ведь у нее на руках умер Вилли! Неужели он не может как-нибудь на нее повлиять! Может быть, — если бы только он мог еще с нею поговорить.

Он повернулся к Бэкеру, лица которого уже не видно было в свете зимних звезд.

— Полковник, я хотел бы переговорить с мисс Форд. Можете вы проводить меня к ней сегодня же?

Полковник поколебался.

— Надеюсь, вы не станете на этом настаивать, сэр! Это страшно ее возбудит, и из этого не выйдет ничего хорошего.

Но мысль, что как-нибудь он сумеет на нее подействовать, уже крепко охватила Линкольна.

— Дайте мне поговорить с нею, Бэкер, — сказал он.

— Хорошо, господин президент, — нехотя ответил Бэкер, — только завтра.

— Завтра! — с нетерпением вскричал президент. — Да до завтра она меня отравит или похитит. После того как я подпишу указ, — пусть, пожалуй, ко мне приходит. Но до тех пор — я слишком драгоценный груз государственного корабля. Я поговорю с ней сегодня же до того, как лягу спать.

Бэкер недовольно промямлил:

— Хорошо, господин президент, — прибавив: — Я допрошу этих арестованных, и затем приду к вам со сведениями, какие сумею добыть о ее участии в деле.

— Я не нуждаюсь в этих сведениях, Бэкер. Я знаю, что она к этому причастна. Эта женщина — мой злой гений. Но я попытаюсь убедить ее, что ее желания и воля Всемогущего существенно различны.

Он чувствовал, словно его окутывает тьма — все злые силы рабовладения сосредоточились на нем через посредство этой женщины. Каждый рабовладелец Юга думал о нем с ненавистью и надеялся, что он умрет перед наступлением завтрашнего дня. Он рад был достигнуть Белого Дома и святилища гостиниой, рад был услышать, как Мэри упрекает его и плачет над ним, ухаживает за ним и укладывает его на софу перед огнем, садится рядом, держит его за руку, гладит ему волосы.

— Ты бы должна поставить меня в угол с дурацким колпаком на голове, — сказал он, когда его мрачное настроение немного рассеялось.

— С дурацким колпаком! — презрительно воскликнула Мэри. — Я давно бы на тебя его надела, если бы знала, что это на тебя повлияет!

Он немного полежал, наслаждаясь ее наставлениями, затем поднялся и направился к себе в кабинет, где стал еще раз внимательно перечитывать черновик указа об освобождении. Он работал над черновиком до ужина, и снова вернулся к работе после ужина, переписывая и снова переписывая, поправляя то выражение, то знак препинания, то переставляя слова в предложении, и в то же время прислушиваясь, — не пришел ли Бэкер.

К полуночи явился вестовой от полковника с лаконической запиской: «Мисс Форд бежала из Старой Капитолийской тюрьмы!» Линкольн, сжав губы, вернулся к своей работе. Он ничего не ответил на замечание Джона Хэя, заглянувшего в кабинет его в час ночи, — что в Белом Доме сейчас больше агентов сыскной полиции, чем нужно, чтобы укомплектовать армию на Потомаке! Около трех часов ночи он пошел спать, захватив с собой Библию. Спал он беспокойно. Его не покидала смутная мысль о надеждах и планах противников.

Новогодний прием был назначен на одиннадцать часов утра. Мэри со слезами на глазах упрашивала его не появляться на приеме, но Линкольн, с фаталистическим спокойствием, — сильно отличавшимся от его обычного шутливого самообладания, но не менее твердым, повторял:

— Ничто не в силах изменить планов Всемогущего! Он позволит мне подписать этот документ, Мэри. А что будет со мною потом, не должно нас тревожить. Не думаю, что это тревожит и Его! Надо посмотреть, не требуется ли еще поправок раньше, чем я спущусь в Голубую гостиную. На страну произведет дурное впечатление, если я буду отсутствовать на столь важном официальном приеме.

Он усердно работал, пересматривая снова черновик указа, пока Мэри, очень красивая в черном шелковом платье с бусами и позуменгами, не пришла за ним.

В течение трех часов он пожимал руки посетителям, проходившим перед ним безостановочным потоком. Прием далеко еще не закончился, когда, около двух часов дня, к президенту подошел Бэкер и шепнул ему на ухо:

— Мы ее нашли!

Линкольн отошел к полке с фуксиями и папоротниками, увлекая за собой начальника тайной полиции.

— Где она, полковник?

— В подвале. Она нанялась, под видом негра-официанта на сегодняшний день. Она остригла волосы, начернила лицо. Я сам не узнал ее, пока с лица ее не смыли краску.

Обычно хладнокровный и спокойный, Бэкер стирал со лба обильно струившийся пот.

— Никогда в жизни у меня не было такой ночи, как прошлая. Я был абсолютно уверен, что мы найдем ее в Белом Доме.

— Я — тоже, — сказал Линкольн. — Дайте мне повидать ее, Бэкер.

Детектив посмотрел ему в глаза.

— В этом нет необходимости, сэр. Она мертва!

— Мертва? — изумленно спросил президент. — По чьей вине, полковник?

— По собственной вине, — сухо ответил Бэкер. — Она так хорошо загримировалась, что одна из кухонных служанок-негрятенок пыталась ее поцеловать. И вот в первый раз мисс Форд сбилась с роли. Она дала негрятянке пощечину, и началась драка, во время которой мисс Форд получила удар ножом в спину. Только тогда вмешались мои люди. Иногда, — сказал Бэкер с горечью, — я спрашиваю себя, почему детектив воображает, что у него есть хоть какой-нибудь шанс состязаться с судьбой!

— Я все-таки хочу на нее посмотреть, — настаивал Линкольн.

— Хорошо, сэр, это можно устроить. Пройдем в парадную столовую.

Он повел президента вниз по лестнице для прислуги, где сновали официанты, через кухню, где под низким потолком дымились большие чаны с кофе, через комнату для мытья посуды, где с полдюжины черных служанок полоскали в кадках с водой чашки и ложки, — к дровяному сараю, где пахло деревом.

Близ открытой двери, через которую виднелся зимний кухонный огород, на столе для сеянцев под красной клетчатой кухонной скатертью виднелись очертания мертвого тела. По знаку Бэкера часовой вышел наружу, оставив президента и полковника одних. Линкольн отдернул покров.

Краска с лица была смыта и волосам вернулся их каштановый цвет. Она совсем не изменилась. Лицо ее было красиво, как всегда.

Скрестивши руки на груди, президент смотрел на нее. Итак его злой гений больше не существовал! Как несказанно справедливы были пути Неба, приведшие к тому, что ее отчаянная ненависть послужила причиной ее гибели. И все же, если бы не язва рабовладения, каким привлекательным Божьим созданием могла бы она быть! Когда Линкольн обратился к Бэкеру, на щеках президента были слезы.

— Мои дети ее любили. Вилли умер у нее на руках. Бэкер, я хочу, чтобы вы добыли для нее на мой счет приличный гроб, и чтобы ее похоронили на ее плантации, где похоронены все ее родные. Сделайте это для меня, полковник!

— Хорошо, сэр. Охотно, — быстро ответил Бэкер. — Она была самой ловкой шпионкой, какую только мне доводилось встречать, и я готов выразить мое уважение к ее способностям.

Линкольн снова прикрыл скатертью лицо мертвой.

В Голубую гостиную он больше не вернулся, а прошел прямо к себе в кабинет. Он затворил за собой дверь и обвел глазами комнату. Он чувствовал себя, как человек, который после долгого и опасного путешествия достиг своей цели. Обстановка его кабинета, которой он много месяцев как то не замечал, внезапно стала для него привлекательной. В камине пылал яркий огонь, бросая красный отсвет на дубовый письменный стол, под которым дремали два щенка — Сомтер и Пенсакола. За окном кружились снежинки с таким же спокойствием, какое было сейчас у него на сердце. Итак ему позволено будет выполнить свою благодетельную задачу. Ныне отпускаеши раба Твоего с миром!..

При появлении его все, бывшие в комнате встали, — члены кабинета, молодые секретари, Мэри и Тэди. Улыбнувшись всем, он подошел к рукописи указа, лежавшей на конце стола заседаний, и энергично потер правую руку.

— Мои пальцы почти онемели после всех этих рукопожатий, — сказал президент. — Но они должны быть достаточно тверды, чтобы выполнить эту задачу.

Он медленно уселся и прочел вслух несколько фраз, спрашивая себя, настолько ли они совершенны, как только он мог написать. Они его не вполне удовлетворяли, но сейчас он не в состоянии был ни прибавить, ни убавить ничего.

...«Я приказываю и объявляю, что все лица, находящиеся на положении рабов в пределах указанных штатов и частей этих штатов отныне и навеки свободны, и что правительство Соединенных Штатов, включая военные и морские власти, признают и будут охранять свободу указанных лиц... И этот акт, в искренней вере, что таковой является актом справедливости, гарантированной Конституцией, и ввиду военной необходимости, я отдаю на суд человечества и на милость Всемогущего.

В свидетельство чего я прикладываю свою руку и печать Соединенных Штатов».

Он взял перо.

— Дай и мне поддержать это перо, папочка, — закричал Тэди. — Дай!

Мальчик поспешно взял перо и держался за него, пока Линкольн окунал это перо в чернила и твердою рукою писал им:

«Дано в городе Вашингтоне Первого сего Января в год Господа нашего тысяча восемьсот шестьдесят третий, и Независимости Соединенных Штатов Америки восемьдесят седьмой.

Авраам Линкольн».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Заговор против Линкольнов	5
„ 2. В поисках истины	29
„ 3. Первый прием в Белом Доме	44
„ 4. Мисс Форд	54
„ 5. Провиант для Андерсона	64
„ 6. Милосердие	75
„ 7. Форт Сомтер	83
„ 8. «Вперед — на Ричмонд!»	88
„ 9. Негр «Массы Линкома»	103
„ 10. Флаг поднят	119
„ 11. Мак-Клеллан	131
„ 12. Лиззи Кекли	146
„ 13. Фремонт	161
„ 14. Поражение под Болз-Блоффом	168
„ 15. Борьба за первенство	181
„ 16. Пустующее кресло	198
„ 17. «Приказ номер первый»	207
„ 18. Вилли	221
„ 19. «Все спокойно на Потомакском фронте»	237
„ 20. Гаррисонова Пристань	250
„ 21. Чайльд Роланд у высокой башни	262
„ 22. Беглецы	272
„ 23. Солдатское кладбище	284
„ 24. Кедровая Гора	297
„ 25. Снова Буль-Рен	313
„ 26. Антитам	324
„ 27. Брэди	335
„ 28. Котенок Тэди	351
„ 29. Фернандо Вуд	358
„ 30. Юпитер из лесной глуши	368
„ 31. Рыхлая опора	384
„ 32. Навеки свободны!	401

Цена: \$3.00

